

Материалы секций

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10-20 апреля 2022
НОВОСИБИРСК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МНСК-2022

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
•
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
•
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
•
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Материалы
60-й Международной научной студенческой конференции

10–20 апреля 2022 г.

Новосибирск
2022

УДК 82; 81.33; 81
ББК Ш83; 81.1я431; 81я431
И68

И68 Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание : Материалы 60-й Международ. науч. студ. конф. 10–20 апреля 2022 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. — 314 с.

ISBN 978-5-4437-1301-4

Данное издание представляет собой публикации тезисов 60-й Международной научной студенческой конференции 2022 г. (МНСК-2022) по иностранным языкам: лингвистике и межкультурной коммуникации, литературоведению, прикладной лингвистике и языкознанию.

Материалы конференции представляют интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, сотрудников образовательных учреждений.

**УДК 82; 81.33; 81
ББК Ш83; 81.1я431; 81я431**

ISBN 978-5-4437-1301-4

© СО РАН, 2022
© Новосибирский государственный
университет, 2022

SIBIRIAN BRANCH OF RAS
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

ISSC-2022

**FOREIGN LANGUAGES
LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATIONS**
•
LITERATURE
•
APPLIED LINGUISTICS
•
LINGUISTICS

Proceedings
of the 60th International Scientific Student Conference

April, 10–20, 2022

Novosibirsk
2022

УДК 82; 81.33; 81
ББК Ш83; 81.1я431; 81я431
И68

И68 Foreign languages: Linguistics and intercultural communications. Literature. Applied linguistics. Linguistics : Proceedings of the 60th International Scientific Student Conference. April, 10–20, 2022 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2022. — 314 p.

ISBN 978-5-4437-1301-4

This edition represents the publications of the 60th International Scientific Student Conference 2022 (ISSC-2022) theses in Foreign languages: Linguistics and intercultural communications, Literature, Applied linguistics and Linguistics.

These Conference materials can be of interest for students, Ph.D. candidates, professors, scientists, and members of educational institutions.

**УДК 82; 81.33; 81
ББК Ш83; 81.1я431; 81я431**

ISBN 978-5-4437-1301-4

© SB RAS, 2022

© Novosibirsk State University, 2022

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Председатель секции — канд. филол. наук, доцент *А. Л. Соломоновская*

Ответственный секретарь секции — *М. Д. Борисенкова*

Экспертный совет секции:

д-р филол. наук, проф. *М. Дебренин*, канд. филол. наук, доц. *Н. С. Мулладжанова*,
канд. филол. наук, доц. *Н. В. Тарабунова*, д-р филол. наук, проф. *С. Г. Проскурин*,
канд. филол. наук, доц. *А. Ф. Фефелов*, канд. филол. наук, доц. *В. В. Коротеева*,
канд. филол. наук, доц. *Г. В. Курак*, канд. пед. наук, доц. *О. В. Шмакова*,
канд. филол. наук, доц. *Н. В. Налетова*, канд. пед. наук, доц. *Н. И. Снытникова*,
канд. пед. наук, ст. преп. *А. А. Кушнарцева*, канд. филол. наук, доц. *И. В. Микута*,
канд. филол. наук, доц. *Н. А. Тюленева*

FOREIGN LANGUAGES: LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Section Head — Cand. Philol., Assoc. Prof. *A. L. Solomonovskaya*

Section Responsible Secretary — *M. D. Borisenkova*

Section scientific committee:

Dr. Philol., Prof. *M. Debrenne*, Cand. Philol. Assoc. Prof. *N. S. Mulliadzhanova*,
Cand. Philol. Assoc. Prof. *N. V. Tarabunova*, Dr. Philol., Prof. *S. G. Proscurin*,
Cand. Philol. Assoc. Prof. *A. F. Fefelov*, Cand. Philol. Assoc. Prof. *V. V. Koroteeva*,
Cand. Philol. Assoc. Prof. *G. V. Kurak*, Cand. Ped. Assoc. Prof. *O. V. Shmakova*,
Cand. Philol. Assoc. Prof. *N. V. Naletova*, Cand. Ped. Assoc. Prof. *N. I. Nytnikova*,
Cand. Ped. Assist. Prof. *A. A. Kushnareva*, Cand. Philol. Assoc. Prof. *I. V. Mikuta*,
Cand. Philol. Assoc. Prof. *N. A. Tiuleneva*

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 811.111+81'27

Функционирование персонального дейксиса в экоориентированном устном дискурсе

А. С. Беляева

Новосибирский государственный университет

Актуальность работы обусловлена значимостью персональных дейктиков как средств донесения информации, достижения личной и общественной цели, выражения личного мнения коммуникантов в речевой интеракции.

Цель работы заключается в определении особенностей использования личных местоимений в англоязычном и русскоязычном экоориентированном устном дискурсе, посвященном проблемам использования пластика.

Под дейксисом вслед за А. В. Кравченко понимается «коммуникативная категория ориентирования речевого взаимодействия относительно базовых категорий деятельности, коими являются лицо, место и время» [Кравченко, 1992, с. 88].

Экологический дейксис, как утверждает А. В. Созинов, «теснейшим образом связан с формированием экологического сознания, рефлексией по поводу экологической ситуации и представлениями о стратегиях решения экологических проблем» [Созинов, 2011, с. 1].

Изучив русскоязычные и англоязычные устные презентации на конференции TED, посвященные проблемам нерационального использования пластика («Жизнь в стиле “ноль отходов”» (ЖСНО) [12:32 мин.]; «Пластик — катастрофа или спасение?!» (ПКС) [Артём Воловиков, TEDxKarpovka, 10:50 мин.]; Why I live a zero waste life (WILZW) [Lauren Singer, TEDxTeen, 13:23 мин.]), нам удалось систематизировать персональные дейктики, выделить их категории в зависимости от лица и числа, рода (а также падежа в русскоязычных ток-шоу), выявить функции их употребления. Всего в англоязычных презентациях содержится 249 случаев употребления личных местоимений в рамках одной презентации (WILZW), в русскоязычных — 172 в двух презентациях (ЖСНО — 121, ПКС — 51). Таким образом, частота употребления личных местоимений в англоязычном дискурсе выше более чем в два раза. Это связано с типом языка и его особенностями: русский является флективным (значения лица, рода, падежа и числа отражаются во флексиях), английский язык — агглютинативный (все категории лица, числа, рода и падежа отражаются в формантах, которые несут лишь одно значение).

Компаративный анализ продемонстрировал, что функции личных дейктиков в русскоязычной и англоязычной презентациях в целом совпадают. Так, разница в употреблении личных местоимений первого лица единственного числа *I/my/me/myself* и *я/меня/мне* не прослеживается. В англоязычном и русскоязычном дискурсе спикеры могут употреблять данные местоимения как для отражения личного опыта, так и чтобы пред-

ложить что-либо: *This is all of the trash that I've produced in the past 3 years...* [WILZW, 0:11]; *я сразу перестала брать пакеты на кассе* [ЖСНО, 2:42]; *вы бутылочку оставьте, пожалуйста, я заберу...* [ПКС, 10:49]. Тем не менее, несмотря на похожие цели, которые спикеры преследуют при использовании личных местоимений в речи, можно проследить некоторые особенности русскоязычного и англоязычного дискурсов.

Так, можно отметить разницу в употреблении личных местоимений второго лица единственного и множественного числа *вы/вас/вам, ты/тебя/тебе/тобой* в русскоязычных и *you/yourself/your/yours* в англоязычной презентации. В русскоязычных презентациях данная группа местоимений употребляется для выражения личной оценки в отношении действий аудитории, для мотивирования к тому, чтобы обратить внимание на проблему нерационального использования пластика: *Если вы блогер, то рассказывайте, что нужно делать с пластиком и зачем. Если вы инженер, вдруг, идите в технологии переработки отходов. Если вы обычный человек, то помните... Если вы инвестор, давайте поговорим после выступления* [ПКС, 9:36]; *...на ней отмечены пункты приема вторсырья, куда вы можете сдавать алюминиевые банки пластиковые бутылки, различные картонные коробки* [ЖСНО, 10:05]. В англоязычной презентации данная группа местоимений используется для обращения к аудитории, при описании примеров и для связи с аудиторией в целом: *When you think about your everyday life, when you wake up in the morning, you go into the bathroom, and you brush your teeth. What is your toothbrush made out of? Plastic...* [WILZW, 2:35]. В целом личные местоимения *you/yourself/your/yours* употребляются чаще (более 40 раз), чем личные местоимения *вы/вас/вам, ты/тебя/тебе/тобой* (ПКС — 9, ЖСНО — 15).

Также в русскоязычном дискурсе личные местоимения первого лица множественного числа используются в научно-исследовательских работах вместо личного местоимения первого лица единственного числа: *Мы туда кидаем всю органику, она измельчается, превращается в такой смузи, все это идет в канализацию и на очистных сооружениях...* [ЖСНО, 11:07]. В англоязычном дискурсе наблюдается тенденция к употреблению исключительно личного местоимения первого лица единственного числа для описания собственного опыта или результатов исследования: *The first thing that I did was I stopped buying packaged food...* [WILZW, 4:18].

Данные результаты — предварительные, требуют дальнейшей проверки.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротева

УДК 372.811.111.1

Межкультурное обучение в вопросе преподавания иностранного языка в школе

С. В. Борисова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Межкультурная коммуникация изучается на так называемом междисциплинарном уровне и находит свое место в лингвистике, психологии, этнологии, антропологии, социологии, культурологии и др.

В первую очередь межкультурное общение — это процесс, который обуславливает тесную связь культурной принадлежности собеседников, людей, которые взаимодействуют, общаются друг с другом.

Объектом исследования в данной статье выступает процесс взаимодействия, межкультурное общение. Предмет исследования — методика обучения иностранному языку. Цель исследования — на основе изучения литературы по теме выявить приемлемый подход в обучении межкультурному общению.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач:

- изучить понятие межкультурной коммуникации;
- выявить подходы к обучению межкультурной коммуникации;
- рассмотреть вопрос о вторичной языковой личности.

Межкультурное общение — это процесс совместной выработки единого, скорее всего, нового для всех участников акта общения значения всех производимых и воспринимаемых действий и их мотивов. Данный термин не следует путать или отождествлять с термином «межнациональное общение», так как известно, что в России проживает более 190 национальностей, и всех граждан Российской Федерации объединяет русский язык. Русский язык для нас — язык общения, посредством которого мы можем взаимодействовать с представителями разных этносов.

Примером межкультурного общения мы можем назвать общение испанца и японца. Испанцы по темпераменту и менталитету более раскованные, чем японцы: то, что будет приемлемо для гражданина Испании, не будет воспринято представителем японской культуры. Чтобы на этой почве не возникали конфликты и разногласия, необходимо учитывать указанные тонкости.

Ученые-методисты [1, с. 52] выделяют три подхода к обучению этому предмету:

- лингвистический;
- условно-коммуникативный;
- коммуникативный.

На наш взгляд, наиболее благоприятным подходом для реализации целей и задач межкультурного обучения является коммуникативный подход по следующим критериям:

- коммуникативный подход ориентирован на создание таких условий для учебного процесса, которые отвечают требованиям реальной языковой среды (в монологической и диалогической речи);
- коммуникативный подход, ориентированный на личность обучаемого, способен создать мотивационный фон;
- коммуникативный подход помогает в выработке необходимых навыков для овладения иностранным языком.

Формирование вторичной языковой личности является ключевым показателем образования в области иностранного языка.

Что понимается под словосочетанием «языковая личность»? Это прежде всего стройная система языковых умений, навыков, способностей, направленных на осуществление речевых поступков. Речевая деятельность в свою очередь делится на следующие виды: говорение, аудирование, письмо и чтение.

Для грамотного формирования вторичной языковой личности учителем непосредственно в процессе обучения должны применяться различные игры по ситуациям, то есть должна быть создана искусственная среда для реализации замыслов учителя.

Учителем могут быть организованы фестивали, дни культур в России, к которым дети готовятся, читают (то есть знакомятся с культурой изучаемого языка) и проводят приуроченные к этому дню мероприятия. Если есть возможность, можно предоставить ученикам шанс организовать филиал краеведческого музея.

Учащиеся в обязательном порядке должны ознакомиться с устным народным творчеством изучаемой страны, как оно отражается в языке. Это фразеологизмы, устойчивые выражения, пословицы, поговорки и др. Ведь именно такого рода единицы в наиболее яркой образной форме демонстрируют культуру народа, его самобытность, историю.

В заключение хотим сказать, что выбор приемлемого подхода в обучении иностранному языку начиная с младших классов увеличивает шансы быстрого овладения иностранным языком. Условия жизни и новая цифровая эра диктуют свои правила, где владение элементарным английским языком, языком международным, уже является не предметом гордости и роскоши, а необходимостью.

1. Александрова Н. В. Русский язык в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // МИРС, 2007. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/n/russkiy-yazik-v-respublike-saha-yakutia> (дата обращения 01.02.2022).
2. Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В. и др. Английский язык. 6 класс : Учеб. для общеобразоват. учреждений и шк. с углубл. изучением англ. яз. М.: ExpressPublishing: Просвещение, 2013. 184 с.
3. Колкова М. К. Методики обучения иностранным языкам в средней школе. Модернизация общего образования. Спб.: КАРО, 2006. 224 с.
4. Неустроев Н. Н. Саха тыла. Морфология : 6 кылааска үөрэнэр кинигэ / Н. Н. Неустроев, Е. К. Васильев, С. С. Семенова. Дьокуускай: Бичик, 2009. 112 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. И. Николаев

УДК 81'37+81'42

Структурные и семантические типы парантетических конструкций в рамках нарратологического подхода к исследованию художественного дискурса

В. В. Вейс

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию парантетических конструкций в англоязычном художественном дискурсе.

Актуальность работы обуславливается прежде всего распространенностью самих конструкций и большим интересом к ним со стороны лингвистов. На сегодняшний день экспрессивные синтаксические конструкции уже довольно подробно изучены, однако нарративный потенциал парантетических конструкций, а именно исследование связи между выбранными автором повествовательными формами и отдельными структурными и семантическими языковыми единицами, представляет особую актуальность.

Цель работы заключается в определении роли конкретных видов парантетических конструкций в формировании определенных типов повествования на примере художественных произведений с повествованием от 1-го и 2-го лица.

Материал исследования представлен двумя романами: *The Fault in Our Stars* (TF) Джона Грина с повествованием от 1-го лица и *Bright Lights, Big City* (BLBC) Джея Мак-Инерни — от 2-го лица. Общая выборка примеров составляет 111 единиц.

Ключевым понятием нашей работы является «парантетическая конструкция (внесение)». По определению Н. С. Валгиной, парантетические внесения — это стилистический прием, выраженный словом или конструкцией, которые «комментируют содержание предложения или отдельных его членов, разъясняют его, уточняют, обосновывают, дают дополнительные сведения» [2].

О. В. Александрова выделяет несколько типов конструкций: однословные внесения, внесения — сочетания слов и внесения-предложения (основываясь на классификации по структуре), а также внесения — категории отсылки, экземплификации и делиберативности (по содержанию) [1].

Квантитативный анализ структурных типов парантетических конструкций показал, что однословные внесения чаще всего используются в диалогической речи в повествовании от 1-го лица (67 %): “**So**, see you next time, maybe?” I asked. [TF, 2]; и от 2-го лица (50 %): “**Anyway**, I’m doing really well right now,” she said. [BLBC, 4], чтобы изобразить быстроту и лаконичность реальной речи людей.

Внесения — сочетания слов преобладают в описании: 50 % в повествовании от 1-го лица (*He was tall—almost as tall as Gus—and skinny in a way that parentally aged people usually aren’t* [TF, 3]) и 71 % в повествовании от 2-го лица (*Mrs. Bender, the senior grammarian, is working late* [BLBC, 4]). Мы видим, что авторы стараются использовать более длинные конструкции, чтобы описать как можно больше деталей.

Внесения-предложения используются реже остальных типов, но наиболее частое их употребление приходится на косвенную речь (50 % в повествовании от 1-го лица и 100 % — от 2-го лица): *Also check spelling on Triscuits. As Clara says, one can't be too careful* [BLBC, 5]. Это можно объяснить уже установившейся тенденцией использовать такие предложения, как *он(а) сказал(а)*, чтобы сослаться на автора слов.

Проведя количественный анализ семантических типов парантетических конструкций, мы пришли к следующим выводам.

Категория делиберативности преобладает во всех типах повествования в повествовании от 1-го лица, например, в описании *I went about my life: I met Kaitlyn and her (cute but frankly not Augustinian) boyfriend for coffee one afternoon* [TF, 6]. В повествовании от 2-го лица больше всего внесений мы нашли в диалогической речи (63 %), например: *Husband. I mean, I was* [BLBC, 4], и во внутренней речи (52 %): *Why does she hate you? She hired you, after all. When did things start to go wrong?* [BLBC, 2]. Так как данные типы повествования тесно связаны с речью и мышлением реальных людей, то автор выражает мнение и оценку героев с помощью категории делиберативности.

Категория экзemplификации в повествовании от 1-го лица характерна для диалогической речи (44 %): *I have to be home by ten. Also, I don't, um, eat meat?* [TF, 3], так как уточнение мыслей и слов помогает избежать недопонимания в разговоре в жизни. В повествовании от 2-го лица данный тип внесений преобладает в описании (71 %): *One mystery man up there—the Ghost—has been working on an article for seven years* [BLBC, 2], так как связан с конкретизацией предметов и людей для подробной визуализации их образа.

Категория отсылки — самый нечасто используемый семантический тип конструкций (19 % в повествовании от 1-го лица, 10 % — от 2-го лица). Эти внесения всегда встречаются в косвенной речи (100 %), так как указывают на того, чьи слова воспроизводит рассказчик: *It was, we were told, incurable* [TF, 2].

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка : Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : Учебник / 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81`23

Ассоциативно-вербальная сеть языка немцев-меннонитов *Plautdietsch*

А. С. Григорьева

Новосибирский государственный университет

На территории Сибири существуют не только языки коренных народов, но и язык немцев-меннонитов — *Plautdietsch*. «Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, основанной бывшим католическим священником Менно Симонсом (1496–1561), уроженцем Фрисландии (ныне Нидерланды)» [1]. Сегодня меннониты живут компактными поселениями по всему миру, используя несколько языков: родной диалект, литературный немецкий и языки окружения (русский, английский, немецкий), использующиеся как контактные языки [2]. *Plautdietsch* (рус. плотдич, платтдойч, платский) — диалект меннонитов, языковой идиом особого рода, оформление которого началось в Западной Пруссии в низовьях Вислы в XVI–XVII вв. [3]. На сегодняшний день носители *Plautdietsch* в России ареально распределяются следующим образом: Алтай (села Полевое, Протасово, Орлово, Кусак, Редкая Дубрава и др. в составе немецкого национального района); Омская область (деревни Солнцевка, Миролюбовка, Аполлоновка); Новосибирская область (деревня Неудачино).

Особенности *Plautdietsch* проявляются как на фонетическом и морфологическом уровнях, так и в отсутствии сформировавшейся и повсеместно используемой письменной традиции, в его спорном языковом статусе: *Plautdietsch* — язык или диалект?

Актуальность выбранной темы заключается в исследовании *Plautdietsch* с психолингвистической точки зрения, с которой язык не изучался ранее.

Объектом исследования являются реакции, полученные нами в ходе проведения пилотного свободного ассоциативного эксперимента (АЭ) с носителями *Plautdietsch*. В качестве списка слов-стимулов выступает перечень, состоящий из наиболее частотных слов по версии онлайн-словаря Duden [4], выбранных при помощи лексикографического анализа.

Предметом исследования стали ассоциативные поля, «овнешняющие» языковое сознание немцев-меннонитов, построенные по результатам проведения пилотного АЭ (650 реакций).

Цель исследования — построение ассоциативно-вербальной сети, отражающей особенности языкового сознания меннонитов, а также выявление степени присутствия немецких национальных особенностей в языковой картине мира немцев-меннонитов, проживающих на территории Сибири.

При проведении свободного АЭ с носителями *Plautdietsch* испытуемым поочередно предлагалось прослушать заранее записанные голосом консультанта — носителя *Plautdietsch* слова на этом языке. Анкетирование включало в себя 50 слов-стимулов, выявляющих первую реакцию, приходящую на ум респондентам. Испытуемые были

ограничены во времени, что характерно для свободного АЭ; ограничение составляло 10 мин., средняя продолжительность проведения эксперимента — 7 мин. Поскольку Plautdietsch не имеет общепринятой письменной нормы, а носители языка не владеют существующими формами записи, важно отметить, что АЭ был проведен нами в устной форме, т. е. записан на диктофон, а затем расшифрован.

Предварительный анализ собранных в ходе пилотного АЭ реакций, сравнение их с полученными ранее данными на материале немецкого языка позволяет подтвердить гипотезу о существенном различии сознания немцев и немцев-меннонитов: ведущими психоглоссами немцев выступают такие как: «Овладение» (*haben* ‘иметь’, *kriegen* ‘заполучать’), «Финансовое состояние и достаток» (*Geld* ‘деньги’, *Reichtum* ‘богатство’), «Состояние человека и его опыт» (*erleben* ‘узнавать, убеждаться на опыте’, *Erfahrung* ‘опыт’) и «Собственность» (*Besitztum* ‘имущество’, *Eigentum* ‘собственность’). В сознании же носителей *Plautdietsch* наиболее ярко фигурируют «Семья и дом» (*до эс мине зэста* ‘там моя сестра’, *мин брöда эс* ‘мой брат’, *эн мон* ‘и муж’), «Хозяйство» (*хой хафт эн хюс* ‘у него есть дом’, *ти* ‘коровы’, *фой* ‘скот’), «Дети» (*меня* ‘дети’, *эн шпэл* ‘игра’, *грöтэш* ‘старшие’) и «Эмоции» (*гонс йэшэйт* ‘очень хорошо’, *дом вуат ол (вуорэ)* ‘все пройдет / все будет хорошо’, *Хэнрихь* ‘Андрюша’).

Пилотная версия эксперимента предполагает расширение существующей на данный момент базы данных, а значит более глубокое сопоставление особенностей языкового сознания немецкой языковой личности и языковой личности Plautdietsch на территории Сибири. Развитие исследования состоит также в сопоставлении ассоциативных данных Plautdietsch на основании тех же стимулов на материалах русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС для выявления влияния российских национальных особенностей на немцев-меннонитов.

Гипотеза заключается в следующем: немцы-меннониты — люди с особым языковым сознанием, отличным от материнского немецкого языка и контактного русского языка, формирующимся преимущественно под влиянием языка немцев-меннонитов Plautdietsch.

1. Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Plaut или Plot? К изучению развития вокализма в нижненемецких диалектах меннонитов // Индоевропейское языко-знание и классическая филология XXV (2) (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 936–952.
2. Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 S.
3. Quiring J. Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Münster, 1985. 128 S.
4. Duden Online (Словарь Duden онлайн) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 20.02.2020).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81.111

Значимость концепции World Englishes для русского студента, изучающего английский язык

Н.С. Кирнос

Новосибирский государственный университет

Обучение английскому языку (АЯ) в школах и вузах России основывается на стандарте британского варианта АЯ. Из всех существующих разновидностей он считается наиболее правильным, так как исторически он возник первым и послужил источником для остальных вариантов. Однако является ли эта причина достаточной для того, чтобы в обучении школьников и студентов в России полагаться исключительно на британский вариант АЯ?

В современном мире АЯ распространен очень широко. Во многих странах он изучается как язык международной коммуникации, в некоторых из них он закреплен законодательно как второй государственный язык. Все существующие варианты АЯ систематизирует теория концентрических кругов Б. Качру. Согласно данной концепции, все варианты и разновидности АЯ распределяются между внутренним, внешним и расширяющимся кругами. Внутренний включает в себя те страны, для которых АЯ является первым официальным, — это Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Внешний включает страны, в которых АЯ имеет официальный статус второго языка, расширяющийся — все остальные страны, в которых могут говорить на АЯ или изучать его.

Таким образом, можно заключить, что АЯ в современном мире является родным языком для жителей пяти стран. В каждой из них этот язык имеет свои фонетические, грамматические, лексические и другие особенности, сформировавшиеся исторически. И все же, несмотря на лингвистическое разнообразие, в России преподают практически исключительно британский вариант АЯ.

Вопрос о вариантах АЯ относительно малоизучен в отечественной лингвистике. По словам лингвиста З.Г. Прошиной, можно сказать, что в России немногие занимаются исследованиями в этой сфере. Возможно, именно по этой причине стандартизация британского АЯ никогда не ставилась под вопрос, хотя для этого существуют некоторые предпосылки [1].

Одной из них является, например, то, что большинство современных носителей АЯ владеют именно американским вариантом: на 2020 год население США составляло 329,5 миллионов человек, тогда как в Великобритании проживало 67 миллионов человек. Также в пользу американского АЯ выступает то, что США является одним из ведущих государств в мировой политике, экономике, культуре [2]. Другая причина для изменения вектора в преподавании английского языка заключается в том, что сегодня число неносителей английского языка значительно превышает количество его носителей, поэтому студентов, изучающих английский язык, необходимо знакомить

с разными вариантами АЯ, тем самым обеспечивая соответствие программы обучения новым условиям межнационального общения.

Таким образом, в рамках данного исследования предпринимается попытка поднять вопрос о том, всегда ли британский вариант АЯ является предпочтительным для изучения современным русским студентом и, в частности, студентом лингвистического направления. Для достижения поставленной цели был проведен опрос среди студентов направления «Лингвистика» Гуманитарного института НГУ, чтобы понять, насколько хорошо студенты различают варианты АЯ стран внутреннего круга и какому из вариантов они отдают предпочтение.

1. Прошина З. Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2005. № 1(5) С. 124–128.
2. Информационный сайт «Worldometer» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldometers.info/> (дата обращения: 09.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. С. Мулладжанова

УДК 81`42

Лингвокультурологический потенциал парентезы в художественном тексте

У.Е. Ландарь

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена анализу лингвокультурологического аспекта парентезы в художественных произведениях *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time* Марка Хэддона и *Bianca come il latte, rossa come il sangue* Алесандро Д'Авенция.

Актуальность данной темы, ориентированной на исследование лингвокультурного потенциала парентезы в художественном тексте, обусловлена прежде всего возросшим интересом лингвистов к парентезе как сложному лингвистическому явлению, в силу чего она в течение многих лет находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных исследователей, таких как: О. В. Александрова, И. В. Арнольд, Е. С. Скобликова, Л. А. Козлова, Е. С. Музгина, Н. А. Кобринина, А. М. Мухин и др. Однако лингвокультурологический потенциал синтаксических единиц, в том числе парентетических конструкций, представлен фрагментарно. Анализ лингвокультурологического контекста парентетических конструкций в художественном тексте формирует комплексное представление о данной синтаксической единице и помогает специалисту по межкультурной коммуникации лучше представить себе английскую и итальянскую лингвокультуры.

Объектом исследования послужили парентетические конструкции в структуре английского и итальянского предложения.

Цель работы — исследование лингвистического и лингвокультурного статуса парентезы с выявлением и систематизацией средств ее выражения и коммуникативных функций в английском и итальянском художественном тексте.

Материалом исследования послужили тексты двух художественных произведений современных европейских писателей. Предполагаемый объем выборки составляет 100 парентетических конструкций.

Ключевым понятием нашей работы является понятие «парентеза». Анализ теоретических изысканий по проблеме позволяет рассматривать парентезу как гипероним, обозначающий родовое понятие, имеющее свои видовые проявления в гипонимах — вводных и вставных элементах.

В процессе исследования представилась возможность подтвердить ранее предложенную О. В. Александровой [1] структурную классификацию парентезы и дополнить ее еще одним структурным типом, заимствованным из классификации в зарубежных исследованиях. Итак, парентетические конструкции могут быть выражены четырьмя структурно-семантическими типами:

- 1) однословные внесения;
- 2) внесения-сочетания;

- 3) внесения-предложения;
- 4) внесение во внесении (инкапсуляция).

Чтобы исследовать феномен парентезы в лингвокультурном аспекте, необходимо обратиться к понятию лингвокультурологической детали (ЛД), которую В.М. Шаклеин [2] рассматривает как единицу, нагруженную культурной информацией. Такая деталь может быть выражена словом, словосочетанием, оборотом, предложением, более крупным речевым отрезком и т. д.

Лингвокультурологический потенциал парентетических конструкций заключается в широком спектре выполняемых ими функций, доступных любому носителю языка. Можно предположить, что главной лингвокультурологической особенностью парентезы будет выражение категории модальности, которая обеспечивает предикацию текста. Этот способ передачи помогает составить единую картину мира конкретного говорящего и всего народа в указанный период времени.

Парентеза в художественном тексте может реализовываться в двух форматах: а) в рамках целого текста и б) в рамках одного предложения, выполняя в первом случае текстообразующие функции с включением функций экспрессивности, конкретизации, информационной компрессии, целостности, а во втором случае — коммуникативно-прагматические функции, известные как описательная, эмоциональная, оценочная, коммуникативная, дополняющая, поясняющая.

Последующий анализ выборки парентезы из художественной литературы может свидетельствовать об определенной лингвокультурной нагрузке в представленных английских и итальянских парентетических конструкциях в сравнительно-сопоставительном контексте. Из всех вышеперечисленных парентетических функций, можно предположить, что доминирующими будут функции дополнения и пояснения, подтверждая тем самым основную цель использования парентезы. Менее частотными могут оказаться описательная, эмоциональная и оценочная функции.

Предварительные результаты исследования позволяют рассматривать парентезу как культурно-значимую лингвистическую единицу и как полифункциональное явление, способное реализовывать широкий спектр тесно взаимодействующих функций.

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.
2. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 62 с.

Научный руководитель — канд. пед. наук. А. А. Кушнарера

УДК' 811.1:81-22:82-1:7.046

Лингвокультурный трансфер в архаических речевых практиках индоевропейской культуры

А. Ю. Ледовских

Новосибирский государственный университет

В русле не теряющей своей актуальности темы соотношения языка и мышления язык предстает как система культивируемых и циркулирующих элементов социальной и природной деятельности. Его функциональная способность постоянно порождать новые значения берет свое начало в закрепленных архаических и архетипических структурах, которые лежат в основе каждой культуры и представляют собой кристаллизованный опыт интерпретации окружающей действительности. Устные тексты, представляющие собой квинтэссенцию культурной памяти, с развитием письменности перешли на новый уровень существования и остались запечатлены в текстовом виде, дошедшем до наших дней. Исследование текстов устной традиции может выявить те механизмы, благодаря которым появляются и вплетаются в культурную матрицу универсальные ментальные концепты.

Цель данного исследования заключается в анализе, классификации и изучении архаических речевых практик на материале древнейших текстов культур индоевропейской языковой семьи — «Авеста», Веды, Упанишады, «Эдда», Ветхий и Новый Заветы, старославянские и англосаксонские заговоры и др. Под архаическими речевыми практиками мы подразумеваем такое повторяющееся использование устной речи и голоса, благодаря которому они приобретают особое функциональное значение и начинают отражаться в лингвокультурной сфере.

В языке это проявляется в теории речевого акта — непосредственной связи слова и действия. Отсюда происходит конституирующая сила сказанного слова: в образном мифологическом мышлении транслирование мысленных репрезентаций происходило за счет их действенного восприятия и воплощения, что породило важнейший и глубоко укоренившийся культурный принцип ритуальности и обрядности. Строгая ситуативность и обязательства соблюдать принятые социумом договоренности отражаются в самом существовании речевого акта (см. теорию Дж. Остина о речевых актах) как главного функционального элемента перформативной коммуникации, т. е. слова, являющегося действием по существу (порождающий акт присвоения имени *нарекаю, называю, даю имя*; придание юридической силы *объявляю вас мужем и женой*; сопровождение действий ритуала голосом — вера в способность произнесенного слова влиять на реальную действительность).

Более того, устная практика, которая помогала хранить лишь ограниченное количество культурно значимых текстов в коллективной памяти, определяла эту сохранность только благодаря постоянному их воспроизведению. Такая устная традиция в древних поэтических текстах породила языковые формулы, имеющие мнемоническую функ-

цию (например, кольцевая композиция). Формулы также закрепились как сюжетные элементы (теория основного мифа — бой громовержца со змеем).

Голос сам по себе и особенные условия его использования в мифологической системе воззрения породили крупный и глубинный архетип голоса с богатой семантической вариацией: перенос акустических свойств голоса на окружающую среду (слово бога — гром, его оружие — молния, дыхание — ветер) и обратное отражение небесных стихий в слове человека; персонификация голоса и речи в виде богов красноречия и молитв (Вач, Эхо, Осса и др.), голос как божественный дар (дар говорения у животных — признак мудрости); перенос значения голоса в область божественного знания (слово божие, голос божий — его проводник).

Такая вера в силу слова закрепились в понятиях речи и говорения: PIE **bhā*⁻² 'говорить' породило рус. *байка*, *баснь* (сказка, выдумка), *баюн* (сказочник), *убаюкивать*, *обаять*; лат. *facundus* 'красноречивый', *fama* 'молва, слава', *fatum* 'рок, божественная воля' от гл. **for* 'говорить'. Понятия знаний, прорицания и видения будущего отражаются в русских производных от корня *-вед-*, PIE **u(e)id*⁻², в *вече* (народный совет), *вещий*, *ведун*, *ведьма*, *веды* и т. д. Перформативная функция слов отразилась в создании табуированной и эвфемистической лексики (славян инд.-евр. основа **rtk* («медведь»)) была вытеснена праслав. **medvědь* («поедающий мед»), поскольку в культуре и языке прочно закрепились связь между словом и действием, соответственно, произнесение вслух имен злых духов могло их призвать. В иудеохристианской традиции мы также встречаем фразеологизм *не поминай имя Господа всуе*, т. е. напрасное произнесение его имени навлечет на человека его гнев; Яхве — тетраграмматон YHWH — замена истинного имени Бога, из уважения не упоминаемое вслух.

Исследовав архаическую коммуникацию на нескольких ее уровнях, можно утверждать о явном влиянии устной практики на становление глубинных универсалий лингвокультурной действительности, которые могут быть отслезены в культурах всего мира. В центре такой действительности лежит именно речевой акт, т. е. действие и слово без оценки их ложности или истинности определяют ядро культуры в процессе создания картины мира ее коллективных носителей.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. С. Г. Проскурин

УДК 811.1/8

Особенности фонетической интерференции в русской речи монгольских студентов Тувинского государственного университета

С. Нямбуу

Тувинский государственный университет, Кызыл

В тезисе рассмотрена фонетическая интерференция в речи студентов-монголов, обучающихся в Тувинском государственном университете. Контрастивные особенности звукового строя русского и монгольского языков характеризуются с точки зрения труднопереводимой межъязыковой интерференции, которая зависит от фонологических различий.

Языковая норма русского языка считается довольно сложной для изучения и освоения, даже сами носители языка иногда испытывают трудности, в результате чего возникают речевые ошибки.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и охарактеризовать типовые ошибки в речи монгольских студентов, изучающих русский язык.

Поставленная цель обусловила необходимость решения определенных задач.

В рамках данного исследования для выявления фонетических ошибок в произношении русских звуков монгольскими студентами и расчета статистики этих ошибок были записаны пять дикторов-монголов из Ховдского, Центрального, Завханского, Баян-Ульгийского аймаков Монголии и г. Улан-Батор, обучающихся на разных факультетах Тувинского государственного университета.

В первой части эксперимента было проведено анкетирование. Во второй части дикторы объясняли увиденные изображения на картинках на русском языке (выборка стихийная).

Данные анкетирования показали, что интерес монгольских студентов к русскому языку становится все больше и всеохватнее. У монголов серьезный подход к изучению русского языка, по крайней мере, они очень стараются. В будущем они хотят стать переводчиками, учителями, дипломатами. У них есть желание изучать и совершенствовать знание русского языка в России, где имеется языковая среда, и, соответственно, возможности для языковой практики.

По результатам расшифровки аудиозаписей речи студентов-монголов, которые объясняли увиденные изображения на картинках, было выявлено, что почти каждый русский звук подвергается замене или произносится неправильно, так как приблизительно схожие по звучанию звуки монгольского языка дикторами автоматически переносятся в русскую речь. Таким образом, формируется отрицательный перенос монгольского языка по отношению к русскому языку, и это приводит к неправильному произношению [1].

Наиболее распространенной орфоэпической ошибкой монгольских студентов является смешение редуцированных и нередуцированных гласных звуков русского языка.

В словах, начинающихся с согласного звука [п] (*пирожки, папа, пюре*), в речи монгольских студентов глухой согласный [п] произносится с силой и придыханием, что не характерно для артикуляции данного согласного в русском языке.

Полная редукция происходит и в случае с финальными одиночными русскими гласными, при этом начальные звонкие согласные оглушаются, а вместо губно-зубного согласного [ф] произносится звук [п]: *на факультете* [на пакултэт], *футбол* [путпол], *светофоры* [свэтопоры], *автобус* [аптобус].

При произношении двойных гласных в конце русского слова наблюдается их стяжение (*в Монголии* [в Монголи], *на лекции* [на лекси]), а в словах, которые заканчиваются на *-ия*, не произносится конечный гласный звук (*история* [истори], *философия* [пилософи]). В словах с финалью *-ие*, редуцируется гласный *и* (*настроение* [настроэньэ]); фрикативный согласный [ц] спирантизуется (*цены* [сэны], *немецкий* [нэмэский] и т. д.).

Одна из распространенных интерференционных ошибок в речи студентов-монголов — смешение твердости и мягкости при артикуляции русских твердых и мягких звуков (*хорошо* [хорощ'о]) или же твердый согласный вместо мягкого (*факультета* [п'акултэта]) и т. д.

Таким образом, в данном исследовании даны наиболее частотные интерференционные ошибки в речи студентов-монголов. Как показывает языковой материал, на занятиях по русскому языку, а также другим дисциплинам профильного уровня, необходимо активнее привлекать монгольских студентов не только к проведению сопоставлений, но и к поиску соответствий и специфических особенностей системно организованных единиц разных языков.

1. Дамбыра И. Д., Дамбыра Э. В. Интерферентные ошибки при освоении русских звуков в речи студентов-монголов тувинского государственного университета // Научные труды Тувинского государственного университета. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, 2018. С. 98–99.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. Д. Дамбыра

УДК 811.581

Счетные слова в китайском языке

Д. В. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл

Китайский язык в настоящее время становится одним из самых исследуемых языков в мире. Одним из аспектов, который часто подвергается анализу, являются счетные слова.

Основная цель работы — раскрытие истории происхождения и формирования классификаторов. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть термин «счетные слова»;
- 2) выявить возможные причины возникновения и способы образования классификаторов;
- 3) исследовать процесс формирования счетных слов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследовать происхождение и процесс формирования счетных слов, который позволит проследить связи современного китайского языка с древнекитайским. Объектом исследования выступают счетные слова в китайском языке. Предметом исследования — происхождение и развитие классификаторов в истории языка.

Ключевым понятием работы является понятие классификаторов. В лингвистической литературе счетным словам дано не одно определение. Однако исследование понятия «классификаторы» позволяет сформулировать наиболее общее определение, согласно которому счетные слова — это группа служебных слов, используемых при обозначении количества. В ходе анализа материала было установлено, что появлению счетных слов способствовали особенности языка и формы жизнедеятельности древних людей. К основным причинам возникновения классификаторов можно отнести:

1. Плохо развитую категорию числа, в результате чего возникли классификаторы как вспомогательный счетный инструмент.
2. Наличие большого количества омофонов. Их использование со счетными словами в значительной степени облегчает задачу понимания речи, особенно устной.
3. Отсутствие противопоставления форм единственного и множественного числа, из-за чего существительные сами по себе не могут называть отдельные предметы [2].

Кроме того, сравнительно-лингвистический анализ показал, что источники возникновения счетных слов достаточно разнообразны. Один из основных способов формирования классификаторов — образование от других частей речи. Счетные слова могут быть образованы от имен существительных, прилагательных и глаголов. Также в силу быстрого информационного развития общества возникают новые классификаторы. Например, слова для мобильных телефонов и компьютеров [3].

Тем не менее, в зависимости от исторического периода счетные слова подвергались разнообразным изменениям. Первое появление счетных слов отмечается в X–VII вв.

до н. э. Так, к числу первых классификаторов относится 夫 (fu). Оно использовалось при счете людей; также были специальные счетные слова для лошадей, предметов быта и т. д. В середине I тысячелетия до н. э. наблюдалось развитие системы мер и весов в древнем Китае, что привело к увеличению количества счетных слов [1]. Наиболее близкие к современному китайскому языку грамматические и лексические формы классификаторов отмечаются во времена династии Тан. В речи и письменности счетные слова широко использовались в следующей конструкции: числительное + счетное слово + существительное [4].

Таким образом, появление счетных слов сыграло особую роль в формировании языка. И исследование их истории показывает связь разных этапов развития языка и его закономерности. Более того, счетные слова тесно связаны с культурой народа, в основе которой лежит многовековая история народа и государства в целом.

1. Лазарева А. Г., Жукаускаене Т. С. Историческое развитие слов-классификаторов в китайском языке // Труды томского государственного университета, 2013. № 286. С. 74–75.
2. Солнцев В. М. «Введение в теорию изолирующих языков» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/9194992/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2C> (дата обращения: 07.12.2021).
3. Бахтина Е. В. К изучению и использованию китайского языка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2009. № 2. С. 2–3.
4. Ерофеева О. Н. Некоторые аспекты выявления статуса и эволюции счетных слов в китайском языке // Древо познания и дерево знания. Магистерские исследования Иркутск, 2015. С. 150–163.

Научный руководитель — Н. О. Монгуш

УДК 81-25

Вербальные маркеры хезитационных пауз в английском языке (на материале социокультурного подкаста)

А. П. Рябцева

Новосибирский государственный университет

Хезитация — это неотъемлемый процесс колебания или сомнения в ходе почти любого речепорождения. Данный процесс может происходить как на внутреннем уровне, на уровне мышления, так и на внешнем, т. е. выразиться в форме хезитационных пауз. Эти паузы, осознанно или чаще всего неосознанно, возникают в речи говорящих из-за их потребности «выиграть время» на обдумывание, формулирование высказывания. Такие паузы в некоторых случаях остаются незаполненными, являясь по своей сути молчанием, а в некоторых, наоборот, сопровождаются вербально оформленными маркерами, дающими понять слушателю, что говорящему требуется некоторое время для выстраивания своей речи. Такие вербализированные маркеры хезитации (МХ) носят разные терминологические наименования: слова-паразиты, хезитационные формы, слова-филлеры и др. Данная работа посвящена выявлению и исследованию функционирования этих вербальных маркеров хезитационных пауз в английском языке на базе подкаста с социокультурной направленностью «Profoundly Pointless».

Актуальность работы заключается в возросшем интересе лингвистов к теории коммуникативного поведения, а также в малоизученности вербальных МХ в процессе естественного речепорождения в английском языке. Целью нашего исследования является подтверждение или опровержение гипотезы о том, что частотность употребления нелексемных МХ (вокализаций) превосходит частотность употребления моноксемных (отдельных слов) и полилексемных (словосочетаний). В случае подтверждения данной гипотезы предположить возможные причины этого феномена.

Материалом исследования послужила выборка вербальных маркеров хезитационных пауз, извлеченная из американского социокультурного подкаста *Profoundly Pointless*. Этот источник материала для анализа был выбран по нескольким причинам. Во-первых, этот подкаст является своего рода интервью с различными общественными и культурными деятелями, что дает нам возможность анализировать речь людей с разным уровнем грамотности. Во-вторых, формат материала исследования предполагает, что речь говорящих является неподготовленной. Это позволяет нам анализировать функционирование вербальных МХ в речи с высоким уровнем спонтанности. Наконец, значимость данного источника материала для исследования заключается в аутентичности дискурса носителей языка.

Так как наше исследование находится на стадии разработки, нами было проанализировано относительно небольшое количество материала. Тем не менее, на данный момент методом сплошной выборки было обнаружено 146 случаев использования вербальных МХ. Общий объем просмотренного материала составил 102 минуты.

На основе анализа этой части данных можно сделать некоторые предварительные выводы. Нами были обнаружены следующие МХ.

Наиболее употребительным вербальным маркером хезитации является вокализация *err* (29 %). Пример использования: *Definitely /err/ a valid question; And /err/ right now we've got an enormous amount of advancement being made in voice tech.* Среди моноксемных МХ чаще всего используется слово *so*: *So/ but does having a degree help?; So/ the answer to that is, depends on how quickly you learn.* Оно занимает 16 % от общего числа всех МХ. Наконец, среди полилексемных МХ выделяется вводная конструкция *you know* (20,5 %): *But /you know/ I think the real difference is I don't often take on pets; And there's a lot of time /you know/ the extra time you put into it with a domestic animal.*

Что же касается частотности употребления МХ, доминирующим типом вербальных МХ, как и предполагалось, являются вокализации. Они используются в половине (50,68 %) случаев, исследованных нами. За ними следуют полилексемные МХ (28,77 %) и моноксемные (20,54 %).

Относительно возможных причин такого результата можно предположить, что говорящие стремятся к экономии языковых средств, проявляющейся в использовании наименее «энергозатратных» маркеров, таких как *err*, *um*, *erm* и так далее. Также такие маркеры удобны для говорящих тем, что не несут в себе никакой смысловой нагрузки и не влияют на смысл повествования, нет необходимости согласовывать их использование ни с фразой до, ни с фразой после. Однако стоит еще раз повторить, что выводы, описанные ранее, — предварительные, и при дальнейшем исследовании может обнаружиться иной результат.

Научный руководитель — канд. пед. наук А. А. Кушнарера

УДК 81`23; 81`246.2

Методика изучения взрослого франко-русского билингвизма с использованием изображений и фразеологизмов

Е. В. Тотмина

Новосибирский государственный университет

В настоящее время во всем мире продолжает увеличиваться процент людей, говорящих на двух и более языках, т. е. билингвов или полиглотов [1].

Данный доклад посвящен исследованию взрослого франко-русского билингвизма среди групп носителей с разным уровнем владения французским и русским языками. В качестве материала для проведения исследования были отобраны изображения, представляющие собой семантическую составляющую используемых устоявшихся выражений (фразеологизмов).

Цель работы — на основе наблюдений описать индивидуальные особенности использования фразеологических единиц двуязычными взрослыми и разработать новую методику изучения взрослого билингвизма с использованием картинок-стимулов и реакции на них франко-русских билингвов.

Подобные эксперименты изучения двуязычия с использованием картинок-стимулов уже проводились ранее. Например, схожий эксперимент представлен в статье [2]. Однако стоит отметить, что исследовательскую аудиторию представляли собой дети-билингвы, и были рассмотрены особенности билингвального дискурса на материале картинок, подразумевающих использование русских и французских возвратных глаголов, но без использования фразеологических единиц. В этих различиях и заключается актуальность данного исследования.

Опрос исследуемой аудитории был проведен в электронном формате: испытуемым предлагалось заполнить анонимную форму, в которой необходимо было вписать следующие необходимые для исследования данные: пол; возраст; родной (первый) язык; языки, которыми он также владеет; страна проживания и населенный пункт (крупный или маленький город, пригород и др.). Анкетирование включало в себя набор из 20 картинок (по 10 картинок на французские и русские языковые выражения соответственно), представляющие собой визуализацию семантической составляющей отобранных фразеологизмов. В поле для ввода текста, расположенное под каждой картинкой, испытуемый мог ввести свой ответ, который по его предположению ассоциировался с данным изображением.

Фразеологизмы и, соответственно, специально отобранные для них картинки были структурированы таким образом, что первая (нечетная по счету) картинка визуализировала французское устоявшееся выражение, а следующее за ней изображение (четное по счету) иллюстрировало русское устоявшееся выражения, схожее по смыслу с предыдущим французским, но отличающееся от нее по форме. Данное решение было принято для того, чтобы испытуемые, владеющие иностранным языком на разных уровнях, смогли внести ответ в текстовое поле, используя свое языковое чутье.

Одним из заданий был рисунок, визуализирующий устоявшиеся французское и русское выражения «*Tirer le diable par la queue*» — «*Биться как рыба об лед*». Испытуемый вводил в текстовое поле свой ответ, если узнал данный фразеологизм. Синтаксические и морфологические различия (в роде, числе, падеже и т. п.) с предполагаемым идеальным ответом не учитывались; важной составляющей исследования считалась семантическая схожесть.

Пример ответа одного из испытуемых показан в таблице ниже:

Вопрос	Ответ
Image 9 (французское выражение)	Tirer la queue du diable
Image 10 (русское выражение)	Comme un poisson hors de l'eau?

По результатам из таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Уровень владения французским языком у испытуемого выше, чем русским. Это следует из нескольких показателей. Прежде всего, при описании картинки-стимула, визуализирующее русское выражение, испытуемый использовал французский алфавит и, соответственно, ввел в поле ответа текст на нем.

2. Кроме того, в ответе «*Comme un poisson hors de l'eau?*» присутствует ошибочное высказывание, из чего можно предположить, что испытуемый не понимал или понимал не совсем корректно смысл русского фразеологизма «*Как рыба об лед*» (фр. «*Comme un poisson sur la glace*»).

3. На основании всего вышесказанного можно предположить, что уровень развития лексики очень тесно связан с уровнем развития грамматики. Частые переключения на сильный язык являются косвенным подтверждением недостаточной компетенции в слабом языке.

В эксперименте приняло участие 50 франко-русских носителей (билингвов), и таким образом, было получено 1000 реакций на изображения-стимулы.

1. Ефременко Л. В. Изучение билингвизма на современном этапе и особенности детского билингвизма // Вестник КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика № 3, 2018. С. 178–180.
2. Бойкова С. Е. Описание картинок русско-французскими детьми-билингвами: лексико-грамматический анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 789-801. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-789-801>

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрэнн

УДК 378+378.147

Проблемы межличностного коммуникативного взаимодействия в условиях межкультурного контекста

П. И. Хромешкина

Новосибирский государственный университет

Цель работы состоит в изучении особенностей и проблем организации межличностного коммуникативного взаимодействия партнеров в рамках концепции диалога культур и овладении обучающимися иноязычной культурой [5]. Изучение иностранного языка является комплексным процессом, предполагающим овладение лексическим запасом, сводом грамматических, синтаксических и морфологических правил. Эмпирическая база исследования образована выборкой из 51 изучающего иностранный язык респондента в возрасте от 16 до 58 лет.

Методологическую базу исследования образуют междисциплинарные подходы к понятию «взаимодействие», представленные в работах отечественных и зарубежных авторов: концепции психологических структур взаимодействия Н. Н. Обозова, А. А. Бодалева, Я. Л. Коломинского, Б. Ф. Ломова; структура социального взаимодействия и классификация категории взаимодействия П. А. Сорокина; исследования В. Б. Кашкина [1–4; 6–7].

Анализ научной литературы показал, что в современной лингвистике отсутствует однозначное толкование понятия «взаимодействие». Обобщив различные подходы к данному определению, можно сделать вывод, что взаимодействие — это процесс воздействия индивидов друг на друга, в то время как межличностное коммуникативное взаимодействие — процесс обмена знаниями и информацией между индивидами с помощью системы знаков.

Поскольку взаимодействие как обмен информацией между индивидами способствует личностному развитию индивида и его социальных качеств, то, согласно В. Б. Кашкину, взаимодействие как коммуникативный акт в условиях межкультурной коммуникации имеет ряд особенностей [2]. В этой связи была выдвинута гипотеза о том, что студентам необходимо изучение особенностей межличностного коммуникативного взаимодействия в рамках концепции диалога культур [5]. Результаты проведенного исследования подтверждают данную гипотезу.

Предполагалось, что в ходе исследования респонденты ответят на ряд вопросов об особенностях межличностного коммуникативного взаимодействия и объяснят свою точку зрения, указав на сложности, с которыми они столкнулись, оценят умение взаимодействовать с другими индивидами, а также навыки вербальной и невербальной коммуникации.

Полученные данные свидетельствуют о том, что 80 % респондентов не умеют выстраивать процесс взаимодействия, в отличие от остальных 20 %, которые уверены в своих навыках. Респонденты отметили, что основную сложность представляют: незнание

особенностей и принципов межкультурного взаимодействия, незнание социальных и культурных особенностей стран языка, который они изучают, недостаточный уровень коммуникативных навыков, психологический барьер, отсутствие практики общения с иностранцами. Респонденты, которые поставили высокую оценку своим навыками, указали, что основными источниками информации об особенностях межкультурного общения выступили занятия в университете, интернет-платформы и развлекательные программы.

Оценка навыков вербальной коммуникации по десятибалльной шкале показала, что большинство (31 %) оценивают свои навыки на восемь баллов, 26 % — на семь баллов. Навыки невербальной коммуникации большинство (31 %) оценили на семь баллов, 18 % — на восемь баллов и 18 % — на пять баллов, при этом лишь 1 % опрошенных оценил свои навыки на десять баллов и на один балл.

Эмпирическим путем было выявлено, что малая часть респондентов в возрасте 16–58 лет высоко оценивают свои навыки взаимодействия с представителями других культур, в то время как большая часть опрошенных считает, что не умеют с ними взаимодействовать, а следовательно, им необходимо совершенствовать свои навыки.

По результатам исследования, можно сделать вывод, что студентам необходимо владение лингвосоциокультурной компетенцией на основе концепции диалога культур, способствующей формированию навыков межличностного коммуникативного взаимодействия [5].

1. Бодалев А. А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
2. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000. 175 с.
3. Коломинский Я. Л. Изучение педагогического взаимодействия // Сов. педагогика. М., 1991. № 10. С. 36–42.
4. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 448 с.
5. Морозова Е. А. Формирование лингвосоциокультурной компетенции у студентов педвузов средствами инновационных технологий преподавания иностранного языка: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.
6. Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990. 191 с.
7. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М., 1993. 447 с.

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. О. В. Шмакова

СТИЛИСТИКА И ПЕРЕВОД

УДК 81'42

Языковая личность Эшли Николетт Франджипани (Холзи) в виртуальном пространстве

А. А. Вульф

Новосибирский государственный университет

Данная работа исследует виртуальную языковую личность современной певицы Холзи через ее виртуальный дискурс в популярной социальной сети Twitter.

Актуальность данной работы обусловлена популяризацией Интернет-пространства и переносом реального общения в Интернет с одной стороны и недостаточным количеством исследований, направленных на выявление целей, ценностей, особенностей саморепрезентации языковых личностей в виртуальном пространстве с другой. Цель данной работы — на основе лингвистического анализа выявить особенности языковой личности певицы Холзи в виртуальном пространстве.

Ключевым понятием данной работы является виртуальная языковая личность. Проанализировав теоретические изыскания по проблеме, мы взяли за рабочее определение языковой личности (ЯЛ) предложенное Ю. Н. Карауловым. ЯЛ — это набор неких характеристик и особенностей человека, которые заключены в его языковом сознании, в создании и восприятии человеком произведений разной сложности на его родном языке, понимание коммуникативных ситуаций. Виртуальная языковая личность (ВЯЛ) базируется на этом же определении, однако ее индивидуальные качества проявляются в Интернет-пространстве. Для анализа языковой личности Холзи была использована предложенная Ю. Н. Карауловым трехуровневая модель, которая заключается в выявлении вербально-семантического, когнитивного и прагматического уровней ЯЛ.

Материалом исследования послужили 29 песен Холзи из двух последних и наиболее популярных альбомов *Manic* и *If I Can't Have Love I Want Power*, а также сообщения в социальной сети Twitter в количестве 2 582 твита за период написания альбомов с 01.01.2019 по 31.08.2021. Необходимо отметить, что такая особенность твиттера, как ограничение высказывания 280 символами, вызывает необходимость максимально сокращать слова и фразы с помощью лексических и грамматических средств, в связи с чем в Twitter довольно высок уровень аграмматизации.

Так как наше исследование находится на стадии разработки, нами было проанализировано относительно небольшое количество материала.

В программу *ropsters.ru* были загружены все твиты певицы за исследуемый период. Предварительный анализ показал, что в рамках **первого (вербально-семантического) уровня**, наиболее употребительными единицами в творчестве являются следующие слова: *love* (98), *don* (52), *heart* (21), *man* (20), *leave* (13), *woman* (7). В Twitter-сообщениях наиболее употребительными словами являются следующие: *love* (183), *like* (177),

people (106), *don* (89), *album* (75), *gonna* (72). Можно проследить, что тема любви является самой актуальной для певицы. Кроме того, заметно, что в Twitter лексика, связанная с деятельностью певицы, почти не употребляется.

Предварительный анализ **второго (когнитивного) уровня** показал, что тема биполярного расстройства личности и ментальных проблем является одной из главных как для «Твиттера», так и для творчества певицы: например, *I've got a monster inside me / That eats personality types [Whispers]; I am so touched that so many people have found likeness in my recent YouTube discussion about mental health. Please remember it's important to seek professional advice. Bipolar disorder is very complex, and self diagnosis could rob you of a more specific and helpful diagnosis.* ❖. Кроме того, певица часто затрагивает очень важную для нее тему расстройства репродуктивной системы и беременности: *They told me once, nothing grows / When a house ain't a home / Is it true, honestly / When it's all a part of me? / A couple years of waiting rooms / Finding God, and losing too* — строчки из песни Море, относящиеся к перенесенным певицей самопроизвольным прерываниям беременности. *I've always been open about my struggle with reproductive health and pregnancy. what happens to the body that I live in, that you live, is nobody else's choice.*

Наиболее актуальными темами для творчества певицы являются абьюзивные, токсичные отношения (*She was sweet like honey / But all I can taste is the blood in my mouth* — строчки из песни Honey, указывающие на осознание токсичных отношений), а также феминизм: *No, I won't smile, but I'll show you my teeth / And I'ma let you speak if you just let me breathe* [Nightmare].

Однако в Twitter-сообщениях певица чаще всего затрагивает тему ЛГБТК+ сообщества (*Crazy how you think you just "come out" and then that's it. It's done. You're out + everything is all good. When in actuality you're coming out time and time again for your whole life. I remind others of this often when they come to me for advice. but it's easy to forget, myself*) и любви к себе (*I've gone my whole life struggling to accept this part of me and I made art out of it. I feel happy. Thank you*)

Анализ **третьего (прагматического) уровня** ВЯЛ Холзи на данный момент находится в разработке.

Научный руководитель — канд. пед. наук А. А. Кушнарева

УДК811'111+81'25

Особенности аудиовизуального перевода англоязычных фразеологических единиц на русский и китайский языки

И. В. Денисова

Новосибирский государственный университет

Актуальность работы обусловлена распространенностью такого вида досуга, как просмотр кинофильмов, многие из которых сняты на иностранном для зрителя языке. Исходя из этого, текст фильмов нуждается в переводе с соблюдением временного кода и синхронизации видеоряда.

Целью работы является определение особенностей перевода англоязычных фразеологических оборотов на русский и китайский языки в англоязычных кинофильмах, а также исследование влияния коммуникативных модусов и кинематографических кодов на перевод фразеологизмов.

В работе применяются: метод научного наблюдения, полимодальный, лингвостилистический и сопоставительный виды анализа.

Под фразеологизмом подразумевается «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [1].

Проанализировав три англоязычных кинофильма *Forrest Gump* (реж. Роберт Земекис), *A Beautiful Mind* (реж. Рон Ховард) и *Scent of a Woman* (реж. Мартин Брест), удалось найти 19 фразеологических единиц, перевод каждой из которых также был найден в русской и китайской версиях фильмов. Выбор материала был обусловлен наличием контента, который максимально приближен к реальной жизни.

Все фразеологические единицы были разделены согласно классификации В. В. Виноградова на сращения (36,84 %), сочетания (37,5 %), выражения (5,26 %) и единства (26,31 %). Можно отметить, что между типами фразеологизмов и способом перевода четкая связь не прослеживается.

Далее были проанализированы русские и китайские переводы английских фразеологических единиц. Следует отметить, что при переводе на русский язык вероятность использования фразеологизма-соответствия больше, чем при переводе на китайский язык. Это можно объяснить различной структурой языков, а также тем, что в китайском языке понятие «фразеологизм» отличается от понятия фразеологизма в русском и английском языках. Так, в китайском языке есть чэньюй, устойчивый оборот, обычно состоящий из четырех иероглифов. Чэньюй основаны на притчах и несут поучительный смысл. Кроме того, при аудиовизуальном переводе фильма на русский язык, фильм

дублируется, то есть можно наблюдать совпадение движений губ и речи. При переводе фильма на китайский язык перевод осуществляется с помощью субтитров. Это обусловлено большим количеством диалектов в китайском языке (10 диалектных групп), которые часто не совпадают с официальным путунхуа фонетически.

Далее, согласно классификациям В.Н. Комиссарова и Я.И. Рецкера, были проанализированы переводы фразеологизмов и примененные переводческие трансформации. Можно отметить, что в китайском переводе часто применяется калькирование и экспликация. Так, фразеологизмы *as crooked as a politician* (背跟政客一样弯曲 ‘спина кривая, как у политика’); *put your feet to the fire* (抓着你的脚到火堆前 ‘держат ваши пятки перед огнем’); *stupid is as stupid does* (做傻子的才是傻瓜 ‘делаешь глупые вещи — значит, глупый’) переведены дословно. Экспликация применяется в таких фразеологических оборотах, как *face the music* (找掩护的人 ‘люди, которые ищут укрытие’) и *have a chip on both shoulders* (我的弱点是人际关系 ‘моя слабая сторона — межличностные отношения’).

Согласно классификации Я.И. Рецкера, переводы на русский и китайский языки производятся в основном с помощью смыслового развития (52,63 % и 36,84 % соответственно), например: *as crooked as a politician* (спина у него как вопросительный знак), *face the music* (храбро встречают грозу), *have a chip on both shoulders* (спуска никому не даю); *a pair of odd ducks* (怪胎 ‘зародыш с отклонениями в развитии’), *like peas and carrots* (形影不离 ‘ходить тенью’), *the guy who got his act together* (实干家 ‘практик, человек дела’).

Так как данные фразеологические обороты являются частью кинотекста, следует также обращать внимание на видеоряд. Наиболее значимыми модусами, усиливающими или раскрывающими значение фразеологизма, являются модус реквизита и персонажа, а также кинематографические коды плана и композиции. Например, в фильме «Форрест Гамп» в сцене *Jenny and me was like peas and carrots* [14:29–14:44] используется кадр, в котором Дженни и Форрест сидят близко друг к другу в практически одинаковой позе. Модус персонажа и кинематографические коды «Средний план» и «Композиция» подчеркивают значение английского фразеологизма, ср. также аналоги в русском (*не разлей вода*) и китайском переводах (形影不离 ‘тело и его отражение неподалеку’).

1. ЛЭС. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. Фразеологизм. С. 559–560. Фразеология. С. 560–561.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В.В. Коротева

УДК 81'38+81'25

Языковая игра в идиолекте Дж. Барнса: переводческий аспект

Е. В. Ерастова

Новосибирский государственный университет

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования особенностей перевода ЯИ как уникального проявления творческого использования языка для каждой национально-культурной группы.

Цель работы — определить, с помощью каких переводческих трансформаций ЯИ передается на русский язык.

Для анализа методов перевода ЯИ мы обратились к теории переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова и теории соответствий Я. И. Рецкера.

Материалом исследования послужил роман Дж. Барнса *The Noise of Time*. Всего было проанализировано 70 примеров использования ЯИ, среди которых встретились 32 случая наложения приемов. Для анализа русской версии романа «Шум времени» использовался перевод Е. С. Петровой.

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к следующим выводам.

Наиболее частотным стилистическим приемом ЯИ является метафорическая номинация (28,3 %), наименее актуальными для Дж. Барнса оказываются приемы стилового контраста, фонетической деформации слов, рифмовки, антономазии, грамматической транспозиции, а также фонологический прием ономотопеи (0,94 %). Передавая эти стилистические средства на русский язык, Е. С. Петрова использует 11 разных переводческих трансформаций и все три вида соответствий.

Наиболее частым способом перевода оказалось вариантное соответствие (29 %): *He didn't need a friend and a militiaman now. There were enough volunteers already. Сейчас ни приятель, ни милиционер уже не требуются. Доброхотов и так предостаточно.*

Довольно часто встречается прием компенсации (9,2 %), когда переводчик передает исходное значение с помощью других средств, например: *A minute later, the two passengers joined him on the platform. And so there were three of them, the traditional vodka-drinking number. Не прошло и минуты, как те двое спустились к нему на перрон. То бишь выдалась возможность **сообразить на троих**.* В данном случае окказиональное прилагательное не находит отражения в русском варианте текста: Е. С. Петрова использует советское крылатое выражение.

Еще одним постоянным способом перевода является модуляция (6,6 %), например: *vinegar-soaked labels — кислотными ярлыками.* Английское и русское прилагательные связаны причинно-следственными отношениями (ярлыки сначала смочили в уксусе, после чего они стали кислотными).

Наименее часто используется грамматическая замена словоформ (*Power had always been more interested in the **word** than the **note**... Советская власть всегда больше интересовалась не **нотами**, а **словами**...), антонимический (*There was never a shortage of**

Zakrevskys. Так уж устроен этот мир, что Закревских в нем — пруд пруди) и дословный перевод (*The hands of the living had turned out to be more frightening. Руки живых оказались еще страшнее*) (2,63 %).

В большинстве случаев при переводе романа исходные стилистические средства сохраняются (89,5 %). Однако ЯИ, основанная на ряде приемов, передается на русский язык не всегда (7,9 %): так, в русском тексте опускается каламбур, основанный на полиптотоне (*He was an **introverted man** who was attracted to **extroverted women**. Сам он — человек скованный, а тянется всегда к бойким женщинам*), словообразовательная игра (*The composer had written not an opera but an **anti-opera**... Композитор сочинил не оперу, а отрицание оперы...*) и стилевой контраст (*There was never a **shortage of Zakrevskys**. Так уж устроен этот мир, что Закревских в нем — пруд пруди*).

Помимо этого, встречаются случаи, когда при переводе выявляются стилистические средства, которые не были использованы в оригинале (2,6 %): *with music deliberately **turned inside out** — музыка умышленно сделана «шиворот-навыворот»* (метафорическая номинация передается с помощью контекстуального соответствия *шиворот-навыворот*: такая разговорная лексическая единица снижает оригинальный тон повествования, приводя к ироническому принижению).

Особый интерес представляют случаи калькирования. Чтобы представить советскую действительность, Дж. Барнс использует русские устойчивые выражения, калькируя их на английский язык: *Well, **life is not a walk across a field**, as the saying goes*. Следовательно, при переводе на русский Е. С. Петрова придает им исходный вид: *Что ж поделаешь: **жизнь прожить — не поле перейти***.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81.3

Проблемы перевода немецких реализаций концепта ПУТНИК/ДОРОГА на русский язык

П. А. Ерохин

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено проблемам перевода немецких репрезентантов концепта ПУТНИК/ДОРОГА, найденных в стихотворениях И. В. Гёте, на русский язык, их отражение в русских переводах немецких стихотворений.

Объект исследования — репрезентанты концепта ПУТНИК/ДОРОГА в поэтических произведениях Гёте и его переводах на русский язык.

Материалом послужили контексты (157 единиц), извлеченные методом сплошной выборки из произведений И. В. Гёте («Песня ночного странника», «Бог и Баядера», «Застольная», «Лесной царь»), где присутствуют репрезентанты данного концепта.

Первая проблема связана с обозначением направления движения. В немецком языке используются указательные местоимения *hin*, *her* обозначающие движение 'от говорящего' и 'к говорящему' соответственно. Они могут сочетаться с предлогами *auf*, *ab*, *unter*, обозначающим направление: 'вверх', 'вниз' и 'вниз под'.

В русских переводах немецких стихотворений И. В. Гёте не отражена именно эта специфика того, как немецкий поэт (да и любой немецкоговорящий человек) представляет себе движение. Обратимся к некоторым примерам.

Стихотворение «Бог и Баядера», первые строки которого звучат так: *Magdaev, земли владыка, / К нам шестой нисходит раз.*

Теперь взглянем на оригинальный текст: *Mahadöh, der Herr der Erde, / Komm herab zum sechsten Mal.*

Глагол *kommen* означает 'приходить', то есть в самой семантике глагола направление движения к говорящему, но все равно используется указательное местоимение, уточняющее, что движение происходит по направлению сюда, вниз, к нам. Если его убрать из предложения (оставить просто *komm zum sechsten Mal*), то непонятно, откуда и куда данный субъект движется.

Стихотворение «Застольная»: *Дух мой рвется к небесам / В заблужденье странном: / Не пуцусь ли я и впрямь / В путь по дальним странам.*

Mich ergreift, ich weiß nicht wie, / Himmlisches Behagen. / Will mich 's etwa gar hinauf / Zu den Sternen tragen?

Лирический герой направляется туда, вверх, к звездам, но в немецком языке нужно уточнение, потому что обычное использование глагола *wollen* 'хотеть' не несет никакой семантики движения, а выражает лишь желание подняться к звездам.

Стихотворение «Хронос»: *Вот и снова, / Хоть совсем задохнись, / Надо в гору лезть.*

Den er atmenden Schritt / Mühsam berghinauf.

В стихотворении происходит слияние не только местоимения с предлогом, но и их с существительным *Berg* ('гора'). А глагол движения опускается, потому что слово «гора» несет в себе сему пути, преодоления, и при слиянии становится понятно направление движения. Использование глагола здесь будет излишним.

Вторая проблема связана с репрезентацией самого путника в стихотворениях и их переводах, а также с его отражением восприятия собственного пути, дороги, мира вокруг себя, которое отличается в переводах и оригинальных текстах.

В переводе «Песни ночного странника» Лермонтовым можно увидеть, что путник не видит вокруг себя живых существ (в оригинальном тексте есть птицы — *Vögelein*), а мир вокруг, дорога погружены в состояние сна, идиллии. Упразднена речь, отсутствует диалог с кем-либо, на пути предстают лишь *горные вершины, тихие долины* (в стихотворении Гёте они тоже есть, но опять же у него есть и образ живых существ, да и само стихотворение больше воспринимается как созерцание лирическим героем окружающего мира перед отходом ко сну).

В переводе В. А. Жуковским «Лесного царя» отец в первом четверостишии назван *ездок запоздалый* в последнем — *ездок оробелый*, он *погоняет* и скачет. Гёте не гиперболизирует образ отца, у него данный образ представлен лексемой *der Vater*, а у Жуковского образ гиперболизирован для того, чтобы передать ужас происходящей ситуации.

Данную особенность можно объяснить тем, что Василий Андреевич относился к так называемой школе гармонической точности, для которой были характерны следующие особенности:

1) слова подбирались по их стилистической и лексической уместности, при этом слова разных стилей могли находиться рядом, если они не противоречили друг другу (*без злата мил и красен* — славянизм «злато» не противоречит разговорно-литературному «мил»);

2) слова должны были ласкать слух, предпочтение отдавалось звукам [м], [л], [н] и гласным;

3) абсолютная безразличность к объективной точности, главное — выразительный образ;

4) наличие психологической точности и отсутствие предметной.

Научный руководитель — канд. филол. наук О. М. Исаченко

УДК 81`25

Эволюция нормы в синхронном переводе

Н. В. Зоммер

Новосибирский государственный университет

В современном мире одним из самых ценных ресурсов становится информация, и потребность в быстрой и эффективной передаче данных и знаний в ходе общения между людьми из разных стран предопределяет необходимость в специалистах в области перевода. Соответственно, на сегодняшний день вопросы самого разного масштаба (в первую очередь международного характера) решаются благодаря переводчикам. Главнейшим условием, определяющим успешность коммуникации, является точность перевода.

В XXI веке значительно возросли требования к переводу: качественный перевод сегодня — тот, в котором информация передана во всех деталях без искажений и нарушения норм языка перевода. Проблема оценки качества перевода продолжает занимать одно из центральных мест в современном переводоведении.

Для стандартизации оценки деятельности переводчика в теории перевода было введено понятие нормы. Норма регламентирует характер переводного текста, определяет стратегии перевода. Вопрос о применении каких-либо нормативных требований по отношению к переводческой работе в России был поднят еще в начале XX века. Позднее, в середине XX века, в переводоведении приступили к основательному анализу и исследованию данного понятия. Однако большинство теоретических работ лингвистов было посвящено именно изучению *нормы* в контексте письменного перевода. Вступивший в силу с 1 сентября 2021 года профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» призван регламентировать требования к квалификации письменного и устного переводчика [1]. В работе исследуются и формулируются критерии оценки качества устного перевода на основе теоретических положений и изысканий, факторов, характеристик и условий протекания устного перевода, а также с учетом современного профессионального стандарта. Цель данного исследования заключается в изучении нормы синхронного перевода в диахронии и формулировании современных критериев оценки качества синхронного перевода.

Исследование основывается на анализе следующих материалов: документальных свидетельств с Нюрнбергского процесса, положившего начало синхронному переводу; ФГОСа 45.05.01 «Перевод и переводоведение» [2]; профессионального стандарта «Специалист в области перевода» [1]; требований и стандартов международных организаций переводчиков (АИЦ [4], FIT [5]); видеозаписи конкурса устных переводчиков «COSINES Pi» [3].

Результаты исследования в виде списка нормативных требований могут быть использованы начинающими и действующими синхронными переводчиками в профессиональной деятельности, а также в лекционных и практических курсах по подготовке устных переводчиков.

1. Приказ Минтруда России от 18.03.2021 № 134н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области перевода»» [Электронный ресурс] (Зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2021 № 63195). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382769/6121fcbcf67a348caf32cf9450feb3776733eb9e/ (дата обращения: 07.02.2022).
2. ФГОС специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение» [Электронный ресурс]. URL: <https://classinform.ru/fgos/45.05.01-perevod-i-perevodovedenie.html> (дата обращения: 07.02.2022).
3. Contest of Simultaneous and Consecutive Interpreters [Электронный ресурс]. URL: <https://cosines-pi.ru> (дата обращения: 07.02.2022).
4. International Association of Conference Interpreters [Электронный ресурс]. URL: <https://aiic.org/site/home?nav=home> (дата обращения: 07.02.2022).
5. International Federation of Translators [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fit-ift.org/> (дата обращения: 07.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. С. Мулладжанова

УДК 811.111+81'25

Лингвистические и культурологические лакуны в поэзии Роберта Фроста: переводческий аспект

Е. А. Лебедева

Новосибирский государственный университет

Актуальность данной работы обусловливается прежде всего распространенностью самого явления лакунарности, демонстрирующего несовпадения в сознании участников процесса коммуникации, относящихся к разным культурам, которые, в свою очередь, должны быть устранены при переводе текста ИЯ на ПЯ.

Целью данной работы является выявление способов элиминирования лингвистических и культурологических лакун в переводах стихотворений Роберта Фроста на русский язык и определение наиболее частотных вариантов переводческой трансформации относительно отдельного вида лакун. Практическим материалом исследования являются пять стихотворений и десять поэтических переводов на русский язык В. Белякова, В. Бетаки, В. Кормана, А. Равиковича, В. Топорова и В. Чижика (по два перевода на одно произведение).

Ключевым понятием нашей работы является понятие переводческой трансформации. По определению Л. С. Бархударова, переводческие трансформации — это «те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [1]. Кроме этого, мы опирались на предложенную Л. С. Бархударовым классификацию трансформаций, подкрепленную более подробным анализом грамматических трансформаций Я. И. Рецкера, по мнению которого последние представляют собой «преобразования структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка» [2].

В ходе лингвостилистического и сравнительного анализа мы пришли к выводу о том, что все способы элиминирования явлений лакунарности совпадают с традиционными формами перевода: лексическими и грамматическими трансформациями, выполняющими следующие функции: 1) опущение; 2) заполнение; 3) компенсация.

Квантитативный анализ материала (129 лакун, 237 переводческих трансформаций) показал, что наиболее частотным способом элиминирования лакун является опущение (23,63 %), затем следуют смысловое развитие (11,81 %), генерализация (10,97 %) и грамматические замены: замена формы слова (10,55 %) и замена части речи (8,44 %). Следует отметить, чаще всего переводчики применяли несколько видов трансформаций, чтобы элиминировать ту или иную лакуну.

Большинство лексических лакун было элиминировано с помощью опущения, генерализации и грамматической замены (*autumn rain* — *дождь / осеннее ненастье*; *November days* — *сырые дни / ноябрь*) или смыслового развития (*morning glow* — *сияние рассвета*).

та / когда был ярок небосвод). Грамматические лакуны были переведены с использованием таких трансформаций, как полное и частичное опущение некоторых конструкций (*the night to be, let us, so truly sees*), генерализации и смыслового развития (*before the coming of snow — предснежное ничто*), а также грамматической замены (*is silver — серебрится*). При элиминировании стилистических лакун мы обнаружили, что среди последних преобладает метод опущения: некоторые лексемы при переводе утрачивали стилистическую окраску или графическое маркирование (*looking-glass; to-day*), а фигуры речи часто не были отражены в переводе (*bore a stick and care; her face rose-red with the coal and the thought; the measure of the little while that I've been long away*).

Менее частотные культурологические лакуны в переводах элиминировались с помощью генерализации (*breeze — ветер, the sash — рама оконная*), опущения (*a heartfelt prayer — молитва*), а также смыслового развития или замены предлога (*came forth into the porch — вышел из дому / шаг сделал на крыльцо*).

Что касается лакун, относящихся одновременно к нескольким видам, их элиминирование также было связано с отдельными видами трансформаций или их сочетанием: лексико-стилистическая лакуна *list to the love of these*, демонстрирующая поэтическое усечение глагола с целью сохранения ритма, была переведена с помощью целостного преобразования (*вот вам рассказ о том, что такое любовь*) или смыслового развития (*заметьте этих страсть двоих*).

Таким образом, результаты исследования элиминирования явлений лакунарности на примере поэзии Роберта Фроста указывают на то, что вне зависимости от вида лакун среди способов их элиминирования преобладают опущение, генерализация и смысловое развитие. Среди грамматических трансформаций наиболее распространенными являются замены части речи и формы слова, что непосредственно связано с различиями в языковых системах ИЯ и ПЯ.

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ИМО, 1975. 240 с.
2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: ИМО, 1974. 216 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81'25

Языки-посредники в межъязыковом субтитровании

А. Малышев, М.И. Анисимков

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Сегодня перевод через язык-посредник (двухступенчатый перевод) — весьма популярная стратегия в практике перевода, которую используют, в частности, стриминговые сервисы. Так, компания Netflix в качестве языка-посредника использует английский. Это практичный и рентабельный подход, но он требует усиленного контроля качества [3]. Целью данной работы является обобщение преимуществ перевода через язык-посредник при субтитровании, его недостатков, а также существующих способов их устранения.

Отмечается, что главным недостатком двухступенчатого перевода является качество итогового текста: он может содержать ошибки или неточности, «перекочевавшие» из текста на язык-посреднике [3]. При таком переводе субтитров изначальный замысел автора часто нарушается [1]. Также значительно снижается качество перевода, если переводчик совершенно не знаком с исходным языком, а следовательно, и с его культурой [1].

Английский — а именно он чаще выступает как язык-посредник — лишен многих особенностей, которыми могут обладать исходный и конечный языки. Например, некоторые языки номинируют понятие «дедушка» двумя словами в зависимости от того, по отцу он или по матери. Если переводчик, столкнувшись с такой ситуацией, не находит эту информацию в английском тексте, он вынужден делать произвольный выбор или искать ее самостоятельно [4]. Д. Дюплесси приводит другой яркий пример подобной ошибки: мальчик называет свою учительницу *profesora*, что передано на английский как *teacher*; далее переводчик на немецкий использует мужскую номинацию *Lehrer*, однако несколько эпизодов спустя мы видим учительницу [1].

Многие исследователи, в частности Х. Диас-Синтас, критикуют двухступенчатый перевод как этически сомнительный в связи с малоизученными последствиями подобной практики [2]. Впрочем, ученый не обосновывает свои опасения относительно этической состоятельности такой практики.

Тем не менее, когда языковых ресурсов в определенных языковых парах не существует или они ограничены, использование языка-посредника может послужить удобным и даже необходимым средством перевода на множество различных языков. Так, в Европейском парламенте (ЕП) 24 официальных языка, что дает 552 возможные языковые пары. Если бы в ЕП использовался язык-посредник, число пар сократилось бы до 46, что упростило бы поиск квалифицированных переводчиков и позволило переводить сразу на все представленные языки, исключая ограничение доступа к информации для носителей более редких языков [1]. Это, в свою очередь, ускорило бы разрешение важных политических вопросов.

Компании могут повысить качество таких переводов с помощью баз данных с дополнительными справочными материалами для переводчиков, а также поручая переводы специалистам, в определенной мере владеющим языком оригинала. При этом благодаря использованию языка-посредника переводчику достаточно лишь некоторых знаний о языке оригинала [3].

Для двухступенчатого перевода Netflix использует программу Pivot Language Dialogue List (PLDL), предусматривающую возможность дать краткий комментарий к переводу в форме аннотаций. Это повышает уровень соответствия перевода оригиналу и первоначальному творческому замыслу. Обращается особое внимание на местные идиомы, сленг, культурные отсылки, двусмысленные слова, произношение иностранных имен и т. д. [4].

Использование таких инструментов и аннотаций облегчает задачу переводчика с языка-посредника и решает многие проблемы при таком переводе. При этом аннотации должны включать детальную информацию не только о культуре и языковых регистрах, но и о поле персонажей, множественных формах, используемых временах, которые отсутствуют в языке-посреднике. По сравнению с переводом, направленным непосредственно на зрителя, перевод на язык-посредник должен быть более буквальным и фактологически точным. Следует использовать меньше идиом, но объяснять и переводить выражения, употребленные в исходном тексте, особенно если они важны для понимания сюжета и происходящего на экране.

1. DuPlessis D. Pivot Languages in Subtitling [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ata-divisions.org/AVD/pivot-languages-in-subtitling/> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Jorge Díaz C. Subtitling, *The Routledge Handbook of Translation Studies* / ed. C. Millán and F. Bartrina [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203102893.ch20> (дата обращения: 27.01.2022).
3. Samiotou A. Is the Pivot Language Approach Ever a Good Option? [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.taus.net/is-the-pivot-language-approach-ever-a-good-option-part-i> (дата обращения: 20.01.2021).
4. Script Authoring Tool: Pivot Language Dialogue List SOW [Электронный ресурс]. URL: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/360051861714-Script-Authoring-Tool-Pivot-Language-Dialogue-List-SOW> (дата обращения: 5.02.2021).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. С. А. Иванова

УДК 81`42

**Особенности речевого этикетного жанра «Поздравление»
(на материале поздравлений президентов США
Дональда Трампа и Барака Обамы)**

Е. С. Меркулова

Новосибирский государственный университет

Для современного человека важно быть успешным в различных сферах жизни. Гарантией достижения этого успеха является умение выстраивать отношения в обществе. В связи с этим значительный интерес вызывает коммуникация политиков, например, президентов страны. Одним из средств установления контакта и взаимоотношений с народом страны и другими странами является поздравительная речь президента. Этим и обосновывается актуальность исследования.

Целью данного исследования является изучение жанровых особенностей этикетного жанра «Поздравление» в текстах поздравлений Д. Трампа и Б. Обамы.

Ключевым термином работы является речевой жанр. Согласно М. М. Бахтину, речевой жанр — «широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных типов высказываний», которые охватывают все сферы человеческой деятельности и частично пересекаются с литературными жанрами [1]. Существуют различные классификации речевых жанров. В классификации Т. В. Шмелёвой выделены информативные, императивные, этикетные и оценочные жанры [2]. Один из этикетных жанров — жанр поздравления. Коммуникативной целью поздравления является усиление положительного эмоционального состояния адресата с помощью выражения приятных чувств и эмоций в стандартной или оригинальной форме.

Итак, в ходе сравнительного исследования были проанализированы 30 поздравлений Д. Трампа за период с 2017 по 2020 гг. и 30 поздравлений Барака Обамы за период с 2011 по 2016 гг.

В ходе исследования были проанализированы: цель обращения, адресант и адресат, организация обращения; был проведен анализ основных структурных элементов в поздравительных обращениях президента.

Было выявлено, что цели поздравительных обращений обоих президентов совпали. Цели обращения следующие: объединение нации, соблюдение традиций поздравления, демонстрация положительных эмоций и уважительного отношения к гражданам, поддержание боевого духа военных и выражение благодарности.

В качестве адресанта обращения в поздравлениях обоих президентов выступает не только сам президент, но и президентская чета. В первом случае адресант выражен с помощью местоимения *I*. Если адресант — чета, то в поздравлениях Б. Обамы он выражен с помощью *Michelle and I, the First Lady and I*, а в поздравлениях Д. Трампа — с помощью *Melania and I, Melania joins me..., the First Lady and I*. Кроме того, в качестве адресанта в поздравительной речи Обамы мы можем выделить и адресанта-президента

как представителя народа, который выражается с помощью конструкции *on behalf of all Americans*.

Был проведен фреймовый анализ адресата в поздравлениях. В поздравительных текстах президента Трампа нами были выделены шесть фреймов: «Американцы», «Представители различных профессий», «Военные», «Союзники США», «Группы меньшинств», «Обобщенный адресат».

Выражение поздравления может быть прямым и косвенным [3]. Если поздравление выражается напрямую, то используются устойчивые фразы *Merry Christmas, Happy New Year, Happy Thanksgiving Day* и др. Или же поздравление может быть выражено напрямую через перформативную конструкцию *I congratulate you*. Иногда поздравление выражается косвенно, например, с помощью конструкций *we celebrate, we honor*.

Был проведен анализ структуры текстов поздравлений Дональда Трампа и Барака Обамы и выявлены такие элементы, как: 1) обращение; 2) поздравление с обозначением повода; 3) похвала, благодарность, комплимент адресату; 4) пожелания. Мы пришли к выводу, что в поздравлениях Д. Трампа чаще всего используются похвала и благодарность по отношению к военным. Б. Обама же использует похвалу в обращении ко всей нации в целом.

Так, Дональд Трамп и Барак Обама поздравляют американцев с Днем независимости, с Днем Земли, с Днем благодарения, с Новым годом и Рождеством, с профессиональными праздниками, а также по случаю побед в спортивных состязаниях. Оба президента нередко обращаются к союзникам с целью поздравления и демонстрации уважения и положительных эмоций по поводу различных событий. Следует отметить, что Дональд Трамп чаще, чем Барак Обама, обращается к военным.

Таким образом, сравнительный анализ поздравительной речи президентов позволяет увидеть их приоритеты, значимые социальные группы, обозначить участников коммуникации, людей, которых президент поддерживает и которые, в свою очередь, поддерживают президента.

1. Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. 697 с.
2. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра. Саратов: СНИГУ им. Н. Г. Чернышевского, 1997. С. 25–29.
3. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. А. Тюленёва

УДК 81`25

**Перевод слов-реалий, обозначающих наименования одежды,
в романе М. А. Шолохова «Аңдарган кур чер» («Поднятая целина»)**

У. М. Монгуш

Тувинский государственный университет, Кызыл

Перевод первой книги романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» осуществлен в 1950 году. Переводчиком выступил тувинский прозаик и драматург О. К. Саган-оол. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью проблемы перевода слов-реалий и особенностей их передачи в тувинском языке. Объектом исследования являются реалии, представленные наименованиями одежды. Предмет исследования — способы перевода слов-реалий с русского на тувинский язык. Цель исследования — выявление слов-реалий и описание способов их перевода.

На первом этапе работы методом сплошной выборки из параллельных текстов выявлено 24 единицы. Отобранные из текстов слова-реалии, обозначающие наименования одежды, разделены на восемь тематических подгрупп:

- 1) «Верхняя одежда» (*зипун, поддевка, сюртук, тужурка, тулуп, чекмень, толстовка*);
- 2) «Брюки» (*гачи, шаровары*);
- 3) «Головной убор» (*малахай, буденовка, папах, треух, кубанка, кепка, башлык*);
- 4) «Нижнее белье» (*рубаша*);
- 5) «Обувь» (*валенки, калоши*);
- 6) «Детали одежды» (*кушак, околыш*);
- 7) «Украшения» (*гайтан*);
- 8) «Одежда, надеваемая на шею и плечи» (*шаль, питрахиль*).

На втором этапе исследования выявлены приемы передачи реалий. К ним относятся:

1. Транслитерация. Это побуквенная передача отдельных слов или текстов одной графической системы средствами другой системы [3]. С помощью транслитерации переведено 6 реалий. Например: *ярко-синего длиннополого сюртука* [5] — *узун эдектиг, чидиг көк өңнүг сюртугунуң чеңи-биле* [6]; *раздвинул башлык* [5] — *башлыгын чада тыртыпкан* [6]; *малахай* капюшоном был похож на дремлющего ястреба [5] — *малахайының кырындан тонунда кожсуп каан...көөрге удуп олурга хартыга ла* [6]; *тряхнул буденовкой* [5] — *буденновка... бөргүн силгипкен* [6]; *сапог с калошами* [5] — *сапог-тар, калоштары-биле* [6]; *питрахиль* на нем дрожит [5] — *питрихалы сириңейнип турар* [6].

2. Родо-видовая замена (генерализация). Это замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением [1]. Путем родо-видовой замены переведена лексическая единица *гачи*. Например: *Ну, и порвет гачи [штаны]* [5] — *хеп ора тыртып алып* [6].

3. Подбор функционального аналога. Функциональный аналог — это элемент конечного высказывания, который вызывает сходную реакцию у русского читателя [4]. На-

пример: *туго перетянувший чекмень красный кушак* [5] — *хөйлеңин дыңзыдып турган кызыл курундан* [6]; *красный кушак* [5] — *кызыл курундан* [6]; *Приезжий снял... папаху* [5] — *Келген кижги ..бөргүн ужулган* [6]; *сером домотканом зипуне* [5] — *куу шепкен тонун* [6]; *натягивая поддевки* [5] — *кедип хөрөктээштерни* [6]; *казак в лисьем треухе* [5] — *дилги кежи халбаңныг бөрттүг...* казак [6]; *казачьих с лампасами шароварах* [5] — казак *чүвүрлүг* [6]; *распахнутой кожаной тужурке* [5] — *алгы хөрөктээжин чатпайтып алган* [6]; *новый овчинный тулуп* [5] — *чаа негейиңни* [6]; *ворот толстовки* [5] — *хөрөктээжиниң моюндуруун* [6]; *ситцевой рубахи* [5] — *чычыгы хөйлеңиден* [6]; *в порожек валенком* [5] — *эргинге кидис иди-биле* [6]; *креста на гайтане* [5] — *удазынныг крест* [6]; *с красным околышем* [5] — *кызыл хүрээлиг* [6]. Путем функционального аналога переведено 14 реалий.

4. Описательный способ. Это способ передачи безэквивалентной лексики, который заключается в раскрытии значения исходной единицы при помощи развернутого описания [2]. Описательным способом переведено 3 лексемы: *Цветастой шалькой* [5] — *чечектелчек баш-шывыын* [6]; *в черной, низко срезанной кубанке* [5] — *минчип каан кара кубанка бөрттүг* [6]; *городскую кепку* [5] — *хоорай кепке-бөргүн* [6]. В данных примерах переводчик одновременно использует прием транслитерации и описательный способ.

Таким образом, проанализированы слова, обозначающие наименования одежды (24). Частотным способом перевода является подбор функционального аналога (14). Менее распространенный прием — транслитерация (6). Еще реже применяются описательный способ (3), родо-видовая замена (1).

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
2. Латышев Л. К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). М.: Межд. Отнош., 1981. 200 с.
3. Романова С. П., Коралова А. Л. Пособие по переводу с английского на русский: 5-е изд. М.: КДУ, 2011. 176 с.
4. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 251 с.
5. Шолохов М. Поднятая целина. М., 1970. 559 с.
6. Шолохов М. Андарган кур чер / очул. О. Саган-оол. Кызыл, 1950. 412 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. С. Ондар

УДК 811.581

Анализ употребления интернет-сленга в современном китайском языке, встречающегося на китайской интернет-платформе 小红书

О.А. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл

В последние десятилетия крупные изменения, происходящие в социальной, экономической, политической и духовной сферах мира, в частности, в китайском обществе, оказали существенное влияние на разговорную речь, точнее, на сленг, что в полной мере объясняет актуальность выбранной темы.

Сленг используется не только в речи представителей разных слоев населения, в особенности среди молодежи, но и в литературных произведениях, в периодических изданиях, в рекламе, в СМИ и т. д.

Владение сленгом является необходимым элементом познаний китаевода, так как сленг — неотъемлемая часть повседневной разговорной речи. Знание интернет-сленга, который все чаще возникает во многих областях жизни человека, показывает высокий уровень владения языком и говорит о том, что китаевед развивается и увеличивает свою лексику новообразованными словами, что повышает его ценность как специалиста.

Данная научная статья направлена на изучение и анализ употребления интернет-сленга в современном китайском языке.

По определению В.А. Хомякова, сленг — это относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра [1].

Сленг ориентирован на межличностные отношения и может использоваться для устных и письменных, контактных и дистанционных способов общения. Сленг — элемент общения, который способен разрушить дистанцию и объединить людей разных социальных слоев общества, отличающихся разным уровнем образования, родом деятельности и т. д.

В ходе исследования изучены и проанализированы сленговые выражения китайской социальной платформы 小红书 и отобраны актуальные на сегодняшний день сленговые единицы. Были рассмотрены те сленговые единицы, которые характеризуют общественные отношения, явления, процессы, которые указывают на социальные изменения, новые тенденции в различных сферах жизни китайского народа.

Мы выделили пять групп сленговых выражений по социальным явлениям, актуальным в китайском обществе: работа, профессия; игровой мир; интернет, социальные сети; эмоциональный окрас; комплименты.

Были рассмотрены: 内卷 (nèijuǎn, 'закручиваться в спираль'), 躺平 (tǎngpíng, 'лежать пластом'), 打工人 (dǎgōngrén, 'батрак/работник'), yyds (сокр. от yǒngyuǎnde shén (永远

的神), ‘непревзойденный/богоподобный’), 破防 (pòfáng, ‘ошеломленный / потерявший защиту’), xswl (сокр. от xiàosǐ wǒ le (笑死我了), ‘я смеюсь до смерти’), bdjw (сокр. от bù dǒng jiù wèn (不懂就问), ‘просто спрашиваю’), 社交牛逼症 (shèjiāo niúbī zhèng, ‘социально-активное расстройство’), 蚌埠住了 (bèngbùzhù le, ‘не могу сдержаться’), 我emo了 (wǒ emo le, ‘я разочарован / я расстроен’), zqsg (сокр. от zhēnqíng shígǎn (真情实感), ‘истинные чувства’), PLGG/PLJJ (漂亮哥哥 / 漂亮姐姐, piàoliang gēgē / piàoliang jiějie, ‘симпатичный брат / сестра’), nsdd (сокр. от nǐ shuōdé duì (你说得对), ‘ты прав’).

В каждой из этих групп сленговые выражения отражают особенности китайского общества, социальные явления, которые лежат в основе сленга.

Каждая из пяти выделенных групп охватывает значительную часть социальных процессов Китая, является обособленной и в то же время имеет пересечения с другими группами.

В ходе исследования сленг выступил как социолингвистическое явление, на которое существенно повлияли изменения, происходящие в социальной, экономической и культурной сферах китайского общества. Интернет-сленг — это наиболее подвижный пласт лексики, который отражает языковую картину Китая.

Был сделан вывод, что существует тесная связь и взаимовлияние между социальными процессами в Китае и сленгом китайского языка.

1. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. Вологда: Областная типография, 1971. 39 с.

Научный руководитель — Н. О. Монгуш

УДК 81'27+81'38

Репрезентация феномена политкорректности в художественном дискурсе (на материале романа Д. Митчелла *Black Swan Green*)

М. П. Подлатов

Новосибирский государственный университет

Культура, традиции и менталитет неразрывно связаны с языком, поэтому язык отражает процессы, которые происходят в обществе. Ярким примером одного из таких процессов могут послужить изменения языковой картины мира носителей английского языка, связанные с возникновением такого явления, как политическая корректность.

Актуальность работы обуславливается значимостью политической корректности в современном англоязычном обществе, а также недостаточной исследованностью феномена политкорректности в художественном дискурсе.

Цель работы — определить, каким образом политкорректность репрезентируется в художественном дискурсе, путем выявления и анализа эвфемистических и дисфемистических выражений, указывающих на этническую, социальную, сексуальную дискриминацию.

В качестве материала для исследования был взят роман Дэвида Митчелла *Black Swan Green* (2006). На данный момент выявлено 99 языковых единиц.

Основным методом исследования является лингвостилистический анализ. В ходе исследования проанализированы стилистические функции эвфемизмов и дисфемизмов и подсчитана частота, с которой автор использует их.

В результате уже проделанной работы можно заметить, что Дэвид Митчелл намного чаще употребляет дисфемизмы, чем эвфемизмы, и вкладываются они чаще в реплики героев, чем в речь автора. Так, для создания портрета Брайана — дяди главного героя — автор использует дисфемизм *Jap*, что показывает пренебрежительное отношение Брайана к японцам: *Don't trust a Jap or the tat he churns out* (с. 62). Еще один дисфемизм, который использует дядя Брайан, — *Nip* (от *Nippon* (日本)): *There's this pint-sized Nip, running round trying to find the new VW Golf, then it drops from the ceiling and flattens him!* (с. 62). Он используется с той же целью.

Для создания образа Джейсона, главного героя, подростка-поэта, который достаточно осторожен при описании умственных способностей одного из героев, автор использует эвфемизм *funny in the head*: *Squelch's funny in the head 'cause he was born too early, so nobody ever thumps him one* (с. 6). Также Джейсон осторожен при описании представителей разных этносов; обратим внимание на нейтральное выражение *the dark American woman*: *"If I'd known I'd end up with this mess," the dark American woman purred at me, "I'd have gotten the freakin' cherries."* (с. 236).

Интересным представляется, что основной этнический конфликт в произведении (между цыганами и британцами) передается при помощи как эвфемизмов, так и дисфемизмов.

Например, персонаж, который явно относится к цыганам пренебрежительно, чтобы выглядеть вежливо, использует политически корректный термин *Romany people*: *Nobody denies that the Romany people need a permanent place of abode.* (с. 288)

Фермер Сэмюэл Суиньярд, описывая цыган, которых его отец нанимал на работу, использует дисфемизм *niggers*: *Dark as niggers, teeth strong as horses', their people'd wintered'n all in the Chilterns since the Flood.* (с. 289). Это характеризует его как человека, который не заботится о том, чтобы звучать вежливо или политкорректно.

Можно сделать предварительный вывод, что явление политкорректности репрезентируется в художественном пространстве романа в сценах, связанных с описанием образа героя, а также с описанием этнического конфликта. Также мы заметили, что зачастую бывает сложно различить эвфемизмы и дисфемизмы. В таком случае можно говорить об икс-фемии. Отец Джейсона, отзываясь о его жене и ее подругах, которые в годы студенчества были неразлучны, произносит такую реплику: *"The fairer sex, Jason"—Dad gave me a crafty nod—"hunt in packs."* (с. 161). Выражение *the fairer sex*, не несущее в себе негативной коннотации, в контексте деперсонификации *hunt in pack*, указывающей на пренебрежение, приобретает ее.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81`25

**Художественная деталь и средства ее воссоздания
в русском переводе образной составляющей новеллы Э. Манро
«Слишком много счастья»**

И. В. Полянская

Новосибирский государственный университет

Актуальность работы обусловлена тем, что с творчеством канадской писательницы Элис Манро русские читатели в полном объеме смогли познакомиться совсем недавно, поэтому в отношении специфики функционирования лингвостилистических средств в оригинале и переводе это произведение ранее еще не изучалось. Более того, актуальность данного исследования связана еще и с интересом современного переводоведения к воспроизведению в переводе на русский язык художественной детали и ее роли в раскрытии авторского замысла.

Цель данной работы заключается в изучении способов передачи на русский язык различных видов художественной детали при воссоздании на ПЯ (язык перевода) образной составляющей новеллы Элис Манро «Слишком много счастья».

Материалом для исследования послужили художественные детали (63 единицы), встречающиеся в тексте данного произведения, а также их перевод на русский язык, выполненный А. Д. Степановым.

В исследовании использованы следующие методы и приемы: метод сопоставительного изучения материала, а также методики контекстуального и стилистического анализа.

Теоретической базой для наших исследований послужили работы В. А. Кухаренко, В. В. Виноградова, Л. С. Бархударова, В. Н. Комисарова и др.

«Художественная деталь — мельчайшая изобразительная или выразительная художественная подробность в произведении, выполняющая смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку. К художественным деталям относят элементы пейзажа, портрета, интерьера, отдельную вещь, поступок, жест» [1]. При переводе художественных деталей, относящихся к передаче на ПЯ образов героев, перед переводчиком стоит задача сохранить их эмоциональную и смысловую составляющие.

В ходе исследования художественные детали были разбиты на несколько функциональных групп. Согласно классификации В. А. Кухаренко, это изобразительные, уточняющие, характерологические, имплицитные, употребленные в исходном и переводимом текстах, с последующим выявлением способов их передачи на ПЯ [2].

Рассмотрим один из примеров перевода изобразительных деталей: *On the first day of January, in the year 1891, a small woman and a large man are walking in the Old Cemetery, in Genoa. Both of them are **around forty years old**. The woman has **a childishly large head**, with **a thicket of dark curls**, and her expression is eager, faintly pleading* [3]. *Первого января 1891 года на старом кладбище в Генуе прогуливаются двое: **женщина неболь-***

шого роста и крупный мужчина. Обоим около сорока лет. У женщины по-детски большая голова и темная кудрявая шевелюра [4]. В приведенном высказывании автор использует антитезу, включающую эмоционально-окрашенные эпитеты, передающие внешний контраст между двумя главными героями. С первых строк Манро выдвигает на первый план внутренние противоречия главной героини, используя антонимы *small woman, a childishly large head* подчеркивая, с одной стороны, ее интеллект, с другой — неуверенность в себе. При воспроизведении прилагательного *small* переводчик прибегает к приему конкретизации, заменяя фактический перевод *маленькая* на более точную формулировку *небольшого роста*. Далее он буквально передает фрагмент, содержащий указания, касающиеся возраста героини, оставляя при этом без изменений текстовый элемент *childishly large head*. Часть оригинала, представленная в виде *with a thicket of dark curls*, обнаруживает переосмысление и грамматическую замену *темная кудрявая шевелюра*, что мотивируется синтаксической спецификой ПЯ — разделением одного предложения на два простых. Единицы перевода представлены эквивалентными и контекстуальными соответствиями, при этом преобладающими оказываются эквивалентные.

В целом следует отметить, что перевод художественных деталей, раскрывающих образы главных персонажей новеллы, был выполнен с учетом содержательной информации с обязательным сохранением их индивидуальных особенностей подлинника. По этой причине переводчик старался подобрать лингвостилистические средства, которые максимально точно отражали бы их исходные параметры. Для этой цели были использованы различного рода трансформации: лексические (конкретизация), грамматические (членение предложений, грамматические замены, дословный перевод) и комплексные (компенсация и переосмысление).

1. Есин А. Б. Принципы и приемы литературного произведения. М., 2000. 85 с.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
3. Munro A. Too Much Happiness. London: Vintage Books, 2010. 303 p.
4. Манро Э. Слишком много счастья: новеллы / пер. с англ. А. Степанова. СПб: Азбука, 2014. 352 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Тарабунова

УДК 81-13

Количественная оценка переводческой эквивалентности поэтического текста

П. А. Сикацкая

Новосибирский государственный университет

Данное исследование посвящено проблеме многократно переведенного текста и смежной с ней проблеме переводческой эквивалентности. В нашей работе мы хотели бы затронуть следующие вопросы: 1) почему переводчики не останавливаются на существующих переводах и создают новые, 2) какие переводы в таком случае можно назвать более эквивалентными в том или ином аспекте, а также 3) к каким переводам преимущественно обращается читатель.

Целью нашего исследования является разработка метода **количественной** оценки переводческой эквивалентности поэтического текста с последующей корректировкой метода в зависимости от хронологической отнесенности текста, его объема, динамики (метрики) и других параметров. В результате мы планируем разработать универсальный метод измерения переводческой эквивалентности любого поэтического текста, в том числе и не переведенного многократно.

В качестве материала для исследования мы привлекаем несколько наиболее переводимых поэтических текстов как из античности, так и из более позднего времени: три оды (Carmina) Горация Ad Leucoipoen (I:XI) — 60 переводов на русский язык, Ad Thaliarchum (I:IX) — 42 перевода, Ad Melpomenen (III:XXX) — 39 переводов; кроме того, «Патографическую оду» Сапфо — 75 переводов, а также «Тигра» У. Блейка — 65 переводов. В данном докладе будет представлен фрагмент хода работы по анализу эквивалентности переводов первых двух текстов (од Горация «К Левконое» и «К Талиарху») в культурно-историческом аспекте.

При рассмотрении переводов древнего поэтического текста актуальны следующие аспекты изучения эквивалентности: 1) метрический аспект, поскольку античные метры отличаются своеобразием и не всегда поддаются передаче средствами другого языка; 2) семантический аспект, включающий содержательную и прагматическую составляющую; 3) культурно-исторический аспект, так как без уточнения роли некоторых реалий античной бытности читатель может неверно интерпретировать смысл текста.

Для начала стоит упомянуть о сходствах двух описываемых текстов Горация:

1) они имеют общую философскую основу;

2) они сопоставимы хронологически, находятся во временном диапазоне XVIII–XXI вв. Самый ранний перевод I:IX был выполнен в 1739 г. А. Д. Кантемиром, а самый поздний — в 2018 г. С. Егоровым. Ода I:XI впервые переведена в 1776 г. М. Н. Муравьевым, а последний известный нам перевод был выполнен в 2020 г. И. Блюменом.

Количественная оценка культурно-исторической эквивалентности перевода формируется на основе коэффициента. Подсчет коэффициентов производится следующим

образом: в тексте оригинала мы выделяем ключевые единицы перевода (ЕП), обращаясь к комментариям древнеримских грамматиков и самих переводчиков и издателей, и наделяем его условным процентным значением в зависимости от точности передачи.

ЕП имеют некоторые тематические сходства: упоминание географического объекта (гора Соракт; Тирренское море) и божеств (боги и Случай; боги и Юпитер), обращение к собеседнику (о, Талиарх; Левконое). По количеству выделенных культурно-исторических ЕП стихотворения различаются: в оде «К Талиарху» 13 ЕП, а в оде «К Левконое» — восемь. Это объясняется объемом стихотворений (ода I:XI короче).

Далее мы оцениваем эквивалентность отражения каждой ЕП в каждом русском переводе по условной шкале от 0 % (отсутствие) до 100 % (максимальная эквивалентность). Затем на основании этих данных каждый из переводов получает общий коэффициент эквивалентности, определяемый как среднее арифметическое эквивалентностей в нем по отдельным ЕП.

Полученные коэффициенты культурно-исторической эквивалентности отдельных переводов складываются в общую шкалу и могут быть охарактеризованы следующим образом:

- 100 % — инкультурация;
- 99–85 % — культурно-историческая близость;
- 84–55 % — культурно-историческая нейтральность;
- 55–25 % — культурный перенос;
- 25–0 % — смена культурно-исторической парадигмы.

Таким образом, например, переводы Горация, выполненные Г. М. Севером, характеризуются высокой культурно-исторической эквивалентностью: перевод оды «К Талиарху» (92,3 %) культурно-исторически близок к оригиналу, а его же перевод оды «К Левконое» (100 %) инкультурирует читателя в античную среду и помогает более полно раскрыть смысл оригинального текста Горация.

Сравнивая переводы других авторов, которые также решили перевести оба этих стихотворения как некий корпус, отражающий единую идею, мы пришли к выводу, что более короткое по объему и количеству ЕП стихотворение *Ad Leuconoën* русские переводчики обычно передают точнее, чем более длинную оду *Ad Thaliarchum*. Кроме того, стоит отметить, что с хронологической точки зрения ранние переводы имеют более низкую степень эквивалентности — для переводчиков XVIII века сохранение культурно-исторического фона не было столь актуально.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. А. Реморов

УДК 81`25

Phonological Assimilation as a Strategy for First Names Translation (Anglo-Saxon and Russian Name Material)

S. V. Silkov

Novosibirsk State University

Personal names do not have equivalents in the target language the way general words do, thus, translators have difficulty conveying them. One name can be translated differently by several translators, the absence of conventional forms creates much controversy. Often the usage of transliteration or pure transcription makes names stand out from other words in the surrounding text as they do not sound euphonic for the speakers of the target language. A solution to this problem is suggested in this study.

The aim of this paper is to create guidelines for translation of Anglo-Saxon first names into the Russian language with regard to phonological assimilation for practicing translators/interpreters and students who are majoring in translation. The current research testifies its relevance as there is a gap of knowledge in the study, especially concerning Anglo-Saxon and Russian names. The subject matter is the principles of phonological assimilation in translation of Anglo-Saxon first names into the Russian language.

The following areas of scientific knowledge have been observed: 1) onomastics as the study of proper names as well as the historical background of English and Russian names; 2) phonological systems of English and Russian languages; 3) phonaesthetics (euphony) as a study of the pleasantness of sounds and current strategies for translation of first names (merits and demerits).

In order to achieve the aim of the study, we examined modern Russian names and how they were altered phonetically compared to their original form in their native language (e.g. Biblical names). Deduced patterns were applied to Anglo-Saxon first names. Unlike the two conventional ways of translating first names—transliteration and transcription—our method provides for focusing on the euphony of the target language. Further work can be implemented in the form of an English-Russian personal name dictionary to establish the norm for their translation.

The source of Anglo-Saxon first names used in this study is the *Survey of Medieval Winchester*. It contains data of more than 5,000 people, their kinship and property between X–XIV centuries. The *Survey* was selected for the paper due to its diachronic stability and underexplored material that includes personal names which were not frequently translated earlier into Russian and were not given generally accepted translation.

Scientific Supervisor — Cand. Philol., Assoc. Prof. O. V. Khotskina

УДК 81'25

Перевод цветообозначения *bleu* на русский язык на примере произведения М. Пастуро *Bleu. Histoire d'une couleur*

А. П. Французова

Новосибирский государственный университет

Цветообозначения являются важной частью лексики любого языка. Они используются не только для описания окружающего мира, но и в качестве символов, метафор. Несмотря на кажущуюся связь с объективным миром, цветообозначения выделяются в каждом языке по-разному. Далеко не всегда языки одинаково категоризируют реальность: два разных объекта могут быть названы одним цветообозначением в одном языке и двумя разными цветообозначениями в другом.

Цель нашей работы — приблизиться к пониманию отношений между категориями *синий*, *голубой* и *bleu* у билингвов, владеющих русским и французским языками. Для этого мы рассмотрим, каким образом переводится цветообозначение *bleu* на русский язык.

Перевод цветообозначений из одного языка на другой нередко вызывает трудности. Как точно подобрать аналог редкому цветообозначению? Как перевести цветообозначение, которое не выделяется в языке, на который переводится текст? Как поступить, если язык перевода имеет обязательное разделение цветовой категории, представленной в языке оригинала лишь одной категорией?

Именно с последним случаем сталкиваются переводчики, переводящие на русский язык. Известно, что цветовая категория, представленная во многих языках единым целым (в английском, французском, немецком языках, и т. д.), представлена в русском языке двумя различными категориями: *синий* и *голубой*. Такая же ситуация складывается в греческом (*μπλε/γαλάζιο*), украинском (*блакитний/синій*), польском (*błękitny/niebieski*) и некоторых других языках.

Таким образом, при переводе с языков, имеющих лишь одну категорию, переводчик нередко сталкивается с необходимостью принять решение и выбрать одно из цветообозначений при переводе, при этом, он далеко не всегда имеет достаточно информации для определения точного оттенка описываемого цвета.

В нашей работе мы исследуем, как переводчик решает эту проблему на примере одного произведения. Для этого мы выбрали работу известного историка М. Пастуро *Bleu. Histoire d'une couleur*, переведенную на русский язык Н. Кулиш («Синий. История цвета»). Эта книга посвящена одному цвету, в ней описываются его символика, значимость и история на территории Европы на протяжении нескольких тысячелетий. Для обозначения этого цвета во французском языке используются прилагательное и существительное *bleu*, у которых нет эквивалента в русском языке. Нами проанализировано разное использование переводчиком цветообозначений *синий* и *голубой* для перевода цветообозначения *bleu*.

При переводе самого названия книги переводчиком было выбрано прилагательное *синий*: «Синий. История цвета». Использование этого цветообозначения для перевода *bleu* устанавливает тесную аналогию между цветообозначениями *синий* и *bleu*, которая прослеживается по всему тексту книги.

В оригинале цветообозначение *bleu* встречается 598 раз. В переводе словоформы цветообозначения *синий* встречается 549 раз, а словоформы цветообозначения *голубой* — всего 40 раз. Такое явное доминирование не соответствует частотности употребления этих двух цветообозначений в русском языке. К примеру, в основном корпусе Национального корпуса русского языка были найдены 34 242 вхождения словоформ цветообозначения *синий* и 27 624 вхождения словоформ цветообозначения *голубой* (данные на 09.02.2022). Таким образом, предстоит выяснить причины явного «предпочтения» переводчика передавать цветообозначение *bleu* именно как *синий*.

При более близком рассмотрении контекстов, в которых переводчик использовал цветообозначение *голубой*, мы отмечаем несколько закономерностей. Во-первых, *голубой* используется, когда в русском языке существует устойчивая традиция описания конкретного объекта голубым:

Quant à avoir les yeux bleus, c'est presque une disgrâce physique — Голубые глаза считались чуть ли не физическим недостатком; les casques bleus de l'ONU — «голубые каски» ООН.

Во-вторых, *голубой* используется в части случаев, когда в оригинале указывается на светлый оттенок, оттенок уподобляется цвету неба: *Et le plus souvent ces portraits sombres ou noirs sont placés sur des fonds bleu clair, à l'image de la couleur du ciel — И чаще всего эти фигуры в темном или в черном изображаются на голубом фоне, который должен напоминать о голубизне неба.* В данном случае переводчик подчеркивает связь голубого цвета и неба, напрямую переводя это как *голубизна*.

В дальнейшем предстоит анализировать причины выбора прилагательного *синий* в данном переводе, а также сравнить тактику переводчика на русский язык с тактикой переводчика на украинский и на польский.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрени

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81`42

Вербальное обозначение взгляда и стоящей за ним эмоции в английской лингвокультуре

Р. Р. Брызгалина

Новосибирский государственный университет

Начиная с XX века ученые стали уделять все больше внимания изучению различных средств невербальной коммуникации, в частности, взгляда как самого мощного инструмента для передачи эмоциональной составляющей сообщения.

Невербальная коммуникация играет важную роль как в процессе личного взаимодействия людей, так и при описании персонажей в текстах художественной литературы. В настоящее время все больше внимания уделяется изучению наук, входящих в состав невербальной семиотики, в частности, окулесике — науке о визуальном поведении человека. [2; 3] Более того, трактование взгляда как одного из главных средств невербального общения будет разным для каждой лингвокультуры, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Объект исследования — эмотивные единицы в английской художественной литературе XX–XXI вв. Предмет исследования — особенности вербального (словесного) обозначения взгляда и стоящей за ним эмоции.

Цель данной работы — выявление и описание основных способов вербального обозначения взгляда и стоящих за ним эмоций в английской лингвокультуре XX–XXI вв.

Для достижения поставленной цели в работе были выделены следующие задачи:

1. Охарактеризовать понятие «эмоции» и представить их классификацию.
2. Изучить понятие «невербальная коммуникация» и его составляющие.
3. Выделить и конкретизировать способы невербального выражения эмоций.
4. Рассмотреть способы репрезентации эмоций в литературе.
5. Классифицировать способы описания взгляда в зависимости от выражаемой эмоции.
6. Выявить наиболее частотные эмоции, выражаемые взглядом персонажей, в английской художественной литературе.

Материалом для исследования послужили эмотивные единицы из пяти британских литературных произведений XX–XXI вв. (Nick Hornby “About a Boy”; Nick Hornby “High Fidelity”; Kazuo Ishiguro “Never Let Me Go”; Rachel Joyce “A Snow Garden”; Ian McEwan “Atonement”). Общий объем проанализированного материала составил 108 эмотивных единиц.

Проанализированные единицы мы классифицировали, воспользовавшись типологией К. Э. Изарда [1] и разделив эмоциональные состояния на три группы: позитивные, негативные и неопределенные эмоциональные состояния.

Как результат данного классифицирования, можно сделать вывод, что наиболее частотными эмоциональными состояниями, которые переживали герои рассмотренных произведений, являются: интерес (39 единиц), что подтверждает объяснение самого Изарда, описывающее эту эмоцию как наиболее частотную, в связи с тем, что именно интерес является мотивацией для достижения какой-либо цели; печаль (17 единиц). Далее идут гнев (14 единиц); удивление/изумление (14 единиц). Чуть менее частотными стали страх и тревога (13 единиц). Последнее место по количеству примеров заняли удовольствие/радость (7 единиц); стыд (2 единицы); смущение (2 единицы).

Результаты, которые мы получили, можно объяснить с помощью шести измерений Геерта Хофстеде [4]. Исходя из индексов Великобритании по каждому из измерений, можно сделать вывод, что такое распределение эмоциональных состояний зависит от уровня индивидуализма, снисходительности (*indulgence*) и мужественности или маскулинности.

В перспективе дальнейшего исследования будет актуальным продолжить изучение речевых средств художественной выразительности, используемых авторами для описания взгляда и других средств невербальной коммуникации как инструмента внутритекстовой коммуникации персонажей не только в английской, но и в других лингвокультурах (например, русской).

1. Изард К. Э. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2000.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Hofstede G., Minkov M. *Cultures and Organizations. Software of the Mind*. 3rd ed. McGraw-Hill Education, 2010. 506 p.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Л. Соломоновская

УДК 81`23+811.131.1

Образ хроматизмов *bianco, rosso* в языковом сознании итальянцев на материале ассоциативного эксперимента

А. В. Галайда

Новосибирский государственный университет

Данное исследование посвящено изучению особенностей восприятия цветообозначений *bianco* и *rosso* носителями современного итальянского языка.

В современной лингвистике особое внимание уделяется исследованию цветообозначений. Цветовая картина мира, являясь частью языковой картины мира, отражает особенности восприятия окружающей действительности того или иного этноса. Ассоциативный эксперимент — один из способов получения актуальных языковых данных. Также эта методика позволяет исследовать национально-культурную специфику языкового сознания этноса, так как ассоциации культурно и исторически обусловлены.

Актуальность работы заключается в том, что в современной лингвистике продолжает расти интерес к изучению хроматизмов, особое внимание уделяется изучению цветообозначений как репрезентантов национальных культур. Кроме того, данная работа вносит вклад в решение актуальной проблемы о выявлении универсального и национально-специфичного в языковых картинах мира.

Объектом исследования являются цветообозначения *bianco* и *rosso* в итальянском языке. Предметом выступают ассоциации, которые они вызывают в сознании итальянцев.

В проведенном нами свободном ассоциативном эксперименте приняло участие 227 носителей итальянского языка. Для получения наиболее репрезентативных данных, к эксперименту были привлечены респонденты разного пола и возраста, разных родов, жители разных регионов Италии.

При проведении эксперимента испытуемым предоставлялась анонимная анкета. Анкета состояла из двух условных блоков вопросов: первый — личная информация (пол, возраст, место проживания, место работы); второй — собственно вопросы анкеты ассоциативного эксперимента. Для достижения поставленной цели предлагаемая анкета была значительно расширена по сравнению с общепринятой анкетой свободного ассоциативного эксперимента. Кроме вопросов со словами-стимулами, на которые нужно было дать по три реакции, в анкету АЭ были добавлены пункты «привести устойчивые выражения с прилагательными *bianco* и *rosso*, а также «составить контексты» с изучаемыми словами-стимулами.

Разносторонний анализ цветообозначений *bianco* и *rosso* позволяет сформировать наиболее точное представление об их образе в языковом сознании итальянцев. Реакции на слова-стимулы позволяют нам сформировать ассоциативные поля, однако это не единственный источник ассоциаций к цветообозначениям в языке. Ассоциативность цвета четко прослеживается в языке в виде различного рода устойчивых сочетаний, со-

державших цветовой компонент (так как они являются застывшими, имеют постоянный лексический состав и целостное значение). А то, как цветообозначение функционирует в языке, иллюстрирует контекстная база, которую нам удалось сформировать из предложений, составленных респондентами.

Нам представляется возможным при анализе полученных данных выделить ассоциации, общие для различных национальных культур и уникальные, характерные исключительно для носителей итальянского языка. Так, например, в центре ассоциативного поля слова-стимула *rosso* мы встречаем реакции *sangue* и *fuoco*. Они являются цветодержавшими лексемами, которые во всем мире являются двумя главными референтами красного цвета [1].

Обратимся к примерам, которые, по нашему мнению, характеризуют именно итальянскую картину мира. В ассоциативном поле *bianco* мы можем выделить группу ассоциаций, относящихся к религии: *angelo, Dio, battesimo, Gesù, anima, Papa*. Это связано с большим количеством религиозного населения и собственно территориальной близостью к Ватикану — мировому центру католической церкви.

Большую группу ассоциаций формируют слова, связанные с едой, причем эта группа ассоциаций характерна и для поля *bianco*, и для поля *rosso*. Для итальянцев ассоциации к слову «белый»: *mozzarella, pane, vino, panna, pasta senza condimento*. В ассоциативном поле «красный» мы встречаем: *pasta al pomodoro, pasta al sugo, pizza, peperone, pomodoro, vino*.

Среди устойчивых выражений с компонентом *rosso* наибольшее количество раз (118 ответов) было упомянуто ***Rosso di sera bel tempo si spera***.

Следующие по частотности устойчивые выражения представляют собой сравнение с продуктами, характерными для итальянской кухни. Национальная ухня является важным элементом культуры Италии, именно поэтому ее отражение мы видим и в цветовой картине мира: *sei rosso come un peperone, rosso come un peperone* или *rosso come un pomodoro*.

При анализе поученного материала мы пришли к выводу, что общекультурные ассоциации являются наиболее частотными и потому преобладают количественно. Однако специфические ассоциации, характерные только для итальянцев, значительно разнообразнее и самобытнее.

Таким образом, предложенная и примененная методика позволяет выделить и проанализировать как универсальные характеристики цветообозначений, так и уникальные, присущие только рассматриваемому нами этносу.

1. Пастуро М. Красный. История цвета. 2-е изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 160 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81+811.131.1

Устойчивые выражения с глаголами *fare, avere* как способ отражения языковой картины мира итальянцев

М. А. Гришачева

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию устойчивых выражений с глаголами *fare, avere* и отражению в них особенностей языковой картины мира итальянцев.

Актуальность работы связана с повышенным интересом лингвистов к национальной специфике языковой картины мира различных этносов. Устойчивые выражения являются неотъемлемой частью картины мира, так как являются способом выражения национального самосознания. В данной работе важно определить значение устойчивых выражений с *fare, avere* в итальянском языке и их место в языковой картине мира итальянцев.

Объектом исследования являются устойчивые выражения с *fare, avere*. Объем выборки составил 594 фразеологические единицы.

Предметом исследования являются значения устойчивых выражений с глаголами *fare, avere* и отражение национальной специфики языковой картины мира итальянцев во фразеологических единицах с глаголами *fare, avere*.

Для изучения особенностей языковой картины мира итальянцев были проведены концептуальный и статистический анализы устойчивых выражений с глаголами *fare, avere*. В результате исследования мы выяснили, что в итальянском языке большинство фразеологизмов с глаголами *fare, avere* имеют положительные или нейтральные коннотации.

Национальная специфика наиболее ярко демонстрируется через такие фразеологизмы, которые выражают сугубо национальное мировосприятие и не имеют параллелей в других языках. Фразеологизм *fare una figura da peracottaro* имеет значение 'поставить себя в глупое положение'. Как сообщает энциклопедия Treccani [1], *peracottaro* означал продавца печеных груш на рынках или праздничных ярмарках. В римской культуре *peracottaro* был человеком, который предлагал продукты плохого качества. Этот фразеологизм используется до сих пор в повседневной речи.

Устойчивые выражения с глаголом *fare* почти в два раза превышают количество фразеологизмов с глаголом *avere* и освещают больше аспектов жизни итальянцев. Глагол *fare* занимает особое место в глагольной системе итальянского языка и является общим заместителем итальянских глаголов при субъекте действия. Частотность употребления глагола *fare* в итальянском языке отражает активную жизненную позицию и деятельность итальянцев, а также их энергичное мироощущение и не является прямым эквивалентом русского глагола «делать».

Среди устойчивых выражений с глаголом *avere* было выявлено большое количество соматических фразеологизмов: *avere la lingua sciolta* ('быть болтливым'), *avere a cuore*

(‘быть преданным’), *avere la mano ferma* (‘иметь твердые руки’), *avere la testa vuota* (‘иметь пустую голову’), что не характерно для фразеологических единиц с глаголом *fare*. Частое употребление соматизмов в итальянском языке можно объяснить тем, что соматизмы представляют древнейшую группу лексики, одну из первых, возникших во всех языках.

Среди фразеологизмов присутствуют единицы, которые характеризуют поведение итальянцев, их отношение к работе, еде, семье, отдыху и другим составляющим быта и жизни. Итальянские устойчивые выражения с глаголом *avere*, в структуре которых есть лексемы из тематической группы «Еда, питание» и которые не имеют семантических эквивалентов в русском языке, встречаются довольно часто: *avere le mani in pasta*; *avere sale in zucca*. Фразеологизм *avere le mani in pasta* имеет значение ‘быть вовлеченным в дело’. Происхождение этого фразеологизма связано с людьми, которые работали с тестом. Их руки были в воде и муке, они были грязными и липкими, поэтому очень часто эту фразеологическую единицу используют для выражения негативного смысла, то есть ‘быть вовлеченным в плохое, грязное дело’. Устойчивое выражение *avere sale in zucca* имеет значение ‘быть разумным, хитрым’. В Древнем Риме соль была очень важным элементом для хранения продуктов питания и считалась валютой. Тыква использовалась как влагостойкая емкость для соли, поэтому человек, у которого было много соли в тыкве считался очень умным и хитрым.

В Италии настоящий культ еды. Этот неоспоримый факт отражается и в языковой картине носителей итальянского языка через данные фразеологизмы. Таким образом, в ходе исследования удалось определить, какие фразеологизмы отражают языковую картину мира итальянцев и ее национальную специфику.

1. Итальянская энциклопедия Treccani [Электронный ресурс]. URL: <https://www.treccani.it/> (дата обращения 06.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81`24

Влияние билингвизма на эффективность работы в профессиональном коллективе

В. В. Иванов

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Современный мир представляет собой сложную и многоструктурную систему, в которой для достижения высоких показателей в любом виде деятельности необходимо грамотно организовать каналы коммуникации между отдельными людьми и сообществами.

Особенный интерес это представляет в полилингвальных группах, которые выполняют определенные функции. Коммуникация в таком коллективе должна быть отлаженной и функциональной, чтобы проблемы при передаче информации не сказывались на конечном результате работы.

Для начала следует дать понятие коллективу. Коллектив — это определенная группа лиц, которые объединены общей деятельностью или решением задачи [1].

Исходя из вышесказанного, дадим определение понятию «профессиональный коллектив». Профессиональный коллектив — это группа лиц, которые объединены для достижения определенного результата в трудовой, учебной, научной, общественной и других сферах, и отношения которых часто регулируются определенными правилами и установками.

Однако в настоящее время во многих регионах нашей страны и мира все чаще встречаются профессиональные коллективы, в которых коммуникация ведется не на одном языке, а сразу на нескольких, — так называемые профессиональные билингвальные коллективы.

Основную деятельность коллектива можно измерить как качественно, так и количественно. Все это позволяет нам судить об эффективности его работы.

Эффективность можно измерить разными способами: по статусу, размеру и составу группы; среде, в которой она функционирует, состоянию коммуникаций и конкретное место, где группа работает, важности и характеру стоящих перед людьми задач, свободе организации собственной работы, позволяющей людям на деле трудиться более слаженно и заинтересованно.

Также существуют такие методы измерения эффективности работы коллектива, как: RoI, балльный, ранговый, а также эталонное сравнение (бенчмаркинг) и метод 360°, международная методика HOGAN, DISC Insunrise, различные психологические тесты и т. д. [2].

Для изучения влияния билингвизма на эффективность работы в профессиональном коллективе было выбрано две группы по пять человек, которые осуществляют работу с кадрами в правоохранительных органах.

В одном коллективе говорят только на одном языке (русском). В другом коллективе коммуникация часто происходит на двух языках (русский, якутский). Оформление документов и делопроизводство в обоих коллективах ведется русским языком.

Исследование проходило с 31 января по 6 февраля 2022 года. В этот период собирались сведения по основным показателям с помощью индивидуального опроса в дистанционном формате (WhatsApp, Google-форма).

Анализируя ответы участников, мы отмечаем, что билингвизм хоть и не так существенно, но все же влияет на общую эффективность работы по выбранным показателям.

Особый интерес представляет общая эффективность работы коллектива (5-й вопрос). Так, в билингвальном коллективе большинство участников поставили высокую оценку работе всего коллектива за последние 30 дней. В монолингвальном же коллективе этот показатель оказался ниже.

Этот основной вопрос позволяет нам достаточно субъективно (с точки зрения самих участников исследования) судить об эффективности работы всего коллектива.

Естественно, исследования эффективности работы коллектива это зачастую исследования в области экономики и менеджмента, однако такой фактор, как полилингвальность в коллективе, невозможно не учитывать, так как он влияет на одну из фундаментальных основ работы — коммуникацию.

Несмотря на то, что показатели эффективности не отличаются многократно, мы можем видеть, что работа в многоязычном коллективе часто более положительно складывается на внутренних настроениях в группе, а также на слаженности работы.

Однако здесь следует учесть, что регион исследования — Республика Саха (Якутия) — место довольно компактного проживания населения, и часто знание якутского языка и то, что этот язык является первым для респондента, позволяет считать коллегу, который также говорит на этом языке, более близким и «родным», чем коллегу, общение с которым происходит на неродном языке. Этот немаловажный факт также следует учитывать при проведении подобных исследований в регионах с похожей языковой ситуацией.

В заключение можно сказать, что даже небольшие изменения в лучшую сторону могут стать отправной точкой в работе над оптимизацией и улучшением основных показателей эффективности работы коллектива по его основному виду деятельности.

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд. М.: ИНФРА-М., 1999.
2. Системы оценки персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://premiummanagement.com/blog/sistemy-ocenki-personala> (дата обращения 18.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. Н. Поскачина

УДК 81`42

Коммуникативные и эмоционально-речевые стратегии взаимодействия фронтменов рок-групп с публикой (на материале живых выступлений)

Р. А. Карбушев

Новосибирский государственный университет

Тематика научных работ, посвященных коммуникативным и эмоционально-речевым стратегиям, в настоящий момент достаточно популярна. Коммуникативной проблематикой занимаются такие ученые, как П. Вацлавик, И. Гофман, Ф. Шульц фон Тун, Р. Коллинз, Дж. Остин, В.И. Карасик. Однако на сегодняшний день нам не известно об исследованиях, посвященных анализу факторов динамики успешности эмоционально-речевых стратегий в сфере музыкального дискурса. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить факторы, определяющие степень успешности применения эмоционально-речевых стратегий взаимодействия фронтменов рок-групп с целевой аудиторией. В качестве анализируемых эмоционально-речевых стратегий выступают стратегии привлечения внимания, являющиеся условием вовлечения в ситуацию на концерте. Для достижения поставленной цели мы сформулировали показатели успеха и провала используемых стратегий на основе определенных реакций публики. Успех характеризуется высоким уровнем эмоциональной энергии [1] — демонстрацией вовлеченности в ситуацию на концерте путем совершения согласованных коллективных действий, а также явно выраженные сильные положительные эмоции: шум, крики одобрения, аплодисменты, прыжки. Провал также характеризуется высоким уровнем эмоциональной энергии, но в данном случае она выражается в проявлении сильных отрицательных эмоций: освистывание исполнителя, неодобрительные возгласы и брань в его адрес.

Наши предположения таковы, что успех либо провал эмоционально-речевых стратегий взаимодействия фронтменов с публикой определяется степенью известности и степенью признанности исполнителя. Первая определяется общей популярностью рок-группы: количеством прослушиваний и скачиваний песен на стриминговых платформах, статусом альбомов (золотой, платиновый, бриллиантовый). Вторая зависит от позиций альбомов в музыкальных чартах, количества наград и премий, положительных отзывов критиков. Однако требуется выяснить, имеются ли еще какие-либо факторы, влияющие на динамику успешности выбранных нами стратегий, помимо вышеупомянутых.

Основной метод нашего исследования — метод единственного различия Бэкона-Милля, основанный на номологическом подходе, сформулированном Карлом Гемпелем [2], и предполагающий анализ контрастных случаев в сопоставлении с гипотетическими объяснениями. Данный метод заключается в том, что если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство есть следствие или необходимая часть причины явления [3].

Материалом нашего исследования стали концерты двух рок-коллективов: Pantera и Extreme. В частности, мы рассмотрели два контрастных случая, сходных по существенным показателям (фестиваль Monsters of Rock, состоявшийся в Англии в июне 1994 года; одинаковая степень известности и признанности групп) и отличающихся по степени успешности. Проанализировав их, мы получили следующие результаты. Выступление группы Pantera сопровождалось высоким уровнем эмоциональной энергии, имеющим положительную направленность. Все это может быть обусловлено харизматичностью и коммуникативной компетенцией фронтмена Фила Ансельмо. Под харизматичностью подразумевается обладание уверенностью и умение владеть собой перед многотысячной аудиторией. Под коммуникативной компетенцией имеется в виду активное взаимодействие с фанатами и умение управлять ими как во время шоу, так и в перерывах между исполняемыми композициями при помощи вербальных средств и коммуникативной тактики «вопрос-ответ». Публика отвечала на высказывания и поведение фронтмена на сцене криками, аплодисментами, коллективными движениями в такт музыке и одновременными прыжками на месте, вследствие чего создавался общий фокус внимания и единый ритм. Кроме того, Филом Ансельмо производилось четкое отграничение своих фанатов от чужаков путем введения «сакрального символа». Он выделял тех людей, которые носили фирменный «мерч» — футболки с принтом группы Pantera, а также их друзей, группы Sepultura. Таким образом происходила консолидация фанатского сообщества. Вслед за Pantera на сцене появилась группа Extreme. Уровень эмоциональной энергии публики остался высоким, но получил отрицательное направление. Коллектив освистали, фанаты бросали на сцену мусор, не двигались в такт музыке. В конечном счете, фронтмен Гэри Чероне перестал общаться с публикой и хотел как можно быстрее завершить выступление. Данные действия обосновываются тем, что после концерта группы Pantera на фестивале остались их мобилизованные фанаты без персонифицированного сакрального символа — фронтмена-лидера. Следовательно, при появлении конкурента их сильные положительные эмоции трансформировались в отрицательные.

Таким образом, мы определили, что успех либо провал эмоционально-речевых стратегий взаимодействия фронтменов рок-групп с публикой зависит не только от степени известности и признанности исполнителя, но и от целого ряда факторов: использования стратегии привлечения внимания (тактика «вопрос-ответ», создание единых ритмичных вербальных действий, харизматичность исполнителя) и условий успешного интерактивного ритуала (разграничение «свой-чужой», введение сакрального символа).

1. Collins R. Interaction ritual chains. Princeton University Press, 2004.
2. Hempel C. G. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York: Free Press, 1965.
3. Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009. 412 с.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. С. И. Филиппов

УДК 81'42+81'23+81'27

Вербальные и невербальные средства выражения эмпатии: культурологический аспект

С. В. Коротких

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена изучению взаимодействия вербальных и невербальных средств выражения эмпатии на материале кинофильмов *The King's Speech* (KS) (2010) Т. Хупера, *Never Let Me Go* (NLMG) (2010) М. Романека, «Лед» (2017) О. Трофима и «Лед 2» (2020) Ж. Крыжовникова. Выбор материала обоснован спецификой сюжетов кинофильмов: главные герои сталкиваются с трудной жизненной ситуацией, которая способствует выражению эмпатии со стороны героев и по отношению к ним. Всего было проанализировано 80 высказываний. Кроме того, нами был проведен эксперимент с участниками, проживающими в США, для определения средств выражения эмпатии, часто используемых американцами в реальной жизни.

Цель работы — определить коммуникативно-прагматический потенциал эмпатийных высказываний путем изучения вербальных и невербальных средств, сопровождающих эмпатийные речевые акты, в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Проанализировав речевые акты (РА) кинофильмов, мы пришли к следующим выводам.

1. В англоязычных кинолентах были обнаружены 19 речевых актов сопереживания (РАСП) и 16 речевых актов сорадования (РАСР) (всего 35), сопровождающихся невербальными средствами выражения эмпатии. В русскоязычных кинофильмах мы выделили 35 РАСП и 10 РАСР (всего 45 актов).

2. В англоязычных кинолентах среди РАСП мы выделили: 7 РА успокоения; 5 актов ободрения; 3 акта сочувствия; 2 РА соболезнования; 1 акт разубеждения; 1 акт оправдания. Среди РАСР были проанализированы 11 РА, в которых говорящий выражает похвалу; 4 акта поздравления; 1 РА сорадования. В российских кинофильмах среди РАСП мы выделили 23 РА успокоения, 11 РА ободрения и 1 акт соболезнования. Среди РАСР были проанализированы 8 РА похвалы, 1 акт сорадования и 1 акт поздравления. В обеих культурах похвала выражена с относительно одинаковой частотностью. В российском фильме успокоение выражено чаще, чем в британских. Возможно, в русской культуре, в отличие от британской, принято чаще делиться переживаниями с собеседником.

3. Чаще всего при выражении сопереживания в англоязычных фильмах среди вербальных средств говорящий использует пейоративно окрашенные прилагательные и существительные (32 %). Используя такие слова, адресант в 83 % случаев соблюдает личную дистанцию с адресатом и направляет на него взгляд. В 67 % случаев говорящий повернут телом к слушающему, а в 33 % РА сводит брови, опускает уголки губ и использует жест-аффлектор.

4. При выражении сорадования (KS и NLMG) говорящий в 69 % случаев использует мелиоративно окрашенные прилагательные; в 45 % этих РА использовано и усилитель-

ное наречие: *Your donors are very lucky*. При 100 % таких актов говорящий направляет взгляд на слушающего; в 18 % случаев герой произносит фразу по нисходящей интонационной шкале с высоким нисходящим ядерным тоном.

5. При выражении сопереживания герои российских кинолент среди вербальных средств чаще всего оперируют глаголами действия (57 %); в 46 % РА такие глаголы использованы в форме будущего времени. В совокупности с глаголами действия использованы следующие невербальные знаки: фронтальное положение тела (92 %), направление взгляда на слушающего (77 %), сведенные брови (69 %) и жесты-аффекторы (54 %).

6. Выражая сорадование, герои российских кинофильмов в 90 % случаев употребляют мелиоративно окрашенные существительные, прилагательные и наречия: *Ты природный фигурист*. В восьми таких РА из девяти адресант занимает фронтальное положение тела по отношению к адресату, а в семи — направляет на него взгляд и улыбается.

7. Результаты эксперимента, проведенного в США, показали, что говорящие при выражении сопереживания (ободрения) чаще всего использовали мелиоративно окрашенные прилагательные и наречия *well, fine, most*, а также идиому *with flying colors* (50 %). В 60 % РА адресант занимал фронтальное положение тела по отношению к адресату, а в 40 % случаев использовал жест-аффектор. Два участника эксперимента никак не выразили эмпатию.

8. При выражении сорадования (8 РА сорадования и 5 РА похвалы) представители американской культуры часто оперировали мелиоративно окрашенными прилагательными и наречиями (46 %). При использовании этих средств адресанты произносили фразу с высоким нисходящим ядерным тоном и улыбались, приподняв брови в 38 % случаев. Были использованы и жесты-эмблемы: «дай пять» и *fist bump* (соприкосновение кулаками).

Таким образом, представители русской и англоязычных культур часто применяют одни и те же невербальные знаки при выражении эмпатии. Аппарат вербальных средств сопереживания в этих культурах почти одинаков, но частотность использования тех или иных средств различается. Так, в русской культуре чаще используются глаголы действия и жесты-аффекторы, а в англоязычной — референциальные слова. При выражении сорадования в рассмотренных культурах используются одинаковые вербальные и невербальные средства.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротева

УДК 811.581

**Поучительный потенциал китайских фразеологических единиц
(на материале сборника «Иллюстрированный сборник чэньюев
для детей», ч. 1)**

Е. В. Креминская

Томский государственный педагогический университет

Поскольку процесс освоения языка ребенком идет параллельно с развитием его нравственного сознания, необходимо учитывать, какие моральные ценности заложены в текстах для детей. Исследование направлено на изучение данного аспекта в детском сборнике китайских фразеологических единиц.

Актуальность исследования обусловлена тесным политическим и культурным взаимодействием России и Китая, вследствие которого многие родители заинтересованы в том, чтобы их ребенок изучал китайский язык.

Несмотря на то, что на протяжении нескольких десятилетий фразеология китайского языка является объектом многочисленных исследований как русских, так и зарубежных ученых (И. В. Войцехович, О. М. Готлиб, И. Д. Кленин, У. В. Хоречко, Ма Гофань, Ма Хуаин и др.), на сегодняшний день отсутствуют работы, в которых чэньюи рассматриваются в аспекте их образовательной функции.

В исследовании используются описательный метод, лексический анализ китайских фразеологизмов и соответствующих им сказок, а также количественный анализ. Материалом исследования послужили 118 чэньюев, извлеченных методом сплошной выборки из книги «Иллюстрированный сборник чэньюев для детей» (ч. 1).

В ходе исследования выявлено пять пар человеческих качеств, построенных на антонимии (всего 51 чэньюй): (1) «смелость-трусость», (2) «гордость-смирение», (3) «трудолюбие-лень», (4) «честность-лживость», (5) «невежество-образованность». В области каждой антонимичной пары есть примеры хорошего и плохого поведений:

1. 一身是胆 (yīshēn shì dǎn) — ‘быть олицетворением мужества и отваги’; сказка данного чэньюя учит ребенка тому, что только смелый достоин славы. 畏首畏尾 (wèi shǒu wèi wěi) — ‘бояться собственной тени’; сказка данного чэньюя показывает, что слабые духом люди, боящиеся всего вокруг, не способны принимать взвешенных решений.

2. 趾高气扬 (zhǐgāoqìyáng) — ‘задирать нос’; сказка данного чэньюя рассказывает нам о командире, полк которого однажды выиграл бой. С тех пор он начал задирать нос, перестал прислушиваться к советам других людей, в результате чего ошибся и повел своих солдат на верную смерть. 闻过则喜 (wénguò zéxǐ) — ‘с благодарностью принимать критику’. Чэньюй и его сказка учат ребенка тому, что для личностного роста нужно принимать критику, а не отвергать ее.

3. 水滴石穿 (shuǐdī shíchuān) — ‘терпение и труд все перетрут’. Данный чэньюй учит нас тому, что усердие приведет к успеху, даже если наши силы невелики. 一毛不拔

(yī máo bùbá) — ‘пальцем не шевельнет’. Сказка чэньюя показывает, что лень и безделье, разрушая нас самих, могут забирать силы и людей вокруг нас.

4. 一诺千金 (yī nuò qiān jīn) — ‘быть верным своему слову’. В сказке этого чэньюя честность и внутренняя целостность помогают человеку развиваться в правильном направлении. 狼狽为奸 (lángbèi wéijiān) — ‘рука руку моет’. Сказка данного чэньюя рассказывает нам историю о двух волках, которым удалось истребить целое стадо овец. Таким образом, она объясняет ребенку, что в реальности плохие люди часто работают сообща, в связи с чем ему нужно быть предельно осторожным.

5. 才高八斗 (cáigāo bādǒu) — ‘семь пядей во лбу’. Сказка этого чэньюя советует ребенку не прятать свои таланты, а развивать их. 一窍不通 (yīqiào bùtōng) — ‘ни в зуб ногой’. Здесь ребенку рассказывают о том, что глупые люди могут совершать плохие поступки, даже не осознавая этого. К тому же их можно легко контролировать.

Среди пяти антонимичных пар, касающихся личностных качеств, в паре «трудолюбие-лень» преобладают те, в которых показано хорошее поведение (9 из 12). В паре «гордость-смирение» количество хороших и плохих примеров одинаково (по два). В оставшихся трех парах значительно преобладают плохие примеры поведения (25 из 35). Можно сделать вывод, что в китайской культуре более традиционным методом передачи опыта является иллюстрирование плохого поведения (всего 30 из 51). Сказка учит ребенка тому, что плохое поведение портит человека, делает его жалким, а общество либо наказывает его, либо совсем о нем забывает.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. О. Краевская

УДК 811.521

Особенности формирования речевого имиджа политика в Японии (на материале устных выступлений бывшего премьер-министра Японии Ёсихидэ Суги)

Л. Д. Нигаматзянова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В настоящий момент возрастает актуальность исследований, направленных на изучение речевого имиджа, так как формирование эффективного, «работающего» речевого имиджа политического лидера определяет особенности восприятия его действий и решений. Речевой имидж представляет собой целенаправленно создаваемый образ, являющийся объектом определенными социальными и политическими ценностями и способствующий разным способам его восприятия.

Факторы, от которых зависит формирование имиджа, представляют собой разного рода экстралингвистические ограничения, проявляющиеся в лингвистических особенностях речи политика. Данные факторы можно разделить на две группы на основании природы этих ограничений: 1) факторы, зависящие от особенностей личности политического деятеля; 2) факторы, формируемые под воздействием требований социума [1]. Основным способом создания имиджа является использование роли (или ролей) и соответствующих ей микроролей [1] с учетом преследуемых целей и влияющих факторов.

Роль — ограниченное поведение человека, занимающего определенное положение в группе. Микророли — факультативные и сопутствующие особенности поведения, дополняющие основную выбранную роль. В большинстве случаев в политической сфере выбор определенной роли и соответствующих ей микроролей ограничен.

14 сентября 2020 г. Ёсихидэ Суга был избран новым председателем Либерально-демократической партии Японии, сменив на этом посту главу правительства С. Абэ. Политика бывшего премьер-министра сильно повлияла на формирование имиджа Ё. Суги и его партии. Неотъемлемой чертой положительного речевого имиджа бывшего главы государства Ё. Суги являлся патриотизм. Эта характеристика послужила основой для определения роли «Патриот» и соответствующей ей микророли «Премьер-министр». «Патриот» раскрывается следующими микроролями.

1. Микророль «Защитник народа» предполагает использование фраз, относящихся к безопасности народа, защите народа, необходимым ограничениям для безопасности населения, обеспокоенностью эпидемической обстановкой в стране. Особой характеристикой данной микророли является решимость адресанта, что отражается в следующих фразах: многократное употребление 安全安心な (anzen anshin na, 'безопасный'); 感染防止徹底をし (kansen bōshi tettei o shi, 'предотвратить заражение'); 命平和な暮らし (inochi heiwa na kurashi, 'жить мирной жизнью'); 守り抜く決意であります (mamorinuku ketsui de arimasu, 'решимость защищать'); 進めて参ります (susumete mairimasu, 'будем продолжать это делать').

2. Микророль «Голос народа и человек дела» предполагает обращение к населению во время трагедий, чрезвычайных ситуаций. В большинстве случаев эта микророль выражается скорбью по потерпевшим, обеспокоенностью ситуацией в стране, пожеланиями на будущее: 引き続き速やかな救助と全力 (hikitsuzuki sumiyaka na kyūjo to zenryoku, 'продолжим делать все возможное для быстрого спасения и поддержки').

3. Микророль «Избранник народа» предполагает действия, основанные на личной роли или действиях самого политика, его участия в тех или иных вопросах жизни общества. Отличительная черта микророли — употребление личных местоимений: использование местоимения 私, которое чаще всего в японском языке опускается: 私の仕事 (watakushi no shigoto, 'моя работа'); 全力あげる (zenryoku ageru, 'сделаю все возможное').

Проявление персональных черт также нашло отражение в устных выступлениях Ё. Суги. На основе проанализированных выступлений были выделены личностные характеристики, которые носят эпизодический характер и относятся к первой группе факторов, в соответствии с которыми политик должен ориентироваться на особенности своей личности. Это, прежде всего, любовь к природе, уважительное отношение к предкам и их идеям, поддержание семейных ценностей, эмоциональность и внимательность к своим окружающим: 紅葉も終わり (kōyō mo owari, 'исчезли осенние листья'); 柿も熟して来ました (kaki mo jukushite kimashita, 'хурма уже созрела'); 例年であれば五穀豊穡と人々の幸せを祈る伊勢神宮へ参拝した (reinen de are ba gokoku hōjō to hitobito no shiawase o inoru Ise jingū e sanpai shita, 'каждый год посещал храм Исэ, чтобы помолиться за хороший урожай и счастье людей').

При анализе языкового материала были выявлены главные имиджевые характеристики, формируемые политическими выступлениями, пресс-конференциями бывшего премьер-министра Японии Ё. Суги. В результате были выделены шесть имиджевых характеристик, формируемые устными выступлениями японского премьер-министра (роль «патриот», микророли: «защитник народа», «голос народа и человек дела», «избранник народа»), и личностные характеристики.

1. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омск. ун-та. Омск, 1996. С. 71–74.

Научный руководитель — И. А. Рабцевич

УДК 37.06

Проблема теоретического соотношения понятий «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная компетенция»

Н. С. Поливанова

Новосибирский государственный университет

Интернационализация современного мира обуславливает пересечение культурных особенностей отдельных людей и целых народов. Поэтому сегодня особый статус приобретают проблемы коммуникации культур разных наций и сообществ, в том числе и их сосуществование в едином мировом пространстве. С одной стороны, наблюдается сближение и стирание граней между различными культурами в результате перемещения большого количества людей по политическим, социальным и экономическим причинам.

С другой стороны, рост национального самосознания и подчеркнутое стремление следовать многовековым культурным традициям и собственным национальным ценностям порождают нестабильность в современном мире, сопровождаемую различными межкультурными конфликтами. В этом контексте представляется важной целью данной работы: теоретически проанализировать содержание понятий «межкультурное взаимодействие», «межкультурная компетенция» и их соотношение.

Методологическую базу исследования составили различные подходы к понятию «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная компетенция», представленные в отечественных и зарубежных исследованиях (Г. Трейгер, Э. Холл, Г. А. Аванесова, Д. Б. Гудков, И. Г. Шавкун). На основе анализа литературы была разработана схема содержания понятия «межкультурное взаимодействие».

Проанализировав различные взгляды на определение термина «межкультурное взаимодействие», можно говорить о том, что авторы оценивают межкультурное взаимодействие как столкновение различных культур и общения в рамках собственного менталитета. Д. Б. Гудков отмечает, что обязательным условием успешного взаимодействия является наличие у его участников общих знаний: кода и внекодовые знания (выходящие за рамки языка и определяемые данной культурой).

Раскрывая содержание термина «межкультурная компетенция», И. Г. Шавкун говорит о совокупности следующих профессиональных качеств специалиста: теоретические знания национальных культур и моделей воспитания; психологические особенности личности (откровенность, гибкость, терпимость, готовность работать с представителями других культур). Из чего можно сделать вывод, что результатом формирования межкультурной компетенции является эффективное межкультурное взаимодействие.

Выдвинутое теоретическое предположение было подтверждено результатами опроса, раскрывшего ряд проблем, связанных с развитием межкультурной компетенции респондентов 18–25 лет. Опросник, разработанный на основе опроса Н. А. Литвинцева «Психологические аспекты подбора и проверки персонала», включает вопросы, направленные на оценку навыков активного слушания респондентов.

Эмпирическую базу исследования образует выборка обучающихся из российских университетов (Новосибирск — НГУ, НГТУ, НЮИ(ф)ТГУ; Санкт-Петербург — РГГМУ, НИУ ВШЭ; Томск — ТГУ; Москва — Финансовый университет при Правительстве РФ). Второй опрос и исследование проводились среди иностранных респондентов из разных стран и городов (Турция, Германия, Греция, Литва, Канада, Азербайджан, Маврикий, Швеция, Ливан, Сьерра-Леоне, Эфиопия, Алжир, Ирак) на саммите (Global Peace Summit) в Турции (Стамбул) в октябре 2021 г.

Проведенный опрос позволил выявить следующие проблемы коммуникативного поведения студентов. Например, на пункт опроса «Я считаю, что не каждый человек заслуживает моего внимания» был получен ответ «да» у 63 % русских студентов и ответ «нет» у 64 % иностранцев. На пункт «Я стараюсь из каждой беседы извлечь максимум информации» отрицательный ответ дали 40 % русских и 11,8 % иностранных студентов.

На фразу «Я не буду слушать человека, которого считаю некомпетентным» мы получили 42,6 % и 23,5 % положительных ответов у русских и иностранных студентов соответственно. Вопрос «Стараетесь ли вы опровергнуть факты собеседника?» получил 51,9 % утвердительных ответов у русских и 23,5 % у иностранных студентов. Наконец, на вопрос «Руководствуетесь ли вы стереотипами в разговоре?» был получен примерно одинаковый результат: 40,7 % и 41,2 % у русских и иностранцев соответственно. Результаты опроса показали стремление к взаимодействию у российских и иностранных студентов, но качество общения из-за отсутствия у них сформированной межкультурной компетенции существенно страдает.

Перспективу дальнейшего исследования определяет необходимость научно-методического проектирования учебных тренингов в контексте обучения иностранным языкам как этапа формирования межкультурной компетенции у студентов неязыковых специальностей в вузе.

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. О. В. Шмакова

УДК 316.732

Аккультурация и культурный шок интернациональных студентов в свете теории потребностей А. Маслоу

Ю. А. Сергеева

Новосибирский государственный университет

Отправляясь на учебу в другую страну, студент, вероятно, будет испытывать так называемый культурный шок. Этот термин понимается как «эмоциональная реакция на дезориентацию, возникающую при погружении в чужую культуру, в которой отсутствуют знакомые (социо-коммуникативные) сигналы» (перевод наш — С. Ю.) [1, с. 2]. Являясь стадией адаптации, данный этап характеризуется длительным стрессом, тревогой, чувством потери, неполноценности и неприятия со стороны нового ближайшего окружения. Эта стадия преодолевается с процессом аккультурации, приобретением коммуникативных способностей, которые нужны для взаимодействия в новой культуре [2, с. 257].

Современные исследования культурного шока носят в основном описательный характер. Наиболее интересным и довольно полно объясняющим причины и особенности прохождения этапов культурной адаптации нам представляется исследование, рассматривающее результаты в свете иерархии потребностей А. Маслоу, так как в этом аспекте культурный шок почти не изучался.

Таким образом, наше исследование обусловлено недостаточной изученностью причин культурного шока и необходимостью минимизировать как сопутствующие адаптации негативные симптомы в целом, так и культурную адаптацию и этапы ее прохождения у иностранных студентов в частности с использованием иерархии потребностей А. Маслоу. Представляется, что такое применение теории А. Маслоу способствует формированию нового взгляда на проблему культурного шока и новых подходов к ее решению.

Для решения стоящих перед нами задач мы самостоятельно разработали две анкеты: «Выявление этапа адаптации» и «Удовлетворение потребностей согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу». Первая анкета включает в себя 52 утверждения, на которые респондент может дать один из трех вариантов ответа. Вторая анкета была основана на модифицированной С. МакЛеодом иерархии потребностей, в которую к физиологическим потребностям, потребности в безопасности, принадлежности, признании и самоактуализации были добавлены когнитивные, эстетические и трансцендентные потребности. В этот опрос входят 20 утверждений с 5-ю вариантами ответа на каждое.

Опросив 27 зарубежных студентов, обучающихся в НГУ, мы выявили, что 5 человек находятся на начальной стадии адаптации, также известной как медовый месяц; 7 испытывают культурный шок или только начинают из него выходить; 8 находятся в активном процессе аккультурации; 7 человек полностью адаптированы.

У студентов, находящихся на начальном этапе адаптации, наблюдается самый высокий средний показатель удовлетворенности потребностей (88 %), что не случайно, поскольку люди испытывают «влюбленность» в принимающую культуру и не замечают ее отличия от своей, в то время как студенты, испытывающие культурный шок, имеют самый низкий средний показатель (54 %). Кроме того, у таких респондентов наблюдается абсолютная неудовлетворенность более чем одной потребностью, и это, как правило, потребности базового уровня, т. е. связанные с человеческой физиологией, что тоже вполне закономерно: не удовлетворив потребность в еде или сне, человек будет чувствовать себя плохо и не сможет полноценно функционировать. У людей, проходящих этап аккультурации, средний показатель растет (75 %), и почти у всех полностью не удовлетворено по одной потребности более высокого уровня, что говорит о том, что эти студенты смогли решить проблемы с базовыми потребностями и приступили к поиску решения более сложных проблем адаптации. Стоит также отметить, что у респондентов с затянувшейся стадией адаптации по сравнению с другими участниками, прибывшими в то же время, полностью не удовлетворено по две потребности, хотя бы одной из которых является базовая. У студентов, прошедших адаптацию, также высокий показатель удовлетворенности нужд, но в целом он чуть ниже, чем у находящихся на первом этапе (82 %). У всех них в той или иной мере удовлетворены все нужды, за исключением одного участника, у которого не удовлетворена высшая потребность (эстетическая).

Итак, нами выявлена связь между удовлетворением потребностей и стадиями адаптации у интернациональных студентов. На разных этапах качество удовлетворения потребностей разное; варьируются и сами неудовлетворенные потребности. Кроме того, удовлетворение потребностей также влияет на продолжительность аккультурации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что неудовлетворение потребностей является причиной возникновения культурного шока, однако для того, чтобы мы с уверенностью могли говорить об этом, требуются более обширные эмпирические данные.

1. Paige R. M., Education for the Intercultural Experience. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1993. 351 p.
2. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. Спб: СПбГУ, 1984. 168 с.

Научный руководитель — канд. фил. наук, доц. А. Н. Соломоновская

УДК 81`42

Особенности эмоционально настраивающей стратегии в интервью (на материале английских газет)

В. В. Сиротенко

Новосибирский государственный университет

Важной составляющей успеха любого человека являются его коммуникативные навыки. Одним из необходимых условий успешности работодателя, партнера, работника является взаимодействие, поощряющее общение. В этой связи особый интерес представляет изучение речевых стратегий и тактик.

Целью данной работы является изучение особенностей использования эмоционально настраивающей стратегии в интервью на материале английских газет.

Ключевым термином данной работы является речевая стратегия. По определению О. С. Иссерс, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [1]. Также мы опирались на определение речевой тактики Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, которые понимают ее как «конкретный этап осуществления речевой стратегии» [2].

В ходе исследования были проанализированы 40 интервью из раздела Culture газет The Guardian, The Evening Standard, The Independent за 2017–2022 годы. Было выявлено, что эмоционально настраивающая стратегия реализуется с помощью тактик похвалы, комплимента и благодарности, а также с помощью совместного использования тактик похвалы и комплимента.

При анализе тактик использовались следующие характеристики: способы выражения тактики, объект оценки, искренность/неискренность высказывания, аргументированность/неаргументированность тактики, горизонтальная и вертикальная дистанция между участниками диалога, а также успешность или неуспешность применения тактики.

Тактика похвалы употреблялась для выражения положительной оценки говорящего: она была адресована актерам, писателям, художникам, сценаристам и музыкантам. Объектом данной оценки выступала способность актеров передать те или иные эмоции на экране, способность писателей создавать правдоподобные образы и особые достижения музыкантов в карьере.

Комплимент использовался для положительной оценки внешности, характера человека, его успеха. Compliment чаще встречался в интервью с актерами, где его объектом выступала внешность адресата, так как именно она является неотъемлемой частью успеха актеров и актрис. Также адресатами комплиментов выступали писатели и создатели кино.

Среди способов выражения похвалы встречались эпитеты, метафоры, интенсификаторы (*very, a great deal*), идиомы, а также слова с положительной окраской (*good, wonderful*) и слова, содержащие в себе значения «достичь чего-то», «уметь что-то» (*to*

achieve, can, to be capable of). Тактика комплимента чаще всего выражалась с помощью эпитетов, метафор, сравнительных и абсолютных степеней прилагательных, а также слов с положительной окраской (*kind, loving*).

Мы рассмотрели наиболее частые синтаксические структуры каждой тактики. Тактика похвалы чаще всего передавалась следующими структурами:

1. You + V + intensifier (*You write brilliantly...*).
2. You + can + V (*You can actually sing and dance*).
3. N + to be + adj (*...your acting style which I think is very defined and feels quite spontaneous*).

Для тактики комплимента были выделены другие синтаксические конструкции:

1. N + to be + adj (*She is such fun, bracing company*).
2. N + the ...est/the most (*Johnny, you're the biggest star in the world!*).

Совместное употребление тактик комплимента и похвалы использовалось с конструкцией N + to be + adj (*You're a heldentenor, a rare and powerful voice type...*), а тактика благодарности выражалась с помощью конструкций *thank you* и *if it wasn't for*.

Мы обнаружили, что наиболее частотной является тактика похвалы (70,4 %), внутри нее чаще всего встречается заочная похвала (сделанная третьему лицу, не находящемуся в поле диалога), а также тактика комплимента (21,5 %), которая также чаще всего употреблялась заочно. Наименее частотной оказалась тактика благодарности (1,5 %), а также совместное употребление тактик комплимента и похвалы (6,7 %).

Было выявлено, что в интервью чаще всего используется тактика заочной похвалы и заочного комплимента, несмотря на наличие диалога. Такую особенность английских интервью можно связать с нежеланием говорящего попасть в непростую коммуникативную ситуацию, когда слушающий отрицает положительную оценку (что характерно для англичан, которые стараются избегать любых проявлений своей неспособности к свободной коммуникации). Также мы обнаружили, что в интервью чаще встречается искренний комплимент, сделанный в ситуации неблизких невластных отношений, так как собеседники не имеют друг над другом власти, и у говорящего нет цели извлечь какую-либо выгоду из диалога.

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. А. Тюленёва

УДК 81'42

Культурологические и лингвистические проявления World Englishes на материале индийского английского

В. В. Согришина

Новосибирский государственный университет

В современном мире английский язык — это самый распространенный язык, являющийся средством международной коммуникации глобального масштаба. Феномен World Englishes представляет собой сочетание английского языка и региональных диалектов по всему миру. Изучение вариантов английского языка позволяет понять его роль в формировании лингвистической ситуации в мире, а также определить характерные региональные черты этих вариантов. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление характерных лингвистических особенностей отдельных региональных вариантов английского языка в рамках фонологии, лексики и синтаксиса позволяет нам оценить текущие процессы формирования языка.

Объектом исследования является такое языковое явление, как Hinglish (индийский английский в контакте с британским английским), предметом — лексические, фонологические и синтаксические особенности индийского варианта английского языка. Материалом для исследования послужили американский сериал The Big Bang Theory и индийский фильм Moonson Wedding, снятый на английском языке. Цель данной работы заключается в изучении характерных языковых особенностей World Englishes с учетом исторических, политических и социальных факторов их формирования.

В связи с существованием такого феномена, как World Englishes, который демонстрирует лингвистическое, культурное и межкультурное разнообразие английского языка, в работе ставится задача поиска и анализа характерных особенностей мировых вариантов английского языка, а именно индийского английского, обусловленных контактом не похожих друг на друга культур, народов и языков.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. В. Хоцкина

УДК 82-3

Reflection of the Multiculturalism Phenomenon in the Novel 'Ragtime' by E. L. Doctorow

G. G. Starostin

North-Eastern Federal University, Yakutsk

The term 'multiculturalism' appeared in the 1960s as a characteristic of a state social policy in the context of the country's ethnocultural, racial and religious diversity. The multiculturalism phenomenon finds its reflection in imaginative literature as well. For example, through the topic actualization of emigration, antisemitism and class struggle.

In his sensational novel, E. L. Doctorow focuses on these conflicts. He assigns a meaning to the description of social problems, the situation of rich and poor, black and white races, capitalists and working class, men and women, presenting to the reader a picture of social heterogeneity and the American society stratification in the early XX century.

As it should be in a historical novel, the writer attempts to present a national history of the first decades of the last century, comparing, according to the principle of opposition, the fates of three fictional families, each of which is symbolic with real personalities and events. We know that during these years some important changes took place in the history of the United States. Duncan and Goddard in the scientific work *Contemporary United States* characterize this period as follows: 'Between 1890 and 1920, millions of non-English-speaking peoples from Southern and Eastern Europe immigrated through the new federal immigration facility built'. Therefore, the problem of emigration is revealed in the center of the narrative. The novel portrays a prosperous upper-middle-class family: 'The best part of Father's income was derived from the manufacture of flags and buntings and other accoutrements of patriotism, including fireworks'.

The other two families are at a lower level of the social ladder, and they belong to the type that usually went unnoticed during those years.

The family of Tateh, Mameh and the Little Girl is regarded as an embodiment of the fate of Jews, Italians and residents of Eastern Europeans, who came to the United States in millions in 1880–1920. The world of the poor is revealed to a reader—it is a real 'hell' where: 'They lived too many for a room. There was no sanitation. The streets reeked of shit. Children died of mild colds or slight rashes...' Author notes a position of the 'middle class', and it is shocking: 'Many people believed that filth and starvation and disease were what the immigrant got for his moral degeneracy'. The real 'ray of light' turns out to be a story of Tateh. Tateh is a social democrat like most Jewish immigrants, so his transformation from an ardent socialist to a staid capitalist shows a happy opportunity to get out of the 'immigrant hell' in the American culture. Thus, this novel presents an idea of the 'American Dream' and emigration from the Russian Empire.

Finally, there is a black family of the pianist Coalhouse Walker, his son and common-law wife Sarah—this is an example of a lower social class, 'invisible' to white America; its men-

tioning in the historical discourse begins only in the middle of the XX century, after a struggle for civil rights. Consequently, the tragic fate of a dark-skinned musician appears in parallel with an emigre story in this novel. As noted by Duncan and Goddard: 'From 1964 to 1968, race riots erupted across urban America'. His rebellion is comparable to the activities of the radical left African American organization 'Black Panther Party for Self-Defense' or African American religious movement 'Black Muslims', and Walker's story is personified by the life of a spiritual leader and human rights activist—Malcolm X, because he supported their idea. The authors write that they 'increasingly believed that violence could be a revolutionary tool'. Additionally, there are also quite a few historical figures among the characters of the novel who can be designated as emigrants: Harry Houdini, Emma Goldman, etc.

Thus, the image of America is created in this way—as a country of vices and prejudices, as a country that corrupts morals. The image of America at the beginning of the XX century in this novel is presented through a theme of multiculturalism, actualized primarily through a theme of emigration and images of emigrants. Colorful figures of the Jewish emigrants are at the center of the images system. E. L. Doctorow shows a deep awareness towards these issues, as his ancestors were also emigrants.

Scientific Supervisor — N. V. Archakhova

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, КОГНИТИВИСТИКА

УДК 81.37+811.581.11

Терминологическая метафора в словообразовании (на материале сферы «Традиционная китайская медицина»)

К. С. Андреева

Томский государственный педагогический университет

В современном мире ученые делают значимые успехи в сфере медицины, в том числе и в традиционной китайской медицине (далее — ТКМ), эффективность которой стала признаваться западными специалистами. Это в свою очередь повлияло на востребованность переводчиков, владеющих терминологией ТКМ. В связи с этим изучение и систематизация специализированной лексики данной сферы представляется актуальным как для практики перевода и подготовки студентов, так и для самой сферы ТКМ в целом.

В работе был применен когнитивный подход, который раскрывает связь между обычным познанием и научной деятельностью. Такой подход к изучению семантики термина развивается посредством изучения взаимодействия национальных языковых картин мира и профессиональных дискурсов, в том числе в аспекте терминосистем (М. Н. Володина, О. А. Корнилов, Н. А. Мишанкина). Таким образом, анализ терминов различных языков может показать, как строится связь профессионального знания с гносеологическими структурами национального языка.

В связи с вышесказанным цель настоящего исследования заключается в выявлении национальной специфики образования метафорических терминов сферы «Традиционная китайская медицина» в китайском языке.

Изучение соответствующих работ по теме показало, что на настоящий момент в качестве материалов исследования лексики сферы ТКМ выступают китайскоязычная медицинская научная литература и двуязычные словари, в которых область ТКМ представлена достаточно широко (И. А. Ветошенкова, С. А. Комиссаров, И. В. Кочергина, А. Г. Младенович, О. В. Музалевская, Т. Н. Никитина, Сы Хуайджу, Гай Юйлин, В. Ф. Щичко и др.). Также были проанализированы труды зарубежных и российских ученых в области когнитивной лингвистики — анализа, базирующегося на когнитивном подходе к языковым явлениям, в основе которого лежит фрейм теории концептуальной метафоры (где метафора — это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида», а также когнитивного словообразования и терминоведения (Д. Лакофф, З. И. Резанова) [1]).

Стоит отметить, что новизной изучения терминологии ТКМ стал выбор материала исследования (оценочный лист врача ТКМ), а также в изучении узкого применения ТКМ (лечения детского церебрального паралича).

Материалом исследования послужили 55 терминов, извлеченных методом сплошной выборки из оценочного листа врача ТКМ. На первом этапе исследования в ходе

дефиниционного анализа были определены значения отобранных терминов и значения иероглифов, входящих в их состав, на втором — выделены и проанализированы метафорические термины.

Для анализа терминологической метафоры было использовано 19 единиц. Они были распределены по основным видам метафор в китайском языке: антропоцентрическая, пространственная, растительная, предметная и числовая.

Первой и наиболее продуктивной оказалась антропоцентрическая метафора (旋前 xuánqián, 旋后 xuánhòu ‘пронация, супинация’). Иероглиф 旋 (xuán) означает ‘чертить круг; описывать (напр. рукой) окружность’ [2]: пациент совершает круговые движения с помощью рук или ног назад и вперед.

Для пространственной метафоры, второй по продуктивности, приведем в качестве примера слово 心脾两虚 (xīnpí liǎngxū) — ‘недостаточность сердца и селезенки’. Семантика иероглифа 虚 (xū) ‘пустой’ [3] указывает на пустоту функционала сердца и селезенки, что актуализирует сравнение с качеством и нормальной работоспособностью органов.

В растительной метафоре в слове 体针 (tǐzhēn) ‘акупунктура’, иероглиф 针 (zhēn) имеет значение ‘хвоя’ [4], что указывает на тонкость и остроту иглы, а также, вероятно, на натуральность и экологичность процесса иглоукалывания.

Результат данной работы представлен следующими выводами:

- преобладание антропоцентрической метафоры как фундаментального когнитивного инструмента обусловлено тем, что лечение ТКМ направлено на человека;
- продуктивность пространственной метафоры определяется ее способностью соотносить объект высокой степени абстрактности с простым, конкретно наблюдаемым;
- объекты окружающего мира непосредственно являются лечебным компонентом в традиционно-китайской медицине, важность природы отражена также в преобладании растительной метафоры в терминах, не связанных с лекарственными препаратами.

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Учеб.пособие, 2-е изд. Москва: ЛКИ, 2008. 256 с.
2. Большой китайско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E6%97%8B> (дата обращения: 06.02.2022).
3. Большой китайско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%99%9A> (дата обращения: 06.02.2022).
4. Большой китайско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%92%88> (дата обращения: 06.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук И. О. Краевская

УДК 811.112.2'373.612

Немецкоязычные «слова года» 2010–2021 гг.: способы словообразования

М. И. Анисимков

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Отбор «слов года» сегодня является популярным способом рефлексии о словах и выражениях определенного языка, которые наиболее емко отражают события, произошедшие за год. Мы проанализировали немецкоязычные слова года в период с 2010 по 2021 гг. (120 единиц) по версии немецкоязычного онлайн-издания Gesellschaft für deutsche Sprache [3] с точки зрения способов их словообразования.

Почти половина всех рассмотренных неологизмов (58) — сложные слова. Чаще всего имеет место простое сложение слов или основ (*Heißzeit* ‘жара’, *Bienensterben* ‘вымирание пчел’, *Impfpflicht* ‘обязательная вакцинация’), реже используется дефис (*Corona-Pandemie* ‘пандемия коронавируса’, *Brexit-Chaos* ‘хаос Брекзита’, *Selfie-Stab* ‘палка для селфи’), еще реже добавляется соединительная согласная -s- (*Verschwörungserzählung* ‘теория заговора’, *Handelskrieg* ‘торговая война’, *Rettungsroutine* ‘бесконечные меры по спасению’). Подавляющее большинство таких слов — существительные, но встречаются и прилагательные (*brexitmüde* ‘уставший от Брекзита’, *systemrelevant* ‘системообразующий’).

Вторая по частотности категория рассмотренных неологизмов — неофраземы. Некоторые из них зафиксированы как восклицания (*Wir schaffen das!* ‘Мы справимся!’), другие содержат числовые компоненты (*Stuttgart 21* ‘Штутгарт 21’). Словосочетание »*Denkmal der Schande*« ‘памятник позора’ вошло в список с кавычками: чаще всего оно употребляется в качестве цитаты, принадлежащей политику Бьорну Хёке. Примечательно, что ряд единиц — это цельные предложения, предикативные высказывания (*Oh, wie schön ist Panama* ‘О, как прекрасна Панама’, *Wir sind mehr* ‘Нас больше’). Неофразама *Je suis Charlie* ‘Я — Шарли’ примечательна тем, что это одновременно неофразама и варваризм.

Многие неологизмы представляют собой заимствования. Среди них есть как варваризмы [1, с. 36] (*Big Data* ‘большие данные’, *Social Freezing* ‘социальная заморозка’), так и экзотизмы (*hyggelig* ‘в духе хюгге’, *Fukushima* ‘Фукусима’).

Весьма креативны «слова-слитки», образованные путем контаминации, т. е. смешения двух слов, например: *Arabellion* (*Arab* ‘араб’ + *Rebellion* ‘восстание’), *Merkkozy* (*Merkel* + *Sarkozy*).

Морфологические способы создания неологизмов представлены аффиксацией: 1) префиксацией, напр. *postfaktisch* (post ‘после’ + *faktisch* ‘фактический’), *gegengoogeln* ‘проверять информацию на предмет точности и правдивости в Интернете’ (gegen ‘против’ + *googeln* ‘гуглить’), и 2) суффиксацией, напр. *Ausschließertitis* (*Ausschließer* ‘исключо-

ченец' + суффикс *-itis*, номинирующий воспалительное заболевание), *Kanzlerpräsidentin* (*Kanzlerpräsident* 'федеральный канцлер-президент' + суффикс феминитива *-in*). Отдельного упоминания заслуживают глаголы **wulffen** и **guttenbergen**, образованные путем прибавления глагольного суффикса *-en* к фамилиям политиков и обозначающие 'уходить от ответа' и 'заниматься плагиатом' соответственно.

Три неологизма образованы путем аббревиации, причем в каждом случае задействованы различные механизмы. *АНА* (*Abstand* 'дистанция', *Hygiene* 'гигиена', *Alltagsmaske* 'маска повседневного ношения') — собственно аббревиатура, в слове *Schummel-WM* (*Schummel-Weltmeisterschaft* 'жульнический чемпионат мира') сокращается лишь второй компонент, а в лексеме *GroKo* (*Große Koalition* 'Большая коалиция') корни сокращаются до первых слогов.

Семантическая деривация в рассматриваемом материале представлена глаголами *hebeln* и *durchwinken*. Первый изначально обозначал 'поднимать рычагом', а вследствие метафорического переноса приобрел значение 'управлять капиталами, как рычагами'; второй имеет широкое значение 'давать разрешение на что-либо без надлежащей проверяющей процедуры', а также новое, более узкое, описывающее конкретную практику ряда стран — членов ЕС, состоящую в том, чтобы переправлять прибывших мигрантов без документов в Германию.

По итогам исследования самыми распространенными моделями создания неологизмов оказались сложение слов/основ и фразеологическая неодеривация. Это можно объяснить широко известной «склонностью» немецкого языка к словосложению, а также повсеместностью лозунгов как элемента политической риторики. Менее продуктивные способы словообразования включают контаминацию, аффиксацию и аббревиацию.

Подавляющее большинство рассмотренных неологизмов прошло конвенционализацию и вошло в лексический состав языка [2]. Причем чем раньше неологизм появился, тем больше у него шансов закрепиться в словаре (из 10 единиц 2021 г. в словаре были обнаружены лишь 3).

1. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
2. Duden [electronic resource]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Gesellschaft für deutsche Sprache [electronic resource]. URL: <https://gfdts.de/aktionen/wort-des-jahres/> (дата обращения: 13.01.2022).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. С. Поршнева

УДК 811.112.2

Лингвистические особенности немецкого языка в Австрии (на материале серии *Verschwörung* сериала *Tatort*)

В. С. Вавилова

Новосибирский государственный университет

Национальный вариант представляет собой особую форму языка, которая является средством коммуникации одной нации и приспосабливается к традициям и нуждам этой нации [1]. Каждый национальный вариант языка обладает характерными чертами. Исследователи утверждают, что национальный вариант это также диасистема, состоящая из стандартного языка, разговорно-обиходных форм и диалектов [2].

Своеобразие языка в Австрии является объектом исследования многих отечественных (А. И. Домашнев, Н. И. Филичева, В. М. Жирмунский и др.) и зарубежных лингвистов (А. Бах, У. Аммон, Г. Ниебаум и др.). Несмотря на огромный интерес к национальному языку в Австрии, актуальность работы определяет то, что исследуются аспекты состояния австрийского варианта в современный период.

Материалом исследования послужила серия *Verschwörung* сериала *Tatort* от 9 мая 2021 г. *Tatort* — это детективный сериал, транслируемый по федеральным каналам Германии, Австрии и Швейцарии. Важно отметить, что речь героев в сериале не стандартизирована, поэтому отличается национальной ориентированностью, колоритностью и обилием обиходных и диалектных форм.

Цель работы заключается в описании лингвистических характеристик речи главных героев и сравнении с данными описания австрийского варианта, которые уже были сделаны лингвистами и исследователями, а также по возможности определить, в каком социальном контексте используются определенные формы.

В ходе работы было составлено текстовое сопровождение серии и выделены отступления от норм немецкого стандарта. Данные языковые единицы и стали предметом нашего исследования.

К наиболее ярким примерам на фонетическом уровне можно отнести артикуляцию слова *ich* 'я', которое герои произносят как [i], [ik] и [iç]. Первое произношение является характерным не только для австрийского варианта, но и для швабских и баварских диалектов. Использование фонемы [k] связано скорее с общей особенностью, появляющейся во многих словах, которые в литературном языке произносятся с глухим палатальным спирантом [ç], например, *lustig* 'забавный', *kitschig* 'пошлый' и *einig* 'согласный' (в Австрии они были бы произнесены со звуком [k]). Однако частотность этих вариантов низкая (произношение [i] около 18 %, а [ik] — около 8 %), чаще можно услышать стандартное [ç].

Редукция префикса *ge-* у существительных и глаголов в форме причастия, которая является отличительной особенностью венского диалекта, также встречается в речи героев сериала, например, *Er hat Dopingmitteln im Blut ghat* 'у него был допинг в кро-

ви'. Тем не менее, редукция появляется в основном с глаголом *haben* 'иметь', так как с другими глаголами чаще используется нередуцированная форма (*gegeben* 'давать', *gefunden* 'искать', *gesehen* 'видеть' и т. д.).

На грамматическом уровне следует отметить, что в Австрии практически не используется *Präteritum*, в основном для выражения прошедшего времени служат *Perfekt* и *Plusquamperfekt*. Материал нашего исследования служит доказательством данного утверждения, так как не было замечено ни единого использования *Präteritum* для выражения прошедшего времени.

На лексическом уровне мы сталкиваемся с таким понятием, как «австрицизмы». Австрицизмы — это национальные варианты, так называемые дублиеты, являющиеся нормой для жителей Австрии. Пласт данной лексики в серии сериала невелик. Однако можно услышать такие выражения, как *Bist du deppert?* 'Ты глупый?' (нем. *Bist du dumm?*) и *Hölf nix, Schad nix* 'Не поможет, не навредит' (нем. *Wenn es nicht hilft, so schadet es nicht*).

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что в настоящее время существует тенденция к устранению различий между немецким языком в Австрии и Германии, но все же некоторые особенности австрийского варианта сохраняются в речи носителей.

1. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner. Mannheim, 2008. 52 S.
2. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. 575 S.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81'42

Полимодалная репрезентация интертекстуальных включений в англоязычном кинодискурсе

М. К. Губарь

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию полимодалной репрезентации интертекстуальных включений, выявленных на материале романа Дэвида Митчелла, в одноименном кинофильме *Cloud Atlas* Тома Тыквера, Ланы и Эндрю Вачовски. Актуальность данной работы обусловлена популярностью такого вида искусства, как кино, в наше время, а также широким распространением полимодалного подхода к исследованию лингвистических единиц.

Цель работы заключается в определении особенностей кинематографической репрезентации интертекстуальных включений, найденных в англоязычном художественном тексте.

Материалом для исследования послужили интертекстуальные включения (40 единиц), встречающиеся в тексте романа Дэвида Митчелла *Cloud Atlas*, а также их репрезентация в одноименном кинофильме.

В исследовании были использованы методы лексико-семантического, лингвостилистического, сравнительно-сопоставительного и полимодалного анализа.

Все интертекстуальные включения, найденные в первых четырех частях романа Дэвида Митчелла *Cloud Atlas*, — *The Pacific Journal of Adam Ewing* (Part 1), *Letters from Zedelghem* (Part 2), *Half-Lives: The First Luisa Rey Mystery* (Part 3) и *The Ghastly Ordeal of Timothy Cavendish* (Part 4) — были проанализированы с точки зрения их репрезентации в кинофильме.

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к следующим результатам.

1. При создании киноадаптации художественного произведения интертекстуальные включения, как правило, были опущены. Однако были найдены такие включения (15), которые либо были напрямую отражены в фильме, либо косвенно, через ассоциации. В первой части романа количество интертекстуальных включений, которые были реализованы, составило 5 из 20 найденных (25 %). Во второй части таких включений было всего 3/20 (15 %), в третьей части — 3/10 (30 %), в четвертой части — 4/10 (40 %).

2. Интертекстуальные включения, отражённые в кинофильме, были реализованы с помощью различных модусов. С помощью визуальных модусов были отражены 12 прецедентных феноменов. Один из наиболее характерных примеров включения, переданного с помощью визуальных модусов, был такой: *I saw a serpentine length of hawser uncoil itself & a black form heave itself free like the dead at the Last Trump!* [Mitchell David, *Cloud Atlas*, p. 25.]. Этот феномен был реализован в фильме с помощью модусов цвета, освещенности (*Каюта темная, единственное светлое пятно — сам Юинг, этот контраст в цветах и тонах создает ощущение чего-то враждебного по отношению*

к герою — нагнетается атмосфера), проксемики (расположение Аутуа за Юингом, Юинг находится в уязвимой позиции и не подозревает об этом), поза (Поза Юинга оборонительная, он сгибает спину, пытаясь отскочить в сторону) и выражение лица персонажа.

Аудиальные модусы, с помощью которых были отражены интертекстуальные включения, были разделены нами на вербальные и невербальные. С помощью невербальных модусов были переданы 3 прецедентных феномена из первой части романа. Примером может послужить такое включение: *The whip master was a **Goliath** whose physique would daunt any frontier prizefighter* [Mitchell David, *Cloud Atlas*, p. 7]. Прецедентный феномен Goliath передан в кинофильме с помощью модуса персонажа (большого физически сильного человека), а также невербального аудиального модуса (звук кнута на протяжении всей сцены становится все интенсивнее, в конце «давит» на Юинга, наблюдающего за наказанием). Этот усиливающийся звук кнута ассоциируется с агрессивным проявлением силы, доставляющим боль и беспокойство окружающим. Именно это агрессивное проявление силы — одна из ассоциаций с описываемым персонажем.

С помощью вербальных аудиальных модусов, но при этом имплицитно, были переданы 9 прецедентных феноменов.

3. Рассмотрев реализацию прецедентных феноменов, мы пришли к выводу, что можно разделить интертекстуальные включения на такие, которые можно считать эксплицитно реализованными в кинофильме благодаря различным модусам (на данном этапе исследования 40 %), и те, которые нельзя считать напрямую реализованными, но ассоциации, с которыми присутствуют в фильме (на данном этапе исследования 60 %).

4. Изучив репрезентацию интертекстуальных включений из четырех частей данного романа, мы нашли в четвертой части всего один прецедентный феномен, который был непосредственно отражен с помощью вербального модуса, — персонаж упомянул его в своей речи: *I explained, yet again, that the gangster-chic market was saturated; and that even Moby-Dick bombed in Melville's lifetime, though I did not deploy that particular verb* [Mitchell David, *Cloud Atlas*, p. 128]. В фильме персонаж в диалоге употребил такую фразу: *Never forget Herman Melville, writes a ripping yarn about a big white whale which is summarily dismissed, and today...* [19:54–20:05].

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81+81'23

Поликодовая репрезентация заголовков художественного текста на русском, немецком и английском языках: компаративный аспект

Д. А. Гурьянова

Новосибирский государственный университет

Сегодня в связи с развитием такой ветви языкознания, как коммуникативная лингвистика, на первый план выходят проблемы, связанные с исследованием взаимодействия лингвистических и паралингвистических средств коммуникации в поликодовых текстах.

Цель исследования — определить, каким образом взаимодействие лингвистических и невербальных модусов, используемых при оформлении обложек к художественным произведениям, отражает восприятие текста носителями разных культур. Важным аспектом исследования является определение сходств и различий в перцептивных механизмах представления одного и того же контента разными культурами.

Исследование проводилось при помощи метода полимодального анализа, так как именно полимодальный анализ может дать самое широкое представление о том, как модусы функционируют в тексте и какое влияние оказывают на адресата.

В качестве материала для исследования были взяты 15 обложек к повести писателя Ф. Кафки «Превращение», изданные в трех странах (России, Германии и Великобритании), в процессе изучения которых мы пришли к следующим выводам.

1. Было выявлено, что в оформлении обложек наибольшее количество информации передается с помощью невербальных модусов: цветовой палитры, композиции, иллюстрации и т. д. Оформлению текста придается, как правило, меньшее значение. В 47 % случаев информационная нагрузка достаточно равномерно распределена между текстом и иллюстрацией, в то время как в 53 % наибольшее внимание уделяется иллюстрации. Было обнаружено, что наибольшее внимание к оформлению текста уделяется при дизайне русскоязычных обложек, в то время как в англо- и немецкоязычных большую роль играют иллюстрации.

2. Наиболее «информативными» вербальными модусами были признаны тип шрифта и размер букв. Среди тех обложек, где информационная нагрузка равномерно распределена между текстом и изображением, была обнаружена тенденция к использованию крупных шрифтов; полужирного или курсивного начертания букв; уникальных типов шрифтов и т. д. Кроме того, в 27 % случаев текст либо выделен цветом, либо вынесен в отдельную рамку. Было выявлено, что в дизайне русскоязычных обложек, как правило, используются уникальные шрифты. При оформлении англо- и немецкоязычных обложек используются стандартные шрифты, что компенсируется вынесением текста в отдельную рамку или использованием особого начертания букв.

3. Наиболее «информативными» невербальными модусами были признаны цветовая палитра и проксемика. В цветовом оформлении большинства обложек доминируют

темные оттенки, часто используется черный цвет. Таким образом создается эффект загадки, призванный привлечь внимание читателя. Композиционно объекты на обложках в основном располагаются близко друг к другу или к читателю. Подобные художественные решения призваны создать ощущение некомфортной близости персонажей, передать напряженную атмосферу.

4. В 87 % случаев на обложке присутствует изображение главного героя произведения. В остальных 13 % его присутствие можно считать подразумеваемым: другие персонажи способны видеть его за пределами иллюстрации; по поведению героев понятно, что источником их переживаний является главный герой и т. д.

5. Были выявлены три наиболее часто встречающихся типа изображения главного героя: в виде человека, в виде человека с чертами насекомого, в виде насекомого. Для русскоязычных обложек характерным является изображение героя в виде человека с чертами насекомого (60 %), для немецкоязычных — в виде человека (40 %), для англоязычных — в виде насекомого (60 %).

6. В 34 % случаев помимо или вместо главного героя на обложке присутствуют другие персонажи. Чаще всего это встречается в оформлении немецкоязычных обложек. На англо- и русскоязычных обложках, как правило, помещено только изображение главного героя. «Дополнительные» персонажи выполняют роль проводников эмоциональной (зачастую негативной) реакции на главного героя, которая косвенно должна передаваться читателю.

В ходе исследования были выявлены наиболее частотные паттерны, используемые при оформлении обложек повести Ф. Кафки «Превращение». Частота и цель их использования менялась в зависимости от страны, в которой была издана книга. Так, дизайн русскоязычных обложек отличается высокой детализацией и концентрацией на фигуре главного героя, что дополняется большим вниманием к дизайну текста, в то время как в немецкоязычных обложках большее внимание уделяется передаче загадочной атмосферы произведения. Англоязычные обложки оказались наиболее «прямолинейными»: они отличаются простотой фона и наименьшим количеством символизма на иллюстрации. При дальнейшем культурологическом исследовании использование методик полимодального анализа дает большие перспективы для выявления дополнительных критериев, по которым оно может проводиться.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81'37

Содержательное наполнение в сопоставительной и лексикографической репрезентации концепта БРАТ на примере английского, русского и тувинского языков

С. С. Дариймаа

Тувинский государственный университет, Кызыл

В исследовании рассматривается содержательное наполнение в сопоставительной и лексикографической репрезентации концепта БРАТ на примере английского, русского и тувинского языков. Понятие было проанализировано с помощью сопоставительного метода.

Актуальность обусловлена сложностями при переводе на английский, русский и тувинский языки концепта БРАТ, так как культура этих языков отличается друг от друга, вследствие чего при интерпретации возникают неточности. Из-за незнания особенностей лингвокультуры можно вызвать различные негативные эмоции у собеседника даже при неформальном разговоре, а также подорвать доверие, соглашение между иностранными компаниями, государствами.

Цель данной работы — рассмотреть содержание словарных дефиниций в толковых словарях анализируемых языков, выявить универсальные черты языков, установить семантические различия сравниваемой единицы и на базе выявленных различий описать национальную специфику семантики сравниваемой единицы трех языков в ее разных видах.

Для начала представим значения слова «брат».

I. В английском языке *brother*:

1. *Your brother is a boy or a man who has the same parents as you.*
2. *See also half-brother, stepbrother.*
3. *You can describe a man as your brother if he belongs to the same race, religion, country, profession, or trade union as you, or if he has similar ideas to you.*
4. *Brother is a title given to a man who belongs to a religious community such as a monastery.*
5. *'Brothers' is used in the names of some companies and shops.* [4]

II. В русском языке *брат*:

1. *Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям.*
2. *Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.).*
3. *Человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-н. близкий (высок.).*
4. *Монах, член религиозного ~ства (обычно в обращении).* [3]

III. В тувинском языке *акы*:

1. *Бодундан улуг кады торээни азы хан торел эр кижги.* — Старший брат.
2. *Бодундан улуг эр кижини хундулеп адаары.* — Форма почтительного обращения к мужчинам, которые старше. [2]

Рассмотрев первую дефиницию, мы видим, что брат в английском и русском языках означает человека мужского пола в отношении к другим детям от тех же родителей, при этом не так важно, старше он или младше. В тувинском языке брат — это старший кровный родственник мужского пола или дядя. Ключевую роль при определении играет прилагательное *улуг* ‘старший’.

Во втором значении сходств не обнаружено. Здесь в английском языке возникает понятие сводного брата, в русском языке выражаются близкие отношения человека и говорящего, а в тувинском языке — вежливое обращение к старшим людям мужского пола. Однако здесь реальна и другая интерпретация, согласно которой *акы* и подобные ему термины родства связаны с иной глагольной основой **ак-* ‘опережать, быть несколько впереди’; тогда *акы* означало бы не ‘старый’, а ‘тот, кто был (родился) первым, раньше говорящего’ [4].

Толкование третьего значения в английском и русском языках универсально. В онлайн-словаре английского языка брата описывают как человека, который принадлежит к той же расе, религии, стране, профессии с говорящим, или человека со схожими интересами. В русском языке так обозначают любого близкого человека.

Четвертое значение в словарях английского и русского языков идентично. Брат — это человек, который принадлежит к религиозной общине. В русском языке чаще используется при обращении.

Пятое значение есть только в словаре английского языка. Оно уникально тем, что используется в названиях компаний и магазинов.

Таким образом, сопоставительный метод позволил сделать вывод о том, что английский язык стал доминирующим в лексикографических значениях (5), а на втором месте дефиниции в словарях русского языка (4), в тувинском языке отмечается всего два лексических значения.

1. Лопсан А. П. Содержательное наполнение семейных антонимов в контрастивной лексикографической репрезентации (на примере тувинского, русского и английского языков) // В сборнике: Научные труды тувинского государственного университета, 2017. С. 117–119.
2. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I: А–Б. Новосибирск: Наука, 2000. С. 86.
3. Толковый словарь тувинского языка. Т. I: А–Й / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. С. 101.
4. Collins Online Dictionary. Definitions. Thesaurus and Reference Materials [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/brother> (дата обращения: 07.03.21).
5. OnlineDicK. Словари онлайн. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word2156.php> (дата обращения: 07.03.21).

Научный руководитель — А. П. Лопсан

УДК 81`37

**Прозвища как особая группа антропонимов
в русском, французском и английском языках
(на материале прозвищ политических деятелей)**

Д. О. Дешковец

Новосибирский государственный университет

Наречение людей новыми именами как языковое явление существует с древних времен во всех языках, поскольку у людей всегда была потребность в коммуникации и дифференциации. У каждого человека есть имя собственное, призванное идентифицировать и отличать его от остальных. С развитием общества изменялась и расширялась система антропонимов, и теперь помимо имен, данных при рождении, многие люди являются носителями таких альтернативных имен, как прозвища, и используют их при обращении к другим.

Прозвище — это неофициальное, альтернативное имя человека, которое он получает в определенном микросоциуме и которое указывает на его отличительные характеристики, обстоятельства в его жизни, происхождение или формируется по какой-либо аналогии и другим мотивам. Прозвища выполняют идентифицирующую, дифференцирующую и эмоционально-экспрессивную функции, что отделяет эту группу антропонимов от других и подчеркивает социальную обусловленность их создания и использования, которая выражается в неофициальном, непостоянном, трансперсональном и иногда локальном функционировании.

Целью данного исследования является анализ особенностей образования и структуры прозвищ во французском, английском и русском языках. Материалом послужил корпус неофициальных имен политических деятелей XIX–XXI веков. Именно в этот период политические институты активно развивались, а политические процессы стали более открытыми, что позволило общественности давать оценки и высказывать свое мнение посредством создания прозвищ. Политические деятели становятся носителями альтернативных имен чаще представителей других профессий, поскольку политика является общесоциальной сферой деятельности и вызывает противоречивые суждения.

Корпус примеров включает 101 французское прозвище, взятое из «Словаря прозвищ» Тьерри Л. Ролана, а также 86 английских и 97 русских прозвищных наименований, собранных на различных Интернет-платформах, таких как Wikipedia, и на политических форумах.

Для сопоставительного анализа прозвищ во французском, английском и русском языках были выбраны следующие критерии: пол носителя неофициального имени; признаки, лежащие в основе образования прозвища (то есть их внутренняя форма); способы образования (какие стилистические приемы были использованы при имянаречении); грамматическая модель данного подтипа имени собственного.

Проведенный анализ корпуса примеров позволил выявить следующие общие закономерности. Во всех исследуемых языках мужчины гораздо чаще получают прозвища, чем женщины (фр. — 94 %; англ. — 71,4 %; рус. — 87,3 %). Это связано с тем, что до начала XX века политические права женщин были ограничены.

Прозвищные имена чаще всего создаются на основании определенных ситуаций из жизни носителя, часто связанных с его профессиональной деятельностью (фр. — 54,5 %; англ. — 33,5 %; рус. — 46,5 %). Например, французского политика Жака Тубона иронично прозвали *Mister Allgood* (*Мистер «Всё хорошо»*) из-за предложенного им закона о защите французского языка, запрещающего использование англицизмов.

Основным стилистическим приемом во всех исследуемых языках является метафора (фр. — 46,5 %; англ. — 32,7 %; рус. — 35 %). Так, бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра называют *Vambi* (*Бемби*) из-за внешней схожести с олененком из одноименного мультфильма.

Во всех исследуемых языках грамматической основой для образования альтернативных имен являются существительные и другие субстантивированные части речи (в основе прозвища И. В. Ленина *Лысый* лежит субстантивированное прилагательное), поскольку прозвища как подтип имени собственного относятся к периферийным подклассам существительных.

Однако существуют способы образования прозвищ, характерные в большей степени для определенного языка. Например, во французском языке особенно важна игра слов (28,3 %) (прозвище министра культуры Франции Розлин Башло *Cachalot* (*Кашалот*) построено на созвучии слова *Cachalot* с настоящей фамилией *Bachelot*), а в английском часто используют эпитеты (26,7 %) (прозвище бывшего президента США Уильяма Говарда Тафта — *Big Bill* (*Большой Билл*)). Для английского языка наиболее характерной является модель «существительное + прилагательное» (28,4 %) в отличие от русского, где данная модель используется реже (14,5 %). Например, прозвище *Golden Brown* (*Золотой Браун*) — прозвище бывшего Премьер-министра Великобритании Гордона Брауна.

Анализ структуры и образования прозвищ во французском, английском и русском языках продемонстрировал сложную и неоднозначную природу неофициальных имен, позволил выделить их общие признаки, а также отличительные особенности формирования прозвищ в каждом языке.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. В. Микута

УДК 81'42

English and Italian Motivational Speech: Linguistic, Linguo-Cognitive, and Pragmatic Features

T.D. Ershova

Novosibirsk State University

This is the investigation into linguistic, linguo-cognitive, and pragmatic specificity of motivational speech.

The relevance of the investigation lies in the increased interest in public speech all over the world, especially its motivational type. In the face of increasingly complicated and more demanding lifestyle of the 21st century people seek moral support and often turn to motivational speakers.

The purpose of the research is to determine verbal and non-verbal means which characterize motivational public speech and serve the fulfillment of its main goal, namely, the persuasion and the influence on wide audience.

The principal notion of the research is *public speech*. Russian linguists E.A. Zemskaya and E.N. Shiryayev regard public speech as one of the types of formal spoken discourse that is addressed to a relatively big audience, implies one speaker and a group of listeners. Public speech has the language norm at its basis and its realization up to day follows the canons of classical rhetoric: *inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria*, and *pronuntiatio*. Motivational type of public speech is aimed at influencing the will of the listeners, at convincing the audience in truthfulness of a speaker's beliefs. In realizing the afore-mentioned purpose, a speaker uses both verbal and non-verbal means, e.g. various stylistic devices, tactics of argumentation, intonation, gestures, etc.

The data sources for the analysis are the motivational public speeches given by the English-speaking and Italian-speaking orators Brené Brown and Alex Bellini. Brené Brown is a renowned researcher of such psychological notions as "shame", "vulnerability" and "fear", her public speech mainly concerns the topics of realizing one's full potential by accepting these feelings. Alex Bellini is an adventurer and explorer who makes his speeches to motivate people to overcome challenges by accepting the moments of vulnerability and shame as well.

We have analyzed 5 speeches of Brené Brown (the average duration of each is 17 minutes) and 5 speeches of Alex Bellini (the average duration of each is 14 minutes).

1. The lingua-stylistic analysis of the speeches, in addition to the prevailing **commonly used lexis**, revealed the occasional use of **colloquial**, even rude lexis (e.g. *crap*, *it. cazzo*) that we associate with the need of a speaker to lower the level of formality and become closer to the audience. Among the syntactic stylistic devices used for the purposes of expressivity of speech the most frequent are **parallel structures** (eng. — 35%, it. — 28%), **repetition** of words and phrases (19%, 33%) and **hypophora** (13%, 21%).

2. The analysis of linguo-cognitive features of given speeches has demonstrated the use of **precedent phenomena** (precedent utterances, texts, names) serving the persuasive function.

In addition, by analyzing semantic fields we have singled out the common **concept of challenge** in both Brené and Alex. We have noticed the frequent use of **metaphors** and **comparison** in speech of Alex Bellini primarily based on comparing life to a journey that, given his background, provides a strong expressive effect (e.g. *quello che inizia oggi per molti è una lunga corsa*).

3. The lingua-pragmatic analysis has shown that both speakers have identified themselves with the audience using the **first-person plural pronouns** (*we; noi*). This aspect of speech behavior of a public orator is vital in the process of influencing the audience. Relying on the tactics of argumentative discourse singled out by O.N. Parshina, we have found the **tactic of illustration** to be the most used one by both speakers.

The conducted analyses have let us identify some of the characteristics that are common for the genre of public motivational speech. Despite speaking different languages and being of different cultural origin, both speakers stick to the rules of rhetoric and choose similar communicative strategies for achieving their communicative goal.

The further potential of the research lies in analyzing non-verbal means that serve the purpose of persuasion in motivational speech and the extension of the data sources.

Scientific Supervisor — PhD, Prof. V. V. Koroteeva

УДК 81'42+81'27

Прагматические особенности газетных заголовков (на материале англоязычной газеты The Guardian)

Ю. А. Климонова

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию прагматических особенностей английских газетных заголовков.

Актуальность работы обусловлена неослабевающим интересом массового читателя к газетам. Прагматическое исследование заголовков позволяет выявить, с какой целью автор написал статью и что он вкладывает в заголовок.

Цель работы заключается в определении прагматического потенциала англоязычных газетных заголовков пяти рубрик газеты The Guardian.

Методы исследования: квантитативный анализ, лингвопрагматический анализ, интроспективный метод анализа.

Изучив 60 заголовков британской газеты The Guardian (объемом 686 слов) удалось выявить основные прагматические закономерности, характерные для 5 тематических рубрик: News, Opinion, Sport, Culture, Lifestyle. За основу исследования была взята классификация А. А. Романова [1].

В рубриках News (58 %) и Sport (73 %) больше всего реализуются заголовки с одним речевым актом, так как цель обеих рубрик — сообщить о событиях (мировых или спортивных): *China replaces Xinjiang party boss associated with Uyghur crackdown* [G, Dec 2021]. В рубриках Opinion (67 %) и Culture (67 %) чаще всего заголовки содержат два речевых акта: *Social media is a bad feelings machine. Why can't we just turn it off for good?* [G, Dec 2021]. В рубрике Opinion общественные деятели выражают свое мнение относительно политики, что позволяет им использовать более развернутые фразы и предложения. Рубрика Culture содержит заголовки развлекательного характера, именно поэтому авторы используют несколько распространенных предложений в заголовке, чтобы завлечь читателя. В отличие от всех других рубрик именно в рубрике Culture встречаются заголовки с тремя речевыми актами (8 %): *Street kissers, street kittens: Bruce Davidson's new Britain— in pictures* [G, Jan 2020]. Рубрика Lifestyle содержит заголовки, в которых реализуются и один (50 %), и два речевых акта (50 %): *'I quit life as a BBC journalist to live as a jade carver in China'* [G, Jan 2020]; *'I sliced the tops off four fingers': what my worst kitchen accidents taught me* [G, Jan 2020]. Таким образом, чем больше заголовков апеллирует к читателю, тем больше речевых актов в нем представлено.

В рубриках News (59 %) и Culture (41 %) больше всего заголовков с речевыми актами — нарративами. Основная цель заголовков рубрики News — сообщить о событиях, происходящих в мире или определенной стране. В заголовках рубрики Culture присутствует много цитат, которые косвенно повествуют о событиях: *'I had to be stitched into them': Olivia Newton-John's skintight Grease outfit goes to auction* [G, Oct 2019]. Рубрики

Opinion (65 %) и Lifestyle (35 %) содержат заголовки с речевыми актами — констативами: *People are passionate about politics again — and they want radical solutions* [G, Oct 2019]. Это связано с тем, что автор хочет сообщить читателю новую информацию или донести свои собственные утверждения, как в рубрике Opinion. Рубрика Sport характеризуется как нарративами (36 %), так и констативами (36 %), так как в ней авторы не только сообщают о событиях в мире спорта, но и предоставляют новую информацию о спортсменах или спортивных командах: *Tennis Australia says Peng Shuai's safety its 'primary concern' despite banning T-shirts supporting Chinese player* [G, Jan 2022].

Помимо вышеуказанных речевых актов есть речевые акты, которые отличаются в зависимости от рубрики. В заголовках рубрик News (12 %), Opinion (10 %), Sport (14 %) и Lifestyle (15 %) есть речевые акты — инвитивы, которые свидетельствуют о реализации рекламной функции в заголовках. Инвитивы чаще всего выражены в форме интеррогатива, который «призывает» читателя к информационному обмену с автором заголовка: *Time's up for bad-team bully Joe Root. How about Captain Broad?* [G, Jan 2022]. В рубриках News (6 %) и Lifestyle (5 %) реализуются заголовки с речевыми актами — иньюктивами, которые несут в себе побуждение осуществить что-то: *Forget cat ladies: the eight real tribes of modern dating— from fantasists to routiners* [G, Jan 2020]. Рубрики Culture (18 %) и Lifestyle (20 %) содержат заголовки с дескриптивами: *Body transformation: from 'dad bod to rad bod' in just seven weeks* [G, Jan 2020]. Сатисфактивы реализуются косвенно в заголовках рубрик News (17 %), Opinion (17 %) и Sport (36 %). Заголовки в данных рубриках могут нести в себе косвенное одобрение или неодобрение происходящего: *Dave Ryding makes British skiing history with first Alpine World Cup win* [G, Jan 2022]. Это связано с тем, что авторы заголовков данных рубрик вкладывают свое собственное отношение к происходящему через косвенные речевые акты.

1. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Коротеева

УДК 81'27

Особенности языка французских геймеров, выявленные в чатах на платформе Twitch

М. С. Котков

Новосибирский государственный университет

Исследования в области социолингвистики позволяют описать особенности языка в зависимости от носителей, нужды которых он обслуживает, от того, какие подсистемы выделяются в языке, их интра- и экстралингвистическую специфику. Важным разделом социолингвистики является социолект, что и изучается в данном исследовании.

Социолекты — особенности речи в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, грамматическая и фонетическая основа которых мало чем отличается от той, что характерна для данного национального языка.

Социолект имеет свои разновидности, среди которых особо выделяются сленг, жаргон, арго и подъязык. В результате обзора и анализа теоретических описаний всех вышеперечисленных социолектов стало ясно, что геймеры на платформе Twitch коммуницируют на жаргоне по интересам с большой долей сленгизмов и примесью арго в его функциональном составе. Первый этап анализа языка стримеров состоял в том, что мы методом сплошной выборки с помощью парсера чата собрали материал исследования — текст чата с пяти трансляций французского стримера с никнеймом Ponce. Парсер чата — специальная программа, которая выполняет сбор данных с указанной области на веб-ресурсе (в нашем случае это обновляемый чат), анализирует их и выдает в заданном формате в специально созданном файле на компьютере.

На втором этапе методами контекстного анализа из всего зафиксированного текста были вычленены и впоследствии классифицированы контексты. Под контекстом понимается обсуждаемая зрителями (и стримером) тема; в нашем исследовании мы считали тему таковой, если в ее обсуждении насчитывалось как минимум три реплики. В зависимости от повторяемости и размеров найденные 13 контекстов были разбиты на две крупные группы — большие единичные микроконтексты и периодические макроконтексты — и описаны с точки зрения содержания обсуждения. Затем были изучены языковые единицы в контекстах с орфографических, грамматических, лексикологических и стилистических позиций для выявления их специфических характеристик. Здесь также был применен семантический и словообразовательный анализ. В результате их дальнейшей классификации в зависимости от уровня языка были выявлены характеристики:

1. Орфографические, которые разветвились на умышленные и случайные. Самым распространенным среди первого подкласса является использование больших букв с целью передать повышение в тоне голоса говорящего (*what a kebab saaave*), во втором подклассе лидирует опущение диакритических знаков, обусловленное нежеланием

зажимать дополнительные клавиши с целью как можно быстрее написать и отправить в чат свое сообщение: *peut etre* (*peut être*);

2. Грамматические, среди которых чаще всего обнаруживается пренебрежение служебными частями речи, которые не несут смысловой нагрузки, и отсутствие в подавляющем большинстве случаев запятых и прочих знаков препинания внутри предложения (*bonsoir je suis une maison de disque je vous veux*);

3. Лексикологические, которые классифицированы тематически и согласно способам словообразования. В первой группе, к примеру, выделяются сленг интернет-пользователей (*ban*), геймерские термины (*boost*) и спортивная лексика (*goleador*), а во второй — аббревиации (*mdr*) и усечения (*tjrs*);

4. Стилистические, где раскрыты индивидуальные стилистические приемы, к которым прибегали участники чата. Например, употребление верлана (*la miff* (от *la famille*)) либо императива, с помощью которого передается шуточный призыв к совершению чего-то (*casse la tete!*).

Язык геймеров в чатах на платформе Twitch в большинстве своем используется в условиях непринужденного общения ввиду того, что его носители, как правило, развлекаются, выходя за пределы своей повседневной жизни. Поэтому участниками беседы допускаются разного рода лингвистические вольности, которые идут вразрез с литературным языком, применимым в ситуациях более формальной коммуникации. Иной фактор, определяющий языковые отклонения, заключается в том, что трансляция происходит в режиме реального времени, и потому зрители стремятся писать свои сообщения как можно быстрее, ведь стример читает чат, где могут задавать вопросы, и чем скорее ты отправишь свое сообщение, тем выше шанс, что стример заметит его и даст ответ. Кроме того, за упомянутыми ранее стилистическими и намеренными орфографическими чертами языка геймеров стоит цель быть замеченными (и оцененными) среди остальных высказываний за счет юмора и языковой изобретательности в выражении эмоций. Эмотивность же данного социолекта и обилие в нем экспрессивной лексики обуславливается яркостью самого процесса игры и наблюдения за ним.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Г. В. Курак

УДК 81'27

Заемствования из афроамериканского английского в русском языке (на примере текстов песен)

А. Ю. Куницкая

Новосибирский государственный университет

Актуальность темы определяется тем, что вопрос влияния афроамериканского социолекта американского варианта английского языка (Black English, BE) на русский не изучен. Процесс заимствования BE-англицизмов ярко проявляется в современных песнях молодых исполнителей, которые вдохновляются западной музыкой и используют более краткие и емкие английские лексемы для поддержания ритма и рифмы. Это ведет к тому, что такие заимствования быстрее проходят этапы ассимиляции, становясь молодежным сленгом.

Цель работы — изучение заимствований из афроамериканского английского в русском молодежном сленге.

Ключевым понятием нашей работы является афроамериканский социолект американского варианта английского языка. Основываясь на определениях, которые приводят разные исследователи, под BE мы понимаем социолект английского языка, носители которого намеренно «кодируют» свою речь, чтобы подчеркнуть свою групповую принадлежность. BE выступает инструментом проявления социальной идентичности и широко используется на территории США определенными социальными группами.

Особенности BE связаны с африканскими языческими культами и религиозными представлениями, а также с историей освоения Америки. Все это нашло отражение в афроамериканской устной традиции, метафорике, сакральности речи, традициях кодирования речи, в вопросно-ответном способе коммуникации, использовании невербальных средств передачи информации, в искусстве *signifyin'*, главная цель которого — передать скрытый смысл [1].

Материалом исследования послужили песни носителей BE и русскоязычных исполнителей, в текстах которых были обнаружены лексемы афроамериканского английского. При этом лингвокультурные «заемствования» могут выполнять различные функции в новой лингвокультурной среде: инструментальную, креативную и декоративную.

Анализ материала показал, что влияние афроамериканского социолекта американского варианта английского языка на поп-культуру заметно не только в США и других англоязычных странах, но и в России.

1. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский: в 2 т. // Лексика и текст. М., 2007. Т. 1.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. С. Мулладжанова

УДК 81`37

Анализ фразеологических единиц с глаголами движения в современном немецком языке

Е. А. Маслова

Новосибирский государственный университет

Словарное богатство языка пополняется не только за счет вновь образованных неологизмов, заимствований, добавления новых значений к уже существующим лексемам, но и за счет фразеологизмов — устойчивых конструкций и словосочетаний. Работа затрагивает проблему семантических преобразований компонентов — глаголов движения в составе фразеологизмов и их влияние на общее значение фразеологической единицы (ФЕ).

Фразеология находится в центре интересов многих ученых, так как отличается малоизученностью и неопределенностью предмета изучения, чем и обусловлена актуальность настоящей работы. Б. А. Ларин, один из первых исследователей фразеологизмов, подчеркивал необходимость выделения фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины ввиду дилетантской беспомощности, разнобоя и безуспешности попутного, случайного разбора этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе [1]. Несмотря на это, понятие «фразеологизм» в трактовке разных исследователей может охватывать как относительно небольшую часть единиц языка, так и весьма объемные языковые пласты; таким образом, объект изучения относителен от исследования к исследованию. Также стоит отметить разногласия в терминологии. Основными понятиями являются «фразеологизм», «идиома».

Цель работы — на основе компонентного анализа выявить особенности семантики глаголов со значением движения в составе фразеологизмов, классифицировать выбранные фразеологизмы по тематическим группам.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- 1) выборка фразеологизмов с компонентом — глаголом движения;
- 2) описание структуры выявленных фразеологизмов;
- 3) проведение компонентного анализа;
- 4) выявление и описание семантических групп фразеологизмов с компонентом — глаголом движения.

Материалом для исследования послужили 179 ФЕ с глаголами *gehen* 'идти', *laufen* 'бежать', *kommen* 'приходить, прибывать', *schwimmen* 'плавать', *reiten* 'ездить верхом', *fahren* 'ездить, ехать', *fliegen* 'летать', *wandern* 'гулять, совершать прогулку', *rennen* 'бежать, мчаться'.

В своем исследовании мы выдвигаем гипотезу, согласно которой компоненты в составе фразеологизма утрачивают общекатегориальные и грамматические семы, сохраняя некоторые аспектуальные семы, которые и становятся ядром фразеологического значения. В частности, глагол движения в составе фразеологизма может терять свое лексиче-

ское движение и быть носителем идеи процесса, действия, состояния. Сема «процесс» находится во главе структуры фразеологического значения; остальные семы, носителями которых являются другие компоненты фразеологизма, подчиняются ей, уточняют, конкретизируют ее. Это касается не только глагольного компонента: семантическим преобразованиям подвергаются существительные, прилагательные, предлоги.

В соответствии с уточняющими семами выбранные фразеологизмы можно разделить на тематические группы. Самой многочисленной по своему составу является группа «Действие, процесс, результат деятельности» (51 %), например, *ins Bummeln kommen* ‘лодырничать’. К группе «Описание внешности, характера, настроения человека» (15 %) относятся такие фразеологизмы, как *aus der Haut fahren* ‘выйти из себя’, *sich gehen lassen* ‘распуститься, расслабиться’, *auf dem Zahnfleisch gehen* ‘смертельно устать’, *ein Ei am Wandern haben* ‘быть глуповатым, сумасшедшим’. В тематическую группу «Взаимоотношения людей» (4 %) входят такие ФЕ, как *mit j-m durch dick und dünn gehen* ‘пройти с кем-то сквозь огонь и воду’, *auf j-n nichts kommen lassen* ‘не давать кого-то в обиду’. К тематической группе «Характер коммуникации» (11 %) относятся такие ФЕ, как *j-m gegen den Strich gehen* ‘действовать кому-то на нервы’, *mit j-m scharf ins Gericht gehen* ‘подвергать суровой критике кого-то’. Тематическая группа «Благосостояние» (9 %) включает в себя *zu Geld kommen* ‘разбогатеть’, *mit einem goldenen Löffel zur Welt kommen* ‘родиться в богатой семье’. К коммуникативным ФЕ (5 %) относятся обороты речи, связанные с определенными ситуациями или обозначающие неожиданность, испуг, возмущение: *Wies kommt, so wird's genommen* ‘Что есть, то есть’. Отдельный класс образуют поговорки (9 %), выполняющие характеризующую и оценочную функцию: *Erstens kommt es anders, und zweitens als man denkt* ‘Человек предполагает, а Бог располагает’.

Стоит отметить, что указанные тематические группы не носят абсолютный характер, их границы накладываются друг на друга; одни и те же ФЕ могут относиться к разным тематическим группам.

1. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. М., 1997. С. 125–149.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81'25:81:255.4

Лингвокультурный концепт ВИНО во французском языке

Е. А. Мачулина

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию лингвокультурного концепта ВИНО во французской культуре. Отдельное внимание в ней заостряется на паремических единицах, синонимах-перифразах слова *vin* из его дефиниций, а также ассоциациях и лексико-семантических составляющих этого концепта.

Исследование данного сложного концепта в рамках французской культуры имеет определенную ценность как для специалистов, оперирующих концептами и их когнитивными составляющими, так и для неспециалистов, интересующихся французскими культурой и менталитетом.

Хотя уже имеется несколько работ, посвященных концепту ВИНО во французской культуре (работы И. В. Калугина, П. Г. Логиновой, О. В. Огурцовой и Н. С. Зубковой, К. М. Романовой, Ж. В. Кургузенковой, А. Г. Назарян и т. д.), исследований, посвященных детальному анализу французских паремий и ассоциаций, синонимов и перифраз, а также стремящихся проанализировать данные лексические единицы с различных сторон, написано немного. Также стоит указать на тот факт, что все работы на русском языке охватывают лишь небольшой лексический пласт внутри данного концепта.

Полученные результаты дают лучшее представление о национальном характере французов и могут поспособствовать решению некоторых проблем в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Цель исследования — проанализировать лингвокультурный концепт ВИНО во французском языке и вывести определенные закономерности о лингвистических составляющих концепта, о его богатстве, о сложившемся во французской культуре образе вина, о степени сложности и важности этого концепта и об отношении к вину французской нации.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Из всех центральных синонимов-перифраз слова *vin* лишь один подчеркивает важность вина для религиозных обрядов (*l'une des deux espèces*).

2. Центр поля синонимов составляют слова, указывающие на сорта вина (*blanc, rouge, Bordeaux, rosé*), а также просторечные и грубые слова (*vinaisse, piquette, picrate, pinard, rouquin, chopine u bibine*), указывающие на плохое качество вина.

3. Периферия синонимов характеризуется большим количеством винодельческих и сельскохозяйственных терминов (*ramassage, moisson, récolte, cueillette*), а также слов, обозначающих названия посуды или тары (*verre, flacon, fiole, flasque, bocal, pot, vitrage, gobelet, gnôle*).

4. Во французской культуре не приветствуется злоупотребление вином и алкоголизм. Для французов первостепенно наслаждение напитком, и они пытаются найти меру в его потреблении.

5. В чрезмерном потреблении вина (часто плохого качества) многие французы видят причину страданий и яд, отравляющий разум и приводящий к ссорам.

6. Вино рассматривается как полезный для здоровья напиток, антидот, стимулирующий мыслительную деятельность и являющийся мерилем красоты, молодости и любви, скрашивающий будни и способный оживить любой вечер и стимулировать активное общение. Иначе говоря, вино обслуживает многие сферы французской повседневной жизни и улучшает их.

7. Вино фигурирует не только в изречениях и в народных пословицах, но и в сатирических ремарках (*Une barrique de vin peut réaliser plus de miracles qu'une église pleine de saints*), что указывает на присутствие этого концепта во всех стилях общения.

8. Все паремии передают такие национальные черты французов, как гедонизм, утонченность, галантность и гордость за французскую гастрономию.

9. Синонимы из лексико-семантической группы концепта обслуживают самые разные регистры и ситуации общения, в основном относясь именно к стилю бесед повседневной жизни (*bombe, bringue, mazagran, pot, bock, picrate, piccolo, pousse-café*).

10. Вино ассоциативно со словом «французское», оно олицетворяет национальную гордость за гастрономию Франции, характеризуется повсеместностью и является синонимом воды.

Таким образом, все проанализированные единицы подчеркивают прочную закреплённость концепта ВИНО в сознании французов; его существование в их сознании в качестве всеобъемлющей сферы с огромным количеством сложных подсистем; двойное отношение нации к нему (с перевесом в сторону позитивной оценки); его повсеместную распространённость и популярность в разговорном стиле общения; полифункциональность и богатство в области вокабуляра.

Как можно заметить, французы имеют уникальное дуалистическое мышление в сфере вина (вино как вредный и одновременно полезный напиток, как источник бед и радости, как одурманивающая и стимулирующая мозговую деятельность субстанция).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Г. В. Курак

УДК 81`37

Систематизация этнокультурных коннотативных маркеров английских антонимических фразеосочетаний

Т. А. Рейзлина

Новосибирский государственный университет

Настоящее исследование посвящено описанию функционально-семантического аспекта английских антонимических фразеосочетаний в контексте теории культурной коннотации. Все единицы языка культурно маркированы, но из всех аспектов языка лексика и фразеология являются наиболее культурно-чувствительными, поскольку в них наиболее четко проявляется связь между культурой и языком, именно в них находит свое отражение специфика национальной картины мира. В силу этого при передаче такого рода устойчивых сочетаний на другой язык требуется значительная культурная адаптация или лингвокультурный комментарий.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, возросшим интересом лингвистов к исследованию языковых единиц в контексте этнолингвистики, а во-вторых, малоисследованностью английских антонимических фразеосочетаний как в целом, так и в этнокультурном аспекте в частности.

Цель исследования — выявление и систематизация корпуса антонимических фразеосочетаний, отображающих национально-культурную специфику английского языка.

Материалом для исследования послужил корпус английских антонимических фразеосочетаний, объемом 242 единицы, извлеченный методом сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина. Выборка была проверена по современным одноязычным английским словарям (Oxford Dictionary of English Idioms, Longman Dictionary of English Idioms, Cambridge English Dictionary) для уточнения значений собранных фразеосочетаний и исключения устаревших и искусственно созданных.

На первом этапе нашего исследования были отобраны единицы, которые мы разделили на группы по структурно-грамматическому признаку с последующим вычислением процентного содержания частотности их встречаемости в нашей выборке.

На втором этапе нашего исследования были отобраны 242 единицы, из которых были выявлены 35 единиц, содержащих этнокультурный компонент. Данные 35 единиц были разделены на следующие группы в соответствии с происхождением:

1) Образ жизни англичан:

а) скачки (4): *to be on the high horse* ‘важничать, высокомерно держаться’ — *to get off the high horse* ‘перестать важничать’;

б) собачьи бои (1): *top dog* ‘господствующая или победившая сторона’ — *under dog* ‘побежденная сторона’;

в) кораблестроение и мореплавание (2): *old salt* ‘опытный моряк’ — *fair-weather sailor* ‘неопытный, робкий моряк’;

г) военное дело (4): *gain one's stripes* 'сделать что-то, что показывает, что человек заслуживает того, чтобы его уважали и принимали' — *lose one's stripes* 'быть разжалованным';

д) музыка и театр (2): *curtain falls* 'дело пришло к концу' — *curtain rises* 'действие начинается';

е) принятие пищи и напитков (3): *high tea* 'плотный ужин с чаем' — *low tea* 'легкий ужин с чаем';

ж) рутина (6): *till the cows come home* 'бесконечно долго, целую вечность' — *in a blink of eye* 'мгновенно, тот час же';

2) традиции (3): *above the salt* 'занимать высокое положение в обществе' — *below the salt* 'занимать скромное положение в обществе';

3) ценности (2): *fair play* 'честная игра' — *foul play* 'грязная игра';

4) юридический дискурс (1): *accessory after the fact* 'косвенный соучастник, укрыватель' — *accessory before the fact* 'прямой соучастник, сообщник';

5) финансовый дискурс (2): *to be in the red* 'быть в долгу' — *to be in the black* 'иметь деньги в банке и не быть в долгу';

6) прецедентные тексты (5): *all the difference in the world* 'существенная разница' — *the difference between tweedledum and tweedledee* 'почти никакой разницы'; *put to fire and sword* 'предать огню и мечу' — *save something out of fire* 'спасти что-либо от уничтожения'.

Таким образом, источником культурно-маркированных сочетаний послужили образ жизни англичан, традиции и ценности, юридический и финансовый дискурсы, а также прецедентные тексты.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А.Л. Соломоновская

УДК 81'37

Роль жаргонной лексики в произведении Кызыл-Эник Кудажи «Ыы» (Плач)

Ч. Х. Саая

Тувинский государственный университет, Кызыл

Актуальность тезисов обусловлена недостаточной изученностью жаргонной лексики, частично рассмотренной в работе К. Б. Доржу [1]. Цель работы — рассмотрение жаргонной лексики, бытующей среди молодежи с конца 1990-х гг., когда на нашей малой родине широко распространилась проблема наркомании и алкоголизма.

В последние годы молодежь все реже и реже используют в своей речи красивый литературный язык. Тем самым наша речь разрушается год за годом. Эту проблему поднимает известный писатель К. Кудажи в своей документально-детективной повести «Плач» [2], где широко использует жаргонную лексику определенных социальных групп.

В настоящей работе проведена классификация жаргонной лексики в повести К. Кудажи «Ыы» и приведены трактовки ее лексических значений.

Жаргон — это речь какой-либо социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных слов и выражений, отражающих вкусы и потребности данной группы [3]

Автор в своей повести хотел обратить внимание читателей на проблемы воспитания молодежи и, как следствие, распространение наркомании, алкоголизма и преступности. В романе автором созданы образы представителей различных социальных групп, в частности, наркоманов и заключенных.

В ходе исследования используемые писателем жаргонные слова были подразделены несколько категорий:

1. Жаргонные слова, относящиеся к употреблению наркотиков: *өңүг телевизор көөр* 'смотреть цветной телевизор' — галлюцинации, состояние наркотического опьянения, при котором человек видит разные образы; *кумарлаар* 'кумарить' — состояние человека при потребности в приеме наркотических средств (*Бисте кумарлаан «кара куштар» база бар.* 'Среди нас есть кумарящие «глухари»');

2. Тюремный/лагерный жаргон: *аътчыгаш* ~ *бора* ~ *чагаа* 'лошадка ~ «серый» ~ письмо' (*Аът* 'лошадь, конь' — 1. Кош эвес дуягуг, сеглегер кудуруктуг, челдиг улуг азырал амытан, чылгы мал. [3]. *Аътчыгаш! Эки хүннүң мездизи-биле, Рета!* 'Мулька! Здорово, Рета!');

Довурак — *чангыс чер чуртуу* 'Пыль — земляк' (*Довурак* — 1. Чер картының кезээ болур үлдүргей хоюг кара-хүрең бүдүмел 'Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав нашей планеты'. 2. Черниң үстүкү карты, хөрзүн, 'почва' 3. Доозун, хир, 'пыль, грязь'. 4. бот. Үнүштүң тычинкада эр клеткалары, эр үре, 'пыльца' [3]).

Сенден өчүктеди бе довурак ‘С тебя взяли показания, земляк’.

3. Отдельно в повести можно отметить жаргон «гулящих» женщин: *ромашкалаар — чыдыг чашпан тыртып алгаш, ооң салдары-биле эр-херээжен чорук кылыры* ‘играть в «ромашки»’ — интимная связь после принятия наркотиков’.

Олар ам та кайда «ромашкалап» турлар ыйнаан? ‘Интересно, где они сейчас играют в «ромашки?»’

«Кара-куштар» — «ромашкалаан» эр хиндиктиг улус. ‘«Глухари» — мужчины, играющие в «ромашки»’ [2].

Кара-куш[ъ] ‘глухарь’ — тайганың бедик черлеринге турар, кызыл чалаалыг, карактарының кыдыглары кызыл улуг кара куш [4].

4. Следует выделить и жаргоны, которые в литературном тувинском языке имеют другие трактовки: *даай* ‘дядя’ — обращение к незнакомому взрослому мужчине; *өшкү* ‘козел’ — обращение к работникам правоохранительных работников; *бора-куштар* ‘самка глухаря’ — обращение к молодым незнакомым девушкам и др. *Өшкүлер көзүл-бейн тур бе?* ‘«Козлов» не видно?’

5. Выявлены лексемы, обозначающие чувства и характер человека: *дилги* ‘лиса’ (*Ол аныяк кыс бир өске янзы, харын кончуг оптуг-опалыг дилги болган* ‘Та девушка была не такой, как казалось, а была хитрой как лиса’. *Кишкалар сыгырып тур дээрге, ишти-хырнывыс аштап тур дээни ол диин.* ‘Кишки свистят — это значит, что проголодались’).

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что язык тесно связан с социальными проблемами общества. Подобные проблемы и сегодня — в век глобализации — не исчезают. Данные жаргонные слова из повести «Ыы» свидетельствуют о внутреннем состоянии писателя при передаче своей мысли подрастающему поколению, чтобы молодежь почитал свой родной язык, свой народ и традиции предков, учились и добивались своей цели.

1. Доржу К. Б. К-Э. Кудажының «Ыы» деп чогаалының лексиктиг онзагайы // Ж-л Башкы, 2000. № 1.
2. Кудажы К. К. Ыы: бартаазынныг тоожу. Кызыл: Республика типографиязы, 1999. 144 ар
3. Толковый словарь тувинского языка (Т. I. А – Й) / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. 598 с 4. Толковый словарь тувинского языка (Т. I. А – Й) / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 795 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

УДК 811.214.3

Сравнительный анализ основных концептов группы BTS на материале песен Save Me и I'm Fine

С. Г. Слепцова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом современной науки к проблеме определения и описания художественного концепта на основе текстов песен.

Объектом исследования является авторская картина мира группы BTS.

Предметом исследования считаются единицы корейского языка, репрезентирующие основные концепты в текстах песен группы BTS.

Цель работы заключается в анализе и характеристике авторской картины мира посредством сравнительного анализа основных концептов в песнях Save Me и I'm Fine.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) исследовать понятие концепта в когнитивной лингвистике;
- 2) рассмотреть методы исследования концепта;
- 3) рассмотреть понятие «индивидуально-авторская картина мира»;
- 4) произвести анализ лексических единиц, вербализующих основные концепты в выбранных песнях;
- 5) провести сравнительный анализ полученных концептов.

В наше время лингвисты уделяют много внимания изучению природы концептов с разных точек зрения. В нашей работе были рассмотрены определения концепта таких авторов, как С. А. Аскольдов (Алексеев), Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова и т. д.

Близкое к нашему понимание концепта предложено М. В. Пименовой: «Концепт — это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [3].

Чтобы охарактеризовать индивидуально-авторскую картину мира определенного автора, исследователи используют концептуальный анализ текстов [2].

Для выбора наиболее подходящих методик исследования были рассмотрены самые популярные методы исследования концепта, и в нашей работе мы будем придерживаться методики концептуального анализа, предложенной Л. Г. Бабенко [1]. Она подразумевает ряд исследовательских процедур:

- 1) выявление набора ключевых слов текста;
- 2) описание обозначаемого ими концептуального пространства;
- 3) определение основного концепта описанного концептуального пространства.

Первым этапом практического исследования стал дефиниционный анализ ключевых слов в двух песнях, а также изучение авторской интерпретации слов и тем в них [4–9].

Далее мы выделяем концептуальные пространства, т. е. группы, в которые входят выделенные нами ключевые слова.

Концептуальными пространствами в песне Save Me являются «тьма», «свет», «внутреннее состояние», «спасение». А в песне I'm Fine это «тьма», «свет», «внутреннее состояние» и «принятие».

В ходе концептуального анализа, нами были составлены две таблицы, в которых мы описали значения ключевых слов, входящих в концептуальные пространства, а также их значения в авторской интерпретации.

В песне Save Me выявленные лексические единицы репрезентируют нам концепт «поиск спасения», а в песне I'm Fine — концепт «принятие».

В ходе сравнительного анализа, мы пришли к выводу, что основные лексические единицы в концептуальных пространствах в индивидуально-авторской картине мира в основном сохранились, но репрезентируют уже отличные концепты. Основными сохранившимися лексическими единицами стали «жизнь», «смерть», «крылья», «спасение», «рука помощи».

Также было выявлено изменение смысла концептуальных пространств: «выход из тьмы»; «свет уже не как надежда, а как настоящее»; «спокойствие внутреннего состояния»; «спасение-принятие».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в ходе работы были выполнены поставленные задачи и достигнута намеченная цель: был проведен анализ и дана характеристика авторской картины мира группы BTS посредством сравнительного анализа основных концептов в песнях Save Me и I'm Fine.

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 104–106 с.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2005. 108 с.
3. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 127–131 с.
4. Daum Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.daum.net/word> (дата обращения 22.06.2021).
5. Naver Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://ko.dict.naver.com> (дата обращения 22.06.2021).
6. Standart Korean Language Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://stdict.korean.go.kr/search> (дата обращения 22.06.2021).
7. Трансляция на платформе VLive «RM MONO behind» с 01.11.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vlive.tv/video/96907> (дата обращения 25.06.2021).
8. RM has already proven how much work BTS put into 'Map of the Soul: Persona' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hypable.com/rm-has-already-proven-how-much-work-bts-put-into-map-of-the-soul-persona/> (дата обращения 26.06.2021).
9. Music & Lyrics: The stoeyteller Min Yoongi [Электронный ресурс]. URL: <https://seoulbeats.com/2019/07/music-lyrics-the-story-teller-min-yoongi/> (дата обращения: 24.06.2021).

Научный руководитель — В. В. Лебедева

УДК 81`37

Детская лексика в современном русском, французском и английском языках

Д. Е. Хох

Новосибирский государственный университет

Изучение специфики детской речи является одним из современных направлений исследований. Анализ детской речи способствует выявлению особенностей механизмов смыслообразования.

Процесс формирования речи у ребенка состоит из трех этапов: доречевого (примерно 2–5 мес. и 5–11 мес.), этапа первичного освоения языка (11 мес. — конец 2-го г.) и этапа усвоения грамматики (3 г. и старше). К завершению второго этапа, ребенок начинает употреблять в речи так называемую детскую лексику.

Детская лексика — это особая группа слов, существующая в каждом языке, характерная для употребления непосредственно детьми, родителями в процессе коммуникации с детьми, либо писателями для создания образа ребенка в литературных произведениях. Обычно данные слова имеют синонимы в нейтральной лексике и входят в общенациональный язык, так как встречаются в словарях с пометкой «детск.» в русском языке, *langage enfantin* во французском и *child's word* в английском. Дети не создают детскую лексику, а лишь употребляют ее; также она облегчает коммуникацию родителей с детьми. Однако помимо использования общенациональной детской лексики, зафиксированной в словарях, в речи детей могут встречаться индивидуальные окказионализмы, созданные в конкретной семье конкретным ребенком.

Целью данной работы является выявление и сравнение лингвистических особенностей детской лексики в русском, французском и английском языках.

В качестве материала исследования были взяты слова, отмеченные как «детская лексика» в словарях *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*, *Oxford English Dictionary*, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, *Le Petit Robert*, *Le Petit Larousse illustré*. Для выборки на английском языке примеры были взяты также из словника на сайте *Skyeng.ru*, а для русского языка — из различных фольклорных детских стишков, считалочек, потешек. В корпус французского языка вошли также примеры из словника *Le Wiktionnaire* (catégorie: *langage enfantin en français*). К материалу общепринятой детской лексики во всех трех языках мы также добавили несколько примеров индивидуальных окказионализмов, созданных некоторыми детьми для иллюстрации детского словотворчества. Общий корпус детской лексики включает 248 слов и словосочетаний: 84 примера из английского языка, 82 из русского языка и 82 из французского.

Для сопоставительного анализа детской лексики во французском, английском и русском языках были проведены: фонетический, словообразовательный, семантический и лексико-грамматический анализ всех предоставленных единиц исследования.

Проведенный анализ корпуса примеров позволил выявить следующие общие закономерности. Не менее четверти примеров детской лексики в каждом языке (26 % во французском языке, 28 % в английском и 39 % в русском) являются фонетически видоизмененными словами общенационального языка. Например, *snostrils* (*nostrils*) или *кука* (*кукла*). Также довольно большую группу составляют звукоподражания, которые наиболее широко используются в детской лексике русского языка (11 % во французском, 10 % в английском и 24 % в русском языке).

Детская лексика во всех трех языках в большинстве своем состоит из имен существительных (74 % во французском, 67 % в английском, 73 % в русском языке), что свидетельствует о преобладающей номинативной функции слова в мире ребенка. Именно поэтому среди детских слов преобладают названия предметов и людей, окружающих ребенка: членов семьи, еды, игрушек, и т. д. В русском и английском языках большую часть детской лексики составляют названия животных (20 % в английском языке, 23 % в русском), однако в корпусе французского языка преобладающей оказалась тематическая группа, названная нами «Чувства, эмоции и ощущения» (16 %), которая отражает то, что ребенок ощущает. Например, *avoir bobo* = *avoir mal* ('испытывать боль') или *ragnagna* = *utilisé par un enfant pour se vanter de quelque chose devant un interlocuteur et se moquer de lui* ('используется ребенком, когда он хвастается чем-то перед собеседником или насмеяется над ним').

Наиболее распространенным способом образования детских слов среди проанализированных примеров в русском и французском языках является редупликация (69 % во французском, 43 % в русском), а в английском языке детские слова образованы преимущественно аффиксальным способом (44 %).

Таким образом, данные, полученные в результате исследования, показали, что группа «детской лексики» занимает значимое место в словарях и в лексической системе того или иного языка. Данное исследование позволяет выявить общие и специфические особенности данной лексической подгруппы в английском, французском и русском языках.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. В. Микута

УДК 811.521

Функционирование речевого портрета якувариго в японских художественных произведениях (на материале аниме)

В. А. Шарафуллин

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Изучение якувариго особенно актуально для понимания речи персонажей в художественной литературе и разговорного японского языка в целом. Ролевую лексику якувариго можно считать уникальным феноменом японского языка, возникшим благодаря его историческому языковому богатству.

Якувариго — это вид художественного образа, а именно разновидность речевого портрета персонажа, характерная для японской повествовательной традиции. Якувариго составляет интонация героя, его манера изложения мысли, употребляемые выражения и другие идиолектные категории. Особенность якувариго, качественно отличающая его от всех других форм речевого портрета персонажа, состоит в том, что якувариго передает не характер и индивидуальные черты героя, а его принадлежность к некоторой социальной или культурной группе, будь то поколение, региональная или этническая общность, социальная страта, либо вымышленное собрание божеств, сверхъестественных и внеземных существ.

В ходе исследования была выбрана классификация якувариго японского лингвиста Сатоси Кинсуя и, согласно этой классификации, выявлены лингвистические средства создания речевого портрета персонажей аниме «Гуррен-Лаганн», «Атака Титанов», «Да благословят боги сей расчудесный мир! Алая легенда», «Истории монстров» и других. Эти лингвистические средства проявляются на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

1. Речевой образ мужчины

Образ молодого мужчины в аниме отличается на **лексическом уровне** использованием междометных частиц **ぜ** (ze) и **ぞ** (zo), вопросительных частиц **かい** (kai) и **だい** (dai), грубых бранных обращений **てめえ** (temē) и **野郎** (yarō), ругательных выражений (**くそ** (kuso) и др.), глагола **ない** (nai) в сленговой вариации **ねえ** (nē), а также сравнительно нейтрального по своей гендерной окраске местоимения 1-го лица **僕** (boku) и маскулинного местоимения 1-го лица **俺** (ore). На **грамматическом уровне** речь такого героя характеризуется частым использованием таких грамматических форм, как **～やがる** (yagaru), которая выражает пренебрежение героя к адресату этих слов, и **～て(で)やる** (te/de yaru), подчеркивающей решительность говорящего. **Стилистически** речь такого героя нередко довольно груба и непринужденна.

2. Речевой образ женщины

Для речи молодой женщины на **лексическом уровне** характерно использование в ней феминных частиц **わ** (wa) и **かしら** (kashira), а также нейтрального местоимения 1-го лица **私** (watashi) и феминного местоимения 1-го лица **あたし** (atashi). На **стилистиче-**

ском и грамматическом уровнях (поскольку вежливость в японском языке обычно передается грамматическими средствами) речь молодой женщины обычно отличается литературностью и вежливостью.

3. Речевой образ носителя диалекта

Речь носителя диалекта отличается на **лексическом уровне** использованием служебного глагола や (ya) вместо だ (da), характерного для стандартного литературного японского языка, и выражения どえらい (doerai) вместо литературного すごい (sugoi) в значении «классно», а на **грамматическом уровне** для такой речи характерно изменение основы некоторых глаголов в потенциальной форме (к примеру, 帰ら (kaera), 死な (shina) в диалекте вместо 帰れ (kaere), 死ね (shine) в стандартном литературном японском) и изменение стандартной имперфектной формы глагола する (suru) для выражения отрицания (основа せ (se) вместо литературной し (shi)).

4. Речевой образ персонажа, принадлежащего к определенной эпохе

На **лексическом уровне** речи персонажа, принадлежащего эпохе Эдо, свойственно использование конструкции でござる (de gozaru) для завершения предложения вместо стандартных для современного литературного японского です (desu), だ (da), である (de aru) и других. Женщин этой эпохи отличает употребление вежливой вариации этой конструкции でございます (de gozaimasu), поскольку вежливость является **стилистической** особенностью речи женщины в аниме. Более того, герои-самураи эпохи Эдо нередко употребляют местоимение 1-го лица 拙者 (sessha).

Таким образом, изучение особенностей речевого портрета якувариги представляется крайне необходимыми не только в контексте изучения языка, но и для лучшего понимания художественных произведений, написанных на японском языке. Изучение образцов японского художественного творчества не представляется возможным при отсутствии понимания ролевой лексики якувариги, одного из магистральных инструментов формирования художественных образов произведения.

Научный руководитель — И. А. Рабцевич

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Председатель секции — д-р филос. наук, проф. *О. А. Донских*

Ответственный секретарь секции — *Т. В. Скрыпник*

Экспертный совет секции

д-р филос. наук, проф. *О. А. Донских*
д-р филол. наук, проф. *Е. И. Дергачева-Скоп*
д-р филол. наук, проф. *И. В. Силантьев*
д-р филол. наук, проф. *Л. Н. Синякова*
д-р филол. наук, доц. *О. Д. Журавель*
д-р филол. наук, доц. *Д. В. Долгушин*
канд. филол. наук, доц. *В. А. Мельничук*
канд. филол. наук *И. А. Шилова*

LITERATURE

Section Head — Dr. Philos., Prof. *O. A. Donskikh*

Executive secretary — *T. V. Skrypnik*

Section scientific committee

Dr. Philos., Prof. *O. A. Donskikh*
Dr. Philol., Prof. *E. I. Dergacheva-Skop*
Dr. Philol., Prof. *I. V. Silantiev*
Dr. Philol., Prof. *L. N. Sinyakova*
Dr. Philol., Assoc. Prof. *O. D. Zhuravel*
Dr. Philol., Assoc. Prof. *D. V. Dolgushin*
Cand. Philol., Assoc. Prof. *V. A. Melnichyk*
Cand. Philol. *I. A. Shilova*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XI–XVIII вв. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ

УДК 821.161.1

К истории бытования Жития преп. Пелагии Антиохийской в древнерусской рукописной традиции

А. Д. Бартева

Новосибирский государственный университет

Житие преподобной Пелагии Антиохийской берет начало из беллетризованного сказания «Покаяние преподобной Пелагии», составленного неким Иаковом Илиопольским, диаконом Илиопольской церкви [1]. Исследователи склоняются к версии о сирийско-палестинском происхождении сказания и датируют его концом V–VI в., фиксируя большое количество переводов: на армянский, сирийский, арабский, французский, итальянский, славянские и другие языки [2]. Сравнительно-историческим изучением сказания занимались в основном зарубежные исследователи, такие как И. Делез [3] Г. Узенер [4], А. Камерон [5] и др. Считается, что сюжет «Покаяния преподобной Пелагии» основывается на 67 гомилии Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

В славянской рукописной традиции помимо кратких проложных текстов о преподобной Пелагии существовало два варианта полного Жития святой [6]. Один из них (начало: «Бывшоую вещь во дъни наша, изволися Богоу мною грешным Иаковомъ...»), текст цит. по списку РГБ, ф.304.I, № 666, л. 222–230) представляет собой перевод с греческого (начало: «Τὸ γενόμενον θαῦμα ἐν ταῖς ἡμέραις ἡμῶν ἔδοξεν ἐμοὶ τῷ ἀμαρτωλῷ Ἰακώβω...»), ВНГ, 1478) и читается в списках миней четых XV–XVI вв. В XVI в. именно он входит в состав Великих Миней Четых [8].

Самый ранний из сохранившихся списков Жития датируется XIV в. (РГБ, собр. И. Д. Беляева, № 54, л. 259 об. — 271) и содержит другой вариант текста (начало: «Отець Ияковъ поведѣ намъ сущу ми рече...»). Этот вариант известен в составе четых сборников смешанного содержания, среди которых также встречаются сборники минейного типа.

По мнению Л. В. Прокопенко, первый текст действительно является переводом с греческого, в то время как второй представляет собой сокращенную и упрощенную переработку первого [1].

Наши наблюдения показывают, что тексты содержат принципиальные различия, не позволяющие говорить об одном из них как о отредактированном варианте другого. Так, до эпизода, в котором описывается сон святого Нонна, между двумя версиями Жития почти полностью отсутствуют соответствия в построении фраз и совершенно несопоставимы объемы текста, уделенные описанию одних и тех же событий. Кроме того, во втором тексте отсутствует описание сна Нонна, несмотря на большую, на наш взгляд, роль этого эпизода в системе символов Жития. Также обращают на себя вни-

мание смысловые различия между текстами, например, в указании числа епископов, собравшихся в Антиохии, в описании реакции епископа Нонна, впервые увидевшего Пелагию, и др.

Если начальные части отличаются разительно, то начиная с эпизода, когда Пелагия приходит в церковь св. Иулиана, обнаруживаются только лексические и синтаксические разночтения, которые свидетельствуют о том, что мы имеем дело с двумя переводами греческого текста. Например, «Она же приимши епископль ответъ, абие вѣста и поиде въ церковь Святого Оулиана.» (ТСЛ 666, л. 226) / «Она же, приемши ответъ святого старца, абие вѣскочивши и скоро притече въ церкви святого Оулиана и обрете блаженаго сидяща съ епископы...» (Бел. 54, л. 262 об.); «Раба же Божия Пелагия, не отгъять имениа своего ничтоже, но корьмляше ю госпожа Романа диакониса...» (ТСЛ 666, л. 228 об.) / «Раба же Божия Пелагия ничтоже от имениа онога взя на пищу себе, но питаема бе Романюю дяконицею...» (Бел. 54, л. 268).

Вопрос о взаимосвязи двух вариантов Жития преподобной Пелагии нуждается в дальнейшем исследовании. Возможно, их одновременное бытование в древнерусской рукописной традиции объясняется неоднократно высказываемым предположением «о наличии у славян в эпоху начального христианства разных комплектов Четьих Миней» [9].

1. Пашков П. А., Прокопенко Л. В., Лукашевич А. А. и др. Пелагия, прп. Антиохийская // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 281–285.
2. Petitmengin P. Pelagie la Penitente. Metamorphoses d'une legende // T. I. Les textes et leur histoire. Etudes augustinienes, 1981. 361 p.
3. Delehaye H. The Legends of the saints; an introduction to Hagiography. London, Longmans, Green, 1907. P. 186–195.
4. Usener H. Legendes der heiligen Pelagia. Bonn, A. Marcus, 1879. P. 35–48.
5. Cameron A. D. E. The Poet, the Bishop, and the Harlot // GRBS, 2000. Vol. 41. No. 2. P. 175–188.
6. Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV вв. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 97.
7. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 307–308.
8. Великие Миней Четии, собранные всероссийским Митрополитом Макарием. Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874. Стлб. 868–878.
9. Гладкова О. В. Древнейшие списки Жития Евстафия Плакиды и вопрос о времени и месте возникновения ранних переводов памятника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2009. № 3(37). С. 26.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. А. Шилова

УДК 801.82

**Особая редакция легенды «о граде Китеже»
из сборника собрания М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН**

М. В. Власова

Новосибирский государственный университет

Список легенды «о граде Китеже», являющийся предметом нашей работы, читается в составе сибирского сборника из собрания М. Н. Тихомирова ОРКиР ГПНТБ СО РАН за № 351 (далее — Тих. 351), относится к концу XVIII — началу XIX в. Рукопись имеет лишь краткое описание [1, с. 107] и до сих пор не введена в научный оборот.

Задача настоящей работы — введение в оборот нового списка легенды о граде Китеже, сопоставление его с другими, рассмотрение его литературного окружения в составе сибирского сборника Тих. 351.

Сказанием занимались многие ученые. Обзор исследований сделан в работе В. Л. Комаровича, который проследил литературную историю памятника по 10 спискам [2, с. 23–41]. Образу центрального героя произведения, князю Георгию Всеволодичу, посвящено монографическое исследование А. В. Сиринова [3].

«Книга глаголемая летописец писан в лето 6646 сентября в 5 день» (такое название имеет первая часть памятника) начинается генеалогией «святого благоверного и великого князя Георгия Всеволодича» (1188–1237), которому ошибочно приписано происхождение от псковского князя Всеволода Мстиславича. События оказываются отодвинутыми на 100 лет назад. Рассказ о встрече с князем Михаилом Черниговским, строительстве Китежа, поездке князя по городам, строительстве церквей, сражении с Батыем — таковы основные события этой части памятника. Вторая часть, «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже», содержит наставления книжника, адресованные тем, кто хочет попасть в невидимый («обетованный») град, рассуждения о наступлении последних времен.

В первой части легенды в сборнике Тих. 351 князь Всеволод Мстиславич (названный в тексте легенды отцом Георгия Всеволодовича) определен как «новгородский чудотворец». В списке РНБ Q.I.1385 этот же князь назван «новгородским и псковским»: «Из Нова-града поехав во Псков, град свой, идеже преставися отец его, благоверный князь Всеволод, а во святом крещении Гавриил, новгородский и псковский чудотворец».

Известно, что княжение Всеволода Мстиславича сыграло большую роль в становлении новгородской государственности; после смерти князя память о нем в Новгороде приобрела черты героической стилизации: его правление в истории города вспоминают как эпоху расцвета [4]. Разница в характеризующих князя эпитетах в двух сравниваемых текстах может объясняться используемым книжником источником, например, существованием устной легенды о князе или былинной традицией.

По сравнению с текстом рукописи РНБ Q.I.1385 в тексте Тих. 351 отсутствует абзац, описывающий такое важное событие, как убийство князя Георгия Батыем, перенесение

его мощей и запустение городов Малого Китежа, «что на берегу Волги стоит» и Большого Китежа, «что на берегу озера Светлояра». Первая часть заканчивается упоминанием смерти князя Георгия Всеволодича: «и по убиению святаго и благовернаго и великаго князя Георгия Всеволодича и по погребению честных мощей его, в лето 6-е прииде той царь Батый воевати в русское царство».

В начале второй части памятника помещен фрагмент из Скитского патерика о спасении блудницы, душу которой ангелы вознесли «по лестнице на небо». Во всех известных нам списках употребляется слово «лестница», тогда как в тексте из Тих. — «лествица». Вариант «лествица» совпадает с названием широко известной на Руси «Лестницы» прп. Иоанна Синайского. Прямая отсылка к ней важна, поскольку основная тема второй части — мотив спасения человека через покаяние, смирение, нестяжательство, «духовный путь».

Таким образом, можно говорить об особой редакции текста легенды в сборнике М. Н. Тихомирова № 351 ОРКиР ГПНТБ СО РАН.

1. Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. 194 с.
2. Комарович В. Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1936. 184 с.
3. Сиренов А. В. Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. 232 с.
4. Всеволод (Гавриил) Мстиславович // Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2005. Т. 9. С. 543–550.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. А. Мельничук

УДК 398.838

Образы природы в русских лирических песнях свадебного обряда

Ю. Н. Жорникова

Новосибирский государственный университет

В данной работе рассматриваются образы природы в русских обрядовых свадебных песнях. Материалом исследования послужили сборники К. Чистова и Б. Чистовой [2], Н. П. Колпаковой [3], Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Лаврентьевой [4].

Как показал анализ, разнообразием отличаются образы, связанные с растительным миром. С помощью сравнений-метафор: *яблонька, рябинушка, березынька* в песнях обычно передается отношение невесты к предстоящему замужеству [1]. К числу других, не очень часто используемых образов, можно отнести *винную ягодку, сломанную виноградную веточку, земляничку-ягодку, цвет в рощице, сломанную маковку сосны*. Эти метафоры, как правило, связаны с образом жениха или невесты, их родителей. Последний из перечисленных символов иносказательно говорит о потере отца невестой.

Животный мир в символах свадебного обряда представлен в основном птицами. Наиболее частыми являются образы сокола, ласточки, кукушки, канарейки. Так, в изучаемых нами текстах сборников образ сокола чаще всего ритуально связан с женихом или сватами и вполне традиционен [1]. Менее распространенные образы птиц — *куры ранние, райские птицы* — не несут особого метафорического смысла, они лишь являются простыми объектами обращения к ним с различными просьбами участников обряда. Например, в песне «Куры мои ранние» [3] невеста просит не будить ее слишком рано, а в песне «У реки-то было у реченьки» [2] отец, обращаясь к райским птицам, просит развеселить его опечаленную дочь. Другие образы животного мира: *конь, черный бобр, куница, пчела, белорыбица* в лирических песнях свадебного обряда не являются традиционными, каждый такой образ самобытен. Все они символизируют участников свадебной церемонии. Так, в песне «Не лежи, черный бобр» куница и бобр — образы молодых людей, которые «еще не снарядили свою свадьбу» [2]. Пчела, полетевшая за нектаром — иносказательное изображение жениха, отправившегося за суженой [3]. Чаще всего эти символы-метафоры связаны с местными характеристиками свадьбы в песнях.

Образы природных явлений в лирической песне свадебного обряда появляются в тех случаях, когда к ним обращаются участники действия. Так, к Дунаю обращается жених в песне «Не разливайся, мой тихий Дунай» [2], к Волге — невеста, сообщающая о переходе в новую для нее, замужнюю, жизнь («Уж ты Волга» [2]) и др.

Итак, образы природы в русских лирических песнях свадебного обряда могут быть как традиционными для фольклора и повторяющимися в записях, выполненных в разных районах (Русский Север, Сибирь, Поволжье, Урал и пр.), так и уникальными, связанными с конкретными местными особенностями обряда.

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. 188 с.
2. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой. Л.: Худож. лит., 1984. 528 с.
3. Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы / Сост. и подгот. текста. Л: Наука., 1973. 324 с.
4. Русская обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Лаврентьевой. СПб.: Блиц, 1998. 287 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. А. Мельничук

УДК 821.161.1

Требования нравственности для служителей церкви в сборнике рукописных проповедей XVII в.

А. Д. Калинина

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Особая с точки зрения нравственности роль священника объясняется тем, что священник как служитель Церкви должен спасти не только свою душу, но и души прихожан, и, соответственно, своим обликом, включая бытовое поведение, подавать пример истинно христианской жизни. Одними из самых распространенных наставлений для священников были проповеди Иоанна Златоуста «О священстве», где Златоуст говорит о ясном разуме, высоком уровне риторического искусства, терпении и чистоте нравственного чувства как о необходимых для священника качествах [1]. Сборник правил «Домострой» (XVI в.) также изображает духовенство как нравственный идеал: «Приискать отца духовного доброго, боголюбивого и благоразумного, рассудительного и твердого в вере, который подаст пример» [2]. Наставление перед литургией Василия Великого совмещает как нравственные советы («пребывая в церкви молись и читай, пока не придет время совершить божественное таинство, и тогда сокрушенно и с чистым сердцем приступи к святому алтарю» [3]), так и практические («Смотри, чтобы по твоему небрежению не коснулась святых даров мышь или что-нибудь другое, чтобы дары не испортились, чтобы от дыма не почернели, чтобы до них не дотронулись руки нечистых и недостойных» [3]).

Наставления священникам выступали методическими и учебными пособиями, поскольку до XVII в. на Руси не было централизованных органов по их подготовке. Кандидатов выбирали из числа мирян, образованием занимался опытный священник прихода. Первыми официальными учреждениями стали Киево-Братская коллегия и Славяно-греко-латинская академия в Москве, где, в отличие от прежнего священнического образования, обучали не только молитвам, пению и проведению служб, но и другим дисциплинам.

«Поучение в н(е)д(е)лю 27 <...> на учителя ленивые и пьянчивые, а бодрья многой чести сподобляются» из рукописного сборника конца XVII в. «Статир» [4] совмещает в себе проповедь и наставление священникам. В проповеди автор показывает пастве величие Господа, способного отпустить грехи, используя для примера евангельский эпизод излечения согбенной. Наставление же обращено напрямую к священнику и связано с его нравственным обликом и умением проповедовать. Учитывая преимущественно письменную поэтику проповеди, ее увещательный характер, автор мыслил ее как часть образовательного процесса для будущих священников. При этом автор осознает священническую деятельность не как результат образования, а как данное волей Господа призвание, требуя от служителя церкви соответствия этому дару.

Для усиления увещания автор «Статира» использует парафраз из Толкований Иоанна Златоуста (1 Кор), поскольку высокий стиль метафоры на смысловом уровне рифмуется с высоким предназначением священника. Вместе с образом идеального священнослужителя возникает образ пастыря «ленивого и пьянчивого». От этих грехов автор остерегает священника, так как, по его мнению, именно они способны не только помешать тому в исполнении воли Божьей, но и предать души прихожан на смерть.

Трезвый образ жизни оценивается как важнейшее качество священника, позволявшее ему быть в роли нравственного ориентира, а не просто кладезя знаний. Так, в XVII в. фиксируются характеристики мирян на кандидатов в священники, где встречается формулировка «не бражник», «не пьяница» [5]. В XVI в. Домострой требует выбирать духовного отца «не пьяницу» [2]. Истоки правила заключены в Посланиях апостола Павла: «Подобает убо епископу быти <...> не пиянице<...>» [6] (1 Тим 3. 2–3). Кроме образов-примеров и антипримеров автор «Статира» создает картину «сатанинской» пирушки, указывая на слабые места паствы, и говорит пастырю, как нужно поступать.

Хотя в Россию к концу XVII в. уже проникали требования священнического образования, автор «Статира» ощущает необходимость поставить на первое место не искусство риторики, а призыв к соблюдению нравственной чистоты, необходимой для выполнения этой миссии.

1. Лаптев И. Г. Педагог как пастырь нравственности и духовной культуры подрастающего поколения // Sciences of Europe, 2019. № 39. С. 9.
2. Домострой. [Электронный ресурс] // Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj/> (дата обращения: 19.02.2022)
3. Василий Великий. Наставление священнику, которому предстоит служить св. Литургию [Электронный ресурс] // Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/nastavlenie_svach/ (дата обращения: 19.02.2022)
4. РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир» XVII в. Слово 78, л. 332–336.
5. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Издательство «Индрик», 2002. С. 255.
6. Послания апостола Павла [Электронный ресурс] // Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/biblia/?1Tim.3> (дата обращения: 19.02.2022).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. С. Соболева

УДК 801.82

Сюжет о волхве Валааме в древнерусском «Слове о звезде Ираньи»

А. Н. Коваленко

Отдел редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск

«Слово о звезде Ираньи» — древнерусское сказание о поклонении волхвов, известное в шестнадцати списках XV–XVII вв. [1]. Композиционно Слово состоит из трех равноценных по размеру частей: предсказание Валаама, появление звезды в персидской кумирнице и поклонение волхвов родившемуся Христу. Вторая часть основана на апокрифическом «Сказании Афродитиана Персянина», третья — на Евангелии от Матфея. Вопрос об источниках первой части, связанной с пророчеством Валаама, в настоящий момент остается открытым.

Ю. К. Бегунов предполагал, что данный мотив строится или на 22–24 главах Книги Чисел, или на Исторической Палее. При этом исследователь упоминает, что фразеологических совпадений между текстами Слова и его источников нет никаких [2]. В контексте рождественского нарратива сюжет о том, что Валаам предсказал появление звезды, которая вела волхвов, является достаточно распространенным. Краткое упоминание об этом есть уже в Слове на Рождество Василия Великого (инц. *Христово рождество, еже убо свое*). Рассказ о Валааме встречается и в Палее Толковой, и в Палее исторической, но прямое заимствование мотива в данном случае маловероятно, так как в «Слове о звезде Ираньи» присутствуют только те детали истории, которые важны для появления пророчества: в гомилии нет Валаамовой ослицы, второго посольства Валаака к Валаму; к жрецу обращается ангел, а не Бог; сокращены слова благословения. Для повествования, посвященного звезде, такие детали оказываются незначительными, обременяющими повествование, поэтому рассказ о пророчестве Валаама в Слове — это не повесть о жреце Валааме. Прежде всего оно является фиксацией факта, что он предсказал появление звезды от Иакова, предвещающей рождение великого царя, а его потомки волхвы стали передавать это пророчество в своих книгах. При этом Толковая Палея оказывается ближе к соединению сюжетов Валаама и Рождества, так как в толковании лестницы Иакова, которое основано на Сказании Афродитиана, есть указание на то, что явление звезды было предсказано Валаамом и ожидалось его персидскими учениками.

В контексте рассматриваемого сюжета мы обратили внимание на Слово на поклонение волхвов из Пролога второй редакции (инц. *В прежняя времена*), которое включает в себя не только само пророчество, но и упоминание Моисея, и имена волхвов Гаспар, Валтасар и Мелхион, что мы видим и в «Слове о звезде». Мы предполагаем, что данное слово из Пролога становится скелетом, формирующим основную структуру «Слова о звезде Ираньи»: историю о Валааме, волхвах и их поклонении. В пользу генетической связи рассматриваемых памятников говорит и лексическое совпадение в описании

Валаама (много волхвовавше въ сбытие — пророчествоваше во изъбытие [3]). Таким образом, «Слово о звезде Ираньи» формируется из проложного Слова на поклонение волхвов с включением рассказа о Валааме из Толковой Палеи, Сказания Афродитиана и поклонения волхвов из Евангелия от Матфея.

1. Коваленко А. Н. К проблеме текстологического изучения «Слова о звезде Ираньи» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2021. Т. 20. № 2. С. 76–83.
2. Бегунов Ю. К. Новонайденное апокрифическое «Слово о звезде Ираньи» // *Zeitschrift für Slawistik*. 1983. Bd. 28, Hft. 2. S. 238–257.
3. Текст Пролога второй редакции цитируется по рукописи РГБ, ф. 304.1, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 725, XVI в., л. 302 об. Текст «Слова о звезде Ираньи» цитируется по рукописи РГБ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 143 (504), XVI в., л. 259.

Научный руководитель — д-р. филол. наук, проф. Е. И. Дергачева-Скоп

УДК 821.161.1

Особенности репрезентации мотива слепоты в рукописном сборнике «Статир» (на примере слов в Неделю о слепорожденном)

А. Д. Корелина

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Проповедники XVI–XVII вв. (среди которых Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Петр Могила) часто обращаются к мотиву слепоты. Можно предположить, что востребованность данного мотива обусловлена самой эпохой, когда конфликтность в обществе нарастала, а социальные и нравственные ориентиры стирались.

Метафора духовной слепоты становится одной из часто употребляемых и в малоисследованном сборнике «Статир». Это рукописный сборник проповедей конца XVII в., созданный анонимным автором на Урале, в Орле-городке, вотчине Г. Д. Строганова, впервые был описан А. Х. Востоковым как собрание проповедей, язык которых впечатляет своей выразительностью и силой авторского начала [1]. Содержание первой части сборника строится в соответствии с годовым кругом богослужений: каждый текст соотносится с определенной неделей церковного календаря. В церковном календаре есть недели, посвященные чудесам исцеления Христом слепых: это Неделя о слепорожденном, а также недели, посвященные иерихонским слепцам.

Среди слов на эти недели есть проповеди объяснительного характера, основная цель которых — познакомить паству с евангельским сюжетом, с догматами церкви. В словах 18 («О исцелении слѣпорожденнаго...»), 19 («О зависти фарисейской и о дерзновении слепаго...»), произносимых в 6 неделю по Пасхе, мотив слепоты находит метафорическое воплощение: «слепота душевная» становится метафорой неверия в Христа, незнания Истины, удаленности от Бога. Однако в гоимии проникает характерный для сборника обличительный пафос: «слепота» становится метафорой греховной страсти.

Практически вся проповедь представляет собой толкование евангельского сюжета о слепорожденном, в котором автор следует за святоотеческой традицией. Сноски на полях отсылают нас к Иоанну Златоусту и Феофилакту Болгарскому. Даже там, где нет прямого цитирования, мы видим, как автор следует логике толкователей прежних веков. Это своего рода пересказ экзегетических текстов святых отцов.

Однако уже в толковательной части проповеди автор начинает вводить дидактический элемент, смещая акценты: в центре внимания не прозревший слепорожденный, а образ фарисеев с их духовной слепотой: «...слѣпа д(у)ша, зрящи Хр(и)ст(о)ва, а б(о)ж(е)ства не знающи, якоже зловѣрнии фарисеи, зрящи Хр(и)ста чудотворяща, злобою ослѣпоша. Хр(и)стось же хотя ихъ недугъ зависти исцелити, и приходитъ сего слѣпца просвѣтити...» [2]. Все теоретические размышления о соотношении физической и душевной слепоты, о вере и неверии лишь предуготовляют паству к разговору о ее духовных проблемах.

В чем заключается духовная слепота фарисеев? Не только в их неверии, но и в «ослепляющих» грехах, главный из которых — зависть. Исцеленный исповедует истину, «заграждая фарисейская завистливая уста» [2], он и сам прямо называет фарисеев завистливыми: «...недостоить вамъ наипаче умилилися и сие преславное знамение на мнѣ бывше, созвавшѣ весь И(зра)иль возвѣ[с]тити, а нежели молчаниемъ завистию покрыти» [2].

По мнению автора «Статира», зависть — страшнейший грех: «И ничто же есть зависти бестудней [2]. Полоцкий в слове на ту же неделю дает типологию «ослепляющих» грехов, среди них: сребролюбие, блуд, гневливость, пьянство, ненависть к ближнему и зависть, — все эти грехи автор ставит в один ряд, в каждой страсти видя проявление слепоты: «Напослѣдокъ, всяк страстем работаяй грѣшникъ, слѣпецъ есть, ибо внегда страсти того одолѣют, весма умъ помрачаютъ» [3]. Зависть оказывается в данном списке, потому что она, по мнению Симеона Полоцкого, мешает видеть добродетели других людей. Автор «Статира», очевидно, отталкивается от проповеди Полоцкого; он выбирает один грех и его сопоставляет с другими страстями, тем самым выделяя зависть среди прочих форм душевной слепоты: «Уподобляетъ божественный Златоустый сию страсть, блуда и прелюбодѣянна горши» [2]; «Подобна ли зависть сребролюбцу, но злейше есть» [2].

Симеон Полоцкий показывает, как зависть стала причиной первого убийства: «Тако слѣпотствова Каин, не могий зрѣти Авеля» [3]. Автор «Статира» расширяет библейский контекст, давая понять, что именно зависть — главная причина отдаления человека от Бога: «Сице уби Каинъ брата Авеля, Исавъ Иякова, аще не бы бегствомъ спасеся Иосифа братия продаша. Сице Сауль Д(а)в(и)да, зятя своего гоняше, сице и дьяволь всѣхъ ч(е)л(о)в(е)къ» [2]. Таким образом, зависть для автора «Статира» не мелкий бытовой грех, а бытийная катастрофа, которая «вселенную всю повреди».

1. Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № 411. С. 629–633.
2. Сборник слов и поучений «Статир». XVII в. (третья четверть) // Российская государственная библиотека (РГБ). 815 л.
3. Собрание Румянцева № 4113. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. 711 л.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. С. Соболева

УДК 82-1/-9

Толкование евангельского сюжета беснования на новолуние в проповедях XVII в.

Н. А. Лукьянов

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Сюжет об исцелении Христом бесноватого встречается в евангелиях в разных вариантах, но только в одном из них упоминается, что отрок «в новолуния беснуется» [Мф. 17:15]. Этот вариант сюжета был взят в рассматриваемых проповедях как основной для цитирования и комментариев. Проповедники обличают стремление охарактеризовать связь этих явлений как причинно-следственную, зная, что в «народной традиции» причины могут усматриваться не в том, в чем их усмотрело бы христианское учение.

Представление о том, что воздействие луны является причиной беснования, отнесем к классу суеверий. Оно основано на особенности мифологического мышления, сформулированной как *Post hoc, ergo propter hoc*. Подразумевается, что смежные во времени события легко воспринимаются как находящиеся в отношениях причинно-следственной связи [3, с. 59–60]. О противостоянии христианских проповедников суевериям писали В. Е. Попов, Н. М. Гальковский. Последний отмечает, что одним из способов борьбы с суеверием была публичная проповедь [1, с. 292].

Не отрицая самой корреляции явлений, проповедники подвергают критике причинно-следственный характер связи беснования с новолунием и выдвигают в качестве причины злокозненные намерения дьявола — персонажа христианской мифологии, — желающего предать поруганию луну как божье творение и тем самым «между богом и человеком вражду положить» [7, л. 183; 5, л. 224 об.]. Столкновение данных представлений наглядно демонстрирует конфликт двух мифологий: христианской (где все определяется Божьей волей и мерой человеческой греховности) и дохристианской (где нет абсолютной системы координат и все может быть связано со всем) [6, с. 21–23].

Ни в одном из Слов сюжет беснования на новолуние не является концептуально самостоятельным. Отталкиваясь от него, авторы выходят на более общие проблемы, имеющие отношение к каждому христианину. Опираясь на ответ Христа своим ученикам, они переходят к теме маловерия и безверия.

Симеон Полоцкий, упоминая, что беснующегося отрока не исцелили даже апостолы [5, л. 226 об.], а исцелил лишь сам Христос, переходит к теме Христа как «изряднейшего всех врачей и врачевств» [5, л. 221 об.]. Развивая такой поворот в понимании темы, автор сравнивает милосердие Христа с долгом врачующего. Завершает свое рассуждение проповедник призывом обратиться ко Христу.

В евангельском описании рассматриваемого сюжета Христос говорит ученикам: «сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» [Мк. 9:29]. То же утверждают

и проповедники. Полоцкий, помимо этого, напоминает о важности молитвы для христианина в целом.

Упомянутая в евангелии подробность о том, что отрок «часто бросается в огонь и часто в воду» [Мф. 17:15], используется всеми авторами: они метафоризируют падение в огонь и в воду, описывая приверженность человека определенным грехам: грешник «...падает в огонь похоти плотския [...] и в воду пристрастия к вещем мірским» [2, л. 155]. Тем самым евангельский сюжет переводится в аллегорическую плоскость, открывая дополнительные возможности его интерпретации.

Таким образом, сюжет беснования на новолуние в рассматриваемых текстах служит отправной точкой для выхода на общехристианскую проблематику и одновременно предоставляет почву для обличения суеверных представлений.

1. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархіальная типографія, 1916. Т. 1. 376 с.
2. Лазарь Баранович. Слово на н[еде]лю і по соше[стви] С[вя]т[ого] Д[у]ха. ѿ исцѣленіи бѣснующаго на новы м[ѣс]ца // Меч духовный. Кіевъ, 1666. Лл. 151–157 об.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
4. Попов В. Е. Симеон Полоцкий как проповедник. М.: типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. 98 с.
5. Симеон Полоцкий. Слово а, въ н[еде]лю і по сошествіи с[вя]таго д[у]ха // Обед душевный. М.: Типография Верхняя, 1681. Лл. 221 об. — 226 об.
6. Герасимова И. А. Сокровенные знания Древней Руси / Герасимова И. А., Мильков В. В., Симонов Р. А. Институт философии РАН. М.: Кнорус, 2015. 681 с.
7. Статир. Поученіе в н[еде]лю десятую по сошествіи С[вя]т[ого] Д[у]ха яко бѣснованіе не ѿ луны яко же нѣцыи мнать і яко грѣхотворцы крыють грѣ[х] ины[х] винують і ѿ смущеніи ап[ос]т[оло]въ ѿ Хр[ис]тѣ. РГБ, собр. Румянцева № 411. Л. 183–187.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. С. Соболева

УДК 821.161

Новый список «Сказания о Иоанне и Лонгине Яренгских» в Забайкальском собрании ГПНТБ СО РАН

Г. К. Максимовский

Новосибирский государственный университет

«Сказание о Иоанне и Лонгине Яренгских», житие местночтимых святых из дер. Яреньга на берегу Белого моря, известно во многих списках, начиная со второй четверти XVII в. Оно построено из нескольких не связанных друг с другом эпизодов, которые часто имеют свои заглавия. Л. А. Дмитриев выделил четыре редакции произведения и установил связи между ними [1, с. 213–234]. На сегодняшний день хорошо изучена вторая редакция текста, О. С. Сапожниковой установлены два авторизованных списка «Сказания» редакции С. Шелонина, показаны методы его редакторской работы [2].

Л. А. Дмитриев имел в распоряжении шесть списков первой редакции «Сказания»: РНБ Сол. 963/1073, Сол. 217/217, Сол. 182/182; БАН Арханг. Д. 233, РГБ Ф.209, № 285, ГИМ собр. Щук. 430 [1, с. 289]. Список Забайкальского собрания ОРКиР ГПНТБ СО РАН — Ф.ИИ.26, являющийся предметом нашей работы, также относится к первой редакции. Большинство списков датированы второй – третьей четвертью XVII в. и обнаруживают значительное текстуальное сходство. На материале некоторых списков видна систематическая редакторская работа. В то же время разночтения в нескольких списках в разных частях жития позволяют предположить, что это свойства недошедшего до нас протографа. Он представляется нам неоднородным по своей стилистике, сведенным из разных источников и постоянно дополнявшимся вплоть до 1625 г., когда в окрестности Яреньги был отправлен игумен Никольского Корельского монастыря Герасим «рспрашивати и обыскивати про Яренских чудотворцовъ Иванна и Логина». В ходе поездки Герасим получил список «Сказания» и приложил его к своему отчету в качестве документального свидетельства. Только тогда «Сказание» приобрело характер самостоятельного произведения, которое начали переписывать и за пределами Никольского Яренгского монастыря.

Список из Забайкальского собрания ГПНТБ написан беглым полууставом на бумаге начала XVII в. с филигранью «Кувшин» [3, № 353]. Заметно мастерство писца: описки редки, диакритика и пунктуация систематичны, отработаны разные приемы: например, в качестве способа «ужать» строку регулярно используются узкие начертания букв «Т», «Ђ», «Ъ». Письмо быстрое, с явным влиянием скорописи. Рукопись с нашим списком создавалась непосредственно для Никольского Яренгского монастыря. На пустых оборотах некоторых листов присутствуют записи, повторяющие название рукописи с несохранившегося титульного листа: «Книга глаголемая Сборник Яренские волости церковной по милости Господни и великаго святителя и чудотворца Христова Николы и святых чудотворцев Иоанна и Лонгина Яренгских». Текст этого списка обнаружива-

ет значительное сходство с Сол. № 217/217. Они образуют одну группу списков, которую легко определить по заглавию первого эпизода: «Сказание о явлении и о чудесах святых чудотворцев Иванны и Логина Яреньских». Следующие эпизоды, посвященные в основном Иоанну, в этих списках пронумерованы вплоть до девятого — «Явления чудотворца Логина». После него начинается новая нумерация и идут эпизоды с Логиним.

Такое же сходство обнаруживают списки РНБ Сол. № 963/1073, Сол. № 182/182, БАН Арханг. Д. 233, РГБ Ф.209 № 285. Тексты списков этой группы начинаются с заглавия: «В лето 7052-е (1544) явление бысть святых чудотворцев яренских Иванны и Логина». Заглавия последних эпизодов у обеих групп идентичны. «Зачалами» жители Яреньги называли эпизоды из «Сказания» при расспросах игумена Герасима в 1625 г.: «...а о явлении и о чудесах писал дьяк наш игумен Варлаам, а о том пишет в тетратех в первом зачале и во втором». Эти тетради, взятые Герасимом, и составили протограф «Сказания». Поэтому стоит считать последнюю группу списков более близкой к протографу.

В списках ГПНТБ Ф.И.26 и РНБ Сол. № 217/217 отражена попытка упорядочить эпизоды без общей стилистической редакции, которой уже в конце 1640-х гг. занялся Сергей Шелонин.

1. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. 303 с.
2. Сапожникова О. С. Сказание о яренских чудотворцах и методы работы древнерусского автора // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 546–600.
3. Дианова Т. В. Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Ю. Бородихин

УДК 027.1+002.2(091):(171.150)

**Книги религиозного содержания
в библиотеках Колывано-Воскресенских горных заводов:
русские издания гражданского шрифта XVIII в.**

Д. В. Морозов

Новосибирская православная духовная семинария

Книги из горнозаводских библиотек Колывано-Воскресенского округа — важный источник по истории развития науки, техники, образования и культуры эпохи Просвещения в России и, в частности, на Алтае [3]. Значительная часть сохранившихся экземпляров этого книжного собрания находится в древлехранилищах Новосибирска: в фондах Отдела ценных и редких книг Новосибирской государственной областной научной библиотеки и Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН.

Библиотека, представляющая собой универсальное собрание, формировалась при горнозаводских канцеляриях, инженерной и чертежной школах, из личных библиотек инженеров... Именно поэтому значительную часть собрания составляют книги научно-технического содержания [3]. Кроме них в Колыванской коллекции имеются издания по гуманитарным наукам, художественная литература [5], а также книги по военному делу, медицине, периодические издания, литература религиозной тематики.

Хранящийся в Новосибирске корпус книг религиозного содержания из Колыванского собрания, напечатанных в России XVIII века гражданским шрифтом, еще не был объектом специального изучения. Наиболее многочисленным в этой группе изданий является раздел христианской литературы. Входящие в него книги (61 издание) делятся на несколько групп: церковное красноречие (24), духовно-назидательное чтение (14), энциклопедические издания и словари (7), история христианских церквей (4), догматическое богословие (3), полемика и апология (3), календари (3), духовная поэзия и проза (2).

В раздел церковного красноречия включены проповеди и наставления духовных лиц (например, «Слово на день Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» епископа Маркелла Родышевского (СПб., 1741)), а также труды церковных писателей, поводом для создания которых послужили события светской жизни. К последним относится, например, «Слово в высокаторжественный день рождения Елисаветы...» архимандрита Кирилла Флоринского (СПб., 1741). В группе духовно-назидательных изданий выделяется несколько экземпляров, содержащих владельческие записи. Так, экземпляр русского издания труда Ричарда Прайса «Опыт о проведении Божиим» (СПб., 1781) содержит владельческую запись рубежа XVIII–XIX веков — Василья Чулкова. С 1799 года он был начальником Колывано-Воскресенских горных заводов [1, с. 103–139]. На нижнем форзацном листе экземпляра книги Иоганна Гюбнера «Сто четыре священные истории Ветхаго и Новаго Завета, выбранные из Священнаго Писа-

ния и изряднейшими нравоучениями снабденныя» (М., 1770) читается владельческая запись Ивана Черницына, ученика И. И. Ползунова.

Книги религиозного содержания в составе библиотек Колывано-Воскресенских заводов в целом соответствовали концепции русского образования и просвещения, сформулированной еще В. Н. Татищевым, которую он реализовал в первых десятилетиях XVIII в. на горнозаводском Урале и которая впоследствии пришла на Алтай с уральской интеллигенцией. Подходя к организации образовательной системы как сети «разноступенчатых» школ для различных сословий, В. Н. Татищев видел основу профессиональной подготовки кадров не только в преподавании специальных дисциплин, обеспеченном соответствующими книжными фондами: важным было формирование у учащихся знаний в разных областях духовной жизни, в том числе и религиозной [2]. Этим, в частности, объясняется разнообразный репертуар книг духовного содержания в составе горнозаводской библиотеки: от популярных изданий для массового читателя, вкратце излагающих библейскую историю, до церковного красноречия и догматических трудов, от русского перевода Корана до устава масонского ордена.

Значительное количество трудов по риторике и красноречию, в том числе церковному, объясняется высоким положением риторики и ораторского искусства в образовательной системе эпохи Просвещения [4].

1. Алтайские горные офицеры. XVIII–XIX вв. Сборник документов / Отв. сост: Л. И. Ермакова, О. Н. Дударева, Т. Г. Мальцева. Барнаул, 2006. 469 с.
2. Балыхина Т. М., Румянцева Н. М. Просветительская педагогика и образовательно-воспитательные проблемы русского просвещения XVIII века // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: Языки и специальность», 2007. № 2. С. 7–14.
3. Гузнер И. А., Ситников Л. А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII веке // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 9–50.
4. Гузнер И. А. «Просветительная миссия» Колывано-Воскресенских горных библиотек Сибири // Библиосфера, 2005. № 2. С. 7–14.
5. Ермоленко С. М., Старышкина А. А., Шелестюк К. Н. и др. Первая в Сибири: О научно-технической библиотеке Колывано-Воскресенских заводов // Сибирские огни, 2019. № 10. С. 155–167.

Научный руководитель — С. М. Ермоленко

УДК 801.7

К литературной истории Слова о Тиверии-кесаре

А. А. Наширбанов

Новосибирский государственный университет

Слово о Тиверии-кесаре (далее — Слово) — редкий и малоизученный памятник, древнерусской литературы, выполненный в жанре гомилии. Сочинение находится в тесном родстве с рядом апокрифов, посвященных крестной смерти Спасителя и постъевангельским событиям. А. Н. Пыпин, опубликовавший краткое сказание «О приходе в Рим Марфы, сестры Лазаревы», в примечании к памятнику говорит о существовании других «более подробных» редакций, составляющих особую литературную традицию [3, с. 194–105]. Впервые в науку вводит Слово И. Я. Порфирьев. Описывая сборник Анзерского скита из Соловецкого собрания, он называет Слово «подробной редакцией сказания о приходе в Рим сестер Лазаря, Марфы и Марии», связывая его сюжет с краткой редакцией сказания, опубликованной А. Н. Пыпиным [4, с. 503–508]. М. Н. Сперанский в описании рукописей собрания П. И. Шафарика в Праге, среди которых находился самый ранний из известных списков Слова (XV в.), называет последний «интересной переделкой путешествия Марфы и Марии в Рим» [6, с. 7]

Отношение к Слово как к переделке ранее известного сюжета за счет амплификации закрепилось в исследовательской традиции. Впервые такая концепция оказывается наиболее полно представлена в исследовании Ю. Поливки, который выделяет в литературных разработках темы три концептуально разные редакции. Развитие памятника Поливка видел таким образом: от краткого текста, восходящего к эпизоду из Евангелия от Никодима, к редакции в составе «Страстей Христовых» [1, с. 114–124]. Исследование Поливки на настоящий момент является наиболее полно охватывающим апокрифические тексты, связанные единством сюжета, повествующего о крестной смерти Спасителя, судьбе Пилата, приходе Марфы и Марии в Рим к кесарю.

Нам известны четыре списка Слова:

- список XVII в. в составе сборника переменного состава Соловецкого собрания РНБ Сол. № 316 (этот список и был открыт, а затем опубликован И. Я. Порфирьевым в «Апокрифических сказаниях о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки» [5, с. 197–204];
- два списка XVI в. РГБ в сборниках собрания Троице-Сергиевой лавры переменного состава: ф. 304.1 . № 794/1899, № 797/1638 [2, с. 237–238];
- древнейший список Слова XV в. из собрания П. И. Шафарика Народного музея Чехии (KNM, Knihovna Šafaříkova, bug. br. 4 [6, с. 5]) в составе Златоуста, который впервые открыл и издал Ю. Поливка [1, р. 118–129];
- ранее не введенный в научный оборот сибирский список из рукописи «Златоустого Торжественника» частного собрания В. И. Рябкова конца XVI — начала XVII вв., открывающий сочинения Страстной недели.

Наиболее серьезными разночтениями среди названных списков отмечен список из собрания П. И. Шафарика (XV в.): в нем отсутствуют важные для развития сюжета эпизод мучений Пилата. Разночтения частного порядка отмечены нами во всех списках, которые могут оказаться существенными после изучения состава рукописей, в которых находится исследуемое нами Слово. Так, Слово сибирского списка читается в окружении гомилий, связанных с именем Кирилла Туровского (XII в.), или использующих его сочинения в своем сюжете; с оригинальными русскими переделками эпизодов из Жития Нифонта (ранее 1222 г.), со Словами из Златой Чепи (XIV в.) и др.

Материалы контекстных связей Слова позволяют выдвигать гипотезу о большей древности происхождения изучаемого нами памятника в сравнении с датами сборников, его содержащих.

1. Polivka Gj. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu // Starine JAZU, XXIV, Zagreb: Knjižara Jugoslavenske Akademije, 1891. С. 113–135.
2. Арсений иером., Иларию иером. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры: ч. 3. М, 1879. 267, 7, 47 с.
3. Пыпин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко: вып. 3. СПб., 1862. 180 с.
4. Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев И. Ф. Описание рукописей Соловецкого монастыря: ч. 1. Казань, тип. Имп Ун-та, 1881. 755, XLVII с.
5. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки СПб.: тип. Акад. Наук, 1890, 471 с.
6. Сперанский М. Н. Рукописи Павла Ивановича Шафарика (ныне музея королевства Чешского) в Праге // ЧОИДР, 1894. Кн. 1, X. 106 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Е. И. Дергачёва-Скоп

УДК 821.161.1

Жанрово-композиционные особенности «Повести о построении Благовещенской церкви»

А. А. Соколовская

Новосибирский государственный университет

«Повесть о построении Благовещенской церкви» является оригинальным древнерусским произведением, дошедшим до нас в единственной редакции, в нескольких списках XVI–XVIII вв. В рукописных сборниках она читается после «Жития Иоанна Новгородского» (в том числе, в Успенском и Царском списках ВМЧ) и отдельно от него с разными жанровыми определениями: «сказание», «чудо», «повесть» [1]. Сочинение датируется исследователями временем не ранее 1310 г. и не позднее 70-х гг. XV в. на основании сообщения о смерти архиепископа Феоктиста († 1310) и упоминания в качестве рассказчика «чудного мужа Сергия», предположительно, игумена Островского Никольского монастыря, имя которого встречается в грамотах второй половины XV в. [1]

В. О. Ключевский рассматривал Повесть наряду с другими новгородскими сочинениями в составе Волоколамского сборника XVI в. (РГБ, Волоколамское собр., № 659), предполагая, что тексты в нем собраны по принципу принадлежности одному автору [2]. Более специальным изучением Повести занимался Л. А. Дмитриев, который опроверг предположение Ключевского об одном авторе. Помимо этого, Дмитриев подтвердил тезис о независимом существовании Повести от «Жития Иоанна Новгородского» и поднял вопрос о ее происхождении из устной легенды. Например, исследователь утверждал, что одно из влияний устной традиции — появление сказочного коня, который помогает братьям. Согласно типологии В. Я. Проппа [3], он выполняет функцию сказочного помощника: передает святым «чемоданцы» с деньгами. Также Дмитриев отмечал, что наличие двух братьев в качестве главных героев не характерно для агиографической литературы и свидетельствует о сближении со сказкой [4].

В жанровом отношении текст представляет собой чудо. Соответственно, композиция построена по модели «чудесного нарратива» [5]: 1) экспозиция; 2) место действия и обозначение ситуации — родители оставили святым наследство, на которое они решили построить церковь; 3) кризис — ситуация нехватки средств на завершение построения церкви (указание на то, что герои сталкиваются с непреодолимым препятствием, выражается формулой «начаша тужити»); 5) молитва, обращенная к Богородице, содержащая сетования о нехватке денег для завершения строительства церкви; 6) внезапное изменение, собственно чудо — явление Богородицы святым во сне; 7) действие «чуда» — явление посланного Богородицей коня с «чемоданцами» денег, позволяющими братьям достроить церковь.

Наше исследование показало, что большая часть топосов «Повести о построении Благовещенской церкви» соответствует агиографическому канону: описание детства святых, рождение от благочестивых родителей, устойчивые формулы в обращении

к Богородице и др. Также обнаружены общие места с текстами, повествующими о построении церкви или монастыря: например, эпизод украшения церкви и появления в ней икон и книг («Милостию же Божиею и пречистые Богоматере совершиися та церковь и украсиися та всякою лѣпотою: и иконами, и подписми, и книгами» [6]).

В целом, большинство топосов, выявленных нами в тексте Повести, соответствует известным в древнерусской традиции сказаниям о построении монастыря и церкви. Устная легенда, положенная в основу текста, определила его своеобразие и специфику реализации отдельных агиографических топосов.

1. Дмитриев Л. А. Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 267–268.
2. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 162–163.
3. Пропп В. Я. Морфология «волшебной» сказки // Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. 512 с.
4. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 169–177.
5. Бондарь К. Поэтика житийных описаний «чуда» (по данным восточнославянских средневековых текстов) // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей. М., 2001. Вып. 7. С. 45–51.
6. Текст «Повести о построении Благовещенской церкви» цитируется по списку XVII в.: БАН, 34.4.1. Сборник историко-повествовательного характера, л. 712–712 об. Текст опубликован Л. А. Дмитриевым в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 464–467.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. А. Шилова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в.

УДК 82-1

Трансформации жанра идиллии в стихотворении «Отставной солдат» А. А. Дельвига

В. С. Антипова

Новосибирский государственный университет

При литературоведческом подходе к тексту важно понимать специфику и типологию того или иного жанра, каждый из которых, по словам М. М. Бахтина, «есть сложная система средств и способов понимающего овладения действительностью» [1]. Однако существующая жанровая классификация неполна и требует углубления. Особое внимание нужно уделить жанрам, пришедшим из переводной литературы: подобная литература с течением времени наполняется национальными чертами и особенностями. Эта закономерность касается в том числе эволюции жанра идиллии.

Рассмотрим это явление на примере стихотворения А. А. Дельвига «Отставной солдат» (1829), которое при публикации было определено автором как «русская идиллия». А. А. Дельвиг нарушает античный образец практически во всем: это действительно адаптированная к русской культуре идиллия. С точки зрения ритмики текст отступает от канонического гекзаметра. На ритмотектоническом уровне в этой идиллии сложно выделить определенный стихотворный размер, сама диалоговая форма подразумевает сбивчивость ритма: фразы неполные, обрывочные. Стоит отметить, что нарушения ритмики заметны в самом начале текста в речи солдата. Речь пастухов представляет собой почти идеальный пятистопный ямб, в котором иногда присутствует пиррихий. Лирический герой постепенно и сам переходит на этот же ритмический рисунок, будто вступая в гармоническое взаимодействие с окружающими его природой и людьми.

Солдат является лирическим субъектом, который вошел в пространство идиллии извне: он перешел границу между военной жизнью и жизнью на лоне природы. Событийность проявляется трижды: первый раз — когда солдат выходит из леса, влекомый светом от костра; второй раз — в рассказах лирического субъекта о войне; третий — когда солдат покидает общество пастухов. Эта событийность характеризует пространство идиллии. Организация событийности вызывает ассоциацию с идиллической картиной: читатель не знает ничего, кроме изображенного момента.

В идиллии в кадрах внутреннего зрения читателя выстраивается система мотивов, которые формируют смысловое единство текста. Из этих «кадров» складывается единый образ, который в тексте разделен на мелкие фрагменты. Автор не создает их, а воспроизводит заново характерные структурные элементы, привнося свое видение мира. Такую организацию текста формирует видение актора, тем самым формируются кадры внутреннего зрения, что в современной нарратологии называют «фокализацией» [2].

Идиллия предельно сфокусирована, имеет четкие рамки: она ограничена кадрами внутреннего зрения: то, что происходит «вне» идиллии не является объектом изображения. Читатель как бы погружается в созданную писателем «картину», становится сторонним наблюдателем, но переживает сентиментальную тоску вместе с лирическим героем, он лишь гость в том мире, где нет места для него.

В русской идиллии А. А. Дельвига отсутствуют античные персонажи, все герои типичны для российской действительности того времени. В текст автор вводит новый, не свойственный античности план, который характерен только для русской культурной традиции. В идиллии «Отставной солдат» происходит смешение пространств. Гармоничной жизнью на лоне природы представляется не столько пастуший уголок под Курском, сколько вся страна, которая спасена от вражеских войск. Россия предстает божьим даром, страной благодатной и мирной.

Пастухи в русской идиллии не выполняют обязательную для античного образца функцию жанрообразующего элемента: солдат наслаждается не только отдыхом на лоне природы и пастушьим бытом. После освобождения страны от захватчиков идиллия наступает везде. Солдат переступает границу между реальным миром и идиллическим в тот момент, когда возвращается на Родину, — подразумевается расширение идиллического пространства до размеров мира. Он осознает, что его семья близко, и после войны идиллия наступила не только здесь, рядом с сельчанами, но и во всей стране. Герою становится «легче в воздухе родном» — так поэт воплощает идею «естественного человека». Таким образом, в своем стихотворении поэт создает картину идеальной и гармоничной жизни русского народа.

1. Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. С. 180.
2. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 205.

Научный руководитель — д-р филол. наук Д. В. Долгушин

УДК 82-1/-9

Поэтика фрагмента в книге Д. Н. Блудова «Мысли и замечания»

П. К. Вернер

Новосибирский государственный университет

Одной из самых малоизученных сегодня жанровых форм литературного произведения является форма прозаического отрывка (фрагмента), довольно популярная в русской литературе первой половины XIX в. К ней обращались Н. М. Карамзин, М. Н. Муравьев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский, П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский и многие другие. Мы постараемся изучить своеобразие этого жанра малой прозы на примере книги Д. Н. Блудова «Мысли и замечания».

Д. Н. Блудов (1785–1864) — выдающийся государственный деятель николаевского царствования. В молодости он увлекался литературным творчеством и был одним из основателей кружка «Арзамас». Незадолго до смерти Блудов принялся готовить к публикации фрагменты — записи размышлений и замечаний, сделанные им в течение жизни по разным случаям. Опубликованы они были уже посмертно его дочерью Антониной Дмитриевной Блудовой под названием «Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова. (Из его записной книжки)» (СПб., 1866).

Книга состоит из 83 фрагментов. Самый маленький из них включает всего одну строку, самый большой — 26 строк. Большинство отрывков так или иначе затрагивают тему искусства, творчества, в которую входят четыре основные подтемы: уединения, вдохновения, поэта и «невыразимого».

Рассмотрим, например, фрагмент «Что сказать об удовольствии, с которым я читал Вильгельма Мейстера?..» Он построен как монолог лирического героя о восприятии человеком искусства, о творчестве и индивидуальной его реализации. Многогранность и широта поднимаемых в коротком тексте философских вопросов, отсутствие логической завязки, недосказанность характерны для жанра отрывка. Что касается композиции данного фрагмента, то, за исключением первой и последней фразы, он состоит из одного сложного предложения. Это подчеркивает непрерывность мысли автора, создает ощущение «потока сознания», в котором содержание важнее, чем форма. Завершается фрагмент вопросом, своего рода интонационным акцентом, по которому можно судить о незавершенности авторского рассуждения. Автор не дает на него ответа, возможно, чтобы ответить на него для себя позже, вернувшись к заметкам, а может быть, и оставляя его для умозаключения потенциального читателя.

Некоторые из фрагментов представляют собой философские аллегории. Таков, например, фрагмент «Виды будущего в разных состояниях...» Вопрос будущего и течения жизни раскрывается в этой зарисовке через образ мореходов. Жизнь для лирического героя подобна плаванию, нас по ней несет, как по течению, и не всегда человек способен избрать верный курс. Образ человека на легком челноке воплощает в себе простого человека, обывателя, которому видны окрестности и жатва, который едва ка-

чается на водах, и его жизнь всегда примерно одинакова. Поэт воплощается в образе человека на пышном корабле, рассекающем просторы океана. Перед ним весь горизонт, просторы, потрясающие воображение. Блудов взывает к такому мореплавателю, предупреждая его об опасности. Любопытство может привести в туман, обманчивый и грозный. Поэту необходимо знать свой курс, и, по мнению автора, науки и беспрестанный труд способны спасти от опасностей, неизвестных мелким мореплавателям, то есть обычным, незаренным творческим гением, людям.

Тесно связана с этим отрывком следующая за ним заметка: «Так! подумал я, прочтя написанное; горизонты людей разнообразны: но над ними одно небо!». Таким образом Блудов дополняет и итожит свои размышления, одновременно продолжая развертывать найденную им в предшествующем фрагменте аллегорию. Оба фрагмента объединены и содержательно, и эстетически.

Дальнейшее изучение сборника «Мысли и замечания» Д. Н. Блудова может способствовать выявлению особенностей жанра прозаического фрагмента.

Научный руководитель — д-р филол. наук Д. В. Долгушин

УДК 82-32

**«Провинциальный текст» русской литературы 1890–1903 гг.
(А. П. Чехов, И. Н. Потапенко)**

Н. А. Ермакова

Новосибирский государственный университет

Определение термина «провинциальный текст» русской литературы (далее — ПТ) на сегодняшний день находится в разработке. Однако бесспорна антитеза провинция — столица, лежащая в основе этого понятия. Пространственные и временные границы понятия одновременно узки и широки — это не имеющий четких географических границ, часто безымянный, русский провинциальный город конца XVIII — начала XX вв. с бюрократически закреплённой иерархичностью, замкнутостью и целостностью.

Традиция ПТ, начавшаяся с А. С. Пушкина и развитая Н. В. Гоголем, М. Е. Салтыковым-Щедриным, И. А. Гончаровым, Н. С. Лесковым и др., сформировала «провинциальный миф», важная часть которого — образ провинции как негативной культуры; основными этическими конструктами являются «пошлость» и «зло». В конце XIX в. эта идея и оппозиция столичного/провинциального стали ключевыми в прозе А. П. Чехова.

Пространство провинции у писателя не только по традиции замкнуто, оно затягивает и опошливает героя. Сюжеты «увязания» в герметичном провинциальном мире (сюжеты о деградации героя) становятся основными в повестях «Учитель словесности» (1894) и «Ионыч» (1898), в которых герои благородных профессий — учитель Никитин и врач Старцев — постепенно сливаются с однообразным и неподвижным пространством «губернского города» и застревают в его циклическом и бессобытийном времени (финалы произведений: «Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины...» [1]; «Живется ему скучно, ничто его не интересует» [2]).

Никитина и Старцева это раздражает, но они бездействуют, что характерно для канонического ПТ, в отличие от героини рассказа «Невеста» (1903). Девушка Надя, с 16 лет мечтавшая о семейной идиллии в своем провинциальном городке, неожиданно понимает, что больше этого не хочет: ей становится противным вечное безделье, отсутствие перемен и ограниченность жизни в доме, где всем управляет бабушка — символ консерватизма. И героиня «переворачивает свою жизнь» по совету столичного друга, вырываясь «на волю» в Петербург учиться. А по возвращении домой на каникулах еще острее чувствует сжатое пространство родного города, его убогость, отсталость и даже мертвенность: «чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки»; «в городе все давно уже состарилось, отжило» [3]. Контраст столицы и провинции доходит до предела, после чего Надя решает уехать в Петербург навсегда.

Мотив побега из провинции в столицу встречается и в рассказе «Чрезвычайное средство» (1899) И. Н. Потапенко, беллетриста, современника и приятеля А. П. Чехова. Девятнадцатилетняя Ольга Александровна втайне от своего патриархального и деспотич-

ного опекуна, полковника, уезжает из родной Саратовской губернии в столицу, чтобы учиться и избежать нежеланного замужества, как и чеховская героиня. Полковник (заметим, именно военный человек) из провинции ассоциируется в рассказе с отжившей стариной и косностью, спастись от которых можно лишь полным разрывом с пространством, где они обитают.

Еще одно произведение Потапенко, сюжет которого строится вокруг разрыва с провинциальным городом — повесть «Генеральская дочь» (1891). ПТ произведения изображает традиционный губернский город с пошлыми нравами и отсутствием настоящих событий. Правда, героям этого произведения не скучно, а, наоборот, слишком весело («жить весело, весело во что бы то ни стало») [4]. Семья Рынцева в городе К. (как и семья Туркиных в городе С. в чеховском «Ионыче») — самая известная и гостеприимная, в их доме беспечальная и непринужденная обстановка, которая длится, кажется, вечно. Провинциальная идиллия заканчивается, когда отец семейства застреливается из-за долгов. Мать Зинаида Петровна и дочь Маничка вынуждены переехать в деревню, где первая не изменяет своим прошлым привычкам и продолжает существовать в пошлости и веселье. Вторая, прочитав трогательный дневник провинциалки Клавдии с похожей судьбой, понимает, что больше не может мириться со своей пустой и бессмысленной жизнью, и повторяет печальный исход отца.

И у Потапенко, и особенно у Чехова ПТ окрашен самыми темными красками. Однако появляются персонажи, которые осознают разрушительный потенциал провинциальных нравов и способны преодолеть закоснелость, сменив локальное пространство на столицу либо на могилу. Варианта перемены самих провинциальных нравов не предусматривается.

1. Чехов А. П. Т. 10. [Рассказы. Повести], 1898–1903. М.: Наука, 1986. С. 41.
2. Чехов А. П. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. М.: Наука, 1985. С. 332.
3. Чехов А. П. Т. 10. [Рассказы. Повести], 1898–1903. М.: Наука, 1986. С. 218–219.
4. Потапенко И. Н. Генеральская дочь [Электронный ресурс] // Фонарь. Иллюстрированный художественно-литературный журнал, 2014–2020. URL: <http://lanterne.ru/ignatij-potapenko-generalskaya-doch.html> (дата обращения: 01.02.2022).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 82-32

**Рефлексия на «неудачный» собственный текст
как отражение некоторых аспектов
философии творчества А. П. Чехова**

Э. Р. Начарова

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема «творческой неудачи», выделенная из круга других аспектов литературы, заинтересовала исследователей сравнительно недавно. В свою очередь, понятие «неудачного» литературного произведения очень многогранно, изучение этого феномена неоднозначно воспринимается в научном сообществе по ряду причин: отсутствия единого основания оценки; проблемы определения единицы измерения удачности и ее степени; влияния времени на оценку и т. д.

Исследований, посвященных проблеме «творческой неудачи», в рамках изучения литературного творчества А. П. Чехова найти не удалось. Однако, на наш взгляд, этот аспект важен для формирования более полного представления о творчестве, так как соприкасается с вопросами эстетики творчества писателя, дает возможность оценить роль «неудач» в возникновении и степени проявления творческого кризиса, в смене направления творчества, литературной рефлексии и т. д.

Изучение части эпистолярного наследия А. П. Чехова, касающегося литературного творчества, выявило интересный факт: несмотря на частотные высказывания Чехова о неудовлетворенности своими собственными произведениями, лишь некоторые из них остаются «неудачными» в представлении писателя (но обсуждаемыми им) на протяжении всей жизни. При этом авторская оценка произведения не совпадает с мнением многих его современников. Данный аспект, по нашему мнению, заслуживает отдельного внимания, во-первых, в связи с индивидуальными особенностями творчества писателя (тщательная работа со словом, образами и т. д.), а во-вторых, большинство произведений Чехов перерабатывал и мог вывести из круга «неудачных». Однако этого не происходило, несмотря на то, что писатель не раз возвращался к корректуре отдельных «неудачных» текстов.

На наш взгляд, изучение причин и критериев авторской номинации текста как «неудачного» и последующей судьбы произведения дает возможность сформулировать некоторые основы философии творчества Чехова.

Круг «неудачных», с точки зрения писателя, текстов небольшой. Для дальнейшего исследования нами были отобраны следующие: «Бука» («Необыкновенный») (1886), «Огни» (1888), «Именины» (1888), «У знакомых» (1898), пьеса «Иванов» (1887). Спорным остается вопрос о «неудачности» повести «Степь» (1888).

Судьба вышеуказанных текстов по-своему уникальна, что ставит ряд вопросов и дает возможность проанализировать динамику отношения автора к тексту, так как к каждому из них Чехов возвращался и редактировал в разные периоды творчества. Например,

«Огни» и «У знакомых» не включены Чеховым в прижизненное собрание сочинений, изданное А. Ф. Марксом, в то время как «Именины», включаются в это собрание сочинений и выходят отдельной книгой.

Почти все указанные тексты имели большой резонанс в литературных кругах при первом издании. Следовательно, каждое из них оказало особое влияние на дальнейшее творчество Чехова. Так, «Степь» предполагала продолжение, но его не последовало. Обвинение Чехова в «тенденциозности», которую критики отмечали в «Огнях», подтолкнуло писателя не только провести собственную серьезную корректуру «Именин», и более того, обратиться к А. Н. Плещееву с просьбой внести правки (со многими из которых Чехов согласился).

Это только малая часть свидетельств особого влияния «неудачного» произведения на дальнейшее творчество Чехова. Каждое из них дает свой индивидуальный ответ на вопросы о процессах, происходящих в творческой мастерской, которые невозможно объединить и систематизировать.

Однако более пристальное изучение текстов, номинированных писателем как «неудачные», и ситуаций вокруг их публикации свидетельствует о том, что каждый случай невольно и концентрированно во времени активизировал размышления автора о процессе и принципах творчества. У Чехова это выразилось в большом количестве писем к различным адресатам (критики, писатели, знакомые), в которых он много высказывался именно о неудачах вышеуказанных произведений, при этом отчетливо формулируя, отстаивая свою точку зрения и позицию по основным вопросам литературного творчества. Иными словами, в эти моменты Чехов раскрывает основы своего мировоззрения и философии творчества, которые в другой ситуации, возможно, так и остались бы в сознании автора и не стали предметом исследования.

По нашему мнению, продолжение изучения данного аспекта позволит дополнить имеющиеся знания и представления об особенностях художественного мировоззрения и философии творчества Чехова.

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
2. Феномен творческой неудачи / под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчинова и Т. А. Снигиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 486 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. Д. Степанов

УДК 82-31

Итальянский текст в романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна»

Л. Э. Резвова

Новосибирский государственный университет

Русский романтизм, являясь частью романтизма общеевропейского, неминуемо выстраивал культурный диалог с европейской литературной традицией, и наиболее влиятельной частью этого диалога является итальянский текст. Последний, в силу его повышенной семиотичности для воспринимающего творческого сознания, стал одним из наиболее репрезентативных в русской романтической топике. Итальянский текст русской литературы [1–3] как культурный феномен представляет собой состоявшееся эстетико-семиотическое взаимодействие двух культур.

В XIX в. поездка в Италию становится необходимым этапом в становлении творческой личности. В. К. Кюхельбекеру удалось посетить эту страну лишь проездом — в 1821 г. Поэтому то представление об Италии, которое сложилось у писателя, скорее связано с усвоением литературного облика этой страны — страны страсти, искусства и «колыбели науки» [4].

Во втором письме первой части эпистолярного романа В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» (1832–1845) центральное место занимает экфрасис произведения итальянской живописи. Картина, которая так понравилась Пронскому и автором которой является главный герой произведения — Джованни Колонна, представляет собой изображение «Риэнзи перед смертью» [5], т. е. Риенцо ди Кола (1313–1354), итальянского политического деятеля, возглавлявшего Римскую республику, который стал символом единства и борьбы за свободу Италии. К этому историческому образу обращались многие писатели (Байрон, Ж. де Сталь, Стендаль и т. д.).

Пронский описывает картину: «...Позади победителя стоит его черный ангел, рыцарь с опущенным забралом, в вороненых доспехах, росту исполинского» [5]. Позже фра Паоло, духовный наставник Джованни Колонны, говорит о «черном ангеле», «угнетавшем душу» ветхозаветного Саула. Это другая, темная сторона души Колонны, которая в конце концов приводит героя к нравственной гибели — так в сюжете романа пресекается действительно существовавший древний род итальянских аристократов.

Заметим, что писатель был знаком с историей семейства Колонна. Джованни в романе — обедневший дворянин, что сопоставимо с продолжительным периодом финансового упадка рода Колонна: «...он художник, беден и носит славное имя: Колонна. Колонны, ты знаешь, ведут свой род от Сципионов» [5].

Главный герой романа, художник Джованни Колонна, предстает страстным, почитающим искусство и свой род человеком. Автор наделил своего героя чертами типичного итальянца: страстностью натуры, пониманием ценности природы и красоты: «В жилах его течет кипящая кровь Италии» [5]. Также интересны в контексте итальянского тек-

ста восприятие и описание Рима и итальянского народа иностранцами и самими итальянцами (часто в сравнении с другими странами и нациями) в романе.

Итальянский текст романа в письмах создается и при помощи адресатов, которыми являются исторические лица. Так, Филиппо Малатеста, друг Джованни, которому он посылает письма, — представитель старинного и влиятельного рода.

Частью итальянского текста в романе является строка из сонета «К Италии» итальянского поэта Филикайя Винченцо (1642–1707), процитированная на итальянском языке в первом письме. В дальнейшем также будут встречаться вставки на итальянском, которые автор, не зная этого языка, добавил для того, чтобы сделать итальянскую тему в романе ярче.

В романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» отчетливо прослеживается итальянская тема. Автор использует итальянский язык, искусство, прибегает к историческим лицам и историческим сведениям о них, а также упоминает при описании итальянского народа стереотипные черты, которые часто можно наблюдать в произведениях русских романтиков XIX в. Итальянский текст произведения представляет собой эстетическое взаимодействие культур; здесь они сравниваются и здесь показывается их отношение друг к другу.

1. Константинова С. Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. / С. Л. Константинова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Псков. гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова. Псков: ПГПУ, 2005. 159 с.
2. Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности: автор. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009. 37 с.
3. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. 170 с.
4. Сталь Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 29.
5. В. К. Кюхельбекер. Сочинения. Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1989. С. 574.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 821.161.1

Дневник путешествия на Корфу О.И. Орловой-Давыдовой как травелог

К.С. Шестопалов

Новосибирский государственный университет

Дневник путешествия на Корфу О.И. Орловой-Давыдовой можно условно разделить на две части:

- 1) путешествие О.И. Орловой-Давыдовой по Европе;
- 2) пребывание О.И. Орловой-Давыдовой на острове Корфу.

В самом начале дневника автор иронизирует как над своим новым статусом путешественницы, так и над самой традицией путешествия.

Иронию автора по отношению к «современным людям» вызывает цель ее собственной поездки, которую она не расценивает как развлечение — она исполняет свой материнский долг, заботясь о больном сыне.

Так или иначе, О.И. Орлова-Давыдова приобщает себя к существующей традиции травелога, которой добросовестно следует на протяжении всего пути, делая критические замечания в ходе поездки.

Если построить маршрут Орловых-Давыдовых по Европе, получится следующая цепочка: Варшава — Вена — Земмеринг — Грац — Триест — Венеция — Болонья — Анкона — Фоджа — Бари — Бриндизи — Керкира (Корфу).

Автор не акцентирует своего особенного внимания на традиционных локусах путешественника в Европе. Так, находясь в Вене, О.И. Орлова-Давыдова лишь вскользь упоминает о прогулке по городу. В то же время в поле зрения автора попадают такие места и жизненные явления, которые интересны не сами по себе, с определенных культурных позиций, но исключительно с авторской точки зрения.

Юг Италии характеризуется О.И. Орловой-Давыдовой как «очень интересная южная страна», плодородный край. Для описания Апулии автор использует множество номинативных конструкций, заостряя внимание на изобилии культур, произрастающих в местности, а также давая гастрономический комментарий относительно предпочтений соотечественников.

Говоря об имагологических образах Италии в дневнике О.И. Орловой-Давыдовой, мы можем утверждать, что, с одной стороны, итальянцы изображены автором как очень обходительный и гостеприимный народ, с другой стороны, итальянский народ в Апулии характеризуется автором не иначе как «разбойничий». Образ итальянца-разбойника, основанный на известном в XIX в. национальном стереотипе, имеет сложную природу.

Юг Италии (регионы Калабрия, Апулия и Сицилия) на протяжении многих веков был в прямом смысле разбойничьим: разбой был здесь семейным промыслом и образом жизни. Причины этого явления кроются в длительной политической раздроблен-

ности Италии, традициях наемничества-кондотьерства, но главным образом, конечно, в нищете.

Итальянский разбойник был известной фигурой в литературе, театре, живописи и даже в науке того времени (в частности, фигура итальянского разбойника появлялась в трактатах по френологии, см. гравюру на стали С. Вольфа «Итальянский разбойник нападает на джентльмена на дороге», 1847 г.).

Итак, итальянский разбойник был известным, отчасти романтическим образом в культуре XIX в., но в действительности являл собой настоящую угрозу для путешественника по югу Италии, и опасность грабежа здесь нужно было постоянно учитывать, что отражено О. И. Орловой-Давыдовой в дневнике.

Большой интерес в аспекте восприятия путешественником других культур вызывает конечный пункт в путешествии Орловых-Давыдовых — остров Корфу, являющийся средоточием и местом столкновения сразу нескольких культурных традиций: греческой, итальянской, французской, английской, османской и др.

Для русского путешественника второй половины XIX века остров представлял собой амбивалентную сущность: с одной стороны, это была чужая земля на юге Европы, испытывавшая на себе многовековое влияние других народов и религий, но, с другой стороны, Корфу — это место, веками хранившее греческую православную традицию, которая в сознании русского человека ассоциируется с неким духовным первоисточником.

На первый взгляд может показаться, что культурный аспект путешествия несколько не интересен автору, в действительности же он активизируется в сочетании с духовно-религиозным аспектом.

Интересно, что, посетив в Венеции собор Святого Марка, в котором покоятся мощи святого Марка, одного из четырех евангелистов, автор, при всей своей религиозности, ни слова не говорит об апостоле. В то же время, находясь в городе Бари, О. И. Орлова-Давыдова придает большое значение посещению базилики Святого Николая, где находятся мощи Николая Чудотворца.

По древней традиции, Николай Угодник был одним из самых почитаемых святых в русском православии, и Ольга Ивановна никак не могла обойти стороной места поклонения святому. Именно в фигуре святого Николая автор видит возможность духовного сближения с чужой культурой, с которой русскую культуру объединяет общая святыня.

Однако мусульмане в авторском сознании — это не иначе как захватчики и неприятели, и прибытие на Корфу показано автором через призму культурно-религиозного конфликта.

Дальнейшее исследование дневника О. И. Орловой-Давыдовой представляет интерес для изучения особенностей русского травелога XIX в.

Научный руководитель — д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1.

Цветовые образы в прозе Леонида Андреева

Д. В. Андреева

Новосибирский государственный университет

В письме З. Н. Сибилевой от 15 января 1892 года Л. Андреев отмечал, что в нем «всего понемножку», и в это же время декларировал аутентичность собственного мировоззрения и, как следствие, творчества. Последнее является проявлением одной из основных черт литературного процесса эпохи модерна — синтеза искусств как метода художественной выразительности. В рассматриваемом случае наибольшее отражение в прозе автора получает живопись: Л. Н. Андреев, как художник, создает уникальное единство цвета и текста. Цветопись в его произведениях становится образной, концептуальной и даже определяет структурную организацию текста. Проблема цвета в литературной деятельности писателя становится предметом внимания исследователей (Г. Н. Боевой, Л. А. Иезуитовой, С. А. Демидовой и др.) сделаны отдельные наблюдения относительно некоторых произведений («Красный смех»), однако детального анализа конкретных текстов не проведено.

Прежде всего, цвет является одним из важнейших средств демонстрации психологического состояния персонажей. Основные цвета, которые использует Л. Н. Андреев — белый, черный, серый, красный и их оттенки. В одном из ранних произведений «Красный смех» персонажи-братья, от лица которых ведется повествование, обретают и проживают состояние «красного смеха» — жестокого безумия, овладевающего каждым, кто с ним вступил в контакт (первый рассказчик, полевой врач и другие солдаты — на войне, второй рассказчик — после возвращения брата, от войны извне). Это состояние, аппаратом которого являются все оттенки черного и красного. Вселенское безумие «красного смеха» отсылает к «Красному цветку» В. М. Гаршина, в котором одноименный объект являлся символом мирового зла в руках безумца, пытавшегося его сдержать ценой собственной жизни. Эта параллель в тексте Л. Н. Андреева продолжается, обретая новую форму: «мировое зло» на свободе, безумие не только больше не может его сдержать, а наоборот — становится его оружием.

В повести «Иуда Искариот» сохраняется тот же принцип использования цвета: психологическое состояние персонажей существует неотделимо от топоса, создавая в данном произведении два мира: Иисуса, обрамленного солнечным светом и его излучающим, под голубым небом, среди зелени ландшафта и белых стен Иерусалима, и Иуды, ассоциирующегося с камнем (и серым цветом).

В «Дневнике Сатаны», своем последнем, неоконченном романе, писатель также инкорпорирует цвет для демонстрации психологического состояния героя, но цветовые образы функционируют в тексте по-другому. Сатана, вселившийся в тело американско-

го миллиардера Вандергуда, изначально выражает свои мысли сухим, простым языком, не перегруженным метафорами или эпитетами, даже если монологи героя становятся более эмоциональными и экспрессивными. В соответствии с этим в начале произведения цветowych образов практически нет, но в ходе дневникового повествования в процессе описания синтеза сущностей Сатаны и Вандергуда текст приобретает изобразительность и образность. Сатана, проходящий процесс «очеловечивания», обращается в дневниковых записях к пейзажной эстетике Италии (здесь вновь важны черный, белый и серый, но также зеленый цвет), параллельно с внедрением большего количества цветowych образов появляется даже романтический мотив луны и взаимодействия с ней.

Творческое мироощущение Л. Андреева позволяет цветописи не только раскрывать психологическое состояние героев, но и организовывать текст произведения. В «Красном смехе» распространение заразительного безумия, главная характеристика которого — цвет, завершается доминантой красного, овладевающего пространственной структурой. В философской повести «Иуда Искариот» при менее обильном включении в текст цветowych образов или доминант выделяется сближение фигуры Иуды с серым. Евангельский сюжет у Л. Андреева переходит в новую плоскость оценки поступка героя — в плоскость «серой морали», необходимого исходного взгляда на человеческую мораль в целом у Ф. Ницше. Эпизод «единства» Иуды с камнем предвосхищает вновь возникшую интригу предательства и новый угол его интерпретации. Структурообразующая роль цвета в «Дневнике Сатаны» во многом определяется жанром дневниковых записей: произведение использует его в качестве одного из средств демонстрации личного пути главного героя (увеличение количества лексем цвета, переход от присвоения предмету цветовой характеристики к комплексным образам).

Таким образом, творческая идентичность Л. Андреева предполагает широкое использование цветowych образов. Несмотря на то, что присутствие цвета в произведениях писателя не является императивным, оно в рассмотренных случаях определяет текст в целом. Цвет неотделим от персонажа, от художественного пространства и даже от жанра. Модернистское сознание Л. Н. Андреева, художника и писателя, создает комплексный характер прозы, в которой цветопись является важной чертой авторского стиля.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.1

Особенности раскрытия характера персонажа в повести В. Г. Распутина «Живи и помни»

Лу Чэнь

Новосибирский государственный университет

Целью исследования является попытка раскрыть особенности литературного персонажа на материале повести сибирского писателя В. Г. Распутина «Живи и помни». Согласно определению Л. Я. Гинзбург, «Литературный персонаж — это, в сущности, серия последовательных проявлений одного лица в пределах данного текста» [1]. Это понятие близко понятию «персонаж», хотя между ними существует различие. «Персонаж шире понятия герой, и в практике употребления терминов (система персонажей — но лирический герой), и в сфере использования («герой» употребляется при характеристике структуры произведений всех трех родов литературы) [2]. Мы сосредоточимся на двух главных героях повести — Андрее и Настёне.

Андрей

Первое знакомство читателя с Андреем происходит заочно, при таинственных обстоятельствах и сопровождается описанием исчезновения вещей из бани: топора, затем ковриги хлеба. Только после этого происходит встреча с героем и раскрытие главного события повести — дезертирства Андрея. После этого повествование опрокидывается в прошлое, и мы узнаем о довоенной жизни героя, его работе сплавщиком. Подобная временная перестановка позволяет усложнить характер героя, лишить его прямолинейности и показать внутреннюю противоречивость героя, не сводящуюся к обычному дезертирству.

Андрей — не трусливый предатель. За три года участия в войне он получил несколько ранений. На поле битвы он никогда не прятался за другими. Причина, по которой он встал на путь дезертирства, была в его мыслях о своем родном крае и жене. Когда Андрей выбрал этот путь, он не ожидал, что его ждет более глубокая и опасная пропасть. Способ создания главного персонажа повести характеризуется внутренним динамизмом. В нем впервые в творчестве В. Г. Распутина показана борьба человеческого и звериного как одна из важных проблем мировой литературы XX века. Сохраняя традиционные черты русского крестьянина, Андрей обнаруживает по мере оправдания своего дезертирства звериные черты. Пробираясь в родную деревню, он «замирает, как зверь, чутко отзываясь на каждый звук и каждое дыхание» [3]. Сложность структуры персонажа сохраняется до конца повествования. Во время последней встречи с Настёной человеческое вновь пробуждается в Андрее. «Лаская ее и тоже чуть не плача от встречи, он каялся, называл себя дураком, умоляя ее не сердиться, не верить тому, что наговорил» [4].

Настёна

Героиня повести Настёна обладает традиционными характеристиками русских женщин: трудолюбием, добротой и силой. Отступая от хронологии повествования,

В. Г. Распутин рассказывает о ее прошлом — раннем сиротстве, нищете, а затем о жизни в семье Андрея, где ее откровенно не любили. Но именно в эпоху страшных военных испытаний открылись лучшие черты героини.

После ухода мужа Настёна заботилась о своем свекре и свекрови. Чтобы поддержать воюющих на фронте, она каждую зиму работала в колхозах и каждый день с нетерпением ждала возвращения мужа с линии фронта. Когда ее муж сбежал из больницы, все ее надежды и средства к существованию исчезли, и с тех пор она жила в страхе, лжи и лицемерии.

Настёна винила себя в том, что ее муж сбежал. Она считала, что слишком сильно скучала по мужу, что заставило его совершить ошибку. Из любви и верности она поклялась хранить секреты своего мужа. Беременная Настёна терпела обиды своей свекрови, люди указывали на нее и сплетничали, но она не выдала отца ребенка — Андрея. Настёна, зная, что она поступила неправильно, сделала всё возможное, чтобы искупить вину.

Наряду с деталями, раскрывающими образ Настёны в фабульном аспекте, писатель прибегает к архетипическим чертам, углубляющим изображенный характер. Образ Настёны овеян фольклорными мотивами. В то же время в нем изначально заложен глубокий трагический смысл. Уже в начале повести Распутин пишет: «Настёна кинулась в замужество, как в воду, — без лишних раздумий» [5].

Ангара в поэтическом описании Распутина получает особый мифопоэтический смысл, поглощая в финале повести героиню в своих водах. Мотив утопления становится сюжетообразующим, охватывая кольцом всё повествование. Механизмы обобщения, представленные в судьбах главных персонажей, позволили читателю увидеть в них отражение судьбы народной «в один из драматических моментов истории» [6]. Таким образом, мы показали основные способы раскрытия характера главных героев повести «Живи и помни».

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 89.
2. Польшикова Л. Д. Персонаж // Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 164.
3. Распутин В. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Иркутск. 2007. С. 214.
4. Распутин В. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Иркутск. 2007. С. 230.
5. Распутин В. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Иркутск. 2007. С. 14.
6. Панкеев И. А. Валентин Распутин: по страницам произведений. М., 1990. С. 123.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

УДК 821.161.1

Лариса: образ свободы духа и жажды жизни в «Докторе Живаго»

Нури Джаннат

Новосибирский государственный университет

В этой работе предпринята попытка представить образ Ларисы в романе «Доктор Живаго», определить, насколько ей присущи свобода духа и жажда жизни, и соотнести образ с традиционными представлениями о способах изображения русской женщины в литературе.

Лара воспринимается как героиня эпического произведения, которая несет в себе качества вечной женственности: хрупкость и уязвимость. Для Д. С. Лихачёва, «Лара — один из женских образов русской классической литературы, символизирующих Россию» [1]. С. В. Морозов справедливо утверждает, что образ Лары в «Докторе Живаго» складывался на протяжении большей части творческого пути Бориса Пастернака. Он вобрал в себя черты эпохи, эволюционировал из мифопоэтического образа Вечной Женственности [2, с. 43], основные свойства которого были воссозданы в трудах русского философа Владимира Соловьёва. В то же время Пастернак не ограничился только духовной стороной образа, но наделил его конкретно-телесными характеристиками. В результате этого возник образ женщины с непростой судьбой, сохраняющей в своих поступках и манере действовать верность Жизни, которая пополнила ряд героинь русской литературы в той или иной степени олицетворяющих женский идеал русских классиков.

Характер Лары точно опознается другими персонажами романа. Так, Тоня пишет о ней: «...полная мне противоположность. Я родилась на свет, чтобы упрощать жизнь и искать правильного выхода, а она — чтобы осложнять ее и сбивать с дороги» [3, с. 255]. Суждения Тони в основном, верны, потому что Лара, в отличие от Тони, не конформистка. Лара нарушает традиционное представление о русской женщине. В противоположность Тоне и другим конформистским персонажам русской литературы, героиня не ждет возвращения мужа, пассивно наблюдая за тем, что происходит в России, — Лара присоединяется к госпиталю на поле боя, чтобы найти своего мужа Пашу. Ее попытка убить Комаровского создает новый образ русской женщины: той, что с оружием в руках готова застрелить эксплуататора своей жизни. Б. Пастернак представляет ее как символ свободы жизни и духа через образ, который рисует Юрий Живаго, увидев ее работы: «...воду она носит, точно читает, легко, без труда. Эта плавность у нее во всем. Точно общий разгон к жизни она взяла давно, в детстве, и теперь все совершается у нее с разбегу, само собой, с легкостью вытекающего следствия» [Там же, с. 185].

Все ее искания символизируют желание изменить свою судьбу, приблизив ее к нормальной человеческой жизни: «Как она мечется, как все время восстает и бунтует в стремлении переделать судьбу по-своему и начать существовать сызнова» [Там же, с. 65]. Эти поиски меняют ее взгляд на жизнь и отношение к ней. Она — символ каждо-

го русского человека, который всю свою жизнь боролся за счастье, но потерпел неудачу. В этом плане она представляет мотив страдания, играющий большую роль в романе. В более широком смысле она олицетворяет саму Россию в период 1901–1943 гг., которая коренным образом изменилась благодаря опыту, с которым люди столкнулись в этот период. Трагедия ее жизни — это трагедия поколения русского народа, сломленного революцией. Лара борется за счастье, но ее надежды на лучшее будущее беспочвенны, как и у каждого русского, который борется за лучшую жизнь.

В романе мы находим ее исключительно красивой, обладающей уникальными, экзотическими и необыкновенными качествами: «...как электричеством, до предела, всей мыслимой женственностью на свете. Если подойти к ней близко или дотронуться до нее пальцем, искра озарит комнату и либо убьет на месте, либо на всю жизнь наэлектризует магнетически влекущейся, жалующейся тягой и печалью» [Там же, с. 261]. Лара с ее отклоняющимся поведением не вписывается в общепринятый стандарт и лежит вне этой нормы, характеризующей обыденного человека: «В ней всегда было что-то необыкновенное» [Там же, с. 65]. В центрическом обществе она ломает традиционный образ русской женщины, созданный героинями Тоней и Мариной. Таким образом, она выступает за свободу духа и жажду жизни, которые выходят за рамки истории и традиций. По этой причине Дмитрий Быков называет Лару одним из немногих живых персонажей этого романа [4, с. 722].

1. Лихачёв Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир, 1988. № 1. С. 5–10.
2. Морозов С. В. Лара: источники, прообразы и прототипы главного женского образа романа «Доктор Живаго» // Litera, 2019. № 5. С. 35–44.
3. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: ФТМ, 2018. 760 с.
4. Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2016. 896 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

УДК 821.161

**Ирония как форма рецепции «грузинского текста»
А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в русской поэзии XX века**

Е. В. Потапова

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

«Грузинский текст» русской поэзии является одним из значимых элементов отечественной словесности, полноценно оформившимся в лирике первой трети XIX века, начиная с А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, а также поэтов второго ряда, например, А. А. Шишкова [1]. Поэтическая рецепция данного, по терминологии Н. Е. Меднис [2, URL], «локального» текста синтезировала в себе несколько типов интертекстуальных включений: 1) невольное заимствование, обусловленное влиянием «сильного» текста; 2) осознанное интертекстуальное включение; 3) намеренное снижение, ирония над текстом-прецедентом.

В стихотворениях поэтов XX века снижение текста достигается путем включения строк оригинала в бытовой, житейский контекст, чему способствует усиление детализации. Как известно, пушкинские строки о Грузии отличаются отсутствием большого количества образов, «монотонной повторностью» [3, URL], и именно их увеличение способствует воплощению авторской иронии над поэтическим текстом. В стихотворении авангардиста Игоря Юркова «Театральный разъезд» (1927) в иронической манере подается образ поэта, и его стихи вкрапляются в житейский контекст: «И русский Байрон, веселый чудак, — / Он хочет казаться прохвостом, — / Великий Пушкин носит фрак / Очевидно с чужого роста» [4, с. 636].

Иронии также подвергается сама форма пушкинского стиха, что присутствует в стихотворении Александра Кушнера «Где был Тютчев 14 декабря 1825 года» (1983). В нем обыгрывается смещенное ударение в пушкинском тексте-прецеденте, где «игра споткнувшегося слуха» и «упоенье» внушают читателю, что «На холмах дикой Грузии, холмится / Строка так чудно...» [6, с. 177].

В двух стихотворениях Александра Еременко снижение пушкинского текста-прецедента обусловлено включением строк о Грузии в социально-политический контекст, что проявилось в своеобразной инвективе «О чем базарите, квасные патриоты?»: «На холмах Грузии, где не видать ни зги, / вот там бы вы остались без работы» [7, с. 270]. В стихотворении «На холмах Грузии лежит такая тьма...» детали свидетельствуют об авторской иронии над оригиналом: «...чувствуется резкий запах стойла» [7, с. 244]. При этом Александр Еременко использует другие топологические «грузинские» ориентиры, и рядом с ними показательно появляется элемент, снижающий содержание. В данном случае таким топологическим элементом является река Кура.

«Грузинский текст» как явление русской поэзии зачастую рассматривается поэтами-преемниками не как отдельное произведение Пушкина или Лермонтова, а как сверх-

текстовое образование. Поэтому конец стихотворения Александра Еременко отсылает читателя к лермонтовскому мифу, который, также подвергается иронии: «чтобы тебя пристукнул из нагана / под Машуком какой-нибудь плебей [7, с. 246].

При иронии над лермонтовскими произведениями о Грузии часто используется образ Тамары. Для Бориса Корнилова, например, она становится «красивой бабой» [8, с. 109], при этом в его произведении «Царица Тамара» также присутствует рефлексия о сверхтекстовом образовании и литературном процессе в целом: «За Пушкиным сразу, / гремя и впадая в лирический бред, / поет про Тамару, / разносит заразу / второй по ранжиру российский поэт» [8, с. 110].

Можно выделить несколько особенностей иронии над пушкинскими и лермонтовскими текстами о Грузии: 1) детализация, обеспечивающая вкрапление образа из текста-прецедента в бытовой контекст; 2) использование локуса текста-прецедента для передачи политических и социальных тем, связанных с ним в современный автору момент; 3) снижение не только текстовой основы, но и образа автора; 4) ирония над стиховой формой текста-прецедента; 5) восприятие локального «грузинского текста» первой трети XIX в. как цельного сверхтекстового образования.

1. Потапова Е. В. Произведения А. А. Шишкова о Грузии как один из источников «грузинского текста» М. Ю. Лермонтова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 129–133.
2. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. Пособие [Электронный ресурс]. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Жолковский А. К. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: восемь строк о свойствах страсти и бесстрастия [Электронный ресурс] // Звезда, 2013. № 4. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2046> (дата обращения: 17.02.2022).
4. Юрков И. В. Полное собрание сохранившихся стихотворений и поэм (1918–1929). Чернигов: ЭСХА, 2010. 730 с.
5. Кушнер А. С. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986. 304 с.
6. Рейн Е. Б. Избранное. М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. 304 с.
7. Еременко А. В. Opus magnum. М.: Подкова; Деконт, 2001. 528 с.
8. Корнилов Б. П. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1966. 544 с.

Научный руководитель — д-р. филол. наук, проф. О. В. Зырянов

УДК 821.161.1

Нарративный анализ рассказа В. Набокова «Круг»

А. А. Разин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Актуальность исследования рассказа В. Набокова «Круг» заключается в его малой изученности: малом понимании основ текста, его субъектной и объектной организации, образов и мотивов. Цель исследования — выявление модуса художественности произведения и прочтение скрытых мотивов и сюжетов рассказа.

Нарративный анализ предполагает эпизодную аналитику текста. Под эпизодом, вслед за В. И. Тюпой, мы понимаем фрагмент текста, который характеризуется единством места, времени и действующих лиц. Если хотя бы один из этих трех параметров меняется, это говорит о границе эпизода. Рассказ «Круг» состоит из 44 эпизодов. Эпизодный анализ позволяет рассмотреть художественный текст «крупным планом»: например, первый и последний эпизоды рассказа не являются простым началом и окончанием текста, но превращают сюжет в замкнутую квазибесконечную кольцевую композицию. Примечательно, что эпизод, совпадающий с точкой «золотого сечения» текста оказывается семантически значимым в сюжетном повествовании Набокова: в этом эпизоде, в странном «просоночном» состоянии прогнозируется вся будущая жизненная траектория главного персонажа. Соседний этому эпизоду центральный (22) эпизод также значим в сюжетном разворачивании рассказа: в нем ключевыми мотивами выступают мотивы памяти и тоски по молодости и минувшему.

Важная характеристика произведения — система персонажей. Ключевыми действующими лицами становятся отец (Илья Ильич) и сын (Иннокентий), их объединяет не только родовая, но и социальная преемственность. В тексте представлены явно идиллические персонажи: Таня и Годунов-Чердынцев. Таня невольно становится неназванным образом России, ее присутствие всегда фиксируется в тексте мотивом светлых воспоминаний. После ее внезапного отъезда, жизнь Иннокентия теряет смысл. Система персонажей в тексте представлена двумя сословными группами: крестьянством и дворянами. По сути, эти два сословия образуют в сюжете рассказа два противоположных мира, и драма Иннокентия состояла в том, что покинув крестьянский мир, он не был принят миром дворянским, оказавшись в социальном и психологическом промежутке.

Одной из важных характеристик художественного текста является детализация. В пределах всего рассказа Набоков использует геометрическую форму круга, которая организует все уровни повествования — от сюжета до деталей. Например, он вписывает «россыпь» меньших и больших кругов: от монеты, что влипает ребром в глину, до задавленной шляпы и кругов на воде. Также Набоков явно использует прием «остранения» (В. Б. Шкловский), описывая хорошо знакомое как будто впервые увиденное. Рассказчик зачастую становится между текстом и читателем, обращая внимание на детали текста, напрямую внедряясь в повествовательную ткань.

Ключевой аналитической стратегией можно считать описание архитектоники произведения. Художественное пространство рассказа представляет собой как бы замкнутый круг: персонаж Набокова перемещается из России в Чехию, затем в Париж, а затем метафизически, в виде сильнейшей ностальгии и воспоминаний, снова возвращается в Россию. В противоположность пространственной замкнутости, биография героя разворачивается линейно: это детство и постепенное взросление персонажа. Ретроспективно Набоков восстанавливает в памяти своего персонажа события, важные для его собственной жизни. Мотивный анализ рассказа Набокова показывает, что самыми частотными являются: мотив изгнания, мотив самоопределения в новом мире, мотив одиночества, а также мотив социальной несправедливости. Система выделенных мотивов как бы повторяет сюжетный круг рассказа и представляет собой замкнутый драматический хронотоп.

Одним из важнейших элементов субъектной организации текста можно назвать глоссализацию, под которой понимается система голосов персонажей, а также нарратив «облеченного в молчание» автора (М. Бахтин). Набоков в рассказе стирает границы между авторским и внутренним миром героя, сшивая два нарратива внутри одного предложения. Так, он раскрывает в авторской речи детали, которые герой никогда не называет словом, но которые становятся незаменимой частью его речевой маски, со всей полнотой определяя присутствие в художественном пространстве.

Принимая во внимание наблюдения над объектной (сюжет, детализация, архитектура) и субъектной (композиция, глоссализация) организацией текста, можно сказать, что мир набоковского «Круга» — это мир, выражающий в большей степени идиллическую модальность. Драматизм главного героя заключается в том, что создав в своей душе образ прекрасного мира, в который он не может попасть из-за своей «злости, неуклюжести, жара», Иннокентий не способен соединиться с мечтой, обрекая себя на мучительные переживания. Черное и злое «я» главного героя не может существовать в этом мире, но стремится к этому, что и обуславливает драматический модус рассказа Набокова.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Ю. Л. Троицкий

УДК 821.161.1

Постмодернистские тенденции в романе Ю. И. Коваля «Суер-Выер»

Ю. В. Сергакова

Новосибирский государственный университет

Несмотря на то, что литература второй половины XX века в наше время активно изучается, список так называемых постмодернистских произведений, обычно предлагаемый для ознакомления, далеко не полон. Ю. И. Коваль хорошо известен как автор популярных книг для детей, однако его «взрослые» произведения практически не изучены. Наиболее значимым явлением художественной прозы является его роман «Суер-Выер» (1995), итоговое и крупнейшее по объему произведение, обладающее уникальной структурой. Критики обращали внимание на постмодернистские приемы, использованные автором, однако до сих пор не было проведено целостного литературоведческого анализа этого произведения.

Цель работы — исследовать роман Юрия Коваля «Суер-Выер» как произведение постмодернистской литературы. В качестве методологической базы исследования были использованы работы М. Эпштейна, Н. Лейдермана и М. Липовецкого, В. Н. Курицына и др. Также мы обращались к исследованиям таких теоретиков постмодернизма, как Р. Барт, У. Эко, Ж-Ф. Лиотар и др. Важными опорами для теоретической части нашей работы послужили научные статьи о творчестве Ю. И. Коваля И. Сыромятниковой, Т. А. Екимова и др.

Основываясь на проведенном анализе произведения, мы можем сделать следующие выводы:

1. Текст романа «Суер-Выер» построен с помощью литературных приемов, присущих постмодернизму. Произведение обладает ризоматичной структурой и не подчинено строгой структурной иерархии. Роман насыщен как тонкой иронией над современной автору действительностью, так и чистым абсурдом. К постмодернизму относятся фрагментарность «пергамента», и деконструкция текста (в качестве примера можно привести так называемое текстотрясение, произошедшее в один из моментов путешествия и изменившее структуру текста).

2. Сделаны выводы об отражении в романе таких особенностей постмодернистской поэтики, как представление о мире как о тексте, в нем присутствует многообразие симулякров, пародия, языковая игра и т. д. В романе наблюдается обилие ссылок разной степени очевидности на литературные произведения других авторов, различные культурные аллюзии и интертексты. Также мы заострили внимание на временной, жанровой, дискурсивной, стилистической транзитивности произведения. Элемент пародии играет важную роль в художественной структуре текста: пародируется все — от жанровых канонов (роман морских приключений) до бытовых мифологем.

3. Мы предположили, что условное пространство Океана является пространством текста, создающим себя, руководствуясь в первую очередь правилами языка. Язык же

романа представляет собой синтез многочисленных жаргонов, литературного языка и поэтической речи. Большой вклад в создание мира вносит языковая игра. Игра, происходящая в этом произведении, призвана деконструировать мир через хаос.

4. Однако, несмотря на внешние формальные признаки наличия постмодернистской парадигмы художественности, ценностно-чувственная организация произведения выходит за рамки постмодернистского мироощущения. Философская безграничность постмодерна преодолевается за счет возможности присутствия истины, и, в частности, надежды автора на состоятельность этой истины. При этом автор не возвращается к модернистским доминантам литературы, потому что это не представляется возможным после постмодернистской деконструкции, как и выход за пределы постмодерна. Он только пытается указать путь после «конца истории», и таким путем является пересотворение мира через Слово.

Таким образом, мы можем утверждать, что использованные в тексте приемы позволяют рассматривать произведения Ю. И. Коваля через призму постмодернистской философии, присущей эпохе. Тем не менее, нельзя не признать, что путь, предложенный Ю. И. Ковалем для решения глобальных онтологических вопросов эпохи, выводит его роман за пределы эстетики постмодерна.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.1

Сенсорный образ Якутии в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова

В. Н. Слепцова

Северо-восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Образ Якутии непрерывно трансформировался и концептуализировался на протяжении XIX–XX веков. Если первые описания жизни народов Якутии были даны декабристами, то второй пик якутской темы в XX веке связывают с деятельностью ссыльных писателей, в том числе и Варлама Шаламова. Мир Севера в творчестве этого писателя неизменно является объектом пристального внимания и всестороннего изучения исследователей. Между тем образ Якутии в лирике Варлама Шаламова с точки зрения сенсорной поэтики до сих пор не изучен.

Современное литературоведение часто обращается к изучению разных аспектов проблематики введения чувственных восприятий в структуру литературного произведения (К. В. Дьяков, А. В. Мансурова, А. В. Трифонова, М. Ю. Фиш и др.). Чувственные впечатления выполняют образотворческую функцию. М. Л. Гаспаров считает образом всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, а мотивом — всякое действие; взаимосвязь мотивов — сюжет [1, с. 14]. В имманентном анализе выделяется три уровня, в том числе верхний идейно-образный. Идейно-образный уровень мы воспринимаем умом и воображением зрительным, слуховым, осязательным и др. То есть, чтобы понять «содержание» (образы, мотивы, эмоции и идеи) стихотворения, необходимо уделять внимание чувственному восприятию художественной реальности.

Шаламов вошел в историю русской поэзии как своего рода первооткрыватель новых земель — лагерного Севера. Опыт пребывания в мире вечной мерзлоты, все его поэтическое наследие представлены в сборнике «Колымские тетради». Природный образ у Шаламова философичен, а его «стихотворения, связанные с осмыслением онтологических категорий, основываются на зримых и отчетливо обрисованных образах» [3, с. 280].

Зрение относится к высшим сенсорным системам и является наиболее совершенным по своим возможностям и качеству информации. Свето- и цветовосприятия физиологически априорны и символичны. Характеристику «белый» Шаламов дает родине, снегу, ночи, небу, камням, лебедям, надгробьям, туманам — вполне конкретным существующим объектам. В стихотворении «Ты держись, моя лебедь белая...» он считает этот цвет индивидуальной окраской севера: «Похвались там окраскою севера, / Белой родиной ледяной» [5]. Синий — цвет снегов, пламени, травы, губ (от холода), плесени. Черными у Шаламова бывают лес и ночь. Этот цвет Шаламов считает чуждой его мечте о белой, безукоризненно прозрачной северной ночи [7].

Акустическая картина Якутии у Шаламова составлена из громких и неприятных звуков, таких как вой, свист, стон, и в противоположность им — отсутствие звука. Много

поют птицы и люди: «громко я пою», «для моих усталых легких эти песни — тяжелы». Видимо, творчество — пение песен, чтение стихов («Кричу свои стихи») — единственный способ борьбы в диких условиях.

Вкусовое и ольфакторное пространство описано у Шаламова совершенно скупо. Упоминаются «сосновый озон» и «целебный кислород», запах северного края затхлый и удушливый. «Соленый» вкус («рубахи просоленные») употреблен в своем прямом значении, а определение «горький» метафорично («горькие слова», «горькие слезы»).

В тактильной системе холод выделяют как знак ареала вечной мерзлоты, основную его характеристику [2, с. 24]. Физический холод почти всегда сопровождается «внутренним» составляющим и имеет философское значение («жизнь — холодный мрамор слов», «сердце не остынет от злых обид»). Холод в стихах Шаламова — природное явление, а тепло в основном искусственное (костер и печка) или исходит от людей («сердечное рукопожатие»).

Варлам Шаламов в своей лирике создает образ Севера через сенсорные системы зрения, слуха и осязания и в меньшей степени слуха и обоняния. В зрительном восприятии Север характеризуется индивидуальной «белой окраской». Акустический портрет составлен из противоположностей: громких неприятных шумов и умиротворяющей тишины. Холод в тактильном пространстве выступает как основная характеристика вечной мерзлоты. Примечательно, что холод почти всегда природный, а тепло — искусственное и человеческое. Таким образом, северный образ Шаламова, созданный через вышеперечисленные особенности сенсорной поэтики, передает философию писателя, личные переживания в сложный период его жизни.

1. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 9–20.
2. Гайворонская-Кантомирова А. Н. Семантическое пространство категории 'холод' в художественном творчестве Варлама Шаламова // *Lingua mobilis*, 2011. № 6 (32). С. 24–29.
3. Кротова Д. В. В. Шаламов и Н. Гумилев: к вопросу о поэтической генеалогии автора «Колымских тетрадей» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2021. № 70. С. 273–284.
4. Шаламов В. Т. Стихотворения [Электронный ресурс] / В. Т. Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/library/> (дата обращения: 20.02. 2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. И. Ощепкова

УДК 821.161.1

Использование В. П. Астафьевым приема автобиографического повествования в «Последнем поклоне»

МД Тапу Райхан

Новосибирский государственный университет

В данной работе предпринята попытка проанализировать технику автобиографического повествования, использованную в «Последнем поклоне» Астафьева, чтобы показать, что этот текст написан в рамках автобиографической конструкции.

Астафьев работал над «Последним поклоном» в течение двадцати лет, и эта книга представляет собой серию отдельных, независимых, но связанных между собой рассказов, написанных в разное время с 1958 по 1978 гг. Сам Астафьев говорит в романе, что начал понемногу писать рассказы о своем детстве, о родной деревне и ее жителях, о своих дедушке и бабушке, которые отнюдь не походили на литературных героев того времени [1]. Это высказывание Астафьева вызывает интерес к изучению этого романа как честного и непредвзятого рассказа о его собственной жизни, где он представляет свою биографию в рамках трех книг, состоящих из разных историй. Его использование техники автобиографического повествования позволяет ему создать яркую и удивительную картину своей судьбы, переплетенной с судьбами других персонажей.

Автобиографическая конструкция, в рамках которой Астафьев создает свою автобиографическую заметку, полностью соответствует концепции Филиппа Лежена, который считает, что автобиография — это ретроспективное прозаическое повествование, написанное реальным человеком о его собственной жизни, где основное внимание уделяется его индивидуальной судьбе, в частности, истории становления его личности [2]. «Последний поклон» является именно таким ретроспективным прозаическим повествованием, представленным от первого лица. Весь роман написан голосом «Я» с точки зрения главного героя, которого можно отнести к категории гомодиегетического рассказчика. Эта повествовательная перспектива от первого лица создает полную субъективность наряду с конфликтами личности и сознания личности при ведении повествования. В соответствии с принятой автором структурой повествования в романе автор, рассказчик и главный герой — одна и та же личность. Поскольку это автобиография, факты, представленные в этом романе, предполагается воспринимать как истинные воспоминания о жизни автора.

Само отношение Астафьева как к рассказчику, так и к главному герою может быть хорошо изучено, если рассматривать «Последний поклон» в структуре функциональной концепции М. М. Бахтина, который выделяет три общих случая отношения автора к герою в автобиографических произведениях: 1) герой завладевает автором; 2) автор завладевает героем; 3) герой сам является своим автором [3]. Среди них повествовательная техника Астафьева соответствует второму типичному случаю М. М. Бахтина,

в котором сам Астафьев предстает в качестве альтер-эго героя. Особенностью этого случая является:

- 1) отношение автора к герою становится отчасти отношением героя к себе самому;
- 2) рефлекс автора влагается в душу или в уста героя [3].

В «Последнем поклоне» Астафьев также имеет такие отношения с героем Витей, в которых мировоззрение Астафьева с его сознанием, изображенным глазами Вити, становится моментом целостного бытия Астафьева, где читатели двигаются вместе с потоком Витиных мыслей и воспоминаний. Читатели воспринимают события жизни Вити его глазами, а Астафьев отражает свои воспоминания устами Вити. Таким образом, становится ясно, что сам Астафьев предстает как Витя, и его точка зрения на Витю становится его собственной точкой зрения на самого себя. Воспоминания Вити обо всем делают его бесконечным, как будто он рождается снова и снова, каждый раз в новой форме с новым сознанием. Ярким примером этого являются несколько встреч Вити с дядей Васей. Описание Витей хозяйки показывает, насколько читатели зависят от сознания Вити. Таким образом, Астафьев в своем романе реализует второй случай функционального подхода, предложенного М. М. Бахтиным к представлению автора в автобиографических произведениях: фактически рассказчик, играя роль Вити, эстетично и уверенно интерпретирует собственную жизнь.

1. Астафьев В. П. Последний поклон. Повесть в рассказах. М.: Эксмо, 2006. 848 с.
2. Lejeune P. On Autobiography. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. О. А. Донских

УДК 82-1

Мифопоэтика истории в творчестве М.И. Цветаевой

К.Г. Феоктистова

Новосибирский государственный университет

Исторические темы лежат в основе многих произведений М.И. Цветаевой. По признанию поэта, в ней «вечно и страстно борются поэт и историк» [1]. На наш взгляд, именно эта «борьба» позволила Цветаевой наиболее тонко отразить особенности эпох — она смогла подметить едва уловимые детали, которые обычно ускользают от внимания ученых-историков. Рассмотрим, каким образом историческая тематика отражается в произведениях Цветаевой.

Важной составляющей творчества Цветаевой является мифопоэтика, следовательно, исторические герои ее произведений часто романтизируются (Степан Разин, Наполеон Бонапарт) или наделяются чертами самой Цветаевой (Марина Мнишек). История и миф в произведениях Цветаевой неразрывны, и в этом нет противоречия, поскольку вместе они, по мнению поэта, помогают более полно «осознать реальность» [2].

В произведениях о современных Цветаевой событиях появляются аллюзии на исторические события прошедших веков (Пётр I, «родоначальник... Советов», в стихотворении «Петру» сравнивается с большевиками), современные ей исторические персонажи, как правило, имеют «двойника» в прошлом (цесаревич Алексей и царевич Дмитрий Углицкий в стихотворении «За Отрока — за Голубя — за Сына», Николай II и Людовик XVI в «Поэме о Царской семье»). События и судьбы в разные эпохи повторяются, тем самым будто замыкая историю. Так Цветаева в своих произведениях воссоздает миф о цикличности истории: настоящее неразрывно не только с прошлым, но и с будущим.

В произведениях Цветаевой историческим событиям как таковым не придается большого значения, они всегда являются фоном для изображения личности — страдающей или заставляющей страдать других (Людовик XVI и его сын на фоне Великой Французской революции, Керенский на фоне Февральской революции, Николай II и его семья на фоне русских революций, смены власти и т. д.). Чаще всего Цветаева изображает именно страдающих людей, выступает их защитницей, так как, по ее собственным словам, «поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее» [3]. Для Цветаевой важно показать личность человека, поэта не интересует деятельность человека как политика.

Вместе с тем, в более позднем творчестве Цветаевой отчетливо прослеживается попытка преодоления мифологизации. Так, например, перед написанием «Поэмы о Царской Семье» (поэма полностью не сохранилась) она провела исследовательскую работу, ознакомившись с большим количеством исторических источников о Николае II и его семье.

В «Поэме...», где «историк поэта загнал» [1], Цветаева стремилась создать летопись жизни семьи от их отъезда из Царского Села до гибели, а также объективный, не мифо-

логизированный образ царя. «Поэма о Царской Семье» интертекстуальна: в произведении Цветаева практически буквально цитирует фрагменты из исторических источников, посвященных царской семье (письма царицы к А. Вырубовой, фрагмент из книги П. Жильяра «Император Николай II и его семья», где объясняются причины отречения царя, фрагменты из книги В. Панкратова «С царем в Тобольске» и т. д.). В «Поэме...» голос автора вторичен, о героях говорят те, кто знал их лично, реже — герои сами говорят о своих переживаниях (молитва царицы о России, в которой цитируется ее письмо к Вырубовой).

Несмотря на историческую достоверность «Поэмы...», мифологизация не была полностью преодолена Цветаевой, поскольку герои охарактеризованы все-таки сквозь призму личного отношения к ним поэта. Так, царица Александра Федоровна изображается как заступница и молитвенница за Русскую землю, а Николай II называется «царственным страдальцем» [4].

На наш взгляд, такая мифологизация истории позволяет Цветаевой привлечь внимание читателя на высокие личностные качества отдельного человека. Она подчеркивает, что человек не может быть принесен в жертву истории и заступает за тех, за кого больше не заступает никто.

1. Цветаева М. И. Неизданные письма. Paris, YMCA-PRESS, 1972. С. 434.
2. Галинская И. Л. Мифопоэтический мир Марины Цветаевой // Культурология: дайджест, 2005. № 2. С. 41.
3. Слоним М. Л. О Марине Цветаевой. Из воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 345.
4. Коркина Е. Б. Поэма о Царской Семье // Марина Цветаева. Статьи и тексты, 1992. № 5. С. 175.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.1.

Вещная деталь в раннем творчестве И. А. Бунина

А. Ю. Форофанова

Новосибирский государственный университет

Внимание Бунина к предметам одежды является важной особенностью его творчества. Исследованием наименований одежды в творчестве Бунина занимаются такие современные лингвисты и литературоведы, как Фам Май Фыонг, Ю. С. Попова, Н. Б. Бугакова, П. В. Пелевина, И. В. Мурадян, К. Н. Галай, — все они выражают мнение, что Бунин обладает мастерством писателя-портретиста и является мастером описания детали.

Систематическое исследование роли и функции детали в раннем творчестве Бунина, когда происходило становление его творческого метода, позволяет глубже понять особенности его творческой системы. Материалом для исследования послужили рассказы И. А. Бунина 1892–1909 гг., отобранные по принципу сплошной выборки.

Описание одежды персонажей в прозе Бунина может выполнять различные функции: номинативную, культурологическую, характерологическую, сюжетообразующую, символическую. В исследованиях Фам Май Фыонга, К. Н. Галай и Ю. С. Поповой предлагается функциональная классификация обозначений одежды в прозе Бунина.

Особая живописность и поэтичность прозаических текстов Бунина достигается, в частности, с помощью описания разнообразных ощущений от соприкосновения с окружающей действительностью. Бунину свойственно синестетическое восприятие мира. Поэтому описание вещной детали бывает неразрывно связано с ощущениями и эмоциями героя.

Одежда героев в рассказах Бунина характеризует социальный статус персонажа, его принадлежность к клану «богатых» или «бедных». Так, например, в рассказе «Кастрюк» крестьянин Глебочка одет в «старый полушубок, из лохматых дыр которого виднелась белая рубаха». Сам крестьянин имеет болезненный вид: худощавый, «с веснушками на бледном лице и с опухшими красными веками», с «бледной улыбкой», пьет. Старый полушубок с «лохматыми дырами» дополняет образ крестьянина, пьющего от безысходности. В рассказе «Танька» у странника, пришедшего в дом, «засаленный кафтан, похожий на подрясник». С одной стороны, странник — человек бедный, с другой стороны, на Руси странники почитались за людей божьих. Поэтому образ странника неряшлив (засаленный кафтан), но сближен с образом священнослужителя (похож на подрясник). Кроме того, странник «широко крестился». В противовес страннику, господский работник одет в новый полушубок.

Характерологическая функция проявляется в раскрытии характера, переживаний, темперамента героя через описание предметов одежды и взаимодействие с ними. В большинстве рассказов 1892–1909 гг. герои страдают от холода; описана, как правило, ненастная погода: снег, дождь. Поэтому постоянным атрибутом становится верхняя

одежда: кафтан, полушубок, шуба, тулуп, мех, шапка, сапоги. Также часто упоминается в тексте традиционная мужская исподняя одежда — рубаха, и детская «рубашонка».

В рассказах Бунина вещная деталь часто приобретает символический смысл или становится сюжетообразующей. Например, Танька вспоминает, как «около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки» («Танька»). Это было прошлой зимой, а сейчас ей постоянно холодно и голодно. От воспоминаний девочки веет домашним уютом: ласковое мамино лицо, тихий голос, «старинные» песни. Полушубки становятся символом домашнего тепла, сытости, благоустроенности. В тексте подчеркивается, что сейчас «езде “беда”, — полушубков не шьют, больше помирают». Танька постоянно мерзнет, рассказ пронизывает мотив холода.

Павел Антоныч спас Таньку: накормил и согрел. Символом тепла снова выступает шуба: «Все теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и иззябшего ребенка». Павел Антоныч «причесал ее, подпоясал голубеньким пояском. Танька тихо улыбалась, втащила поясок под самые мышки и находила это очень красивым». Голубой цвет пояса символизирует небо, легкость, воздушность, чистоту. У девочки поясок вызывает тихую радость, любование собой. Поясок символизирует пробуждение, вторую жизнь.

В наименованиях одежды проявляется психологизм. Они погружают в художественный мир произведения, создают эффект присутствия. В рассказе «Перевал» эмоциональное состояние героя сопрягается с ощущением мокрой одежды на теле: «Я весь дрожу от напряжения и усталости, одежда моя вся промокла от снега, а ветер так и пронизывает ее насквозь». Человек, заблудившийся ночью в неизвестной местности, испытывает отчаяние и страх. Холод от пронизывающего ветра — не только внешний холод, но и внутренний: страх пронизывает до костей. Мокрая одежда — ощущение чего-то липкого, неприятного: страх, отчаяние.

Таким образом, детали одежды выполняют различные функции в произведениях И. А. Бунина: персонаж характеризуется и с точки зрения принадлежности к определенному сословию и определенной культурной эпохе, и как индивидуальность; предметы одежды в рассказах Бунина становятся символами; через описание одежды передается внутренний настрой и глубинные переживания героев.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.2

Эрос в повести Михаила Кузмина «Крылья»

А. Ш. Хонкулов

Новосибирский государственный университет

Творчество Михаила Кузмина изучено не столь глубоко, как творчество других писателей и поэтов Серебряного века. К нему относились неоднозначно, а его первую повесть «Крылья» (1906), называли «мужеложным романом», прославлением «порока» [1]. Однако игнорирование философского содержания, ориентации писателя на платоновские диалоги (прежде всего «Пир» и «Федр») нам представляется неверным [1].

Кузмин воспеваает молодость, красивое тело, юношескую привлекательность. Но это не значит, что его понимание любви устремлено исключительно в телесное и теряется в нем. Телесность в повести прежде всего связана с любовью, нежным и возвышенным чувством. Например, мы видим особое отношение героини произведения Марьи Дмитриевны к телу: «Люблю я вот, Ванечка, босою ходить по горячей земле или купаться в речке; сквозь воду тело свое видишь, золотые зайчики от воды по нем бегают... И это неправда, что старухи говорят, будто тело — грех. Разве не Господь все это создал: и воду, и деревья, и тело» [2]. Однако при этом сугубая телесность ей претит. Несколько раз она в своих репликах обращает внимание: «Грех с сердцем холодным или по расчету любовь творить», такая любовь по существу уже не любовь, а блуд. Мысли Марии Дмитриевны показательны: что есть такого в лице человеческого, что привлекает нас? Оно такое же, как и у всех, те же глаза, тот же нос. Но есть всё-таки что-то «вложенное» Богом, как говорит героиня. Читателю становится понятно, что это «вложенное» — это и есть та самая любовь, которую Платон бы назвал любовью от Афродиты Урании, то есть небесной Афродиты, возвышенной [2]. Платон по этому поводу пишет: «Низок же тот пошлый поклонник, который любит тело больше, чем душу... А кто любит за высокие нравственные достоинства, тот остаётся верен всю жизнь, потому что он привязывается к чему-то постоянному» [2].

Когда главный герой Ваня Смуров приходит в первый раз к своему учителю древнегреческого, они беседуют о дружбе героев «Илиады» Гомера (Ахилла с Патроком и Ореста с Пиладом). Ваня удивляется, мол, неужели итальянцы сами приписали содомскую любовь этим героям. Учитель же, Даниил Иванович, ответил ему, что итальянцы это не выдумали — они были правы, «...но дело в том, что только циничное отношение к какой бы то ни было любви делает ее развратом». Это одна из центральных мыслей в повести. Автор знакомит своего героя с несколькими людьми (Даниил Иванович, каноник Мори, Уго Орсини), у которых общей истиной выступает следующее: поступок может трактоваться как совершенно безобидный, так и как безнравственный, полный греха, порока и зла. Важно лишь отношение человека к этому поступку, а также цель и причины, породившие его. Эту же идею мы находим и в диалоге «Пир».

Почему вопрос отношения к поступку так важен для героя? Во-первых, Ваня пытался оправдать в своих глазах человека, к которому его необъяснимо тянет, — Лариона Дмитриевича Штрупа. Ваня стал свидетелем неловкой сцены: он застал молодого банщика Федора в доме Штрупа. А банщики, как известно, могли оказывать интимные услуги, и Ваня понимал, что встретил Федора в доме Лариона Дмитриевича не просто так. Ване было важно «реабилитировать» Штрупа, и он искал объяснения этому поступку, он пытался не видеть в содеянном ничего плохого, греховного. Во-вторых, Ваня пытался оправдать самого себя: он также стремился убедить себя, что нет ничего страшного в том, что он чувствует по отношению к мужчине. В контексте о двух Эросах в диалоге «Пир» один из членов симпозиа — Павсаний — говорит: «...все, что мы делаем сейчас, пьем ли, поем ли или беседуем, прекрасно не само по себе, а смотря по тому, как это делается, как происходит... То же самое и с любовью: не всякий Эрот прекрасен и достоин похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить» [3]. То есть любовь суть возвышенное чувство только тогда, когда оно наполнено благим, когда его действительно можно назвать любовью, а не блудом. Ваня Смуров стремительно пытался осознать свое чувство, понять, что за ним стоит нечто светлое и благородное, что-то, за что невозможно осудить человека.

Эрос в повести Михаила Кузмина «Крылья» двойственен, он представляет собой неотделимые друг от друга части: плоть, наполненную жизнью и страстью, и одухотворенность, нечто возвышенное, чистое и праведное.

1. Щуплов А., Траннуа П. Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор, 1992. 83 с.
2. Кузмин М. Крылья. М.: Серебряный бор, 1992.
3. Платон. Пир. М.: Мысль, 1999. 92 с.

Научный руководитель — ст. преп. Л. В. Буднева

УДК 821.161.1

**Гипермотив «ханьданьский сон»
в пьесе Б. Акунина «Зеркало Сен-Жермена»**

Чжан Чэндун

Новосибирский государственный университет

Цель настоящей работы — раскрытие имплицитного смысла заимствования гипермотива «ханьданьский сон» в пьесе Бориса Акунина «Зеркало Сен-Жермена» (2002).

«Ханьданьский сон» или «ханьданьская подушка» — это китайский и японский фразеологизм, который «означает “суета”, “тщета”, “несбыточные мечты”» [1, с. 16]. Идиома восходит к китайской танской новелле Шэнь Цзици «Волшебное изголовье» VIII века. Новелла повествует о том, что в городе Ханьдань в постоялом дворе бедный юноша Лу получил волшебное изголовье от даоса и заснул на нем. Во сне юноша пережил свою жизнь — и удачную, счастливую, и злополучную, тюремную, но в старости ушел из жизни счастливым. Когда Лу проснулся, он понял, что все происшедшее было просто пустым сном.

С тех пор, «ханьданьский сон» стал гипермотивом и постоянно встречается в различных китайских, японских и вьетнамских текстах. Среди них самая известная версия в Японии — традиционная японская пьеса по «Ханьданьская подушка» (автором считается Дзэами Мотокиё), в которой акцент делается на потустороннем спасении под сильным влиянием дзэн-буддизма. Однако рецепция данного восточного мотива в творчестве Б. Акунина происходит посредством обращения не к той классике, а к ее современному ремейку — одноименной пьесе Юкио Мисимы (1950). Доказательством такого обращения является факт перевода Г. Чхартишвили ее на русский.

В современной версии Мисимы концепция «иной мир как спасение» подверглась деконструкции, подобно деконструкции романтического и модернистского «двоемирия» в русских постмодернистских текстах. Ключевое семантическое ядро гипермотива «ханьданьский сон» — «жизнь как иллюзия», также может войти в семантическое поле «постмодернистская чувствительность».

Заимствование гипермотива «ханьданьский сон» в «Зеркале Сен-Жермена» парадоксально явное и скрытое. С одной стороны, на титульных листах книги напечатаны китайские иероглифы «Ханьдань», которые играют роль ключа, афишированного писателем, к расшифровыванию загадки, но мало кто из читателей знает их значения.

С другой стороны, не упоминая прямую связь с восточным гипермотивом в самом тексте, который на первый взгляд является оригинальной хронофантастикой (Томский в конце XIX в. и Вован в конце XX в. неожиданно обменялись душами и переместились во времени из-за магии зеркала Сен-Жермена), Акунин создает каждый из параллельных сюжетов на основе сюжетной схемы «Ханьданьская подушка».

Сравнив пучки мотивов и их расположение на уровне сюжетосложения в текстах Акунина и Мисимы, мы показываем четкую зеркальность между ремейком и «оригиналом».

«Зеркало Сен-Жермена»: Утрата / получение «репутации» → Перемещение во времени → Получение успехов и любви → Ностальгия → Перемещение во времени → Заблуждение и освещение.

«Ханьданьская подушка»: Утрата смысла жизни → Засыпание → Испытание любви, денег и власти → Отказ от смерти → Просыпание → Продолжение жизни.

Более того, в скрытость заимствования данного мотива вносит вклад и локализация неизвестной россиянам классики путем замены восточных образов русскими эквивалентами. 1. Ханьданьская подушка заменилась зеркалом Сен-Жермена, которое, по преданию, тоже имеет функцию показывать судьбу. Этот образ известен всем, погруженным в русский художественный контекст, благодаря «Пиковой даме» А. С. Пушкина. 2. Соответственно, юноша Лу превратился в Томского, праправнука Анны Федотовны. 3. Акунин также подчеркнул жанр пьесы в подзаголовке — «Святочная история в двух действиях», чтобы усилить ассоциацию функции зеркала с вещим сном, которая является типичной в традиционном святочном рассказе.

Таким образом, «Зеркало Сен-Жермена» можно считать акунинским ремейком «Ханьданьской подушки». Его тайное заимствование и локализация не только не вредит экспликации семантики данного гипермотива, но и помогает его рецепции у русских читателей при смягчении экзотической ориентальной атмосферы. Следовательно, пьеса становится типичным примером нового литературного андрогина, которого в статье «Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе)» [2] высоко оценивает сам Г. Чхартишвили. Он верит, что с помощью андрогинности растет литературная энтропия и постепенно отмирают конфликты и противоречия в кросскультурной коммуникации.

1. Чхартишвили Г. Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или Как уничтожить храм // Мисима Ю. Избранное. М.: ТЕРРА, 1996. С. 5–22.

2. Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература, 1996. № 9. С. 254–263.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Председатель секции — канд. биол. наук, д-р филос. наук, проф. *А. Н. Савостьянов*

Ответственный секретарь секции — *И. С. Пименов*

Экспертный совет секции

канд. биол. наук, д-р филос. наук, проф. *А. Н. Савостьянов*

д-р филол. наук, проф. *М. К. Тимофеева*

канд. пед. наук, доцент *Н. И. Снытникова*

канд. филол. наук *Е. Е. Абрамкина*

канд. физ.-мат. наук, доцент *М. В. Стукачева*

APPLIED LINGUISTICS

Section head — Cand. Biol., Dr. Philos., Prof. *A. N. Savostianov*

Responsible editor — *I. S. Pimenov*

Section scientific committee

Cand. Biol., Dr. Philos., Prof. *A. N. Savostianov*

Dr. Philol., Prof. *M. K. Timofeeva*

Cand. Phys.-Math, Assoc. Prof. *M. V. Stukacheva*

Cand. Ped., Assoc. Prof. *N. I. Snytnikova*

Cand. Philol. *E. E. Abramkina*

Сравнение лексико-семантических и ассоциативных полей. ЭЭГ и айтрекинг-исследование

А. А. Белозерова, С. Д. Коваленко

Новосибирский государственный университет

В современном мире исследования нейролингвистической направленности становятся все более популярными. Эта область включает в себя психологические, математические и лингвистические гипотезы. Связь мозга и языка можно зафиксировать при помощи отслеживания движения глаз, электроэнцефалографии, магнитно-резонансной томографии и многого другого.

В конце XIX века и первой половине XX века лингвистами стали высказываться идеи о том, что значение слова не может изучаться изолированно от системы языка: напротив, значение проявляется при противопоставлении слова соседним элементам языковой системы.

Идея описания лексики путем разбиения слов на лексические группы реализуется в теории полей. В зависимости от характера отношений, объединяющих слова в поле, выделяют различные типы семантических полей.

В данном исследовании мы изучаем полевую структуру языка на примере лексико-семантических и ассоциативных полей. Выбранная область видится нам недостаточно изученной ввиду сложности ее структуры и большого количества различных трактовок ее устройства. Изучение и моделирование языковых отношений поможет соотнести мозговые реакции с элементами языка. Анализ данных связей в языке помогло бы в первую очередь установить способность человеческого мозга отличать столь схожие между собой категории полей.

Для анализа восприятия выбранных нами типов полей было принято решение использовать айтрекинг, так как данная методика позволяет изучить естественное и непроизвольное поведение человека во время выполнения задания. Методика регистрации биоэлектрической активности при помощи электроэнцефалограммы позволяет получить данные высокого временного разрешения. Совмещение этих методик позволяет анализировать данные, основываясь на траектории сканирования.

Цель нашего исследования — поиск различий в модели зрительного сканирования и процессе обработки мозгом двух типов полей русского языка.

Актуальность исследования обусловлена результатами анализа проблемного поля. Оценка нейрофизиологических реакций при обработке полевой структуры языка имеет ряд неизученных аспектов, что представляет интерес как для лингвистов, так и для нейрофизиологов. Это исследование может позволить расширить понимание о репрезентации системы языка в мозге.

Предмет исследования — лексико-семантические и ассоциативные поля.

Объект — изучение процессов, происходящих в мозге и сравнение зрительного восприятия во время обработки двух массивов информации.

Инструментарий: для разработки сценария эксперимента был использован программный пакет EventIDE, обеспечивающий одновременную работу с визуальными статическими и динамическими стимулами:

- Айтрекер Red SMI Device 500 Гц;
- eego sports — онлайн-отображение ЭЭГ;
- OGAMA (Open Gaze And Mouse Analyzer) — программа для анализа данных с айтрекера.

Задачи: подробный литературный обзор проблемного поля, анализ парадигмы определений, разработка стимульного материала и частных гипотез, составление и детализирование дизайна исследования, имплементация сценария, регистрация и анализ ЭЭГ и айтрекинг данных.

Модель эксперимента. Основной блок сессии включает в себя 30 трайлов и делится на две части. Трайлом называется циклически повторяющаяся часть сессии. В данном исследовании каждый трайл состоит из трех экранов: калибровки, поля и вопроса. В ходе первой части сессии участнику нужно проанализировать пять лексико-семантических и пять ассоциативных полей с ядерным словом, предъявляемых в случайном порядке. Дополнительно в качестве контрольного стимула предъявляются пять полей без связи между словами. После каждого поля на экран выводится вопрос «Какое слово вы бы добавили в поле?» и строка для ввода ответа. Вторая часть имеет схожую структуру: включает в себя пять лексико-семантических, пять ассоциативных и пять бессвязных полей без ядерного слова, предъявляемых в случайном порядке, вопрос «Какое слово должно стоять в центре поля?» и поле для ввода ответа.

При помощи трекера регистрируются следующие метрики: первая и вторая фиксации, продолжительность фиксаций, их локализация, scanpath и heatmap. При помощи ЭЭГ фиксируются потенциалы вызванные событием: N170, N250, P300, N400, P600. Кроме того, важной составляющей нашего анализа являются параметры, связанные с ответами участника: правильность ответа на вопрос, его продолжительность и результаты опроса по запоминанию полей.

Научный руководитель — канд. биол. наук И. В. Брак

**Формирование орфографической грамотности
на уроках русского языка в 5-м классе
на основе применения занимательного материала**

Ю. А. Болат

Тувинский государственный университет, Кызыл

Одна из главных задач обучения русскому языку — формирование орфографической грамотности, так как именно эта составляющая считается основной частью общей языковой культуры человека [1]. Как показывает практика, орфографическая грамотность учащихся 5-го класса не достигает необходимого уровня; причиной этого, на наш взгляд, являются несформированность орфографической зоркости и незаинтересованность.

Актуальность темы обусловлена тем, что в последнее время становится все сложнее обучать школьников орфографии русского языка. Интерес к его изучению пропадает у большинства детей. Объясняется это многими причинами, в том числе сложностью русской орфографии. Увлекать учеников, совершенствовать их орфографическую грамотность учителю порой бывает трудно. Мы считаем, что интерес к изучению орфографии можно вызвать при помощи занимательного материала [2].

Орфографические умения закрепляются при изучении всех разделов русского языка. Несмотря на это, изучение орфографических норм в 5-м классе вызывает у учеников определенные трудности.

Цель уроков, посвященных изучению орфографии, — обучить детей правописанию. Для этого каждому учителю неоднократно приходится повторять с учащимися один и тот же материал, и, казалось бы, дети знают правила, приводят примеры, выполняют упражнения, но в самостоятельных работах и диктантах допускают ошибки. Главной причиной безграмотности является пассивность ученика на уроках. Он читает, пишет, пытается запоминать, но такая работа ему часто неинтересна. Практика не раз доказала, что любой ученик хорошо запоминает тот материал, который он постигает сам, который кажется ему увлекательным.

К таким занимательным материалам относятся дидактические и сюжетно-ролевые игры, упражнения в стихах, упражнения на смекалку, загадки, ребусы, кроссворды. Форма проведения такого урока: урок-сказка, урок-игра, урок-путешествие и др. с применением современных методов и образовательных технологий. Занимательный материал помогает учащимся легче усваивать программу, а главное — создает творческую атмосферу. Ведь именно играя, школьники находят ту закономерность написания орфограмм, которую в научных определениях они не увидели: это происходит благодаря тому, что большинство игр носит проблемно-поисковый характер. Для этого в уроки русского языка включаются игровые моменты, которые привлекают внимание детей к той или иной орфограмме и создают мотивацию для ее изучения. Большую часть

занимательного материала на уроках русского языка составляют игры, диктанты занимательного характера, ребусы, головоломки, кроссворды различных видов. К играм, наиболее часто используемым на уроках орфографии, относятся разнообразные аукционы, «Кто быстрее...», «Помоги...» и др.

Чтобы проверить эффективность применения занимательных материалов для повышения орфографической грамотности учащихся 5-го класса, мы провели эксперимент на базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа сумона Сайлыг Чеди-Хольского кожууна Республики Тыва». Чтобы выявить первоначальный уровень орфографической грамотности учащихся 5-го класса, был проведен контрольный диктант.

Анализ констатирующего, формирующего и контрольного этапов исследования показал, что продолжительные занятия по орфографии с применением занимательного материала успешно формируют и улучшают орфографическую грамотность учащихся 5-го класса. Проведенная исследовательская работа показала, что формирование орфографической грамотности в 5-м классе с применением занимательного материала эффективна.

1. Джалилова С. Х. Нетрадиционные способы и приемы формирования орфографической грамотности учащихся при проведении письменных работ по русскому языку [Текст] / С. Х. Джалилова // Вестник Академии образования Таджикистана, 2018. № 1(26). С. 54–58.
2. Львов М. Р. Правописание в начальных классах [Текст] / М. Р. Львов. М.: Просвещение, 1990. 361 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. К. А. Сат

Веб-платформа для поддержки разработки инструментов автоматической обработки текста

А. А. Вишняков

Новосибирский государственный университет

Не секрет, что визуальная информация воспринимается лучше и позволяет быстрее и эффективнее донести до исследователя закономерности, заключенные в данных.

Цель работы: разработка веб-платформы для поддержки исследований в области автоматической обработки текста, визуализации результатов, а также оценка качества работы различных программных систем анализа текста.

Нами был разработан унифицированный формат входных данных на основе онтологии, позволяющий передавать результаты, полученные при автоматической обработке текста. На основе данного формата строится разметка текста и осуществляется ее визуализация. Выходные данные могут содержать: оценку качества работы системы на основе сравнения с эталонными данными; список ошибок; динамику изменения качества на основе предыдущих результатов; статистические сведения о вхождении различных элементов разметки; списки контекстов (конкордансов).

Созданная система предоставляет исследователю удобный интерфейс для визуализации размеченного корпуса, позволяет сравнивать результаты, выделять ошибки, быстро находить размеченные данные в текстах, а также строит аналитику по полученным результатам. Разработанная система также стремится исправить недостатки своих предшественников, среди которых можно назвать отсутствие единого формата входных данных для различных задач разметки, трудность установки, неудобный и непонятный интерфейс, сложность в поддержке и использование устаревших технологий.

Реализован механизм обмена данными с платформой, механизм рендеринга размеченного текста и связей, а также простой и доступный графический интерфейс для визуализации полученных результатов. Кроме этого, был реализован функционал поиска и фильтрации данных, а также средства построения и хранения аналитики, созданной по результатам исследований. В разработке использовались современные веб-технологии: Node.js, Express.js и CouchDB.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Е. А. Сидорова

Построение геосемантической сети районов г. Новосибирска на основе анализа тональности публикаций в социальных сетях

Е. Е. Воронина, А. Н. Саржанова

Новосибирский государственный университет

Сегодня, когда мы говорим о географической разметке, речь идет не просто о картографии, а о семантике и даже геосемантике.

Идея данного исследования сформировалась благодаря замечанию о том, что в соцсетях можно прикрепить к посту геометку — географические метаданные в публикации. Таким образом, соцсети — отличный инструмент для геосемантического анализа посредством оценки места по публикациям.

В нашей работе мы основываемся на публикациях, отмеченных в пределах Новосибирска. В качестве демонстрации результатов исследования представлено веб-приложение, в котором пользователь может взаимодействовать с графом, демонстрирующим взаимосвязи между пользователями, географическими локациями и тональностью публикаций в социальной сети, для которых указана геометка с этими локациями.

Работу над этим проектом можно разделить на несколько этапов:

1. Выбор API. В официальном API отсутствует возможность поиска постов с геометкой по ее координатам, поэтому мы выбрали для работы Python библиотеку Instagrami [1].

2. Создание базы данных. С помощью SQLite была создана база данных, содержащая три таблицы с информацией: posts — о публикациях, locations — об упоминаемых геолокациях, user — об авторах публикаций.

3. Сбор информации. Был сформирован список из 57 микрорайонов и жилищных комплексов и 10 районов Новосибирска [2]. С помощью библиотеки для каждого объекта этого списка было найдено 30 геометок. По ID каждой из них выполняется поиск заданного числа недавно опубликованных постов. Нужная информация о публикациях сохраняется в базу данных.

4. Подготовка корпуса. Так как для проведения анализа тональности требуется построение СНС, а для ее тренировки необходимо несколько тысяч примеров размеченных текстов, мы приняли решение составить такой корпус из нескольких блоков: 1) банк размеченных твитов без определенной тематики Юлии Рубцовой [3]; 2) твиты про банки или мобильные компании [4]; 3) тексты публикаций с геолокацией «Новосибирск». Каждому тексту соответствует оценка из списка тональностей [-1, 1]. Первые два корпуса были взяты из сети Интернет, последний специально составлен для данного исследования. Суммарное количество текстов в объединенном корпусе — 18 410.

5. Анализ тональности. Для этой подзадачи с помощью библиотеки Keras была построена СНС, для которой векторные представления слов были сформированы на основе обученной Word2Vec модели. Все тексты делятся на позитивные и негативные. За основу был взят код Сергея Сметанина [5]. Для тренировки сети был использован

вышеупомянутый корпус из 18 410 вхождений. F-мера составила 0,9077, точность — 0,8986, полнота — 0,9222. Результаты анализа (оценка, которая дается тексту поста) сохраняются в базу данных.

6. Построение графа. В данной работе графы используются для визуализации отношений между точкой на карте (геометкой) и присвоенной ей через связь с постом, а точнее его текстом, тональностью. Геометки были классифицированы по принципу принадлежности к одному из десяти районов Новосибирска. Каждому из них соответствует граф, в котором вершинами являются геометки района, публикаций и имена опубликовавших их пользователей, а ребра демонстрируют принадлежность соединяемых вершин друг к другу. Тональность обозначается цветом: положительная — зеленым, отрицательная — красным. В качестве основной Python-библиотеки для визуализации графов использовалась Pyvis [6].

7. Создание веб-приложения. Итоговое веб-приложение, созданное с помощью фреймворка Flask [7], представляет собой описанный выше интерактивный граф, сопровождаемый пояснениями. Также можно узнать некоторую дополнительную информацию о работе.

1. Python библиотека Instagrafi [Электронный ресурс]. URL: <https://adw0rd.github.io/instagrafi/> (дата обращения: 19.10.21).
2. Административное деление Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административное_деление_Новосибирска (дата обращения: 07.12.21).
3. Рубцова Ю. В. Построение корпуса текстов для настройки тонового классификатора // Программные продукты и системы, 2015. № 1(109). С. 72–78.
4. Loukachevitch N. V., Rubtsova Y. V. SentiRuEval-2016: overcoming time gap and data sparsity in tweet sentiment analysis // Computational Linguistics and Intellectual Technologies, 2016. P. 416–426.
5. Анализ тональности текстов с помощью сверточных нейронных сетей [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/sismetanin/sentiment-analysis-of-tweets-in-russian> (дата обращения: 20.01.22).
6. Python библиотека Pyvis [Электронный ресурс]. URL: <https://pyvis.readthedocs.io/en/latest/> (дата обращения 21.12.21).
7. Flask Documentation [Электронный ресурс]. URL: <https://flask.palletsprojects.com/en/2.0.x/> (дата обращения 17.01.22).

Научный руководитель — А. Я. Леман

Некоторые особенности аргументативной разметки научных текстов

А. С. Засыпкин

Новосибирский государственный университет

Современные методы автоматической обработки текстов способны хорошо распознать их тональность, но гораздо хуже определяют то, чем она обоснована [1]. Выявлять обоснование (аргументацию) очень важно, так как все больше людей используют интернет, чтобы выразить свое мнение или принять участие в дискуссии. Существует целый ряд задач, для решения которых нужны автоматические методы распознавания и анализа аргументов: например, оценка степени аргументированности при анализе отзывов в интернете, научных работ, дебатов; распознавание текстов, вводящих в заблуждение и др.

Перспективный вариант разработки таких методов — использование машинного обучения, что обуславливает необходимость создания коллекций текстов с разметкой аргументации. В данной статье описан опыт ручной аргументативной разметки научных текстов по лингвистике и информационным технологиям (ИТ).

Для аргументативной разметки была использована онлайн-платформа ArgNetBankStudio [2]. Разметка в ней осуществляется на основе расширенной онтологии AIF (Argument Interchange Format), построенной в соответствии с теорией Д. Уолтона [3]. Платформа позволяет создавать тематические корпуса текстов, визуализировать аргументативные утверждения и схемы аргументации, а также экспортировать размеченный текст в формате JSON.

Основные принципы разметки заключались в следующем: 1) каждый текст должен быть представлен в виде связного, ациклического корневого графа аргументации; 2) корневой узел должен соответствовать основному тезису текста, определенному аннотатором; 3) для каждого явно представленного в тексте и выделенного аннотатором аргумента необходимо указать его составляющие (посылки и заключение), а также тип связи (схему аргументации) из компендиума Уолтона.

При разметке текстов выполнялась следующая последовательность действий, основывающаяся на методе, описанном в [4]:

1) просмотреть текст и выделить тезис, выражающий наиболее общую и наиболее близкую к основному посылу текста мысль, как главный;

2) прочитать текст и по ходу прочтения выделить все тезисы, которые связаны или могут быть связаны как с главным тезисом, так и с другими уже выделенными тезисами;

3) зафиксировать структуру аргументации путем установления связей между выделенными тезисами с указанием их типов;

4) при необходимости скорректировать структуру, добавляя и/или исключая тезисы для обеспечения связности графа.

В ходе работы были размечены восемь текстов (четыре лингвистических и четыре по тематике ИТ) объемом от 500 до 1 500 слов. Всего было выделено 324 аргументативных утверждения и 306 схем аргументации. Самыми частотными оказались схемы Part To Whole (78), Cause To Effect (52), Verbal Classification (39), Correlation To Cause (39), Example (27). Кроме того, были выявлены следующие особенности.

1. Существуют тексты, посвященные описанию проблемы и/или текущему состоянию предметной области или результатам, полученным с помощью определенных методов. В таких обзорных работах обычно явно не указана цель, нет четко сформулированного итога (часто они могут служить главным тезисом), поэтому в таких случаях корневой информационной вершиной можно считать название самой работы, именно оно наилучшим образом отражает проблематику. Примеры названий таких работ: «Корпусы китайского языка: современное состояние и проблемы», «Частотно-основанный подход к языковой динамике».

2. Можно отметить такую черту, свойственную многим научным публикациям, как наличие оценочных суждений и мнений авторов, которые не используются для поддержания и доказательства других утверждений, а служат только для развития мысли. Примером может быть замечание автора о том, к каким научным сферам имеет отношение полученный в работе результат. Такие утверждения в разметку не включаются.

3. Обеспечение связности графа требует установления связи между позиционно далекими тезисами, что порождает варианты в выборе тезисов для связи. Рекомендацией в таком случае может быть выделение в тексте смысловых подблоков, связываемых с остальной структурой через внутренний главный тезис.

Таким образом, полученный опыт позволил пополнить коллекцию текстов с аргументативной разметкой, выделить некоторые их особенности, затрудняющие однозначность разметки, и предложить способы разрешения многовариантности.

1. Lawrence J., Reed C. Argument Mining: A Survey // Computational Linguistics, 2019. Vol. 45. No. 4. 765 p.

2. Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорюлько Ю. А. и др. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // Онтология проектирования, 2020. Т. 10. № 4 (38). С. 489–502.

3. Walton D., Reed C., Macagno F. Argumentation schemes. New York: Cambridge University Press, 2008. 443 p.

4. Пименов И. С. Специфика аргументационного аннотирования научных и научно-популярных текстов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2021». СПб.: Скифия-принт, 2021.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Н. В. Саломатина

Применение теории риторических структур для анализа песенной поэзии на примере творчества Юрия Шевчука и Дмитрия Мозжухина

А. В. Зоркальцев

Новосибирский государственный университет

Теория риторических структур — инструмент для анализа и создания текста, разработанный У. Манном и С. Томпсон. Этот метод используется и по отношению к русскому языку, в том числе для анализа поэтических текстов [1]. Его применение имеет когнитивное значение [2] и технологическое (возможна автоматизация создания деревьев риторических структур к конкретным текстам, что может облегчить оценку сложности текста [3]), а также, предположительно, стилеметрическое. В данной работе этот метод впервые был использован для анализа текстов песен. Был собран корпус из наиболее известных и художественно значимых произведений Дмитрия Мозжухина (автора песен, вокалиста и лидера современной рок-группы «Дайте танк (!)») и Юрия Шевчука (рок-музыканта, поэта и основателя рок-группы «ДДТ»). Общий музыкальный жанр, а также место, занимаемое ими в культуре, послужили основой для их сопоставления.

Цель работы: исследовать с помощью теории риторических структур песенную поэзию Юрия Шевчука и Дмитрия Мозжухина.

Задачи:

- создать корпус текстов песен этих авторов и составить деревья риторических структур этих текстов;
- собрать статистику по частоте вхождения в эти структуры различных отношений, найти иные показатели, характеризующие эти деревья;
- на основании этой статистики разработать методы стилеметрического и сложностного анализа песенных текстов;
- определить формальные критерии идентификации представленных отношений.

Содержание. В корпус были добавлены тексты следующих песен Дмитрия Мозжухина: «Альтернатива», «Волна», «Друг», «Крепость», «Лучшее», «Люди», «Маленький», «Спам», «Три четверти», «Шанс». Из творчества Юрия Шевчука были выбраны следующие произведения: «Вальс», «Вороны», «Метель августа», «Метель», «Осень — мертвые дожди», «Песня о людях героических профессий», «Поэт», «Пропавший без вести», «Черный пес Петербург», «Это всё».

Для всех текстов были построены деревья риторических структур. Спорные случаи выделения отношений были отдельно проанализированы. Затем была собрана статистика: количество использования отношений каждого вида в отдельных песнях.

В качестве стилеметрического веса отношения было решено считать величину p , вычисляемую по следующей формуле:

$$p = c_v/\omega,$$

где c_v — коэффициент вариации отношения, вычисляемый на основании того, сколько раз отношение встречается у автора вообще, а не в конкретной песне (в ином случае выборка будет больше, однако стилиметрически будет, очевидно, менее показательной); ω — частотность отношения, то есть доля, которую занимают все случаи использования этого отношения у одного автора в сумме случаев идентификации этого отношения по песням всех авторов.

Сложностная оценка текста представлена следующей величиной:

$$d = c_e * c_i,$$

где d (difficulty) — коэффициент сложности; c_e — коэффициент «вытянутости» (elongation), представляющий из себя отношение «высоты» структуры, то есть количества уровней дерева, и его «длины», то есть количества элементарных сегментов, входящих в его состав; c_i — коэффициент «неявности» (implicitness), то есть отношение количества связей, не имеющих формального выражения, к количеству всех связей в тексте.

Отчасти для подсчета величины c_i , отчасти для дальнейшей работы по построению этих деревьев, для всех отношений были осуществлены попытки описать формальные критерии их выделения — композиционные, то есть связанные с конфигурацией связанных сегментов, и лексические.

Анализ результатов. Наиболее стилиметрически значимыми (в порядке убывания), согласно подсчету стилиметрического веса p , оказались следующие отношения: Condition (условие), Antithesis (антитезис), Non-volitional result (неволевитивный результат), Purpose (цель), Justify (обоснование).

Результаты сложностного анализа текстов следующие:

- среднее значение c_e у Мозжухина 0,150, у Шевчука 0,196;
- среднее значение c_i у Мозжухина 0,526, у Шевчука 0,585;
- среднее значение d у Мозжухина 0,079, у Шевчука 0,119.

По всем показателям более трудна для восприятия поэзия Шевчука, что позволяет делать уже косвенные литературоведческие предположения об относительном упрощении рок-поэзии с течением времени.

1. Timofeeva M. K. Comparative Analysis of Reasoning in Russian Classic Poetry // Applied Sciences, 2021. Vol. 11. No. 18. 8665.
2. Taboada M., Mann W. Applications of Rhetorical Structure Theory // Discourse Studies, 2006. No. 8 (4). P. 567–588.
3. Chistova E., Kobozeva M., Pisarevskaya D. et al. Towards the Data-Driven System for Rhetorical Parsing of Russian Texts // Proceedings of Discourse Relation Parsing and Treebanking. DISRPT2019, Minneapolis, MN, June 6, 2019. P. 82–87.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. К. Тимофеева

Некоторые особенности выражения экспертного мнения в научных текстах

В.М. Кузнецова

Новосибирский государственный университет

Экспертное мнение — важная составляющая в оценке убедительности текста. Автоматическое распознавание экспертного мнения позволит оценить его вклад в обоснованность утверждений. Для применения популярных в настоящее время методов машинного обучения (МО) необходимы корпуса с разметкой (в том числе корпуса аргументов, построенных на экспертном мнении, а также маркеры, позволяющие его формально выделять).

Для аргументативной разметки была использована онлайн-платформа ArgNetBankStudio, разработанная в ИСИ СО РАН [1]. Разметка в ней осуществляется на основе расширенной онтологии AIF (Argument Interchange Format), построенной в соответствии с теорией Д. Уолтона [2]. Платформа позволяет создавать тематические корпуса текстов, визуализировать аргументативные утверждения и схемы аргументации, а также экспортировать размеченный текст в формате JSON.

В данной статье будет представлена схема аргументации Expert Opinion и особенности ее выявления разметчиком.

Для начала нужно понять, что собой представляет данная схема и какие тезисы могут быть через нее связаны. Суть схемы полностью отражена в ее названии. Она используется, когда автор статьи ссылается на мнение какого-либо эксперта. Это могут быть слова конкретного человека, признаваемого компетентным в рассматриваемом вопросе, или группы исследователей, а также отдельная статья или научный журнал. На онлайн-платформе ArgNetBankStudio, посредством которой осуществлялась разметка, через данную схему могут быть связаны до трех тезисов, каждый из которых выражает отдельный компонент ее значения:

1. Conclusion. Описание: утверждение А истинно или ложно (например, А = «Низкочастотные коэффициенты содержат преобладающую часть энергии изображения, в то время как высокочастотные компоненты уязвимы для внешних воздействий»).

2. FieldExpertise_Premise. Описание: Е — это эксперт в области D, к которой относится утверждение А (например, Е = «авторы большинства алгоритмов»).

3. KnowledgeAssertion_Premise. Описание: эксперт Е утверждает, что А истинно или ложно (например, «считают пригодными для встраивания только среднечастотные коэффициенты»).

Можно отметить, что научным текстам свойственно сочетание первого и третьего компонентов, а второй (FieldExpertise_Premise) выражается неявно. Сама публикация указываемых научных статей может свидетельствовать об авторитетности мнений, выражаемых в них.

В ArgNetBankStudio также приводятся значения утверждений, через которые доказательства по схеме Expert Opinion могут быть атакованы:

1. CredibilityOfSource_Presumption. Описание: E — это эксперт, заслуживающий доверия как источник.

2. LackOfReliability_Exception. Описание: эксперт E не является честным источником.

3. ExpertiseBackUpEvidence_Presumption. Описание: утверждение эксперта E основано на доказательствах или свидетельствах.

4. ExpertiseInconsistency_Exception. Описание: утверждение A противоречит другим утверждениям эксперта E.

Однако подобные конфликты между утверждениями чаще реализуются в полемических текстах и не свойственны монологическим научным статьям.

Главными вопросами работы стали «Как же распознать использование автором статьи данной схемы? Существуют ли какие-то особые признаки, свойственные только схеме Expert Opinion?».

В ходе аргументативной разметки и ее анализа были выявлены следующие критерии распознавания схемы Expert Opinion:

1. Упоминание непосредственно какого-либо человека (например, «[как пишет] Д. Б. Гудков», «[мы согласны с] Е. И. Зиновьевой [, что]», «[по выражению] В. Гумбольдта»).

2. Указание на должность, по которой однозначно определяется человек, состоящий на этой должности (например, «Президент в ходе сообщения [отметил, что]», «Проректор по науке Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина», «Декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, член Совета при Президенте РФ по русскому языку»).

3. Упоминание группы людей (например, «авторы большинства алгоритмов [считают]», «разные авторы»);

4. Квадратные скобки как ссылка на работу других авторов.

Таким образом, нам удалось выделить критерии для распознавания экспертного мнения (схемы Expert Opinion) на материале уже размеченных текстов.

1. Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорюлько Ю. А. и др. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // Онтология проектирования, 2020. Т. 10, № 4 (38). С. 489–502.

2. Walton D., Reed C., Macagno F. Argumentation schemes. New York: Cambridge University Press, 2008. 443 p.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Н. В. Саломатина

УДК 159.913

Нейрокорреляты обучения иностранному языку по методике, основанной на теории глубинной семантики

Д. А. Лебедин

Новосибирский государственный университет

Сравнение различных методик обучения иностранному языку представляет как собственно теоретический, так и прикладной интерес. Так, при наличии достоверных данных, позволяющих определить эффективность конкретной методики, как частные, так и государственные должностные лица могут сделать наиболее взвешенный выбор в ее пользу или в пользу ее конкурента. Однако для того чтобы сравнение было выполнено наиболее продуктивно, необходимы объективные критерии, базирующиеся на экспериментальных данных. В связи с этим именно нейролингвистический подход к выявлению значимых характеристик языкового навыка у обучающихся иностранным языкам представляется одним из самых перспективных на сегодняшний день.

Цель исследования: выявление нейрокоррелятов специфики языковых навыков, приобретенных обучающимися по разным методикам. Анализируемые данные представляют собой записи электроэнцефалографа, сделанные во время выполнения испытуемыми заданий на знание грамматики немецкого языка. В качестве испытуемых отбираются здоровые носители русского языка, изучающие немецкий язык как иностранный. Они делятся на основную и контрольную группы по принципу использования соответствующих методик. Для сравнения на данном этапе проведения исследования были выбраны методика глубинной семантики (№ 1) и стандартная методика (№ 2), применяемая преподавателями высших учебных заведений, в частности, НГУ. Исследование состоит из трех основных частей: 1) первая серия измерений; 2) прохождение участниками главной группы языковых курсов по методике № 1; 3) вторая серия измерений. Такой дизайн позволяет изучить сразу несколько контрастов: 1) основная группа до курсов и после курсов; 2) основная группа — контрольная группа.

Полученные ЭЭГ-данные подвергнутся анализу вызванных потенциалов (ERP), частотных характеристик и спектральных пертурбаций (ERSP). Такой подход позволит выявить наибольшее количество потенциально значимых различий, которые в дальнейшем будут изучены с точки зрения их статистической достоверности и объяснительной силы в рамках современной теории лингвистики и преподавания иностранных языков.

Научные руководители — д-р филос. наук, доц. А. Н. Савостьянов, Е. Н. Штерн

Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции

П. А. Ляпина

Новосибирский государственный университет

Целью данной работы является установление фонологического статуса губного-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в сургутском диалекте хантыйского языка, разграничение которых проблематично. Заднеязычные согласные [ɣ] и [ɣ^o] в говорах сургутского диалекта встречаются только в середине или на конце слова и никогда в анлауте. Губно-губной согласный [w] может употребляться в начале слова во всех сургутских говорах, но в позиции в середине слова и на конце он возникает только в юганском и усть-юганском говорах, при этом в тром-аганских соответствиях в этой позиции фиксируется как огубленный, так и неогубленный заднеязычный согласный (ср.: тр.-аг. *čăɣ^o*, юг. *čăw* 'каша'; тр.-аг. *t'ăɣ*, юг. *t'ăw* 'затор льда'). При разметке фонетических анкет, записанных в ходе экспедиций сотрудниками Института филологии СО РАН в места компактного проживания носителей сургутского диалекта, их сопоставлении и анализе методами аудитивного и акустического анализа установлено, что эти три звука могут чередоваться не только у носителей разных говоров сургутского диалекта, но и в речи одного и того же информанта.

Чередование щелевых губного, заднеязычного и заднеязычного огубленного согласных звуков типологически уникально, и потому описание дистрибуции данных согласных представляет ценность для установления древнейших языковых контактов на территории Сибири и дополнения типологической классификации артикуляционно-акустических баз сибирских языков. Практическая ценность работы заключается в использовании результатов для фиксации языкового материала хантыйского языка, составления словарей, совершенствования письменности на хантыйском языке.

Материалом послужили словоформы тром-аганского и юганского говоров из «Словаря восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [1], в котором запись слов дается в фонетической транскрипции. Были рассмотрены 1 069 слов, в которых зафиксированы согласные w, ɣ или ɣ^o в различном фонетическом контексте. Были учтены семь позиций, условно обозначенные как CV-, -VCV-, -V[C]V₁C₃-, -[C]C₁-, -[C]C₃-, -C₃[C]-, -VC, где группы согласных обозначены следующим образом: C₁ — шумные согласные, C₃ — малошумные согласные; гласные обозначаются символом V, для редуцированного гласного используется символ V₁; в квадратные скобки [ ] заключен звук, рассматриваемый в составе сочетания согласных. Позиция -V[C]V₁C₃-, где исследуемые согласные находятся перед редуцированным гласным, за которым следует носовой согласный, рассматривается отдельно: редуцированный гласный в беглой речи может выпадать, а носовой звук в свою очередь влиять на предшествующий согласный. Проведенное

ранее исследование о влиянии постпозитивного гласного на огубленность согласного не дало результатов.

В обобщенном виде дистрибуция звуков [w], [ɣ] или [ɣ°] для тром-аганского говора представлена в таблице, где в скобках указаны позиции, характерные для юганского говора и отличающиеся от позиций тром-аганского говора.

Дистрибуция согласных звуков [w], [ɣ] или [ɣ°] для тром-аганского говора

Звук	Позиция						
	CV-	-VCV-	-V[C]V ₁ C ₃ -	-[C]C ₁ -	-[C]C ₃ -	-C ₃ [C]-	-VC
[w]	+	- (+)	- (+)	- (+)	- (+)	-	- (+)
[ɣ]	-	+	+	+	+	+	+
[ɣ°]	-	+	+	+	+	-	+

По результатам дистрибутивного анализа словоформ, содержащих фрикативные губно-губной круглощелевой [w], гуттуральный [ɣ] и гуттуральный огубленный [ɣ°] в различном фонетическом контексте, с применением методов выделения фонем Н. С. Трубецкой [2] выявлен инвентарь щелевых фонем, представленный губно-губной круглощелевой фонемой /w/ с аллофонами [w] и [ɣ°] и гуттуральной фонемой /ɣ/ с одним аллофоном [ɣ].

Фонема /w/ (w, ɣ°) — согласная малошумная губно-губная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Фонема /ɣ/ (ɣ) — согласная шумная гуттуральная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Для установления конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих консонантную систему сургутского диалекта хантыйского языка, требуется изучение при помощи методов артикуляционной фонетики (фотографирование, МРТ).

1. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. Л.: Наука, 1981. 545 с.
2. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацинелсона; послесл. А. А. Реформатского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

Извлечение аспектов из текстов научных статей

А.Э. Маршалова

Новосибирский государственный университет

С увеличением числа научных публикаций возрастает потребность в автоматизированном извлечении и структурировании основной информации из них, например, информации о задаче, которая рассматривается в статье, основном результате исследования, использованных в работе методах. Назовем такую информацию аспектами статьи. Возможность извлекать аспекты из научных статей может значительно облегчить выбор публикаций по определенной теме, обзор методов решения той или иной задачи и анализ результатов, полученных другими исследователями.

Данная работа посвящена созданию корпуса русскоязычных научных текстов с ручной разметкой аспектов, а также реализации алгоритма автоматического извлечения аспектов из текста.

Созданный нами корпус основан на корпусе научных статей RuSERRC [1] и состоит из двух частей, содержащих 79 и 212 текстов соответственно. В текстах корпуса выделяются следующие аспекты:

1) Задача (Task): *Статья посвящена задаче <Task> рефакторинга UML-диаграмм классов </Task>* ;

2) Цель (Goal): *Цель представленного исследования — <Goal> компьютерный поиск генов и их изоформ </Goal>* ;

3) Вклад (Contrib): *<Contrib> Предложена методика поиска субоптимального разбиения </Contrib>* ;

4) Метод (Method): *<Method> методом частиц-в-ячейках </Method>* ;

5) Инструмент (Tool): *<Tool> система MTSS </Tool>* ;

6) Применение (Use): *Предложенный в статье подход может быть полезен при <Use> построении рекомендательных систем </Use>* ;

7) Преимущество (Adv): *<Adv> полученный метод обладает сравнительно высокой точностью и быстродействием </Adv>* ;

8) Пример (Example): *на примере <Example> экономики Санкт-Петербурга </Example>* ;

9) Вывод (Conc): *доказано, что <Conc> любая точка этой окружности является точкой сопряжения пары круговых дуг </Conc>*.

При этом каждый аспект может быть вложенным, то есть входить в текст другого аспекта: *<Contrib> предложен базирующийся на <Tool> архиваторах </Tool> алгоритм прогнозирования временных рядов </Contrib>*.

Разметка выполнялась двумя аннотаторами, и ее согласованность составила 84 %. В ходе разметки было выделено 1 456 аспекта. Из них Task — 179, Goal — 36, Contrib — 654, Method — 229, Tool — 94, Use — 102, Adv — 89, Example — 34, Conc — 39. Отсю-

да видно, что почти половину (45 %) выделенных аспектов составил Contrib. Вероятно, это связано с тем, что наш корпус состоит из аннотаций, цель которых — описать проделанную авторами работу и дать представление о вкладе исследования в науку.

В рамках данной работы задача автоматического извлечения аспектов из текстов сводится к задаче определения для каждого токена его принадлежности к тому или иному классу, иными словами, задаче тэгирования последовательности (sequence labeling). Так как не все токены в тексте должны входить в какой-либо аспект и в тексте могут встречаться вложенные аспекты (другими словами, токен может относиться сразу к двум аспектам), в результате работы алгоритма каждый токен должен быть отнесен к одному или двум из десяти классов, девять из которых — вышеупомянутые аспекты, а десятый — отсутствие аспекта.

Для реализации этого алгоритма применяются методы машинного обучения с последующей постобработкой. В качестве обучающих данных используется вторая часть корпуса (212 текстов). Мы провели ряд экспериментов, связанных с использованием векторов, полученных из различных языковых моделей, обучением модели с замороженными весами, ее дообучением на наших данных. Лучший результат показала предобученная модель bert-base-multilingual-cased, дообученная на наших данных. Для лучшего выделения границ аспектов к предсказаниям модели применялись эвристики, исключающие из аспектов некоторые знаки препинания и включающие в них слова, которые по ошибке оказались за пределами границ.

Тестирование модели проводилось на первой части нашего корпуса (79 текстов). Для оценки качества алгоритма мы использовали следующие метрики:

1) точность, полнота и F-1 мера для отдельных токенов. На данном этапе лучше всего распознаётся аспект Contrib (F-1 = 0,6). При этом Macro F-1 для всех классов равен 0,28;

2) точность полного совпадения аспектов — отношение количества полностью правильно выделенных аспектов к общему числу аспектов. В настоящий момент лучше всего извлекаются цепочки аспекта Contrib, при этом общая точность составляет 0,17.

Следующий этап данного исследования — проведение экспериментов для повышения качества извлечения аспектов. Например, мы заметили, что разные модели по-разному справляются с разными типами аспектов, поэтому ансамбль моделей видится перспективным решением для данной задачи. Кроме того, мы планируем добавить новые эвристики для корректировки результатов модели, а также увеличить количество обучающих данных.

1. Bruches E. et al. Entity Recognition and Relation Extraction from Scientific and Technical Texts in Russian //2020 Science and Artificial Intelligence conference (SAI ence). IEEE, 2020. P. 41–45.

Научный руководитель — Е. П. Бручес

Изучение организации процесса метафорического переноса – ЭЭГ-исследование

М. Ю. Мельник

Новосибирский государственный университет

На протяжении многих десятилетий формировались различные подходы к рассмотрению когнитивных способностей человека с учетом их взаимосвязи с другими явлениями человеческой природы. В начале XIX века началось активное изучение психических процессов как нейрофизиологических явлений. Чуть позже сформировалась особая отрасль когнитивной науки — нейролингвистика, изучающая мозговые механизмы речевой деятельности.

Текущая исследовательская работа посвящена изучению процесса метафорического переноса и его организации в мыслительном пространстве человека при помощи электроэнцефалографии.

Когнитивная теория метафоры рассматривает концептуальные (когнитивные) метафоры, которые определяются как устойчивые соответствия между концептуальными структурами из разных областей знаний. Теория Дж. Лакоффа состоит в том, что такого рода метафоры возникают вследствие взаимодействия двух структур знаний: когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе этого взаимодействия область цели структурируется по образцу источника — происходит «метафорическая проекция» [1].

Например, идеи [область цели] — это пища [область источника]. Он проглотил книгу [1]. Глотать (в разговорном стиле) — есть или пить что-либо торопливо, жадно (Толковый словарь Ефремовой). Данная метафора выделяет такие характеристики ментальной операции, как *интенсивность*, *интерес*, *быстрота*, по аналогии с процессом приема пищи.

Объектом исследования является структура концептуальной метафоры в нейролингвистическом аспекте. Предмет — мозговые механизмы обработки концептуальной метафоры.

Цель предлагаемой работы: наблюдение явления метафорической проекции из области источника в область цели при помощи электроэнцефалографии (ЭЭГ).

Задачи исследования: провести обзор литературы, создать сценарий и макет эксперимента; подобрать и оценить стимульный материал; отобрать фокус-группу; собрать и обработать ЭЭГ данные; проверить полученные данные на соответствие поставленным гипотезам; сделать вывод.

Актуальность данной работы заключается в том, что метафора — это одна из основных ментальных операций, так как метафоры позволяют человеку познать абстрактные сущности в терминах более структурированных понятий [1]. Таким образом, метафора влияет на наше восприятие, мышление и деятельность.

В качестве методов данного исследования используются связанные с событиями потенциалы мозга (N400) и прайминг-эффект. Связанные с событиями потенциалы характеризуют биоэлектрическую активность мозга в ответ на экспериментальные манипуляции. Семантический прайминг — облегченная обработка стимула, когда он сопровождается другим стимулом, связанным с ним по смыслу. Компонент N400 отражает уровень сложности семантической обработки стимула [2].

Модель эксперимента состоит в следующем. Сначала демонстрируется метафора как стимул из области цели, затем предъявляется стимул одного из трех типов: несвязанное по смыслу слово (по гипотезе отклонение N400 максимально), слово из области источника (по гипотезе небольшой пик N400, наблюдается эффект прайминга) или псевдослово (по гипотезе отсутствие N400, смысловая нагрузка отсутствует). Наконец, для стимуляции внимания предлагается задача лексического решения по содержанию первого или второго стимула.

Гипотеза состоит в том, что если в результатах обнаружится прайминг-эффект, то это покажет, что при восприятии метафоры происходит процесс метафорического переноса из области источника в область цели, представленной эксплицитно. Таким образом, когда слово из области источника предъявляется после метафоры, восприятие лексически выраженной области источника облегчается за счет описанного когнитивного феномена, так как в сознании человека несколько секунд назад уже возникла информация, семантически соответствующая области источника.

В заключение в рамках данной работы была сформулирована гипотеза и разработана модель эксперимента. Перспективная задача состоит в проведении исследования, которое подтвердит или опровергнет предлагаемую гипотезу.

1. Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. S. Geukes et al. A Large N400 but No BOLD Effect — Comparing Source Activations of Semantic Priming in Simultaneous EEG-fMRI. PubMed, 2013. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3877131/> (дата обращения: 09.02.2022).

Научный руководитель — канд. биол. наук И. В. Брак

Автоматическая генерация лексико-синтаксических паттернов на основе онтологии для извлечения информации о научной деятельности

К. А. Овчинникова

Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет

Одним из способов упрощения процесса разработки и пополнения онтологий являются методы, базирующиеся на применении паттернов онтологического проектирования.

Онтология — набор понятий, сущностей определенной области знаний, ориентированный на многократное использование для различных задач.

Паттерны онтологического проектирования (ОП) — документально зафиксированные описания проверенных на практике решений типовых проблем онтологического моделирования. Паттерны ОП поддерживаются вопросами оценки компетентности, т. е. набором вопросов, выраженных на естественном языке.

Один из видов паттернов ОП, которые используются для обработки текста, это **лексико-синтаксические паттерны ОП (ЛСП ОП)** — структурные образцы языковых конструкций, которые отображают их лексические и поверхностные синтаксические свойства и описывают объекты предметной области.

Цель работы: разработка методов генерации лексико-синтаксических паттернов онтологического проектирования для извлечения информации о научной деятельности.

Для решения поставленной цели были поставлены следующие задачи: исследовать ЛСП ОП и типизировать их, разработать методику создания словаря и ЛСП ОП на основе онтологии и вопросов оценки компетентности, разработать программные средства для автоматической генерации ЛСП ОП и провести их тестирование.

В ходе работы были выделены два вида ЛСП: терминологические, извлекающие имена объектов и свойства на основе индикаторов, и информационные, сопоставляющие языковые конструкции с объектами онтологии.

Пример Т-ЛСП для конструкции вида ‘Метод решает задачу’:

$$[X.\text{Название}, X.\text{Rel}.\text{Y}\langle\text{Глаг}, \text{пе}\rangle, \$t\langle\text{NP}, \text{вн}\rangle] \Rightarrow \text{Y.Название},$$

где X и Y — названия классов, Rel — показатель отношения, ‘пе’ — переходность, \$t — показатель объекта (term), к которому добавляется название, а NP — (noun phrase) именная группа. Переменные означаются именами классов онтологии (*Метод*, *Персона* и т. д.) или названиями лексико-синтаксических классов в словаре (например, *Метод.Решает*).

Пример типового образца И-ЛСП, добавляющего отношение между объектами:

$$[X, \langle X.Отношение \rangle, Y] \Rightarrow \text{set } X(\text{Отношение: } Y),$$

где X и Y — названия классов, $X.Отношение$ — отношение между объектами, выраженное предикатом, set — добавление отношения.

При означивании типового образца происходит автоматическая генерация И-ЛСП:

$$[\text{Метод}, \langle \text{Метод.Решает} \rangle, \text{Задача}] \Rightarrow \text{set } \text{arg1}(\text{Решает: } \text{arg3}),$$

где arg1 и arg3 — показатели положения аргумента (объекта или термина) в паттерне.

Процесс генерации ЛСП проходит в несколько этапов. Первый этап заключается в создании и наполнении предметного словаря, формировании лексико-семантических классов и разметке терминов семантическими признаками. На следующем этапе происходит означивание переменных и формирование Т-ЛСП и И-ЛСП.

С помощью созданных Т-ЛСП анализируются вопросы оценки компетентности и тексты научного корпуса. Вопросы оценки компетентности, выраженные на естественном языке, позволяют извлечь предикатные термины и задать начальные синтаксические ограничения на извлекаемые факты, которые могут быть впоследствии уточнены на основе корпуса текстов.

При генерации И-ЛСП необходима информация о ключевых атрибутах классов онтологии (особенно для создания объектов класса). В приведенных выше примерах в качестве такого атрибута выступает Название. Для И-ЛСП также требуется уточнение синтаксических и позиционных ограничений на основе примеров вхождений И-ЛСП в корпус текстов.

Реализация алгоритма автоматической генерации ЛСП на основе вопросов оценки компетентности была выполнена на языке Python. Для класса *Метод* был сгенерирован 31 И-ЛСП на основе анализа вопросов оценки компетентности. В целом для 13 классов онтологии было сгенерировано 205 паттернов.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Е. А. Сидорова

Сопоставительное исследование алгоритмов глубокого обучения для генерации семантически связного текста

А. В. Осипова

Новосибирский государственный университет

Автоматическая генерация текста является сложной и широко исследуемой задачей, которая используется в различных областях, включая создание контента для сайтов, машинный перевод, субтитрование, реферирование текстов и многое другое.

Предлагая все новые и новые решения — от цепей Маркова до рекуррентных нейронных сетей и нейросетей-трансформеров — программисты приближают далекое будущее, где компьютеры сумеют свободно изъясняться на естественном языке.

На сегодняшний день для решения описанной задачи активно применяются нейросетевые модели, которые, тем не менее, не всегда с ней справляются. Так, сети долгой краткосрочной памяти (LSTM) хорошо решают проблемы долговременной зависимости, однако исследователи отмечают, что модель долго обучается [1], а при увеличении длины последовательности качество генерируемого текста снижается [2]. По результатам, представленным в других работах [3], можно сделать вывод, что качество генерации текста можно улучшить с помощью таких генеративно-сопоставительных нейронных сетей, как SeqGAN и RankGAN. Алгоритм SeqGAN включает генератор текста и дискриминатор, классифицирующий образцы текста на реальные и сгенерированные.

Популярная сегодня трансформерная архитектура, учитывающая контекстные связи между словами в предоставленных для примера текстах, позволяет не только предсказывать следующее слово в предложении, но и, что примечательно, генерировать образцы текста с учетом стиля и содержания. Такие языковые модели, как GPT-3, показывают выдающиеся результаты, однако иногда теряют суть текста или грешат рассогласованием абзацев.

Генерация оригинальных текстов осуществляется различными способами: например, с использованием словарей или с помощью синонимизации. Первый способ, несмотря на трудоемкость, является довольно точным, так как применяются шаблоны известных форм языка. Во втором случае происходит замена отдельных слов на синонимы. Данный метод часто используется при автоматическом построении текстов, отличных от авторских, но схожих по тематике.

Цель данной работы заключается в проведении аналитического обзора нейросетевых методов генерации текста, определении преимуществ и недостатков существующих подходов и выявлении наиболее эффективных решений для последующей реализации собственного алгоритма генерации текста.

Таким образом, в рамках исследования рассматриваются основные методы и алгоритмы генерации текстов с помощью нейронных сетей на выборке данных для обучения реализованных алгоритмов.

В перспективе планируется разработка собственного алгоритма генерации текстов на основе глубоких нейронных сетей с реализацией на языке программирования Python.

1. Гринин И. Л. Работа модели генерации текста с помощью нейронных сетей как составной системы: модульный анализ. Модуль третий. Нейронные сети — структура и машинное обучение [Электронный ресурс] // Инновации и инвестиции, 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-modeli-generatsii-teksta-s-pomoschyu-neyronnyh-setey-kak-sostavnoy-sistemy-modulnyy-analiz-modul-tretyi-neyronnye-seti> (дата обращения: 21.02.2022).
2. Кривошеев Н. А. Автоматическая генерация семантически связного текста методами машинного обучения: магист. дис. ТПУ; ИШИТР: Томск, 2020.
3. Исхакова А. О. Метод и программное средство определения искусственно созданных текстов: дис. ... канд. техн. наук. Томский гос. ун-т систем управл. и радиоэл., 2016.
4. Guo Jiaxian. Long Text Generation via Adversarial Training with Leaked Information [Электронный ресурс] URL: <https://arxiv.org/abs/1709.08624> (дата обращения: 15.02.2022).

Научный руководитель — И. Ю. Бондаренко

Извлечение семантических отношений из текстов научных статей

О.Ю. Тихобаева

Новосибирский государственный университет

В современном мире количество научных публикаций, существующих в виде электронного текста, постоянно растет. Поэтому задачи, связанные с обработкой текстов научных статей, становятся особо актуальными. Возникает необходимость автоматически извлекать из текстов статей различного рода семантическую информацию, в том числе семантические отношения между терминами.

Задача извлечения семантических отношений (Relation Extraction, RE) заключается в том, что после распознавания отдельных сущностей необходимо классифицировать отношения, существующие между ними, по контексту, в котором они находятся. Наша работа посвящена анализу текстов научных статей; соответственно, в качестве сущностей рассматриваются научные термины.

На данный момент задача остается сложной для любой предметной области, так как часто требует использования знаний вне текста, а также из-за отсутствия большого количества размеченных данных на русском языке для решения задачи RE.

Цель данной работы: создание корпуса с разметкой семантических отношений для русского языка, а также реализация алгоритма для извлечения семантических отношений.

Мы провели несколько экспериментов, попробовав различные подходы для извлечения семантических отношений, а затем сравнили наши результаты с результатами уже существующего алгоритма.

Вначале мы применили подход, основанный на лексико-синтаксических шаблонах. Он заключается в следующем: из текстов, в которых проведена разметка терминов, извлекается контекст, находящийся между двумя терминами, проводится его лемматизация, то есть приведение к начальной форме, а затем он сравнивается с имеющимися лексико-синтаксическими шаблонами. Если находится совпадение, то между терминами устанавливается соответствующее отношение. Стоит отметить, что все лексико-синтаксические шаблоны были составлены вручную и включают в себя лексические единицы и знаки пунктуации. Однако данный подход имеет свои недостатки в работе: например, отношения могут быть не выражены в тексте лексически.

Далее мы провели эксперименты с различными нейросетевыми архитектурами. В первом варианте мы брали предложение, спецсимволами выделяли два токена, для которых нужно определить наличие и тип отношения, а затем решали задачу классификации, в которой классами выступали типы отношений и один класс для отсутствия отношения между терминами. Вторая архитектура была устроена следующим образом: брался вектор специального токена CLS (считаем, что он представляет собой вектор всего текста, который пришел на вход) и векторы двух наших терминов. Затем эти три

вектора конкатенировались и полученный вектор подвался в классификатор [1].

Однако для обучения моделей нам был необходим корпус русских текстов с разметкой семантических отношений. Для создания такого корпуса мы дополнили существующий корпус научных статей RuSERRC [2] еще 136 текстами, выделив в них 356 отношений следующих типов:

- USAGE — ‘x используется для/в y’: 126;
- ISA — ‘x является y’: 96;
- TOOL — ‘x позволяет изучать и т. п.’: 54;
- SYNONYMS — ‘x — это то же, что y’: 35;
- PART_OF — ‘x является частью y’: 23;
- CAUSE — ‘x является причиной y’: 19;
- COMPARE — ‘x в сравнении с y’: 3.

Для тестирования работы алгоритма мы использовали изначальный корпус RuSERRC, состоящий из 80 текстов. Для оценки качества работы мы использовали следующие метрики:

- 1) точность, полнота и F1-мера для каждого типа отношений в отдельности;
- 2) macro-average для точности, полноты и F1-меры, то есть результирующие метрики классификатора, которые рассчитываются как арифметическое среднее каждого вида метрик отдельных отношений.

В ходе экспериментов мы получили следующие лучшие метрики: точность/macro — 0,23, полнота/macro — 0,36, F1/macro — 0,26. Данные значения метрик удалось достичь, объединив два подхода: лексико-синтаксические шаблоны и модель машинного обучения.

Текущая версия инструмента, с которой мы сравнивали результаты, работает только с частью описанных в данной работе видов отношений, и ее качество составляет 0,27 (F1/macro). Если рассмотреть тот же набор отношений, то мы смогли достигнуть качества 0,33 (F1/macro)

В дальнейшем планируется попробовать использовать другие языковые модели для сравнения результатов и нахождения лучшего варианта.

1. Shanchan W. et al. Enriching pretrained language model with entity information for relation classification // Proceedings of the 28th ACM International Conference on Information and Knowledge Management. ACM, 2019. P. 2361–2364.
2. Bruches E. et al. Entity Recognition and Relation Extraction from Scientific and Technical Texts in Russian // 2020 Science and Artificial Intelligence conference (SAI ence). IEEE, 2020. P. 41–45.

Научный руководитель — Е. П. Бручес

Автоматический поиск разговорных синонимов при помощи модели Bert

А. Н. Ульченко

Новосибирский государственный университет

В наше время автоматическое распознавание речи весьма распространено и используется во многих областях: в качестве голосового доступа к информационным ресурсам (голосовой помощник «Алиса» от компании «Яндекс»), для дистанционного обучения иностранному языку, для помощи незрячим людям. В быту распознавание речи может помочь, если руки человека заняты или он напряженно работает.

Однако при распознавании спонтанной, разговорной речи возникают проблемы. Причинам этого объяснена далее.

Для создания эффективной системы распознавания речи используются статистические модели и глубокие нейронные сети (например, Wav2Vec или Wav2Vec2). Иногда вместо последних применяются скрытые марковские модели, но нейросети обучаются более эффективно на размеченных речевых корпусах. Однако использование статистических моделей (таких как N -граммные модели) необходимо в любом случае, поскольку выходы глубоких нейросетей требуют сглаживания.

N -граммные модели основаны на предположении, что вероятность употребления очередного слова в предложении зависит только от $n - 1$ слов. Сейчас наиболее популярны биграммные и триграммные модели языка. Использование n -граммных моделей при $n > 5$ требует огромных мощностей.

N -граммные модели обучаются на текстах, имеющихся в корпусе. Большая часть из них — это художественные и публицистические тексты. Это приводит к тому, что при использовании систем автоматического распознавания речи для записи неподготовленной речи возникают проблемы, потому что N -граммные модели работают плохо на разговорных текстах. Корпусы разговорной речи уступают по объему корпусам художественной и публицистической литературы, поэтому модели не могут эффективно на них обучаться.

В результате возникает задача: научиться автоматически переводить тексты с литературного языка на разговорный. Практическая значимость работы определяется возможностью в дальнейшем обучить языковую подсистему системы автоматического распознавания речи на новых текстах и получить модель, работающую более эффективно в ситуации живого общения.

Целью данной работы является поиск и замена литературных слов на разговорные синонимы при помощи модели Bert.

Bert (Bidirectional Encoder Representation Transformers) — модель, строящая векторы слов с учетом их семантики. В отличие от модели Word2Vec, которая тоже выдает пользователю векторы, Bert обучается не на словах, а на предложениях. В результате

она строит векторное пространство с учетом того контекста, в котором употребляется то или иное слово. Это решает проблему многозначности, поскольку для слова «коса» будет получено три разных вектора в зависимости от смысла слова (сельскохозяйственное орудие; несколько прядей, сплетенных особым образом; идущая от берега узкая невысокая полоса земли). Word2Vec в данном случае выдал бы один вектор для всех значений слова.

Для достижения цели было испробовано два способа.

Первый заключался в использовании «словаря» разговорных слов. Он представлял собой текстовый файл, содержащий контексты употребления разных жаргонизмов. Для каждого слова искалось 3–5 контекстов. Так, например, для слова «бабло» были выписаны следующие предложения: *Приглашают на выставку и разводят на бабло. Еще они за меня не решали, где мне свое бабло тратить... Конечно, есть такие антрепризы, которые «рубят бабло». Зачем вообще тратить бабло бюджетное на эти выборы?*

Таким образом, каждое разговорное слово в данном словаре получало свой вектор, соответствующий его лексическому значению.

Далее брались предложения, составленные специально для эксперимента. Например: *У меня нет денег, чтобы купить эту куклу.* Программа безошибочно определяла, что векторы «деньги» и «бабло» имеют меньшее косинусное расстояние, чем векторы «деньги» и «офигевать». Также эксперимент показал, что слово «фигня» может быть синонимом для слова «вещь» в контексте *подай мне вот ту вещь*. Однако в контексте *мы уезжаем в отпуск, я пойду собирать вещи* косинусное расстояние увеличивается, что говорит о спорных синонимических отношениях между данными словами.

Итак, данный способ решил проблему с многозначными словами, но оставил нерешенной проблему ограниченного словаря.

Второй способ заключался в обучении модели Bert на разговорном тексте. Для этого были взяты твиты из корпуса Юлии Рубцовой, обрезанные до первых 300 000 символов из-за ограничений памяти и мощности. Для эксперимента брался отрывок из произведения Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» в переводе Озерской, обрезанный по вышеописанной причине. Работа программы оказалась менее эффективной. Например, получалось, что слова «выждал» и «постродал» (орфография автора сохранена) — синонимы, что не соответствовало реальности.

Вероятная причина данной проблемы — сильное ограничение объема текста, на котором обучали Bert (модель не получила достаточного контекста, чтобы построить более точно векторы всех слов в тексте). Соответственно, использование большего количества ресурсов при построении векторов должно увеличить эффективность работы программы.

Научный руководитель — И. Ю. Бондаренко

Степень детерминологизации русских компьютерных терминов

Ш. Хуан

Новосибирский государственный университет

Появление новых научных дисциплин приводит к необходимости создания систем терминов. С этим связано явление терминологизации и начало исследований в данной области.

Процессом «терминологизации» называют вхождение обычной лексики в состав терминологических систем и превращение ее в терминологические единицы. По мере развития специальных предметных дисциплин, используемые в них специализированные термины переходили в систему общеупотребительной лексики. Процесс постепенного превращения терминов в повседневную лексику называется «детерминологизацией».

После промышленной революции в связи с быстрым развитием науки, улучшением способности человечества усваивать новые знания и повышением уровня его культурной подготовки значительно усилилась детерминологизация, и этот процесс начал привлекать все больше и больше внимания ученых. Существуют исследования по детерминологизации терминов в медицине, экономике, спорте и т. д., однако детерминологизация компьютерных терминов еще не изучена достаточно глубоко, поэтому эта тема актуальна. В данной исследовательской работе рассматриваются степень детерминологизации компьютерных терминов и ее причины.

Посредством последовательного анализа компьютерных терминов из «Толкового словаря современной компьютерной лексики» (всего 2 000 терминов) [1], были выявлены определенные термины, которые потенциально могут подвергнуться процессу детерминологизации. Затем с помощью корпуса Word Sketch Engine [2] проведено сравнение и анализ большого количества отрывков текстов. В итоге нами обнаружены шесть компьютерных терминов, детерминологизация которых произошла с изменением лексического значения. Данными терминами являются *инсталляция, контроллер, анимация, релевантность, совместимость, контент*.

Таким образом, в словаре найдено только шесть терминов, претерпевших детерминологизацию; их доля составляет 0,3 % (6/2 000). Иными словами, степень детерминологизации компьютерных терминов может считаться низкой. В данной работе выявлен ряд факторов, обусловивших такую ситуацию. Эти факторы действуют совместно, способствуя понижению уровня детерминологизации:

1. Большое количество названий программ, устройств и деталей. В компьютерной терминологии существует множество терминов для обозначения устройств, программ и деталей ЭВМ. В «Толковом словаре современной компьютерной лексики» доля таких терминов составляет 14,45 % (287/2 000), а доля терминов, обозначающих процессы и действия — 10,4 % (208/2 000). Термины такого типа не могут подвергнуться детерминологизации с изменением лексического значения.

2. Небольшое количество терминов с абстрактным лексическим значением. В области ИТ имеется незначительное количество терминов, обозначающих свойства, признаки ЭВМ, такие как *многозадачность*, *масштабируемость*, *интенсивность*. Термины такого типа потенциально могут пройти процесс детерминологизации путем метафоризации. В «Толковом словаре современной компьютерной лексики» их доля составляет лишь 1,4 % (28/2 000).

3. Термины, лексическое значение которых сильно специализировано. Термины, обозначающие процессы и действия, в значительной степени специализированы, и поэтому твердо зафиксированы в компьютерной области: например, *шифрование*, *эмуляция*, *аутентификация*, *кернинг*.

4. Термины, образовавшиеся из бытовой лексики. В компьютерной области немало терминов, используемых и в бытовой жизни; они образовались из общеупотребительной лексики посредством терминологизации. Поэтому маловероятно, чтобы их затронул обратный процесс.

5. Общенаучная лексика. Общенаучные термины — это, по сути, общеупотребительная лексика, закрепленная в терминосистеме. Использование большого количества общенаучной лексики в компьютерной области не способствует детерминологизации.

6. Термины, используемые в нескольких специальных областях. Проблема заключается в том, что сложно уточнить, к какой научной дисциплине относится термин данного типа, если у него реализовался процесс детерминологизации.

7. Использование сленга. Компьютерная техника — это продукт последних десятилетий, относительно новая область, что обуславливает ее распространенность среди молодежи, которая использует компьютерный сленг вместо терминов. Если компьютерные сленгизмы используются чаще специальных терминов, возможность детерминологизации компьютерных терминов снижается.

По мере того, как наука постепенно проникает в повседневную жизнь людей, термины специальных научных областей также входят в повседневный язык. Поэтому изучение процессов детерминологизации важно как в теоретическом, так и в практическом плане.

1. Новиков Ф. А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб.: «БХВ-Петербург», 2004. С 6.

2. Word Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 20.12.2021).

Научный руководитель — д-р. филол. наук, проф. М. К. Тимофеева

Определение близкородственных отношений с помощью фоноскопической экспертизы

А. А. Шаляпина

Новосибирский государственный университет

Одной из ключевых задач прикладной лингвистики и судебной экспертизы является идентификация личности по голосу и речи. Это объясняется тем, что совокупность характеристик голоса уникальна, и многие из них могут быть исследованы с помощью специализированного программного обеспечения (ПО). Также в настоящее время повсеместно распространены технические устройства фиксации голосовой информации, отличающиеся высокой точностью записи, что открывает широкие возможности для сбора материала. Идентификация по голосу и речи используется в сферах защиты информации, криминалистике [1].

В области распознавания личности по голосу внимание исследователей привлекают индивидуальные особенности произношения, обусловленные влиянием территориальных диалектов, возрастом и/или полом диктора. Результаты экспериментов по этим направлениям описаны в ряде работ, в частности, в публикации В. Н. Сорокина, В. В. Вьюгина и А. А. Тананыкина [2].

Не меньший интерес вызывает вопрос влияния на индивидуальные особенности звукопроизношения родственных отношений [3]. А. М. Грачев в своем исследовании показал, что наиболее ярко выраженная зависимость наблюдается при сравнении голосов братьев, сравнение же голосов детей и родителей менее репрезентативно. Данное исследование также посвящено анализу семейного аспекта акустических характеристик речи.

Объектом исследования является речь родных братьев или родных сестер. Предмет исследования — форманты звуков как конкретные характеристики спонтанной и подготовленной речи дикторов.

Цель нашей работы — при помощи специализированного ПО выяснить, существует ли корреляция между формантными картинками спонтанной и подготовленной речи родных братьев или родных сестер.

Результаты данной работы могут быть использованы при установлении личности человека посредством проведения фоноскопической экспертизы.

В задачи исследования входит подбор информантов, сбор аудиозаписей, на которых присутствует голос информанта во время воспроизведения спонтанной речи и чтения с листа предложенного текста, разметка аудиозаписей с помощью специального ПО, анализ полученных данных и оценка результатов исследования.

В качестве метода исследования был выбран метод формантного анализа — нахождения частот F1, F2, F3, F4 для гласных фонем <a>, <o>, <i>, <y> в сигнификативно-сильной позиции и сравнения полученных характеристик.

Эксперимент по выявлению влияния брекетов на качественные характеристики звуков речи (форманты) проводится следующим образом:

1) в качестве информантов для эксперимента выбраны пары братьев и сестер, где все сестры старше 14 лет, все братья старше 18 лет;

2) информантами предоставлены по две аудиозаписи, одна из которых зафиксировала спонтанный монолог диктора на предложенную тему, другая — чтение с листа предложенного художественного текста;

3) с помощью программы Praat в аудиозаписях выделяются слова, содержащие гласные фонемы <a>, <o>, <и>, <у> в сигнификативно-сильной позиции (размер выборки достигает 20 слов);

4) для каждой гласной определяются количественные значения формант F1, F2, F3, F4;

5) составляются таблицы формант для каждой пары информантов, где были сопоставлены значения 'гласная в спонтанной речи информанта 1 и информанта 2' и 'гласная в подготовленной речи информанта 1 и информанта 2';

6) для выявления наличия/отсутствия зависимости частот рассчитывается коэффициент корреляции.

Проверка гипотезы наличия высоких коэффициентов корреляции на одной из пар информантов дала следующие результаты.

1. Наибольшая корреляция наблюдается в формантах F1 гласных <o>, <и> в подготовленной речи и F2 гласной <у> в спонтанной речи.

2. Анализ частотных диапазонов может быть применен для дальнейшего исследования семейного аспекта фонетических описаний.

Для выяснения справедливости полученных выводов для дикторов мужского пола, а также дикторов женского пола, отличающихся по возрасту от информантов, принявших участие в данном исследовании, планируется продолжить эксперимент и расширить выборку. Кроме того, планируется проведение корреляционного анализа для формантных диапазонов сонантов и для интонационных маркеров спонтанной речи.

1. Лингвистическая экспертиза звучащей речи: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 45.04.03. Благовещенск, Амурский гос. ун-т, 2017. С. 10–12.

2. Сорокин В. Н., Вьюгин В. В., Тананыкин А. А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Информационные процессы, 2012. Т. 12. № 1. С. 1–30.

3. Грачев А. М. Распознавание звучащей русской речи в теоретическом и экспериментальном освещении: семейные, возрастные и гендерные аспекты лингвистической идентификации личности: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. Е. Абрамкина

Построение событийно-ориентированного графа знаний на русском языке

Д. Р. Щербатов

Новосибирский государственный университет

Человек, в связи с накопленным за годы жизни опытом и знаниями, способен сделать выводы из какой-либо жизненной ситуации, понять более глубокий смысл и контекст, который задан ситуацией. Однако машины пока тяжело научить такому уровню понимания. Часто для решения задачи понимания языка (Natural Language Understanding, NLU) применяются событийно-ориентированные графы знаний, которые содержат возможные характеристики различных жизненных ситуаций. И хотя задача является актуальной для любого естественного языка, совсем небольшое количество исследований направлено на работу с русским языком.

Цель настоящей работы — исследовать существующие методы пополнения графов знаний и предложить метод для графа знаний на русском языке.

Графы знаний, которые содержат значительные объемы информации, достаточно распространены при решении задач NLU, потому что на основании описанных в них событий и фактов можно обучать модели машинного обучения, например, в вопросно-ответных (Question answering, QA) системах.

Граф знаний АТОМИС-2020, представленный в работе Hwang et al. [1], содержит более 1,3 миллиона записей о различных событиях и сущностях на английском языке. Благодаря его большому объему, открытости и разнообразию хранящейся в нем информации, граф представляет особый интерес для адаптации представленных данных на русский язык. В АТОМИС-2020 представлены 23 различных отношения, которые можно распределить по следующим категориальным типам:

1. Отношения социального взаимодействия — 9 различных отношений. Например, xIntent — ‘субъект намеревается’.
2. Отношения, которые описывают физические свойства объекта — 7 различных отношений. Например, AtLocation — ‘местонахождение’.
3. Отношения, которые связаны с конкретным событием — 7 различных отношений. Например, IsAfter — ‘происходит после’.

При помощи мультязычной модели EasyNMT [2] все данные были автоматически переведены на русский язык. Однако в англоязычном графе информация о событиях представлена с пропусками, поэтому перевод не всегда был выполнен корректно. В связи с этим из 24 311 предложений в оригинальном наборе данных вручную было просмотрено около 1 000 записей на предмет выявления ошибок в переводе, в 165 из них были внесены изменения.

На основе переведенных на русский язык данных производится адаптация мультязычной языковой модели mBART, описанной в статье Liu et al. [3], для предсказания

сущностей в графе знаний. Суть метода заключается в том, что на основе представленной информации модель должна восстанавливать сущность на месте пропуска во фразах с событиями. Например, у нас есть высказывание «PersonX остановил машину PersonY, потому что PersonX хотел сообщить о нарушении». Мы ожидаем, что для входной фразы «PersonX остановил машину PersonY» и заданного отношения xIntent наша модель сгенерирует фразу «Сообщить о нарушении».

Предполагается исследовать различные факторы, которые влияют на общую оценку качества работы метода, в том числе выявить, какова роль качества перевода исходных данных с английского языка на русский.

1. Hwang J. D., Bhagavatula C., Le Bras R., et al. COMET-ATOMIC 2020: On Symbolic and Neural Commonsense Knowledge Graphs // AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2021), 2021. P. 6384–6392.
2. Reimers N., Abonizio H. EasyNMT: Easy to use, state-of-the-art Neural Machine Translation [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://github.com/UKPLab/EasyNMT> (дата обращения: 07.02.2022).
3. Liu Y. Et al. Multilingual Denoising Pre-Training for Neural Machine Translation // Transactions of the Association for Computational Linguistics, 2020. Vol. 8. P. 726–742.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук, доц. Т. В. Батура

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Председатель секции — канд. филол. наук, доц. *О. Г. Щеглова*

Ответственный секретарь секции — ст. преп. *О. В. Павлова*

Экспертный совет секции

д-р филол. наук, проф. *И. Е. Ким*

д-р филол. наук, проф. *Н. Б. Кошкарева*

канд. филол. наук, доц. *М. С. Берендеева*

канд. филол. наук, доц. *А. В. Байыр-оол*

канд. филол. наук, доц. *Т. И. Белица*

канд. филол. наук, доц. *А. А. Алексеева*

LINGUISTICS

Section Head — Cand. Philol., Assoc. Prof. *O. G. Scheglova*

Executive Secretary — Assist. Prof. *O. V. Pavlova*

Section scientific committee

Dr Philol., Prof. *I. E. Kim*

Dr Philol., Prof. *N. B. Koshkareva*

Cand. Philol., Assoc. Prof. *M. S. Berendeeva*

Cand. Philol., Assoc. Prof. *A. V. Baiyr-ool*

Cand. Philol., Assoc. Prof. *T. I. Belitsa*

Cand. Philol., Assoc. Prof. *A. A. Alexeeva*

ГРАММАТИКА

УДК 811.112.2

Немецкие островные диалекты Алтая (на основе полевого материала сел Красноармейский и Камыши)

Э. Маутказинова

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена изучению островных диалектов немецкого языка, бытующих на территории Алтайского края в иноязычном окружении. Актуальность их описания определена малым количеством работ о немецких диалектах, их составе и состоянии в последние годы. Важность вопроса связана с проблемой сохранения родного языка и культуры российскими немцами, живущими, в частности, в Сибири. Объектами исследования являются диалекты верхненемецкого типа на Алтае, на которых говорят немногочисленные носители в пос. Красноармейский и с. Камыши Немецкого национального района Алтая. Предметами нашего исследования были фонетические, лексико-грамматические особенности рассматриваемых диалектов в этих населенных пунктах. Цель работы — максимально полное описать как социолингвистические, так и языковые особенности указанных диалектов.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных немецких диалектологов: В. М. Жирмунского, Н. И. Филичевой, А. И. Кузьминой, И. А. Канакина, Л. И. Москалюк.

Материалом исследования послужили аудио- и видеозаписи, сделанные научным сотрудником Института филологии СО РАН Е. А. Либерт во время лингвистической экспедиции на Алтай в октябре 2020 г. В нашем распоряжении были пять файлов общей длительностью 10–15 минут. Часть расшифровок уже сделана и выложена на сайте малых языков Сибири [1]. Нами также была расшифрована небольшая часть материала. Расшифровка — сложная и кропотливая работа. При работе со звучащей речью мы столкнулись со многими проблемами, такими как качество записывающего аппарата, особенности речи информантов, посторонний шум.

Мы расшифровали и проанализировали образцы фольклора, зафиксированного на диалекте пос. Красноармейский, и автобиографический нарратив, зафиксированный на диалекте с. Камыши. По нашим сведениям, в этих населенных пунктах не проводилось каких-либо лингвистических исследований последние 50 лет. Однако диалект сохраняется, несмотря на очень малое число говорящих. Рассматриваемый язык немецких переселенцев и их потомков уникален в силу ряда причин и должен быть описан. Кроме того, в последние годы наблюдается значительный рост интереса со стороны сообщества российских немцев как в России, так и в Германии к вопросам, связанным с родными немецкими диалектами, представляющими важную составляющую их идентичности.

В результате проведенного анализа было установлено, что диалекты данных населенных пунктов могут быть отнесены к диалектам верхненемецкого типа. При этом

каждый из диалектов имеет свой набор особенностей, прежде всего фонетических. Самым важным в области консонантизма можно назвать второе передвижение согласных, характерное для всех верхненемецких диалектов (как средне-, так и южнонемецких). Диалект с. Камыши является средненемецким диалектом, в пос. Красноармейский носители говорят на южнонемецком диалекте.

Для средненемецких диалектов характерно неполное проведение второго передвижения согласных (что мы и наблюдаем в камышевском диалекте). Он обладает специфическим вокализмом с наличием разных дифтонгов: например, [ɛaʃt] ‘только’ (лит. нем. *erst*), [kɔimə] ‘приходить’ (лит. нем. *kommen*), [mɔinə] ‘моя’ (лит. нем. *meine*).

В диалекте поселка Красноармейский инициальная аффриката [pf] является особой приметой южнонемецкого типа диалектов. Другие признаки: переход *st* > *scht* в середине слова, например: [ɛʃtə] ‘первый’ (лит. нем. *erste*); использование личного местоимения множественного числа *mer* вместо *wir*: [das ɪʃ mɛr zɑjə is] ‘Это мы так говорим’ (лит. нем. *Das ist wir sagen das*).

Утрата претеритума в разной степени характерна для всех групп рассматриваемых островных верхненемецких диалектов. В простом прошедшем в верхненемецких говорах употребляются лишь немногие глаголы. Основной формой для выражения прошедшего времени служит перфект. Например: [zənt ggaŋə] ‘пришли’ (лит. нем. *sind gegangen*), [hat gkennt] ‘знал’ (лит. нем. *hat gekannt*).

К явлениям синтаксического порядка следует отнести нарушение рамочной конструкции и порядка слов, привычных для литературного немецкого языка.

Мы предполагаем, что диалект села Красноармейское относится к южнонемецкому типу, возможно, к швабскому или альманскому. Диалект деревни Камыши имеет признаки верхнегессенских говоров (западносредненемецкий ареал). В целом, отнести диалекты Алтая к конкретному типу в настоящее время становится практически невозможно, такая классификация условна, так как все носители проживают в двуязычной среде и находятся под огромным влиянием русского языка. Основная причина своеобразия этих диалектов говоров в том, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов немецких переселенцев.

1. Тексты в этнической культуре народов сибирско-дальневосточного региона [Электронный ресурс]. URL: <https://text.philology.nsc.ru/txt.php> (дата обращения: 05.02.2022).
2. Москалюк Л. И. Немецкие языковые острова в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2014. № 1 (27).
3. Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976 (первая публикация 1929 г.).
4. Кузьмина А. И. Звуковая система говора немцев деревни Камыши Славгородского района Алтайского края // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1961. Т. 29. № 1.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. А. Либерт

Акциональные предложения с предикатами деструктивной и креативной семантики и предикатами трансформации объекта

А. Р. Мельникова

Новосибирский государственный университет

Объектом исследования являются акциональные предложения с предикатами деструктивной и креативной семантики, а также предикатами трансформации объекта, соответствующие структурной схеме

$$N_{NOM}^{Ag} \Leftrightarrow V_f^{Act} \rightarrow N_{ACC}^{Pat/Obj} (N_{INSTR}^{Instr}).$$

Предмет исследования: структурные и семантические свойства таких предложений.

Цель исследования: доказать, что акциональные предложения не являются элементарными, так как в них репрезентируются пропозиции существования и состояния, осложненные отношениями каузации.

Материалом для исследования послужили контексты с предикатами трансформации, уничтожения и создания объекта, отобранные из Национального корпуса русского языка в соответствии с заданной структурной схемой. Всего нами выделено 219 предикатов с семантикой уничтожения/повреждения, 101 предикат с креативной семантикой, 206 предикатов с семантикой трансформации объекта.

Предложения, репрезентирующие акциональные пропозиции, включают несколько элементарных ситуаций:

Кошка загрызает змею, но та перед смертью изловчается и жалит животное (А. Балдин «Московские праздные дни», 1997). Предложение раскладывается на три элементарные ситуации: 1) змея существует; 2) кошка загрызает змею; 3) змея перестает существовать / не существует. Исходная ситуация существования объекта осложнена отношениями каузации: позиция предиката в акциональной структуре замещается деструктивным глаголом, что приводит к актуализации смысла прекращения существования.

Такое же изменение смысла наблюдаем в предложениях с предикатами креативной семантики:

Для прекращения падения уровня воды в Каспийском море построили дамбу (Е. Гайдар «Гибель империи», 2006): 1) дамбы не существовало; 2) [они] [по]строили дамбу; 3) дамба существует (потому что ее построили).

Причина изменения отношений заложена в семантике глагола. Глаголы креативной семантики объединяют два типа событий: 1) кто-то/что-то воздействует на кого-то/что-то; 2) кто-то/что-то начинает существовать / существует. Между событиями устанавливаются отношения каузации: кто-то/что-то начинает существовать в результате действия кого-то/чего-то. Фоновым событием в таких предложениях является пропозиция

[не]существования: для того чтобы быть созданным в результате какого-то действия, кто-то/что-то должно не существовать. Таким образом, семантика глагола преобразует смысл предложения: креативный глагол актуализирует смысл начала существования.

Глаголы деструктивной семантики противопоставлены глаголам креативной семантики и функционируют с точностью до наоборот: отношения каузации преобразуют существование объекта в прекращение существования или [не]существование.

Мама красит волосы хной (М. Шишкин «Венерин волос», 2004): 1) волосы существовали и были определенного цвета; 2) мама красит волосы хной; 3) волосы продолжают существовать, но они покрашены → волосы изменили свое состояние. В рассматриваемом примере исходная ситуация существования объекта претерпевает изменение — объект продолжает существовать, но в новом состоянии. Причина изменения состояния заложена в семантике глагола, который обозначает определенное воздействие, оказываемое на объект и имеющее внешнее проявление. Кроме того, в структуре предложения может реализоваться инструмент (в нашем примере — хной), который помогает осуществлению описываемого действия.

Кто-то из гостей, вот паразит, испортил у Алевтины магнитофон — мелочь, совсем мелочь! (В. Маканин «Отдушина», 1977): 1) магнитофон существовал и был в рабочем состоянии; 2) кто-то испортил магнитофон; 3) магнитофон продолжает существовать, но он испорчен / не может выполнять свои функции. Отношения каузации, выраженные предикатами, в семантике которых заложено причинение вреда объекту, можно рассматривать и как деструктивные, и как трансформационные. В первом случае важно, что объект больше не может выполнять свои функции, несмотря на то, что не уничтожен, во втором случае важно, что объект привели в негодное состояние. В структуре предложения может присутствовать локализатор, выраженный одушевленным существительным и указывающий на то, что действие протекает в социальной сфере: кто-то испортил магнитофон, который был у Алевтины / принадлежал Алевтине. В предложении с акциональным глаголом локализатор трансформируется в бенефициант/малефициант.

Таким образом, акциональные предложения не являются элементарными. В предложениях с предикатами деструктивной и креативной семантики репрезентируется пропозиция существования, а отношения каузации служат средством изменения смысла на противоположный. В предложениях с предикатами трансформации объекта репрезентируется пропозиция состояния, а отношения каузации выражает переход объекта из одного состояния в другое.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. С. Кузнецова

УДК 811.161.1

**Особенности постановки тире и двоеточия
в бессоюзных сложных предложениях
(на примере сборника рассказов К. Г. Паустовского «Золотая роза»
и романа Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети»)**

А. А. Никифорова

Новосибирский государственный университет

Бессоюзное сложное предложение (БСП) — одна из наиболее сложных для изучения синтаксических единиц. Первое упоминание о БСП как самостоятельном типе сложного предложения встречается в работах А. М. Пешковского, который описал интонацию как средство связи в БСП, принимающее на себя функцию союза в сложносочиненном (ССП) и сложноподчиненном (СПП) предложениях [1, с. 470–472]. Таким образом, А. М. Пешковский практически приравнял БСП к ССП и СПП. Подобный подход до сих пор используется в справочниках по пунктуации, в которых предлагается восстановить в БСП сочинительный или подчинительный союз для того, чтобы верно поставить знак препинания.

Наша работа посвящена анализу особенностей выбора знаков препинания в бессоюзных сложных предложениях на примере сборника К. Г. Паустовского «Золотая роза» и романа Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети».

Актуальность исследования обусловлена наличием определенных трудностей в постановке знаков препинания в бессоюзных сложных предложениях, которые постоянно находятся в фокусе внимания ученых, а также интересом к изучению причин авторского выбора знаков препинания в БСП.

В ходе исследования мы отобрали 234 БСП и разделили их на группы. Первая группа, результаты анализа которой представлены в таблице, включает предложения со знаком препинания, совпадающим с рекомендованным в справочнике.

Канонический знак препинания в бессоюзном сложном предложении

Знак	Количество примеров	
	К. Г. Паустовский «Золотая роза»	Л. Е. Улицкая «Медея и ее дети»
Тире		
Неожиданное присоединение или быстрая смена событий	3	13
Указание на результат или следствие	4	18
Условие или время совершения действия	0	1
Слова <i>так, это, только, такой</i> во 2-й части	3	5
Двоеточие		
Указание на причину или обоснование	4	49
Пояснение или раскрытие содержания первой части	13	73

Знак	Количество примеров	
	К. Г. Паустовский «Золотая роза»	Л. Е. Улицкая «Медея и ее дети»
При глаголах <i>видеть, смотреть, слышать</i> и т.п. с предупреждением о последующем изложении фактов	0	5
Слова <i>так, такой, таков, одно</i> и т. п. в 1-й части	0	2
Всего	27	166

Как видно из таблицы, в 193 из 234 примеров знак препинания соответствует каноническому.

Во вторую группу мы отнесли бессоюзные сложные предложения, в которых знак препинания не соответствует рекомендованному в справочнике для данного типа отношений, структурного типа и т. д. Для работы с ними мы использовали структурно-семантическую классификацию В. А. Белошапковой.

1. Тире в бессоюзных сложных предложениях, где вторая часть является причиной или пояснением того, о чем говорится в первой части (22 примера). Во второй части таких предложений у авторов содержится анафорический элемент, что, возможно, и позволяет объяснить выбор тире в качестве знака препинания: *Валерий удивлялся ее малоподвижности и бытовой лени — она ленилась делать даже несколько йогических упражнений...* (Л. Е. Улицкая).

2. Тире в предложениях со значением мотивирующего или уточняющего пояснения (17 примеров), в которых каноничным знаком препинания является двоеточие. Однако в произведениях К. Г. Паустовского и Л. Е. Улицкой в них поставлено тире: *Гулять ее не выпускали — были у Веры Ивановны какие-то специальные соображения* (Л. Е. Улицкая).

3. Тире в бессоюзных сложных предложениях с анафорическим элементом в первой части (1 пример). В предложениях данного типа согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» должно быть поставлено двоеточие: *Так он работал — придумывал на ходу фразы, потом записывал их, потом опять придумывал* (К. Г. Паустовский).

4. Тире в бессоюзных сложных предложениях с незамещенной синтаксической позицией (1 пример), имеющих в составе первой части лексему оперирования информацией, при которой не замещена позиция дополнения. По своему строению они близки изъяснительным СПП. В этом типе предложений нормативна постановка двоеточия, однако в романе Л. Е. Улицкой мы обнаружили примеры с тире: *Только я постелила Равилю в Самониной комнате, как слышу — машина к дому подъехала* (Л. Е. Улицкая). Постановка тире объясняется не правилами пунктуации, а индивидуальным авторским выбором.

Как мы видим, наиболее устойчивыми в сохранении знака препинания оказываются предложения с анафорическим элементом в первой части и с незамещенной синтаксической позицией. Сохранение двоеточия в БСП с незамещенной синтаксической позицией может быть объяснено предсказующей силой лексемы оперирования информацией, а также поддерживаться традицией использования двоеточия в предложениях с прямой речью, входящих в ту же группу в классификации В. А. Белошапковой, но рассматриваемых отдельно в справочниках по пунктуации.

1. Пешковский А. М. Синтаксис в научном освещении. М., 1956.
2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. С. Кузнецова

УДК 811.511.142:81'367

Порядок составляющих как часть коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка

И. М. Плотников

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

В выражении коммуникативных значений участвует множество формально не связанных между собой компонентов, из которых наиболее значимое место занимают интонация и порядок составляющих. Несмотря на неоднородность, эти компоненты образуют комплекс, формирующий целостный образ каждого отдельного типа высказываний. Соответственно, для изучения любого компонента коммуникативной структуры высказывания требуется определить его роль во всей коммуникативной системе данного языка.

Целью работы является описание порядка составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка как одного из компонентов его коммуникативной системы (наравне с интонацией). В качестве материала используются записи фольклорных текстов [1; 2], которые дают представление о типах высказываний, встречающихся в фольклорной речи, и их частотности. Основной метод исследования — выявление минимальных коммуникативно значимых оппозиций, что в данном случае предполагает поиск различающихся по форме высказываний, репрезентирующих одну и ту же синтаксическую структуру.

Возможности варьирования порядка составляющих определяются типом синтаксической структуры и набором ее компонентов. Так, в двухкомпонентных высказываниях, состоящих из подлежащего и сказуемого, порядок составляющих остается неизменным: $N^S V^{Pr}$. Варьирование наблюдается в структурах, включающих как минимум один дополнительный компонент (пространственный или временной локализатор, прямой объект, адресат), который мы обозначим C . Несмотря на различия в семантике таких синтаксических конструкций и их морфосинтаксические особенности, функционирование порядка составляющих во всех конструкциях сходно. Встречаются три варианта размещения C при учете сохранения порядка подлежащего и сказуемого:

(1) $N^S C V^{Pr}$

(2) $C N^S V^{Pr}$

(3) $N^S V^{Pr} C$

Порядок (1) мы считаем базовым на основании частотности и широты его употребления. Соответственно, (2) и (3) рассматриваются как модификации базового порядка — левая и правая дислокация.

Определенные таким образом группы высказываний по порядку составляющих неоднородны по коммуникативной структуре, что находит отражение в их интонационной структуре. Опираясь на изложенную в статье [3] модель интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка, мы делим их на следующие подтипы (ИК —

интонационная конструкция, / — граница между составами темы и ремы, \ — граница между составами ремы и темы):

- (1.1) $[N^S]_{ИК-2/3} / [C V^{Pr}]_{ИК-1}$
 (1.2) $[N^S C]_{ИК-2/3} / [V^{Pr}]_{ИК-1}$
 (2.1) $[C]_{ИК-2/3} / [NS V^{Pr}]_{ИК-1}$
 (2.2) $[C N^S]_{ИК-2/3} / [V^{Pr}]_{ИК-1}$
 (3.1) $[N^S]_{ИК-2/3} / [V^{Pr} \setminus C]_{ИК-1}$
 (3.2) $[N^S]_{ИК-2/3} / [V^{Pr}]_{ИК-1} [C]_{ИК-1}$

Эти подтипы наглядно демонстрируют, что порядок составляющих, рассматриваемый вне контекста интонации, не дает однозначного представления о коммуникативной структуре высказывания. В частности, подтипы (1) и (2) показывают, что интонация определяет границу между составами темы и ремы, в то время как порядок составляющих ограничивает возможность попадания в эти составы N^S или C . Тем не менее, оппозиция по порядку составляющих между (1) и (2) задает иерархию коммуникативной значимости компонентов N^S и C . Интонационная оппозиция в (3) задает различия более глубокого характера: в (3.1) компонент C дерематизирован, в (3.2) является дополнительной ремой со вторичной предикацией. Правая дислокация, таким образом, не имеет собственного коммуникативного значения, определяемого вне контекста интонации.

Особенностью коммуникативной системы хантыйского языка, определяющей функционирование в нем порядка составляющих, является то, что во всех высказываниях проявляется одна типовая коммуникативная структура и соответствующая ей интонационная. В общем виде все типы высказываний, кроме (3.2), где возникает дополнительная предикация, соответствуют одной схеме: $A_{ИК-2/3} / B_{ИК-1}$, где A и B — последовательности составляющих высказывания, B включает сказуемое. Это отличает коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка от коммуникативных систем русского и английского и является подтверждением ограниченности коммуникативной структуры высказываний в хантыйском языке (rigid focus structure [4]).

1. Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова). Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.
2. Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / Под ред. А. С. Песикова; пер. на рус. яз. Т. А. Ефремова и А. С. Песикова. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2015. 118 с.
3. Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2021. № 2. С. 25–43.
4. Robert D., van Valin Jr. A Typology of the Interaction of Focus Structure and Syntax // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 511–524.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

УДК 811.161.1

Русские глаголы социальной семантики, мотивированные глаголами чувственного восприятия

А.Э. Степенюк

Новосибирский государственный университет

Социальное восприятие — особый тип событийной пропозиции, для которого характерны двупланность и активный характер. Двупланность социального восприятия проявляется в параллельной перцепции натуральной и знаковой составляющих его объекта. Активный характер данного типа восприятия объясняется тем, что маркером состоявшегося акта перцепции служит социальное действие.

И. Е. Ким в работе «Социальное восприятие и его языковая модель» в качестве одного из пяти способов репрезентации данной пропозиции выделяет предикатную лексику чувственного восприятия [1]. Система номинаций восприятия этого типа наиболее развита, что объясняет частый перенос глаголов зрения, слуха и прочих каналов перцепции в другие семантические сферы, в том числе социальную. В данной работе мы рассмотрим глаголы с семантикой социального восприятия, мотивированные глаголами чувственного восприятия.

Были проанализированы 500 фактов речевого употребления в публицистической и художественной литературе XX–XXI вв., собранных в национальном корпусе русского языка. В ходе работы удалось выделить следующие глаголы чувственного восприятия, дериваты которых содержат в себе социальную семантику: *видеть, глядеть, заметить, слушать, смотреть, чувствовать, щупать*.

Глаголы социальной семантики, мотивированные глаголами чувственного восприятия, находятся на разных ступенях их освоения социальной сферой. Так, часть глаголов содержит компонент социальной семантики лишь в отдельных своих лексико-семантических вариантах (далее — ЛСВ), а другая часть полностью утратила значение чистой чувственной перцепции без социального компонента. Различия могут быть и внутри видовой пары: глагол *разглядеть* в совершенном виде может употребляться в значении «распознать и отнести к какому-либо классу» и быть репрезентантом социального восприятия (*Критики разглядели в нем актера*), а *разглядывать* в несовершенном виде обладать таким значением не может.

Можно выделить четыре ступени приобретения глаголами социальной семантики:

1. Приобретение социального аспекта. Глаголы чувственного восприятия могут нести в себе отпечаток социальной сферы, не репрезентируя ситуацию социального восприятия. Так, с точки зрения О. Ю. Авдевиной, в семантике некоторых глаголов чувственной перцепции мы находим отражение значения социального статуса, неравенства (например, *лицезреть*) [2].

2. Развитие социальных значений у отдельных употреблений, группы употреблений или у отдельного ЛСВ глагола: *рассматривать, услышать, прощупать*, и др. В данном

случае социальное значение для глагола — не единственное и не главное, оно развивается в определенных контекстах, при особом характере субъекта и объекта перцепции. Так, одна из схем предложений, в которых глагол *видеть* приобретает социальное значение: $N_1 V_f N_6 N_4$, где N_1 — субъект восприятия, N_6 — объект, а N_4 — суждение субъекта об объекте (*Они... злили его тем, что всё же **видели** в нём азиатского владыку, а не европейского лидера.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3, 1960]).

3. Переход от чувственного восприятия к социальному: *слушаться, сочувствовать*, и др. Значение социального восприятия для этих глаголов — главное или единственное, в меньшей степени зависит от контекста: ***Заслушав** дело, высший законодательный орган империи своим указом утвердил усыновление вышеозначенного Григория.* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой, 2012]. При этом глагол может содержать в себе не только значение социального восприятия (как в представленном выше примере, где перцепцию репрезентирует глагол *заслушать*, а проявление в социальном действии — глагол *утвердить*), но и значение социального действия, и тогда последнее не требует отдельной репрезентации в предложении (*слушаться*).

4. Утрата основного значения восприятия и приобретение значения социального действия. Часть глаголов (*видеться, досмотреть* и др.) настолько плотно вошла в систему номинаций социальной сферы, что само значение восприятия было вытеснено в них значением социального действия. Однако значение восприятия не может быть утрачено полностью, поскольку любое социальное действие является результатом перцепции в социальной сфере.

Дальнейшая работа в этой области предполагает разработку классификации данных глаголов и изучение влияния аспектных характеристик и лексико-синтаксического окружения на формирование их семантических особенностей.

1. Ким И. Е. Социальное восприятие и его языковая модель // Вестник НГУ. Сер.: История, Филология (Филология). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2002. Т. 1. Вып. 1. С. 85–91.
2. Авдеевнина О. Ю. Социальные аспекты действительности в семантике восприятия [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-deystvitelnosti-v-semantike-vozpriyatiya> (дата обращения: 10.05.2021).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. И. Е. Ким

УДК 811.14'02+811.163.1

Глаголы пространственной локализации в «Евангелии от Марка» на древнегреческом языке

О.Г. Сухинина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Объектом исследования является лексико-семантическая группа (далее — ЛСГ) древнегреческих глаголов пространственной локализации, предметом исследования — внутренняя организация этой ЛСГ. Материалом послужила сплошная выборка примеров, ограниченных физической сферой, из текстов «Евангелия от Марка» на древнегреческом языке.

1. Статическая пространственная локализация представлена глаголами бытийными и глаголами со значением помещения объекта в пространстве.

1.1. Бытийные глаголы делятся на глаголы со значением расположения и глаголы со значением временного пребывания субъекта в пространстве.

Глаголы расположения (позиционные) (16 лексем): ἵστημι 'стоять' (ЛСВ1), κάθημαι 'сидеть', ἀνάκειμαι 'возлежать (за столом)' и др.

Глаголы временного пребывания (непозиционные) (4 лексем): εἶμι 'быть, находиться', μένω 'оставаться, пребывать' и др.

1.2. Глаголы помещения также делятся на позиционные (3 лексем): ἵστημι 'ставить' (ЛСВ2), τίθημι 'ставить, класть' и др. — и непозиционные (3 лексем): χωρέω 'вместать' и др.

2. Динамическая пространственная локализация представлена глаголами движения и глаголами перемещения объекта.

2.1. Глаголы движения делятся на глаголы поступательного и непоступательного движения. Различаются глаголы ориентированного и неориентированного поступательного движения, ориентация абсолютная или (субъективно- и объективно-) относительная.

Со значением абсолютной направленности 13 лексем: а) вверх (3 лексем): ἀναβαίνω 'восходить', ἀνατέλλω 'восходить' (о солнце) и др., б) вниз (5 лексем): καταβαίνω 'спускаться', δύνω 'погружаться, заходить' (о солнце) и др., в) внутрь (3 лексем): εἰσέρχομαι 'входить', εἰσπορεύομαι 'входить', ἐμβαίνω 'входить, садиться' (на корабль), г) наружу (2 лексем): ἐξέρχομαι 'выходить', ἐκπορεύομαι 'выходить'.

Со значением относительной направленности 22 лексем: а) к субъекту наблюдения (5 лексем): ἔρχομαι 'приходить' и др., б) от субъекта наблюдения (7 лексем): ἀπέρχομαι 'отходить' и др., в) к объекту-ориентире (10 лексем): προσέρχομαι 'подходить', προσορμίζομαι 'приставать, причаливать' (на корабле) и др.

Со значением невыраженной ориентации движения (14 лексем): ἄγω 'идти', περιπατέω 'ходить кругом, прохаживаться', τρέχω 'бежать' и др.

Некоторые из проанализированных глаголов характеризуют интенсивный темп движения (7 лексем): φεύγω 'бежать, убегать' и др.

Непоступательное движение описывается глаголами разнонаправленного вращательного движения (1 лексема) *κυλίομαι* ‘валиться, кататься’ (вокруг горизонтальной оси) и колебательного движения (1 лексема) *τρέμω* ‘дрожать, трястись’.

2.2. Глаголы перемещения соответственно делятся на глаголы каузации поступательного и непоступательного движения. Поступательное движение также бывает ориентированное и неориентированное, ориентация — абсолютная и субъективно- или объективно-относительная.

Со значением абсолютной направленности 27 лексем: а) вверх (4 лексем): *ἀναφέρω* ‘возносить’, *αἴρω* ‘поднимать, нести’ и др., б) вниз (5 лексем): *χαλάω* ‘спускать, опускать’, *καθαιρέω* ‘снимать, спускать’ и др., в) внутрь (9 лексем): *ἐμβάλτω* ‘погружать, окутать, обмакивать’, *ἐσθίω* ‘есть’ и др., г) наружу (9 лексем): *ἐξάγω* ‘выводить’, *ἐκφέρω* ‘выносить, выводить’ и др.

Со значением относительной направленности 35 лексем: а) к субъекту наблюдения (3 лексем): *προσφέρω* ‘приносить, приводить’ и др., б) от субъекта наблюдения (10 лексем): *ἀποστέλλω* ‘отправлять, посылать’ и др., в) к объекту-ориенту (18 лексем): *παράτιθημι* ‘класть возле, ставить рядом, преподносить’, *ἐπιρράπτω* ‘нашивать’ и др., г) от объекта-ориентира (4 лексем): *τίλλω* ‘щипать, обрывать’, *διασκορπίζω* ‘разбрасывать, рассеивать’ и др.

Со значением невыраженной ориентации движения 7 лексем: *κινέω* ‘двигать’, *ἐλαύνω* ‘гнать, приводить в движение’ (о корабле) и др.

Значение каузации непоступательного движения (всего 5 лексем) имеют глаголы однонаправленного вращательного движения (4 лексем): *προσκυλίω* ‘подкатывать, приваливать’ и др. (вокруг горизонтальной оси), *ἐπιστρέφω* ‘поворачивать, обращать’ (вокруг вертикальной оси) — и колебательного движения (1 лексема): *σαλεύω* ‘трясти, колебать’.

Итак, в Евангелии выявлен 151 древнегреческий глагол статической (17 %) и динамической (83 %) некаузируемой (47 %) и каузируемой (53 %) пространственной локализации. Глаголы статической локализации делятся на позиционные (73 %) и непозиционные (27 %), динамической локализации — на глаголы поступательного (94 %) (в том числе ориентированного — 82 %, неориентированного — 18 %) и непоступательного движения (6 %) (в том числе вращательного — 71 %, колебательного — 29 %). Представлена абсолютная (41 %) и относительная ориентация (59 %) (относительно субъекта наблюдения — 44 %, относительно объекта-ориентира — 56 %). Следовательно, в древнегреческом тексте Евангелия преобладают динамические ситуации, положение тел в пространстве характеризуется с высокой детализацией, описывается преимущественно поступательное движение, непоступательное движение чаще вращательное.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

УДК 811.512.156

Глаголы говорения в тувинском языке

Ч.Э. Таваажап

Тувинский государственный университет, Кызыл

Объект настоящего исследования — глаголы говорения, т. е. слова, обозначающие процесс устной и письменной передачи информации и являющиеся главным способом коммуникации людей друг с другом. Актуальность данной работы состоит в рассмотрении разных оттенков и особенностей глаголов речи в тувинском языке.

Глаголы говорения интересовали ученых с давних времен. Их изучению посвящено немало трудов как в русском языке, так и в некоторых в тюркских языках. В тувиноведении данный вопрос не был объектом специального исследования. Материалом для теоретического исследования послужили научные труды ведущих лингвистов России в данной области.

В качестве языкового материала были использованы произведения художественной литературы писателей Республики Тыва.

В письменных памятниках древнетюркского рунического письма и в произведениях тувинского устного народного творчества в большинстве своем использовался глагол *-де/-ди* ('говорить, сказать'). С течением времени и в процессе развития языковой системы данный глагол постепенно переходил в разряд малоупотребительных слов. В современном тувинском языке наиболее употребительным и нейтральным является *чугаала* — 'говорить, сказать'.

Настоящее сообщение является частью работы, цель которой — систематизация и описание глагольной лексики, используемой в основном для передачи косвенной речи.

Первичная и предварительная систематизация полученных данных позволила разделить глагольную лексику по последующим группам:

1. Сообщать что-либо кому-либо посредством речи:

а) *чугаалаар* ('говорить, сказать, повествовать, выступить, произносить речь'): *Ам даарта ортузунга олурайн шиве, эштер — деп чугаалап-тыр эвеспе.* 'Друзья, завтра посередине буду сидеть, хорошо, — говорил он';

б) *медээлээр* ('известить, информировать; дать сообщение; передавать'): *Ол дугайты хаанга медээлээн турар ужурлуг бис! (ДЭ)* 'Об этом мы должны известить царя';

в) *сүме айтырар* 'спросить, обратиться с вопросом': *Бо малды чүнүң-биле эзертеп, чүгеннеп мунар чүвел, ачай? (Т-Х) — деп айтырып-тыр.* 'Отец, а как оседлать и надеть уздечку? — спросил сын';

г) *кандыг-бир дылга чугаалаар* ('говорить на каком-то языке'). *Ол кижини эки орустаар, эки тывалаар дидир. (КК Кб)* 'Сказали, что он хорошо говорит и по-тувински, и по-русски';

д) өпейлээр ('убаюкать, успокоить, напевая колыбельную'). *Шаандан тура ие кижилер кавайда чаш төлүн өпейлеп удудар.* (СК) 'Испокон веков мамы убаюкивают своего малыша, напевая колыбельную'.

2. Находиться в общении с кем-либо:

а) сымыраныр ('шептать, говорить, произносить очень тихо, шепотом'): *Кол-ла чүве — эки демдек алырында — деп, инструктор башкызы кулаанга сымыранган.* (И. Б. УК) '«Самое главное — получить хорошую оценку, — прошептал на ухо инструктор»';

б) харыылаар ('ответить, дать ответ, отозваться'): *Четтирдим, Василий Семенович. Ам-даа кызар мен. — деп Кидиспей харыылаан.* (И. Б. УК) '«Спасибо, Василий Семенович. Буду и дальше стараться, — ответил Кидиспей»';

в) кый дээр ('звать, попросить кого-либо подойти словом/жестом, подозвать'). *Кым кый деп турар чүве боор?* (ВК С) 'Кто меня зовет?';

3. Глаголы со значением побуждения:

а) хыйланыр, химиренир, думчуктаар ('ворчать сердито, бормотать, выражая недовольствие'): *Аяң бээр сун! — деп, акызы хыйланган.* 'Поддай-ка чашку! — Ворчал брат';

б) албадаар, командалаар ('заставлять говорить, принуждать / дать команду так сказать'): *Кызыл партизаннар командири келгиже, Тараачы бисти командылап турган, ынчангаи аңаа долузу-биле бүзүрээр апарган мен.* (СТ Ас) 'Пока не появился командир красных партизан, нами командовал Тараачы, поэтому я стал полностью доверять ему'.

4. Глаголы эмоционального отношения и оценки:

а) ыглаңнаар ('говорить, издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, плач; плачущий голос'): *Бажым аарып тур, авай! — деп, Чинчи ыглаңнаан.* (ВК С) 'У меня голова болит! — плачущим голосом жаловалась Чинчи';

б) чырыын чыртайтыр, кыжырыыр, кочулаар ('говорить с насмешкой'): *Ында чүгле уштунчак думаалыг сени чоктап тур боор ийин — суг дигилеп, кочулап турганнар.* (СТ Ас) 'Там только тебя сопливого не хватает, — насмеялись они';

в) кыржыр, алгыжар ('высказывать друг другу упреки, недовольствие, обвинения; препираться, браниться'): *Чазыйлаан, чилбилээн кулугур, чип-сыырып алгаи, канчап олурарың ол? — дивишаан, удур кыржы-ла берген.* 'Алчный, ненасытный негодяй, ты же все слопал, как ты себя ведешь? — сказал, и они начали ссориться';

г) алгырар ('издавать крик; говорить слишком громко'). *Эзирни! Эзирни! Шуурганга удур ужуп чор! Көрүңер даан! Дидимин — деп алгырып тур мен.* (БД ДЭ) 'Орел! Орел! Летит против бури! Смотрите! Какой смелый! — начал я кричать'.

Предварительный анализ глаголов говорения в тувинском языке показал, что они составляют особый пласт лексики и нуждаются в дальнейшем специальному изучению.

1. Ермолаева И. А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.306.

2. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: «Советская энциклопедия», 1968. 646 с.

УДК 811.11

Имя существительное в языке немцев-меннонитов, проживающих на территории Сибири

А. С. Чеусова

Новосибирский государственный университет

Носители плотдич — представители особой этно-конфессиональной общности — проживают в разных уголках земного шара, в том числе в Южной Америке, Канаде и Сибири. Представленная работа выполнена на материале языка, бытующего в Сибири (Омская, Новосибирская области, Алтайский край). Этот язык (Plautdietsch, плотдич) имеет смешанный характер, выступая в работах исследователей как особый нижненемецкий диалект [1] и как самостоятельный язык [2].

Так или иначе, плотдич имеет нижненемецкую грамматическую основу: его морфология близка именно к нижненемецкой [3]. Ранее морфология имени существительного в плотдич Сибири не рассматривалась. Имеющиеся немногочисленные описания дают общую характеристику именных категорий. К тому же эти описания производились несколько десятилетий назад. Настоящая работа будет посвящена имени существительному этого миноритарного языка. Мы попытаемся дать характеристику именных категорий, а это: род, число, падеж. Морфология имени в плотдич сходна с морфологией имени немецкого языка вообще, а в частности — нижненемецкого (категории те же, имеют формально то же выражение). Но исследование показало и существование отличий.

В большинстве случаев род существительных в плотдич совпадает с литературным немецким, но есть особый случай — димунитивы. В литературном немецком все димунитивы относятся к среднему роду, в плотдиче же другая тенденция. Часть таких существительных остается с исходным родом: *tumtje* ‘бабушка’.

В форме существительного множественность может маркироваться двумя способами: внутрифлективными и внешнефлективными средствами [4]. Как и в литературном немецком и его диалектах, плотдич имеет ряд формантов, которые присоединяются к основе существительного и образуют форму множественного числа. Это варианты общенемецких *-e*, *-en*, *-er*, *-s*. Наибольшее распространение получил суффикс *-s*. Например, *bit* ‘укус’ — *bits* ‘укусы’ [5].

Многие существительные в плотдич, как и в других западногерманских языках, образуют свою форму множественного числа с помощью внутренней флексии, которая охватывает чередования гласных и согласных: *apfel* ‘яблоко’ — *apel* ‘яблоки’. При этом она часто осложняется суффиксацией. Также встречается и смена согласного: *frint* ‘друг’ — *frind* ‘друзья’.

Плотдич сохранил только три падежа, а именно: именительный, винительный и дательный. Родительный падеж отсутствует; принадлежность выражается различными конструкциями. У одушевленных существительных с помощью предлога *von*, а у нео-

душевленных — конструкцией, включающей дательный притяжательный (Possessiver Dativ): *mine Ouma ir brouda* ‘брат моей бабушки’.

Перспективой данного исследования видится описание других частей речи и грамматических категорий в этом языке для составления определенного сборника грамматики плотдич.

1. Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademie Verlag Berlin, 1966. S. 8.
2. Kanakin I.A., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. S. 49–51.
3. Siemens H. Plautdietsch. Grammatik Geschichte, Perspektiven. Bonn: Tweeback Verlag, 2012. S. 124.
4. Канакин И. А. Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск: «Наука», 1983. С. 39–43.
5. Wall H., Wendel S., Jedig H. Wörterbuch. Bonn: Tweeback, 2019. 889 S.

Научный руководитель — канд. филол. наук, ст. преп. Е. А. Либерт

УДК 811.161.1

Тематическая классификация универбатов с компонентом числительным в современном русском языке

Чэнь Мэйвэй

Новосибирский государственный университет

В докладе представлены результаты комплексного анализа лексико-семантических особенностей универбатов с компонентом числительным в современном русском языке (*двустволка, одноэтажка, десятилетка* и т. п.).

Научная новизна исследования заключается в множественной выборке универбатов с компонентом числительным на материале художественного и публицистического подкорпуса Национального корпуса русского языка за период 2000–2020 гг., в детальном рассмотрении лексико-семантических особенностей выявленных универбатов и классифицировании актуальных тематических групп собранных универбатов на основе Большого толкового словаря под ред. С. А. Кузнецова [1] и Малого академического словаря [2].

Практическая значимость работы заключается в возможности практического применения результатов исследования явления универбации для преподавания русского языка как иностранного, а также формирования потенциального словаря изучающего русский язык как иностранный.

В исследовании путем сплошной выборки из материалов Национального корпуса русского языка за период 2000–2020 гг. и словарей было отобрано 146 единиц. Проверив отражение выявленных универбатов в словарях русского языка, мы заметили, что некоторые анализируемые универбаты (*одногодка, пятизвездник, семисвечник* и т. д.) пока не включены в словари. Такие слова мы отнесли к неологизмам. Также существуют лексемы (*шестьразрядник, трехвостка, двухполоска* и т. д.), которые не встретились в материале подкорпуса, но имеются в словарях. Эти слова мы классифицируем как малоупотребительные или устаревшие.

В ходе лексико-семантического анализа мы заметили, что среди универбатов есть однозначные и многозначные слова. В отличие от остальных, у универбатов с компонентом числительным полисемия представлена в меньшем объеме. На основе компонентного анализа мы проанализировали значения собранных универбатов и разделили все универбаты с компонентом числительным на две группы: обозначающие конкретный предмет и имеющие значение лица. Также мы отметили, что именно среди универбатов с компонентом числительным отсутствуют слова с отвлеченным значением, которые выражают понятия, ситуации, действия, состояния и качества предмета. Кроме того, мы заметили, что в процессе производства универбатов принимают участие некоторые типичные компоненты, например: «курс», «класс», «звезда», «единица валюты» и т. д.

В процессе нашего исследования все выявленные универбаты с компонентом числительным были разделены на 27 тематических групп (ТГ); в частности нами была выде-

лена ТГ «Человек» (*ученик, студент, спортсмен, рабочий* и т. д.), ТГ «Предмет» (*произведение, инструмент, транспорт, дорога* и т. д.), ТГ «Растение», ТГ «Животное», ТГ «Насекомое» и др. Тематические группы универбатов не являются замкнутыми и ограниченными, поскольку часть универбатов многозначны и по лексико-семантическим вариантам могут входить в разные группы, например: 1) **пятиминутка** — кушанье, приготовляемое очень быстро — ТГ «Питание», 2) **пятиминутка** — короткое производственное совещание — ТГ «Совещание».

В современном русском языке универбаты не только являются единицами разговорной коммуникации, но также единицами сленговыми и жаргонными, например, слова, входящие в ТГ «Оружие» и «Спортсмен». Кроме того, мы также обнаружили, что в современном русском языке универбаты широко употребляются в разных областях, они используются как наименования конкретных групп людей и внутригородских объектов, также употребляются при номинации культурных и социальных объектов.

1. Большой толковый словарь / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
2. Словарь русского языка: В 4 т. (Малый академический словарь) / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. 4-е изд., стер.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова

УДК 81'35

Орфографическое правило как речевой жанр

Е. Н. Шарангович

Новосибирский государственный университет

Современное жанроведение в русистике начинает свою историю с небольшого исследования М. М. Бахтина, где автор рассуждает о «речевом жанре», который впоследствии как понятие входит в филологический обиход [1]. Т. В. Шмелёва наметила выход «за пределы повседневного общения, в рамках которого сложилась теория речевых жанров», и предложила рассматривать жанры «сквозь призму сферных различий речи» [5].

Объектом изучения является орфографическое правило как один из вторичных комплексных речевых жанров (РЖ).

Номинация РЖ «Орфографическое правило» основывается на лексеме *правило*, в толковании которой на первое место в разных словарях выносятся признак 'закономерность' [3]. Также одним из значений (не главным) выступает 'норма поведения' [6]. Первичный жанр, послуживший основой для РЖ «Орфографическое правило», основывался на обычае и был связан с нормированием общественного поведения. Расширив свои границы, правило стало «орфографическим законом».

Орфографическое правило определяется по-разному, но в каждой из его дефиниций указывается инструктивный характер текста, что связывает его с РЖ «Инструкция». Поэтому можно говорить о том, что орфографическое правило — это узаконенная норма, представленная в форме инструкции.

В зависимости от элементов, содержащихся в формулировках правила, оно либо предполагает, либо не предполагает определенный порядок действий; по этому основанию разграничиваются правила-констатации и правила-инструкции. Правило-констатация — это тип орфографического правила, в котором называются признаки и орфограмма. В правиле-инструкции описываются признаки для выбора одного из вариантов орфограммы.

Описание РЖ «Орфографическое правило» строится с опорой на жанрообразующие признаки модели РЖ, сформулированные Т. В. Шмелёвой [4]. При этом орфографическое правило обладает рядом специфических черт, которые требуют уточнения и видоизменения некоторых из этих параметров. Добавляется образ источника, так как орфографическое правило уместно в учебнике, справочнике и т. п. Адресатом является читатель. Говоря о месте в системе источника, мы имеем в виду системное взаимодействие того или иного орфографического правила с другими правилами.

Диктумом является лингвистическая информация, обеспечивающая правильное написание. Он предполагает две обязательные части: 1) лингвистическую формулировку, в которой констатируется норма; 2) пример, иллюстрирующий применение правила на практике. Факультативным является теоретическое обоснование, в котором эта норма представляется с позиции «почему так пишется».

При описании модели РЖ «Орфографическое правило» мы опираемся на следующие параметры: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ читателя; 4) образ источника; 5) диктум; 6) место в системе источника; 7) формальная организация.

М. А. Кантурова пишет о возможности «дальнейшей деривации вторичных жанров» [2], в РЖ «Орфографическое правило» движение может продолжаться, что приводит к формированию жанровых подвидов: «Академическое правило», «Правило для специалистов», «Школьное правило».

Таким образом, РЖ «Орфографическое правило» — это научный текст лингвистического содержания, созданный с целью констатировать написание графического знака и предоставить порядок и способ выбора единственно правильного написания из нескольких возможных. Это вторичный письменный жанр малой формы с относительно свободной структурой, имеющий подвиды, которые еще предстоит подробно описать и классифицировать.

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // М. М. Бахтин. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1996. С. 159–206.
2. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
4. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
5. Шмелёва Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. Саратов, 2012. № 8. С. 26–37.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: ок. 160 000 слов [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000 URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 02.02.2022).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

УДК 811.11:81'342.55

Консонантизм языка меннонитов Новосибирской области

К. В. Шиндрова

Новосибирский государственный университет

Меннониты, представители особого религиозного направления, которые появились на территории Сибири в конце XIX — начале XX века, говорят на койне нидерландско-фризских диалектов. Их язык (самоназвание *Plautdietsch*, плотдич) оформлялся сначала на территории Пруссии, а затем Украины, откуда меннониты расселились по всему миру (страны Южной Америки, Канада, Сибирь, Казахстан и в последнее время Германия). *Plautdietsch* обладает смешанным характером и сочетает в себе как субстратные нидерландско-фризские черты, так и суперстратные нижненемецкие характеристики.

На территории Сибири носители языка плотдич живут в деревнях, считающихся немецкими (в Омской и Новосибирской областях, в Алтайском крае). Несмотря на то, что меннониты говорят между собой на родном языке, плотдич до сих пор остается бесписьменным и функционирует только в устной форме. Молодые письменные традиции плотдич складываются в Канаде и Германии.

Язык немцев-меннонитов Новосибирской области привлекает внимание современных ученых, информации по нему мало и, за исключением работ Е. А. Либерт и И. А. Канакина, специальных исследований по языку новосибирских меннонитов не проводилось.

Цель работы — выявление инвентаря согласных фонем языка меннонитов НСО методами экспериментальной фонетики.

Для исследования консонантизма языка меннонитов НСО была применена комплексная методика, включающая субъективные методы аудиовизуального наблюдения и анализа показаний информантов; собственно лингвистические функциональные методы фонологического анализа, в основе которых лежат смыслоразличительные критерии дополнительной и различительной релевантности и критерий свободного варьирования: дистрибутивный метод, метод минимальных пар (полная и частичная квазиомонимия), компонентный анализ.

Материалом для исследования послужили записи, полученные от носителей языка плотдич в ЛЭФИ СО РАН (12–14 февраля 2021 г.) и в с. Неудачино Татарского района Новосибирской области (24–28 ноября 2021 г.). Был составлен опросник, состоящий из рядов слов, содержащих интересующие звуки во всех возможных позициях в слове (CV-, [C]CV-, C[C]V-, -VCV-, -[C]C₁-, -[C]C₂-, -[C]C₃-, -C₁[C]-, -C₂[C]-, -C₃[C]-, -[CC]-, -V[C]C, -VC[C], -C[C]C, -CC[C], -VC *). Запись словоформ производилась на диктофон

* Группы согласных условно обозначены: C₁ — глухие согласные (смычные и щелевые), C₂ — звонкие согласные, C₃ — малошумные. Для обозначения гласных звуков использовался символ V. В квадратные скобки [] заключен рассматриваемый звук.

(Zoom H4n); программа состояла из 502 словоформ в двукратном и трехкратном произнесении; общее время записи — 6 часов 20 минут.

В ходе исследования согласно правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого был выявлен инвентарь согласным фонем языка меннонитов НСО, состоящий из 18 шумных — /p/, /b/, /f/, /v/, /t/, /d/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/, /ts/, /ç/, /k/, /g/, /x/, /h/, и 6 малошумных — /m/, /r/, /l/, /n/, /j/, /ŋ/. Наличие квазиомонимов ([pɛç] ‘смола’ — [bɛç] ‘гнет’; [rɔmp] ‘насос’ — [lɔmp] ‘лампа’; [tɔp] ‘кастрюля’ — [pɔp] ‘кукла’ — [kɔp] ‘голова’, [lada] ‘кожа’ — [vada] ‘погода’, [hojt] ‘горячий’ — [lojt] ‘к сожалению’, [bɛt] ‘до’ — [mɛt] ‘середина’, [oft] ‘горох’ — [ost] ‘куст’) помогло верифицировать корректность выделения фонем.

Характерной чертой германских языков являются биконсонантные сочетания в начале во всех позициях в словах [kval] ‘источник’, [grof] ‘могила’, [br’узə] ‘бушевать’, [hopt] ‘главное’, [rɛtsapt] ~ [rɛtsɛpt] ‘рецепт’, [ʃnops] ‘водка’, [prɛps] ‘кофе’; и триконсонантные сочетания (-ССС-) в медиальной позиции в словах [halp’Иs] ‘беспомощно’, [v’et’fr’y] ~ [vɛtfr’y] ‘вдова’, [frɛntʃaft] ‘дружба’, [ɛndret] ‘впечатление’; а также в финальной позиции — [konst] ‘искусство’, [darft] ‘жажда’, [punkt] ‘точка’.

В инициальной позиции палатализованные согласные употребляются с гласными переднего ряда верхнего подъема (Б, З), с гласными переднего ряда среднего подъема (е, И). Позиционно-комбинаторные условия палатализованных согласных в финальной позиции нарушают теорию появления палатализации только в сочетании с гласными переднего ряда верхнего, средне-верхнего, средне-нижнего и нижнего подъемов: [rɛt] ‘богато’, [ʃrat] ‘испуг’, [jɔlɛt], [ʃn’ed], [mɛd] ‘комар’, [h’ys] ‘дом’, [fil] ‘напильник’, [yl] ‘сова’.

Согласные звуки также встречаются в позиции морфологического и внутреннего сандхи:

- морфологическое сандхи: [ʃlopl’Иs] ~ [ʃlupl’Иs] ‘бессонно’, [frɛntʃaft] ‘дружба’
- внутреннее сандхи: [ʃlupʃtu] ‘спальня’, [krombojn’ɛç] ~ [krombojnɛ] ‘кривоногий’, [v’ɛtbuh] ‘словарь’, [v’in’dr’yv] ~ [v’in’dr’yvɛ] ‘виноград’.

Стечение трех и четырех согласных характерно для германских языков, в первую очередь, немецкого.

Результаты носят предварительный характер и требуют дальнейшей верификации соматическими и акустическими методами.

Научный руководитель — канд. филол. наук Т. Р. Рыжикова

УДК 811.161.1

Отношение между перифрастическим выражением и фразеологической единицей в русском языке

Ян Цзайхуэй

Новосибирский государственный университет

Целью нашего исследования является выявление сходства и различий между перифрастическим выражением и фразеологической единицей в русском языке.

Мы планируем исследовать отношение между двумя средствами выражения в следующих аспектах: определение, классификация и свойства.

1. Определение

Перифраза — явление, не имеющее в лингвистической науке однозначного понимания. На основании анализа многочисленных определений перифразы, которые мы встретили в справочной и специальной литературе, мы видим, что многие исследователи имеют собственную концепцию перифразы. Поэтому мы рассмотрели основные компоненты понятия перифразы и выделили несколько групп определений:

- 1) перифраза как описательное выражение;
- 2) перифраза как стилистический прием;
- 3) перифраза как троп тождества;
- 4) перифраза как словосочетание;
- 5) перифраза как способ номинации.

Фразеология — это наука, изучающая лексически неделимые, целостные по значению, воспроизводимые в готовом виде речевые единицы, или сочетания слов. Нами были рассмотрены определения таких ученых как Ш. Балли, В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, В.Н. Телия, Т.И. Вендина, А.Г. Назарян, Л.Л. Нелюбин, А.В. Кунин, Н.М. Шанский. Для фразеологической единицы (фразеологизма) также не существует единого определения.

На основании разных трактовок термина «фразеологизм» мы можем сделать обобщение, что существуют следующие основные определения: 1) отдельно оформленная единица языка; 2) сочетание слов с неделимым значением.

Надо отметить, что фразеологизм состоит из двух или более лексических компонентов, а в качестве перифразы в одном из ее пониманий может использоваться не только словосочетание, но и одно слово.

2. Классификация

Кроме того, не существует и единой классификации перифразы и фразеологизмов. Чтобы более четко понять разницу между ними, мы составили следующую таблицу.

Классификация перифразы и фразеологизмов по разным основаниям

Тип классификации	Классы перифраз	Классы фразеологизмов
по грамматической структуре	субстантивные; адъективные; глагольные	субстантивные; адъективные; глагольные; адвербиальные; междометные
по семантическим особенностям	образные; логические	фразеологические сращения; фразеологические единства; фразеологические сочетания
по происхождению	традиционные; индивидуально-авторские	исконно русские фразеологизмы; заимствованные фразеологизмы; фразеологические кальки; фразеологические полукальки

3. Свойства

Перифрастическое выражение является самостоятельной единицей речи, обладающей индивидуальным набором свойств и признаков, отличных от других иносказательных оборотов. По нашим наблюдениям, перифраза может быть наделена целым рядом весьма существенных и менее существенных свойств и признаков, таких как вторичность, устойчивость, экспрессивность, образность.

Фразеологические единицы являются единицами языка. Перифразы создаются в речи. Речевые перифразы (моделируемые и немоделируемые) либо так и остаются речевыми, используемыми в единичных случаях, либо приобретают свойство устойчивости и воспроизводимости. Большинству фразеологических единиц свойственна непроницаемость. Однако номинативная возможность перифразы и ее компоненты существуют независимо друг от друга

Итак, перифраза представляет собой речевой прием (троп и способ номинации), вторичное, зависимое наименование реалии, часто несущее расчлененный характер, в то время как фразеологизм — это воспроизводимая языковая единица, членимая на лексические компоненты в формальном плане, но семантически целостная. В этом заключается их принципиальная разница.

Научный руководитель — д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81`25

Речевые портреты персонажей в сериале «Теория большого взрыва» и их передача на русский язык

М. Н. Васильева

Новосибирский государственный университет

На сегодняшний день фильмы и сериалы представляют собой один из наиболее значительных культурных феноменов и играют заметную роль в повседневной жизни людей. Известный стриминговый сервис «Нетфликс» в своем еженедельном отчете за последний 7-дневный период (с 31.01.2022 по 06.02.2022) указывает, что их наиболее популярное телевизионное шоу за это время посмотрело более 60 млн человек по всему миру [1]. Иными словами, с каждым годом количество производимой в медиаотрасли продукции все увеличивается, а также растет число заинтересованных в таком контенте людей. Следовательно, потребность в аудиовизуальном переводе увеличивается вместе с количеством подобных произведений, нуждающихся в адаптации для иностранного зрителя.

Приведенные выше данные указывают на актуальность исследований, посвященных проблеме аудиовизуального перевода, спрос на который продолжает расти.

В данной работе в качестве материала для изучения выступают отдельные серии комедийного американского сериала «Теория большого взрыва», вышедшего на экраны в 2007 году и на данный момент являющегося самой длинной ситуационной комедией за всю историю телевидения.

Проблема исследования связана с установлением специфики речевых портретов персонажей указанного сериала и особенностями их передачи на русский язык.

Цель работы — изучение лингвистических приемов, используемых в сериале «Теория большого взрыва» для создания речевых характеристик персонажей, а также выявление способов их передачи на русский язык.

Объектом исследования стали речевые портреты персонажей «Теория большого взрыва».

Предмет исследования — языковые средства, используемые для создания речевой характеристики персонажей, а также ее передачи в переводе.

Новизна работы заключается в исследовании принципов и приемов передачи созданных речевых портретов персонажей на иностранный язык.

Составление и изучение речевых портретов персонажей сериала позволяет проследить, каким образом языковые средства влияют на создание культовых образов и как эти образы трансформируются при переводе произведения на другой язык. Так, среди черт, характеризующих речь одного из главных героев — Шелдона Купера — и делающих его более запоминающимся для аудитории, встречаются следующие особенности:

сложные синтаксические конструкции, постоянное использование научной терминологии (в том числе и в ситуациях бытового общения) и т. д.

При передаче на русский язык особенностей речевого поведения данного персонажа на первый план выходят следующие приемы: синтаксическое уподобление, регулярно используемое переводчиками для передачи длинных фраз, насыщенных научной информацией, а также модуляция и экспликация.

Полная противоположность этого персонажа в сериале — его подруга и соседка по лестничной площадке Пенни. На первый взгляд, героиня представляет собой стереотипный образ красивой и обаятельной, но интеллектуально неразвитой блондинки. В отличие от Шелдона, в повседневной жизни Пенни применяет совершенно иные речевые стратегии и тактики. Непризнанный гений Шелдон, при всем своем блестящем интеллектуальном даровании испытывающий трудности с социальным взаимодействием, использует подчеркнутую нейтральность и научность как способ отстраниться от людей и их эмоций. Ему понятен и доступен лишь мир фактов, поэтому даже в наиболее простых бытовых ситуациях он подходит к решению любых проблем и вопросов именно с позиции ученого. Пенни, напротив, при своей кажущейся простоте обладает наиболее развитым эмоциональным интеллектом, она легко находит общий язык с самыми разными людьми, и именно поэтому важное место в ее речевом портрете отводится ласковым обращениям, которыми она наделяет каждого человека. Другая характерная черта — языковая игра, к которой она часто прибегает в диалогах с Шелдоном. При передаче речевых особенностей Пенни на русский язык переводчиками чаще всего использовались приемы конкретизации и компенсации.

Таким образом, описание речевых портретов персонажей известного ситкома на английском и русском языках позволяет не только проследить, какие именно черты делают их речь узнаваемой, но и понять, как меняются и меняются ли вообще герои сериала при его адаптации для другого языка и культуры.

1. Стриминговый сервис «Нетфликс» [Электронный ресурс]. URL: <https://top10.netflix.com> (дата обращения: 09.02.2022).

Научный руководитель — д-р филол. наук, доц. А. А. Алексеева

УДК. 811. 161. 1

Описание требований к кандидату на вакансию в лингвопрагматическом аспекте

С. А. Глухих

Новосибирский государственный университет

Объектом данного исследования являются описания вакансий с требованиями к кандидатам. В качестве предмета исследования выступают типы и роль языковых средств, используемых в таких описаниях. Материалом исследования послужили объявления о работе, опубликованные на сайте novosibirsk.hh.ru. В ходе исследования было проанализировано 100 объявлений на вакансию, 50 из которых представляют собой описания вакансий для программистов, 50 — описания вакансий для официантов. Нам было важно выявить сходства и различия описаний требований к кандидатам на должности двух разных типов — связанных и не связанных с интеллектуальным трудом.

На лексическом уровне одним из самых частотных средств является оценочная лексика (212 использований в текстах вакансий для официантов и 186 использований в текстах вакансий для программистов). Мы классифицировали эти слова, опираясь на типологии Н. Д. Арутюновой [2] и А. А. Алексеевой [3]. В нашем материале представлены общеоценочные единицы (*возможность получить бесценный опыт работы с разными людьми, идеальный опыт нашего кандидата*) и частнооценочные, среди которых есть различные типы сингулярных оценок (*опыт профессионального управления продуктом* — пример капаситарной оценки), а также комплексные оценки (*мы ожидаем, что вы ответственны* — в данном прилагательном представлена капаситарная и этическая оценка).

Если общие и комплексные оценки в целом совпадают в описаниях требований к кандидатам на должности программиста и официанта (представлены одними и теми же лексемами), то некоторые оценочные единицы встречаются либо только в объявлениях первого типа (*опыт руководства/участия в успешных проектах* — телеологическая оценка; *крупнейшее в Европе предприятие* — рейтинговая оценка), либо в объявлениях второго типа (намного чаще и разнообразнее представлена этическая оценка: *вежливое обслуживание, приветливые сотрудники*).

На лексическом уровне также было выявлено использование профессионализмов (*белая заработная плата, верстка, нейронка*; 4 использования в текстах вакансий для официантов и 35 — в текстах вакансий для программистов), терминов (*JavaScript, React, Ахapta*; 11 и 426), причем среди описаний вакансии программиста использование терминологической лексики являлось неотъемлемой частью каждого текста. Там же часто встречались аббревиатуры (*ЗУП, БП, БП КОРП*; 72). Были также рассмотрены тактики обращения. Среди описаний вакансий официанта преобладает использование местоимения 2-го лица ед. числа (23), в то время как в текстах вакансий программистов — местоимения 2-го лица мн. числа (19).

На синтаксическом уровне наиболее частотные средства — вставки (*возможность профессионального и карьерного (в том числе за рубежом) роста*; 87 и 159) и восклицательные предложения (*Открытость, позитивность, любовь к напиткам и к людям!*; 65 и 21). Нередко используются инфинитивные конструкции (*Дарить улыбку и позитив гостям и коллегам; уметь работать с Git-ом*; 21 и 23) и сложноподчиненные предложения с придаточным условия (16 и 10). В ряде случаев используются отрицательные конструкции с негативной семантикой (*уметь работать в команде, общаться и решать возникшие вопросы, а не умалчивать их*; 4 и 15). Кроме того, встречаются риторические вопросы (*Что мы ожидаем?*; 9 и 6) и сложноподчиненные предложения с определительным придаточным (0 и 4).

Сравнение текстов вакансий двух типов показало, что в объявлениях для соискателей на должность официанта больше экспрессии и эмоциональности (чаще используются восклицательные конструкции, риторические вопросы, обращение в форме 2-го лица ед. числа, которое «сближает» работодателя и кандидата), а в текстах, предназначенных для программистов, чаще встречается профессиональная лексика, известная только определенному кругу людей, имеет место более дистанцированное обращение в форме 2-го лица мн. числа, синтаксические конструкции в этих объявлениях в целом сложнее и разнообразнее.

1. HeadHunter [Электронный ресурс]. URL: <https://novosibirsk.hh.ru> (дата обращения: 21.11.2021).
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека: Моногр. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник ТГУ, 2019. № 449. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-aksiologicheskikh-znacheniy-po-osnovaniyu-otsenki-molodoe-vino-v-novuye-mehi> (дата обращения: 18.01.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 81.42

Оценки в комментариях к новостям о вакцинах от COVID-19

Ли Цзиньхуа

Новосибирский государственный университет

Объектом данного исследования является оценка в комментариях к новостям о вакцинах от COVID-19. Предмет исследования — типы оценок, языковые средства их презентации и оценочные доминанты в комментариях. Актуальность исследования заключается в его связи с активно развивающимися направлениями в языкознании, такими как изучение наивного и интернет-дискурса и изучение категории оценки в особом жанре интернет-дискурса — комментарии пользователей.

Материалом для анализа послужили 588 комментариев к 10 статьям на сайте информационного агентства «РИА Новости». Статьи посвящены вакцинам от COVID-19, и были нами отобраны по релевантности и популярности.

Категория оценки — «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [1]. Можно сказать, что любое высказывание, актуализированное в ситуации общения, в явном или скрытом виде содержит оценку.

Анализ, проведенный на основе классификации аксиологических значений по основанию оценки [2], показал, что оценка присутствует в большинстве анализируемых примеров (64 %). Во всем объеме данного материала было выделено 13 типов оценки. Среди них преобладает истинностная оценка (30 %) *Много не доверяя к вакцине**; *Если вам нравится жить во лжи — Пожалуйста. Только не приводите фальшивые данные за истину в последней инстанции.* Далее по количеству примеров идут: утилитарная оценка (14 %) *Прививка от ОРВИ бесполезна*; общая оценка (12 %) *Даже теоретически, вакцина нагружает иммунитет и если вы, вместе с вакциной хапнете вирус, иммунитету хорошо не будет*; эмоциональная оценка (12 %) *Смущает то, что уж очень быстро создали, быстрее только китайцы*; интеллектуальная оценка (11 %) *Такой большой, а в сказки веришь ((.*

Лексические средства — слова аксиологической семантики (*Никто таких экспериментов на людях не проводил. Это потрясающе!*) — являются основными средствами репрезентации оценки в отобранном нами материале. В выражении оценки участвуют также синтаксические средства: предложение и текст. На уровне предложения оценка может быть выражена такими средствами, как ирония (*Кто бы сомневался, что вакцину из США признают лучшей... Только вот что-то эта лучшая в мире вакцина в самих Штатах плохо помогает!*) и риторический вопрос (*Гинцбург хоть бы раз свои ля-ля цифрами подтвердил?!).* Уровень текста предполагает такую оценку, которая не получает эксплицитного выражения, а выводится читателем самостоятельно: *В но-*

* Все примеры приведены с сохранением авторской орфографии, пунктуации и стилистики.

ябре ревакцинировался лайтом. И как утверждает гамалей, защита должна быть от омикрона 100%. Увы, два дня назад, похоже подхватил омикрон. Третий день горло болит так, что даже воду пить и глотать не могу, температура 38 по ночам, днем 37,3. Завтра придут мазок на ПЦР брать. Безоблачная картинка с вакцинацией, слегка для меня подпортилась. Морфологические средства выступают вспомогательными: А вот от сидения в масках сто процентов лучше не будет!

Оценочный анализ на материале комментариев к новостям позволяет сделать вывод о том, что аксиологическая доминанта у читателей — истинность. Комментарии с истинностной оценкой могут быть адресованы любому объекту: лицу, событию или предмету, являющемуся новостью или лишь упоминаемому в статье, а также отклику другого комментатора. Сама вакцина от COVID-19 беспокоит людей своей эффективностью и безопасностью, поэтому вторая аксиологическая доминанта проанализированных комментариев — утилитарность.

1. Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 139–146.
2. Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 449. С. 5–15.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 811.512.156

Обращения в тувинском языке

К. С. Ондар

Тувинский государственный университет, Кызыл

В современном языкознании как один из объектов исследования большой интерес представляют обращения. Средства обращения в том или ином языке занимают важное место в системе речевого этикета.

Цель настоящей работы — выявление наиболее часто употребляемых слов-обращений в тувинском языке. Актуальность работы определяется не вполне достаточной разработанностью этой темы на материале тувинского языка.

Лингвист Н. И. Формановская рассматривает обращение в зависимости от ситуации, социальных ролей говорящих, исходя из представления о том, что речь в нормальной ситуации должна быть вежливой.

Обращения, употребляемые в тувинском языке, можно разделить на три группы:

1. Слова-обращения к знакомому человеку

Данная группа, в свою очередь, разделяется на несколько подгрупп.

- Обращения, связанные с названиями лиц по степени родства: *ава=й* ‘мама’, *ача=й* ‘папа’, *дуңма=й* ‘младший брат или сестра’, *акы=й* ‘брат’, *угба=й* ‘сестра’, *даай* ‘дядя’, *даай-ава=й* ‘тетя’, *уру=ум* ‘моя дочь’, *огл=ум* ‘мой сын’, *чаава=й*, *чеңге=й* (диал.) ‘сноха’.

Стоит отметить, что лексема *дуңма=й* ‘младший брат или сестра’ в диалектах тувинского языка имеет разные варианты: (э)нии=м, (ы)на=м / ына=й, ыды=м, ачак, өпей. В настоящее время в разговорной речи наиболее распространенной является уменьшительно-ласкательная форма *дуңма=я* < *дуңма=й=а*.

- Слова-обращения между супругами: *эж=им* в значении ‘любимый/любимая’, *ава=зы* ‘мать моих детей’, *ача=зы* ‘отец моих детей’. Раньше молодые люди называли своих возлюбленных по-особому: *кара чаңгыс эжи=м* ‘моя единственная’, *чараш-кара=м* ‘моя лучезарная’, *дозур-кара=м* ‘моя черноокая’ и т. д. Эти красивые слова-обращения, к сожалению, в настоящее время исчезают из языка.

В указанных выше примерах к основе слова, как правило, присоединяется аффиксы 1-го и 3-го лица ед. числа. Кроме того, в некоторых словах к корню слова прибавляется *-й* — аффикс звательного падежа, который сохранил свою функцию обозначения лица, к которому обращается говорящий.

- Дружески фамильярная форма обращений: *эи* ‘мой друг, товарищ’, *уруг* ‘девушка’, *ашак* ‘старик; мужчина, мужик’. В большинстве случаев, приятели обращаются друг к другу по имени (в основной форме). В разговорной речи представители сильного пола в качестве обращения очень часто используют словосочетания в стяженной форме: «я» < *эй аа* < *эй аал* < *эй оол* ‘эй, парень’, *эшаак/шаак* < *эй ашак* ‘эй, мужик’.

2. Обращения к незнакомому человеку/людям/народу.

Данную группу слов можно также разделить на следующие подгруппы.

- Социально-статусные: *башкы* ‘учитель в школе, преподаватель в высших и средних учебных заведениях; ламы в буддистских храмах’, *эмчи* ‘врач’, *кол шииткекчи* ‘главная судья’ и др.

Если сравнивать с культурой других народов, у русских ученик обращается к своему учителю именно по имени и отчеству, а у англичан — по фамилии. Тувинцы же обращаются к любому учителю уважительным словом *башкы*.

- Выбор формы обращений зависит от пола и возраста собеседника. Например, при помощи слов *угба=й* обращаются к старшей сестре, к женщинам незначительно старше себя, *акы=й* — к старшему брату, мужчинам незначительно старше себя, *кырган-ава=й* — к бабушке, к женщине преклонного возраста, *даай* — к дяде.

В тувинском языке считается неэтичным употребление некоторых обращений, таких как «мужчина», «женщина», «молодой человек», «девушка», употребляемых в речи русскоязычных людей. Они заменяются словами *акы=й*, *угба=й*, *дуңма=й* и т. д. Чтобы вежливо обратиться к незнакомому человеку предложение также можно перефразировать: *Буруулуг болдум, силерни болур ирги бе?* ‘Извините, можно Вас спросить’.

- Нейтральные обращения к народу. Наиболее употребляемыми являются обращения: *чон=ум* ‘мой народ’, *чыылган аал=чы=лар* ‘приглашенные гости’, *эи-өөр* ‘друзья’, *ха-дуңма* ‘братья, сестры’, *чаңгыс чер-чурт=туг=лар=ым* ‘односельчане’. В данных примерах можно заметить, что обращения по структуре становятся более сложными.

- Обращения к неодушевленному предмету: *төрээн чер=им* ‘моя родная земля’, *аккөк дээр=им* ‘мое голубое небо’, *арыг суг=лар=ым* ‘мои чистые реки, озера’. Их применение зависит от ситуации общения.

По структуре обращения делятся на:

- 1) нераспространенные обращения, которые выражаются одним словом: *дарга* ‘начальник, председатель’, *Тыва=м* ‘моя Тува’, *Россия* и др.;

- 2) распространенные обращения, которые состоят из двух и более лексем, т. е. главного и зависимого слова: *ынак ава=й* ‘любимая мама’, *эргим эж=им* ‘мой дорогой друг’, *хүндүлүг башкы=выс* ‘наша многоуважаемая учительница’ и т. п.

В заключение можно отметить, что тувинский язык в последнее время пополняется необычными, неродными словами-обращениями, которые в дальнейшем следует изучать более детально.

1. Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003; 2011. Т. I; II.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. М. Куулар

УДК 811.161.1

Жанровые характеристики любительской рецензии на фанфики (на материале сайтов ficbook.net и efrfanfic.net)

О. А. Польщицина

Новосибирский государственный университет

Объектом исследования в нашей работе является жанр любительской рецензии на фанфики. В качестве предмета выступают оценочные и композиционные характеристики этого жанра.

Материалом работы стали рецензии на русские и итальянские фанфики, собранные методом сплошной выборки на сайтах ficbook.net и efrfanfic.net. Используя в качестве теоретической основы классификации Н. Д. Арутюновой и А. А. Алексеевой, мы выявили наиболее частотные типы оценок в данном жанре. В русских текстах это эмоциональная (31) (*Можно я просто выражу восхищение*), капаситарная (27) (*поэту столько не достающих знаков препинание*) и общая оценка (23) (*будет очень даже хороший Фик*). Иногда в одной языковой единице совмещено несколько типов оценок, тогда мы можем говорить о комплексной оценке (16): *Персонажи получились действительно живыми, и каждый со своим набором переживаний и чувств*. Здесь отмечается умение автора (капаситарная оценка) передать характеры персонажей такими, какие они есть на самом деле (истинностная оценка). В итальянских текстах самым распространенным типом оценки являются эмоциональная (50): *Wow, aspettavo questo aggiornamento da anni!* 'Вау, я ждал этого обновления годами!'; общая (11): *Davvero un buon lavoro* 'Действительно хорошая работа'; капаситарная (9): *hai descritto così bene il mare* 'ты так хорошо описала море'. Встречается и комплексная оценка (22).

На уровне синтаксиса в русских рецензиях наиболее частотными средствами выражения или усиления оценки являются риторическое восклицание (10): *У вас очень хорошо получается!* и антитеза (7): *Поэтому увидев фэндом, думала разочаруюсь. Но нет, вы меня приятно удивили*. В выражении оценки участвуют и ряды однородных членов (10): *Конец очень красивый и трогательный*. В итальянских текстах средствами усиления оценки являются риторическое восклицание (24): *Sono scoppiata a ridere, giuro!* 'Я умерла со смеху, клянусь!' и ряды однородных членов (10): *La trama è banale, noiosa* 'Сюжет банальный, скучный'.

Мы выяснили, что с точки зрения аксиологической интерпретации в русских текстах положительные оценки (96) (*Безумно сладчайшая и милая история*) преобладают над отрицательными (17) (*детская обида <...> делает фанфик очень недалёким*), их почти в 5 раз больше. В итальянских рецензиях наблюдается еще более заметный количественный разрыв: положительных оценок (96) (*È davvero molto carina* 'Она очень милая') в 16 раз больше, чем отрицательных (7).

Выбранные нами рецензии являются элементами интернет-коммуникации (ИК), поэтому их композиция значительно отличается от композиции традиционных рецензий.

Русские рецензии в ИК обычно начинаются сразу с основной части, то есть с анализа главы и выражения эмоций. Иногда рецензия начинается с того, что рецензент указывает, откуда он узнал о данной работе: *Привет с фестиваля отзывов!* Если в фанфике есть ошибки, то рецензия обычно начинается с их разбора. Далее рецензент благодарит автора за работу и выражает надежду на ее продолжение: *Ждём следующую!* Итальянские же рецензии обычно начинаются с похвалы какой-либо главы: *Mio Dio, questo capitolo è l'amore* 'О Боже, эта глава — любовь'. Затем рецензент указывает наиболее понравившиеся моменты, нередко копируя отрывок из работы в свой отзыв. Что примечательно, если в работе есть ошибки, то автор рецензии пытается их оправдать и заверить автора работы, что они незначительны. Рецензия заканчивается комплиментами автору, прощанием и подписью рецензента.

Таким образом, носители обоих языков, описывая фанфики, обращают внимание на эмоции, которые вызывает произведение, и профессионализм автора, поэтому часто используют эмоциональную и капаитарную оценки. Рецензенты высказывают мнение о тех произведениях, которые им понравились, поэтому число положительных оценок значительно превышает количество отрицательных, особенно в рецензиях на итальянском языке. Что касается композиции, то итальянские рецензенты, как и русские, указывают на ошибки, но в основном делают это аккуратно, чтобы не обидеть автора работы. Русские тексты чаще всего заканчиваются выражением надежды на продолжение работы, в то время как в итальянских используется структура личного письма, поэтому рецензия заканчивается прощанием и подписью.

1. Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 449. С. 5–15.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 811. 161. 1

Языковые и визуальные средства репрезентации научных объектов и явлений в современной детской литературе (на материале книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур и «Такие удивительные насекомые» А. Тихонова)

Е. Р. Прокопьева

Новосибирский государственный университет

Объектом настоящего исследования являются научные объекты и явления, представленные в книгах для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Такие удивительные насекомые» Александра Тихонова и «Увлекательная астрономия» Елены Качур. В качестве предмета выступают типы и функции языковых и визуальных средств, используемых для репрезентации научных объектов и явлений. В ходе исследования были проанализированы 522 вербальные единицы и 141 изображение.

Невербальный компонент энциклопедии «Увлекательная астрономия» представлен иллюстрациями, символическими изображениями и схемами. Невербальный компонент книги «Такие удивительные насекомые» — фотографиями и иллюстрациями.

Вербальные компоненты книг включают в себя единицы разных уровней языка. На уровне фонетики в энциклопедии «Увлекательная астрономия» было выявлено звуковое подражание астрономическому феномену (*Ветер [на Юпитере] дует: «У-у-у! Ф-ф-фить!»*; 2). В книге «Такие удивительные насекомые» представлены стихотворные вставки (*Безобидный великан / не уместится в карман! / Не пугайся и не плачь, / не укусит жук-рогач!*; 31) и аллитерации (*жужжат жуки размером с голубя*; 3).

На лексическом уровне в книге «Увлекательная астрономия» представлены индивидуально-авторские метафоры («*Ой, дядя Кузя, просто хоровод какой-то...! И как же это всё вместе называется?*» — «*Солнечная система*»; 20), олицетворения (*за один земной год Меркурий «прожил» целых четыре*; 14), эпитеты (*а у хвостатой Большой Медведицы хвостатого медвежонка случайно нет?*; 5). Помимо стилистически нейтральной лексики в тексте встречаются стилистически окрашенные единицы, которые обладают экспрессией или семой интенсивности (*они [метеориты] врезаются в атмосферу на огромной скорости*; 14), а также оценочная лексика (*Как здорово! Луна далеко-далеко, а в телескоп посмотришь, и вот она уже близко*; 4). В книге «Такие удивительные насекомые» были выявлены индивидуально-авторские метафоры (*в «небоскрёбе» [термитнике] <...> живёт семья*; 23), олицетворения (*они [насекомые] умеют шить, лепить, сверлить, жать, ткать*; 20), эпитеты (*яркий клоунский «наряд» определил и название жука — арлекин*; 11) и синонимы (*лёгкий, порхающий полёт махаона*; 2). Фразеологические единицы для репрезентации объектов и явлений науки в обеих книгах практически не используются.

На морфологическом уровне в обеих книгах представлены формы сравнительной и превосходной степени (*самая большая орбита у Нептуна*) и морфемы, выражающие дополнительный оттенок значения слова (*зеленоватое свечение*).

На уровне синтаксиса в «Увлекательной астрономии» были выявлены антитезы (*одни звёзды моложе, другие старше*; 24), сравнения ([луна] *круглая, жёлтая, как блинчик*; 38), диалоговая форма повествования («*Это не звездочка упала, а метеорит.*» — «*Мете-о-рит?*» — «*Да. Так называют небесное тело, упавшее на поверхность крупного небесного объекта*»; 15), простые предложения (*они [люди] объединили звёзды в созвездия*; 14), восклицательные предложения (*Чевостик, месяц — это и есть луна!*; 11) и градации (*лучи от них летят к нам десятки, сотни, даже тысячи лет!*; 2). В книге «Такие удивительные насекомые» заметно превалирование простых предложений (*в полёте эти жуки [голиафы] громко и ворчливо гудят*; 44); также используются сравнения (*золотистые крылья этой бабочки похожи на паруса с причудливыми «хвостиками*»; 41), восклицательные предложения (*И, грозно завывая, / жалают [шершни] всех подряд!*; 17), антитезы (*сначала он становится жёлтым, а потом — буро-коричневым*; 14), риторические вопросы и обращения (*совки — ночные и вечерние бабочки. Догадываешься, почему они так называются? Летают в темноте, как совы*; 10), ряды однородных членов (*кровожадные динопонеры <...> набрасываясь со всех сторон — и снизу, и сверху, и сбоку*; 8) и парцелляции (*комарики рождаются в лужицах и болотцах. И не один, и не два... Тысячи*; 3).

Таким образом, невербальный компонент в книге «Увлекательная астрономия» представлен бóльшим количеством различных средств репрезентации, чем в энциклопедии «Такие удивительные насекомые». В обеих книгах наиболее частотные средства репрезентации относятся к лексическому и синтаксическому уровню, наименее частотные — к фонетическому, морфологическому и фразеологическому.

1. Тихонов А. В. Такие удивительные насекомые. Москва: Издательство АСТ, 2016. 47 с.
2. Качур Е. А. Увлекательная астрономия. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 80 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 81`42

Кооперативные и конфликтные речевые стратегии и тактики общения на интернет-форуме (на материале woman.ru)

К. Н. Сердюкова

Новосибирский государственный университет

Настоящее исследование посвящено анализу кооперативных и конфликтных речевых стратегий и тактик, используемых в общении на интернет-форуме woman.ru.

Объектом изучения являются кооперативные и конфликтные речевые стратегии и тактики общения на интернет-форуме. Предметом — типы этих стратегий и тактик и способы их вербализации. Материалом исследования послужили 20 тредов женского форума woman.ru, содержащих 179 сообщений (6 828 языковых единиц). Цель нашей работы — выявить репертуар кооперативных и конфликтных речевых стратегий и тактик, используемых на интернет-форуме woman.ru, описать способы их вербализации и сравнить для определения сходств и различий.

Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием интернет-дискурса и виртуального способа коммуникации, а также возрастающим интересом к изучению кооперативного и конфликтного взаимодействия с прагмалингвистической точки зрения. Новизну определяет введение в научный оборот нового материала. Изучение кооперативных и конфликтных речевых стратегий и тактик проводится на материале женского форума woman.ru, который не был исследован с лингвистической точки зрения.

Чтобы определить, какие стратегии и тактики виртуального дискурса преобладают на выбранном нами интернет-форуме, мы рассмотрели их реализацию на конкретных примерах.

На первом этапе работы мы провели анализ лингвистического материала, отобранного нами методом сплошной выборки на интернет-форуме woman.ru, и определили репертуар речевых стратегий и тактик, используемых коммуникантами.

На втором этапе мы выявили основные средства разных языковых уровней (лексико-семантического, грамматического, синтаксического, графического и прагматического), воплощающие стратегии кооперации и конфронтации в письменной речи.

На третьем этапе мы выявили восемь схем развития коммуникативного акта, различающихся в зависимости от типа речевых стратегий и тактик, используемых собеседниками: две из них имеют конструктивный итог и относятся к кооперативным ($+ : + \rightarrow \checkmark$; $- : + \rightarrow \checkmark$), а остальные шесть завершаются деструктивно и являются конфронтационными ($+ : - \rightarrow X$; $- : - \rightarrow X$; $- : \sim \rightarrow X$; $- : \sim + \rightarrow X$; $+ : - : \sim \rightarrow X$; $+ : - : \sim + \rightarrow X$).

Так, схема $+ : + \rightarrow \checkmark$, где коммуниканты общаются, применяя только кооперативную стратегию речевого поведения, реализована в контексте, тема которого посвящена беспокойству автора о предстоящем путешествии за границу. Он просит посетителей интернет-форума дать ему рекомендации: *Здравствуйте, у меня вопрос к тем, кто ле-*

тал в Турцию. Легко ли приобрести визу и по какой цене? Жду ответов. Пользователи, отвечая автору, используют тактики информирования (*Виза стоит 15 евро или 20 долларов. Перед тем как будете проходить паспортный контроль в Анталии, подойдите к окошку и заплатите за визу, Вам её в паспорт вклеят*), утешения (*никак не заблудитесь, даже если очень сильно захотите*) и дружелюбия (: -)). Автор благодарит их и употребляет соответствующую тактику благодарности (*спасибо за ответы*). Такое коммуникативное взаимодействие завершается конструктивно, без возникновения речевых конфликтов.

Если же в процессе общения возникает столкновение противоположных точек зрения по какому-либо вопросу (*Вы в своем уме? Какие следки в балетки, босоножки? Отстой полный!*), при котором каждый из коммуникантов ориентирован на достижение собственных целей и интересов, выражает безразличие к предпочтениям оппонента и активно противостоит им, то между ними возникает речевой конфликт (схема – : – → X). В таком случае собеседники используют только конфронтационную стратегию речевого поведения, реализующуюся через тактики оскорбления (*хамка; дура; дурында*), насмешки (*Хааа; глупышка мелкая*), иронии (*если не умеешь выразить свою мысль никакой следок не спасет*)). В результате речевое взаимодействие заканчивается коммуникативной неудачей и имеет деструктивный итог.

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Конфликтное взаимодействие на интернет-форуме woman.ru распространено шире, чем кооперативное. Из 20 рассмотренных нами тредов 60 % являются конфликтными, а остальные 40 % — кооперативными.

2. То, каким будет исход коммуникативного акта, деструктивным или конструктивным, во многом зависит от того, какими речевыми стратегиями пользуются коммуниканты.

3. Конфронтация имеет более обширный набор языковых средств вербализации стратегий и тактик коммуникации.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 811.161.1'38

Разноаспектное описание конфликтного речевого поведения

А. В. Старчикова

Кемеровский государственный университет

Речевой конфликт представляет собой воплощение противостояния субъектов в коммуникативном событии, обусловленном психическими, социальными и этическими факторами, экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога [1].

Настоящее исследование посвящено рассмотрению конфликта с точки зрения структурно-семантического и лингвопрагматического аспектов описания. **Структурно-семантический аспект** предполагает анализ конфликтного текста с учетом его содержательной и формальной (собственно языковой) специфики. В свою очередь **лингвопрагматический аспект** — аспект изучения конфликтного текста в отношении к человеку, который его использует.

Материалом описания являются видеозаписи трех интервью Юрия Дудя*, популярных по количеству просмотров и откликов в виде комментариев. Проведенный анализ позволил выделить три блока конфликтных тем, которые затрагиваются в данных видеобеседах.

1. Вопросы про деньги

В лингвопрагматическом аспекте подобные вопросы отражают прежде всего интенциональную установку журналиста: его намерение подчеркнуть материальный достаток интервьюируемого. Достигается подобный процесс с помощью определенного набора прагматических средств:

- намека: *у вас выход прям к воде...; Я правильно понимаю, что Мария его писала в той квартире, которая находится на Цветном бульваре;*
- провокации: *За сколько вы снимите фильм про Единую Россию?; Смотри, сейчас ты всегда увиливаешь от вопроса про то, сколько денежек тебе приносит твоя работа, поэтому я буду максимально коротко;*
- дискредитации: *У вас было ощущение после этого фильма, как будто вы испачкались в грязи?; ну то есть видите, у вас есть свои ограничения, правда?;*
- прямого вопроса: *Откуда у вас такие деньги? Какого она размера (вопрос о пенсии)? Насколько это правда?*

Одной из ядерных **структурно-семантических** особенностей речи Юрия Дудя является частотное использование риторических вопросов, которые нанизываются друг на друга. Цель подобной организации текста — через серию вопросов провокативного характера подчеркнуть материальное благополучие публичной личности. Для журналиста не столь важны ответы, сколько общее впечатление, которое задается содержанием вопросов: *Мы находимся у вас дома... Как вам достался этот участок? У вас*

* Признан иноагентом в Российской Федерации.

выход прям к воде... Во сколько участок и весь дом вам обошлись? Сколько стоит построить дом?

II. Вопросы на размышление

В лингвопрагматическом аспекте вопросы на размышление изначально моделируются таким образом, что интервьюер задает ситуацию, в которой невозможно избежать конфликтности. Используются следующие прагматические средства:

- провокация: *Что, если мы сейчас ему позвоним? Смотри, не для того, чтобы это было «шок, интриги, скандалы, расследования»... я буду считать идеальной ситуацией, когда конфликт закроется сейчас же!;*

- унижение и оскорбление: *Давай уточним, когда ты последний раз дрался? Ты уверен, что дал бы Поперечному п***ы?!*

В структурно-семантическом аспекте используется нанизывание вопросов, цель которых заключается в том, чтобы вывести собеседника из состояния эмоционального равновесия, для чего моделируется конфликтная ситуация, но с другими участниками. Журналист намеренно вводит их в разговор, тем самым создавая для интервьюируемого потенциально конфликтную модель поведения: *Представим себе ситуацию, что в студии «Мужского/Женского» оказался Владимир Жириновский после того, как он по-хамски вел себя с журналисткой. Как бы вы себя с ним вели?*

III. Политика

В лингвопрагматическом аспекте вопросы Юрия Дудя направлены на то, чтобы узнать политическую точку зрения интервьюируемого. Во многих интервью журналист не согласен с позицией собеседника, он приводит различные доводы, чтобы в какой-то мере переубедить оппонента: *Еще один вопрос от человека, который не так глубоко в политике, как вы. 2013 год, мы даем 3 миллиарда долларов кредита Украине, через несколько недель происходит переворот... Не кажется ли вам, что руководство нашей страны делает что-то не так? Помимо этого журналист активно задает прямые вопросы: *Как вы относитесь к Владимиру Путину?; Владимир Путин успешно управляет Россией?**

В структурно-семантическом аспекте используются грамматические формы в инвективной функции:

- местоимения 2-го лица: *Ты сказал: «Соловьева не будет»; Оказавшись перед Путиным, что ты ему скажешь?;*

- вводные слова: *Я, вроде как, ваш коллега, но молодой, и в политике не так глубоко, тем не менее, у меня есть вопросы.*

Проведенный анализ иллюстрирует возможности лингвопрагматического и структурно-семантического аспектов описания конфликтного речевого поведения.

1. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия УрГУ, 2003. № 27. С. 143–152.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. В. Новгородова

СЕМАНТИКА

УДК 811.512.156:81'373

Лексические трансформации в романе С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»

А.-Х.Т. Бадарчы

Новосибирский государственный университет

Наше исследование посвящено анализу лексических трансформаций, использованных в переводе тувинского романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике».

Материалом исследования послужили предложения, отобранные путем сплошной выборки из тувинско-русского переводного текста (89 единиц). Источником материала мы выбрали последний вариант перевода, выпущенный в 1986 г. издательством «Современник» (переводчик М. А. Ганина), поскольку это издание включает две книги и является общедоступным.

По мнению В. Н. Комиссарова, **переводческие** (межъязыковые) **трансформации** трактуются, как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» и классифицируются как лексические и грамматические, в соответствии с характером единиц оригинального текста.

Основные типы **лексических трансформаций** включают следующие переводческие приемы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию) [1, с. 172].

Транскрипция и **транслитерация** — способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв в переводящем языке (ПЯ). При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации — его графическая форма (буквенный состав) [1, с. 173].

Обнаруженные примеры транскрибирования показали, что долгие гласные в словах исходного языка (ИЯ), передающиеся на письме двойными гласными, в транскрипции передаются с одной гласной буквой в ПЯ, например: тув. *аржаан* — аржан, ‘целебный родник’; тув. *көгээр* — когер, ‘большая кожаная фляга’; тув. *тараа* — тара, ‘толченое пшено’ и т. д. Следует отметить, что такой принцип передачи многих тувинских слов, не имеющих аналогов в русском языке, реализован тувинско-русском словаре [4].

Также тувинские слова с гласными *ө* [ö], *ү* [ü], и согласным *ң* [ŋ], которые отсутствуют в ПЯ, передаются в транскрибированном виде близкими по произношению звуками русского языка [о], [у], [н], например: *хөөмей* — хомей, ‘вид горлового пения’; *хүрээ* — хуре, ‘церковь’; *коңга* — конга, ‘колокол’ и т. д.

Случаи сохранения транслитерации: *антара* (‘сундук’), *барба* (‘кожаный мешок для хранения пищи и вещей’), *чайлаг* (‘летнее пастбище’), *хомус* (‘музыкальный инструмент’) и т. д.

Любопытно, что транскрипция используется с сохранением некоторых элементов транслитерации: *быштак* — пыштак, ‘особый вид сыра и брынзы’; *дарга* — тарга, ‘начальник’; *кадак* — хадак, ‘тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты, который преподносят почетным гостям’ и т. д.

Способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ называется **калькированием** [1, с. 173]. Приемом калькирования переводятся не только отдельные слова, но и целые фразы и предложения:

1. *Аът турда, хову чолдак, арт чавыс* [3, с. 12] ‘Когда есть лошадь — степь коротка, перевал невысок...’ [3, с. 6]. Данный перевод в ПЯ копирует структуру исходного предложения.

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением [1, с. 176]. Пример:

2. *Алдыы оран, ортаа оран, үстүү оран – үш оранны депшии чурттаар кылдыр чаяттынган...* [3, с. 49]. ‘Говорят, бог создал его таким, чтобы он мог жить во всех трех мирах’ [3, с. 23]; букв. ‘Верхний мир, средний мир, нижний мир — в трех мирах (чтобы), перемещаясь, жить он создан’.

Использование слова с более общим значением, возможно, избавляет переводчика от повторов и необходимости уточнять верхний, средний или нижний мир имеет ввиду автор С. А. Сарыг-оол, говоря о «трех мирах».

Таким образом, проанализированный материал показал, что обычно транскрибируются культурные реалии, не имеющие аналогов в ПЯ; при переводе подавляющего большинства безэквивалентных терминов применяется прием калькирования.

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
2. Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / Перевод с тувинского М. Ганиной. М.: Современник, 1986. 287 с.
3. Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу. Роман в двух книгах. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. 440 с. (На тувинском языке.)
4. Тувинско-русский словарь / Под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. В. Байыр-оол

УДК 811.161.1

Метафорические модели концептуализации интернета в русском, английском и французском языках

В. В. Бедрань

Новосибирский государственный университет

Наша работа посвящена изучению и описанию лексических единиц (далее — ЛЕ), которые функционируют в интернет-деятельности носителей трех различных языков и отражают их представления об интернет-пространстве.

Объект нашего исследования — эквивалентные ЛЕ русского, английского и французского языков, относящиеся к сфере интернет-терминологии и сленгу, связанному с интернетом. Предметом работы являются лексико-семантические характеристики названных номинаций, а также модели концептуальных метафор, используемых при создании вторичных значений этих ЛЕ. Материалом послужили 120 ЛЕ, отобранных из словарей интернет-лексики (включая терминологические словари областей интернет-маркетинга и веб-разработки), публицистических текстов, посвященных явлению интернета, и научных статей, описывающих интернет-лексику в других языках. Цель нашего исследования — определить и описать продуктивные для русского языка метафорические модели концептуализации интернета и их отличия от метафорических моделей в английском и французском языках.

На первом этапе работы мы проанализировали семантическую структуру ЛЕ и выявили метафорические модели, по которым были образованы их вторичные лексические значения. Затем мы объединили схожие по значению метафорические модели в классы концептуальных метафор, т. е. «обобщенных метафорических формул, характеризующих специфические абстракции» [1]. При описании метафорических моделей мы использовали терминологию теории когнитивной метафоры и теории смешения: область-источник и область-цель.

Мы выделили следующие продуктивные метафорические модели и их особенности:

1) смешение области-цели **интернет** с областью-источником **пространство** (*войти в интернет, aller sur internet, go on the Internet* и проч.). В случаях, когда эквивалентные ЛЕ в английском и русском языках образованы с помощью этой модели, во французском языке на их месте могут употребляться ЛЕ в их прямом значении: *possession, visit*, но *la connexion*; *выкинуть* [с сайта] (в значении ‘потерять соединение’), *to be kicked off*, но *être déconnecter* и проч.;

2) смешение с областью-источником **хранилище** (*разместить в интернете, put on the Internet*, и проч.). В русском языке мы обнаружили наибольшее количество ЛЕ, образованных с помощью этой модели, в сравнении с эквивалентными ЛЕ двух других языков. Например, для английского *put on the Internet* и французского *mettre sur internet* в русском языке есть семь эквивалентных ЛЕ (исключая эквиваленты синонимичным *to place / placer* и *to publish / publier*): *выложить, выставить, залить, закинуть, за-*

грузить и проч.;

3) смешение с областью-источником **бумажный носитель информации** (*листать страницы, feuilletter les pages* и проч.);

4) смешение с областью-источником **морское пространство, вода**. Данная метафора, широко распространенная в английском языке, освоена и продуктивна для русского и французского языков и проявляется не только в кальках типа *флуд, naviguer* и т. д.: *débarquer* (букв. 'выгружать с корабля'), *télécharger vers l'amont* (букв. 'загружать вверх по течению'), *закачать, слить* и проч.

В ходе нашего исследования мы отметили примеры метафорических трансформаций в словосочетаниях с одинаковыми главными компонентами. В русском языке, в зависимости от синтаксической конструкции (управление через предлоги *в* и *через*), выполняющая роль зависимого члена словосочетания лексема *интернет* может актуализировать в речи метафорические значения:

1) хранилища какой-либо информации или инструмента для ее добычи (*найти в интернете / найти через интернет*);

2) пространства, в котором происходит действие, или инструмента, с помощью которого данное действие осуществляется (*общаться в интернете / общаться через интернет*).

В английском и французском языках данный феномен не наблюдается, поскольку ЛЕ *Internet* управляется предлогами в английском *on, over* и во французском *sur, à travers*, все из которых имеют как пространственное, так и инструментальное значение.

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 265 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук Т.И. Белица

УДК 8.81

Структура тувинских лингвистических терминов, относящихся к именным частям речи

Н. С. Бюрбю

Тувинский государственный университет, Кызыл

В данной статье описывается структура тувинских лингвистических терминов, обозначающих названия именных частей речи, их грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов.

Формирование и становление научной лингвистической терминологии тувинского языка связано с созданием тувинской письменности вначале на латинизированной, а в дальнейшем на кириллической графиках, разработкой и изданием разных словарей, школьных учебников и пособий начиная с 1930–1950-х гг. Ориентиром для создания большинства научных терминов была русская терминологическая школа: большая часть лингвистических терминов проникли в тувинский язык через калькирование.

Источниками для исследования послужили «Грамматика тувинского языка» [1], «Краткий русско-тувинский словарь лингвистических терминов» [2], учебные пособия для студентов на тувинском языке «Амгы тыва литературлуг дыл» [3], «Амгы тыва литературлуг дыл. Морфология: аттыг чугаа кезектери болгаш наречие (таблицалар болгаш схемалар)» [4]. Методом сплошной выборки из данных источников было выписано 46 терминов, обозначающих названия именных частей речи, их грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов.

В результате семантического анализа структуры терминологических единиц было выявлено, что около 30 терминов являются буквальным переводом соответствующей терминологической единицы с русского на тувинский язык, например: *чүве ады* 'имя существительное', *үүрмек сан аттары* 'дробные имена числительные', *демдек адының деңнелге чадалары* 'степени сравнения имен прилагательных', *айтырыгның ат оруннары* 'вопросительные местоимения'. В научных работах и учебно-методических пособиях функционируют также термины с заимствованными словами «категория», «падеж» (10 терминов): *хамаарылга категориязы* 'категория принадлежности', *сан категориязы* 'категория числа', *онаарының падежи* 'винительный падеж', *турарының падежи* 'местный падеж', *углаарының падежи* 'направительный падеж'. Активно употребляется термин, состоящий из заимствованных слов «категория» и «падеж»: *падеж категориязы* 'категория падежа'.

Анализ структуры терминологических единиц показал, что термины, характеризующие именные части речи, можно разделить на две группы: 1) составные термины (*бадыткавас хевир* 'категория отрицания'); 2) терминологические словосочетания в виде изафетных конструкций 2-го (*хамаарылга хевир* 'категория принадлежности') и 3-го типов (*адаарының падежи* 'именительный падеж') (см. табл.).

Группы		Примеры
Составные термины		<i>бадыткавас хевир</i> ‘категория отрицания’, <i>тодаргай ат оруннаны</i> ‘определятельные местоимения’, <i>тодаргай эвес ат оруннаны</i> ‘неопределенные местоимения’, <i>хуу үнелел категориязы</i> ‘категория диминутивности’, <i>тодаргай болгаш тодаргай эвес чүве аттары</i> ‘категория определенности/неопределенности’ и др.
Терминологические словосочетания	2-й тип изафета	<i>чүве ады</i> ‘имя существительное’, <i>сан ады</i> ‘имя числительное’, <i>демдек ады</i> ‘имя прилагательное’, <i>ат орну</i> ‘местоимение’, <i>хамаарылга категориязы</i> ‘категория принадлежности’, <i>деңнелге чадалары</i> ‘степени сравнения’ и др.
	3-й тип изафета	<i>Адаарының падежи</i> ‘именительный падеж/неопределенный падеж’, <i>хамаарыштырарының падежи</i> ‘родительный падеж’, <i>чаңгыстың санының бирги арны</i> ‘1-е лицо единственного числа’, <i>хөйнүң саны</i> ‘множественное число’ и др.

Таким образом, исследование структуры тувинских лингвистических терминов, относящихся к области именных частей речи, показало, что основная часть данных лингвистических терминов в тувинском языке является кальками с русского языка. Большинство терминов морфологии представлены терминологическими словосочетаниями в виде изафетных конструкций.

1. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика, морфология. М., 1961. С. 114–254.
2. Сат Ш. Ч., Март-оол К. Б. Краткий русско-тувинский словарь лингвистических терминов. Кызыл, 2013. 192 с.
3. Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б. Амгы тыва литературлуг дыл. Кызыл, 1980. С. 89–140.
4. Хертек А. Б., Ооржак Б. Ч. Амгы тыва литературлуг дыл. Морфология: аттыг чугаа кезектери болгаш наречие (таблицалар болгаш схемалар). Кызыл: РИО ТувГУ, 2021. 47 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. Б. Хертек

УДК 811.581.11:811.161.1

Концептосфера 三光 (НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА) в русской и китайской лингвокультурах

Ван Юнцзе

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена анализу концептосферы 三光 (НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА), включающей концепты СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДА и 日月星 в русской и китайской лингвокультурах. Объектом исследования являются лексические репрезентанты концептов. Данная работа нацелена на описание концептосферы небесных светил на материале словарей и контекстов в сопоставительном аспекте с учетом культурной специфики русской и китайской картин мира.

Теоретико-методологической основой исследования являются работы по лингвокультурной концептологии. Материал исследования — словарные статьи из толковых, фразеологических и этимологических словарей русского и китайского языков и 600 контекстов из корпусов [1; 2].

Путем сплошной выборки из словарей было получено 142 русских и 520 китайских репрезентантов концептов СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДА и 日月星. Часто в китайских идиомах появляются одновременно по два или три репрезентанта концептов 日 (СОЛНЦЕ), 月 (ЛУНА) и 星 (ЗВЕЗДА), что свидетельствует о восприятии группы небесных светил как единого целого в китайской картине мира. Этот вывод подкрепляется также существованием особого собирательного названия для обозначения трех небесных светил (三光, паллад. *саньгуан* — ‘три света’). Внутренняя форма лексемы 三光 (‘три света’) показывает также, что когнитивный признак *источник света* является в китайской картине мира общим ядерным признаком концептов 日 (СОЛНЦЕ), 月 (ЛУНА) и 星 (ЗВЕЗДА), формирующим на их основе концептосферу небесных светил.

Анализ словарных дефиниций основных лексем-репрезентантов показал, что концептосфера 三光 (НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА) тесно связана с внешними признаками объектов, признаками времени и мифологическими признаками; а русская концептосфера небесных светил в большей степени связана с чувствами человека.

Анализ контекстов показал, что в китайских текстах реже, чем в русских, репрезентируется основное значение имен концептов, связанное с понятийными признаками концептов, но наиболее часто репрезентируемым становится когнитивный признак **время и число**:

7月5日是委内瑞拉独立日[«人民日报»2010年7月5日]。‘5 июля — День независимости Венесуэлы’ [«Жэньминь жибао» 5 июля 2010 г.]

Это связано с распространением в современном китайском языке большого количества синонимов и перифраз, называющих небесные светила. Например, 日 (‘солнце’) имеет перифразу 太阳 (‘солнце — Великая сила Ян’), часто используемую в обычной жизни. Кроме того, в китайском языке четко различаются лексемы, которые отражают

представления, связанные с научной картиной мира (月球车 — ‘луноход’) и наивной картиной мира (启明星 — ‘утренняя звезда, Венера’). Лексемы, выражающие представления наивной картины мира, имеют более древнее происхождение (например, 月, ‘луна’, в древности также имела номинацию 玉蟾 ‘яшмовая жаба’) и репрезентируют ядерные признаки концептов небесных светил в китайской языковой картине мира. В русской языковой картине мира граница между научными и наивными представлениями определена нечетко из-за значительного влияния научно-технической картины мира на обыденные представления. Так, в приведенном ниже примере реализован связанный с научными представлениями ядерный понятийный признак концепта ЛУНА: **естественный спутник Земли**: *Есть шанс, что он когда-то вернется, может, упадет на Луну*. [Раздел «Наука». Астрономы допустили падение российского разгонного блока на Луну // gazeta.ru, 2019.12.1]

А следующий пример показывает формирование признака **искусственный спутник Земли** на основе сходства между Луной и соответствующими техническими устройствами в наивной картине мира: *До DN160822_03 было известно о двух других мини-лунах: 2006 RH120, вращавшемся вокруг Земли в 2006-2007 годах, и низкоскоростном болиде 2014 года, также сошедшем с околоземной орбиты*. [Зафиксировано падение луны на Землю // lenta.ru, 2019.12.02]

Русские контексты показывают активность научных представлений о Луне, а также специфичных периферийных признаков (**солнце как условие жизни**). Следующий контекст показывает романтизированные представления о звездах, позволяющие использовать лексему звезда в качестве названия: *Они опубликовали фото дерева в сообществе газеты «Звезда» в социальной сети «ВКонтакте»*. [Жители российского города возмутились новогодней елкой с пластиковыми бутылками // lenta.ru, 2019.12.31].

Таким образом, периферийные признаки концептосфер 三光 и НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА имеют культурные особенности и показывают особое значение мифологических представлений в современной китайской картине мира и научных — в русской.

1. 北京大学中国语言学研究中心语料库 / Корпус Пекинского университета китайского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 03.12.2021).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 03.12.2021).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 811.581.11:811.161.1

Концептуальная оппозиция ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危險 и 安全 в русской и китайской лингвокультурах

Гу Хуэйлинь

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена анализу концептуальной оппозиции ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危險 и 安全 в русской и китайской лингвокультурах.

Цель исследования — систематизировать различия между концептуальными оппозициями ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危險 и 安全 в русской и китайской лингвокультурах.

Объектом исследования являются основные лексические репрезентанты концептов ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危險 и 安全.

Материалом исследования послужила выборка статей из русских и китайских толковых и этимологических словарей, а также словарей синонимов [1–4].

Актуальность исследования стоит в том, что представленная работа показывает культурные особенности формирования в русской и китайской картинах мира оппозиции, являющейся принципиально значимой для современной лингвокультуры. Лексикографический и семантический анализ лексем-репрезентантов концептов ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危險 и 安全 показал ряд отличий между структурами концептуальных оппозиций и особенностями репрезентации концептов в русском и китайском языках.

Во-первых, в китайском языке, в отличие от русского, имена рассматриваемых концептов являются сочетаниями двух элементов и имеют внутреннюю форму. Рассмотрим историю выражения 危險. Первоначально слово 危 имело значение ‘состояние человека, который стоит высоко и испытывает страх’. Слово 險 имело значение ‘настолько большая высота, что преодолеть ее сложно’. Обе лексемы 危, 險 связаны с опасностью, но значение ‘опасность’ полностью формируется только при их сочетании, то есть в ядре концепта 危險 можно реконструировать признаки ‘страх перед опасностью’ и ‘препятствие’.

安全 в китайском языке также является сочетанием. 安 означало ‘устойчивость и безопасность’, а 全 — ‘полнота и цельность’. Таким образом, понятие безопасности выражается через сочетание 安全 и соотносится с такими признаками концепта, как ‘цельность’ и ‘устойчивость’.

Во-вторых, представления об опасности в широком смысле как в русской, так и в китайской картинах мира связаны с представлениями о страхе, катастрофе, ущербе и т. д. Таким образом, ядерным признаком концепта ОПАСНОСТЬ становится ‘то, что вредит интересам человека’. В узком смысле структуру концепта ОПАСНОСТЬ можно представить в виде двух основных блоков: ‘объективная опасность’ (представления о предметах, являющихся источником опасности, часто смертельной) и ‘субъективная

опасность' (представления о явлениях, степень опасности которых связана с субъективной возможностью человека судить об опасности). Аналогичным образом на материале словарных толкований представим структуру концепта БЕЗОПАСНОСТЬ: в ядре концепта можно выделить признаки 'устойчивость', 'мир', 'отсутствие вреда' и т. д. Таким образом, концепт БЕЗОПАСНОСТЬ объединяет представления о том, что не вредит интересам человека, о состоянии, когда человеку никто и ничто не угрожает. Концепт БЕЗОПАСНОСТЬ так же связан с двумя блоками: 'объективная безопасность' и 'субъективная безопасность'.

В русской языковой картине мира концепт ОПАСНОСТЬ связан с угрозой бедствия, несчастья, катастрофы. В соответствии со словарями китайского языка, опасность — ситуация, в которой можно столкнуться с неудачей, умереть или понести ущерб. Согласно словарю «Шовэнь цзецзы» [4], выражение 危险 имеет производное значение: 'крутое место, плохая среда'. Таким образом, на основе словарных толкований можно сделать вывод: как в русской, так и в китайской картине мира концепт ОПАСНОСТЬ включает представления о стихийных бедствиях и природных катаклизмах, но китайский концепт 危险 также включает признак 'неудача'.

Рассмотрим характер самой концептуальной оппозиции. Русские лексемы *опасность* и *безопасность* соотносятся со следующими парами антонимов: *страх* — *покой*, *катастрофа* — *благополучие*, *неустойчивость* — *устойчивость*. В китайском языке пара антонимов 危险 'опасность' и 安全 'безопасность' соотносится с парами 风险 'лишать, подвергать ущербу или риску' и 保险 'обеспечивать, страховать', а также 紧急 'срочность, критическое состояние, напряженность' и 松弛 'ослабление напряжения, спокойное состояние отдыха'. Таким образом, русская концептуальная оппозиция в большей степени связана с представлениями о страхе и стабильности, а китайская — о степени страха, риска и эмоционального напряжения.

Дальнейшая работа над этой темой связана с выявлением культурно специфичных признаков концептов ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危险 и 安全 на материале контекстов из корпусов русского и китайского языков.

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. М.: СПб: Норинт, 2013. 1536 с.
2. Словарь синонимов русского языка / Под ред. З. Е. Александрова. М.: Русский язык, 2001. 816 с.
3. Эръя [管锡华译注。尔雅//中华书局(北京)] Словарь Эръя // Пекин: Коммерческое издательство, 2014. 773 с.
4. Шовэнь цзецзы [汤可敬。说文解字//中华书局(北京)] Шовэнь цзецзы // Пекин: Коммерческое издательство, 2018. 3616 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 811.161.1: 811.111

КОРОНАВИРУС как лингвокультурный концепт в русской и английской картинах мира на материале социальных сетей

Е. Ю. Дмитриева

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена сопоставлению концептов КОРОНАВИРУС/ CORONAVIRUS в русской и английской лингвокультурах в дискурсе социальных сетей. Объектом исследования является лингвистическая репрезентантация такого актуального явления, как пандемия вируса COVID-19 в 2020–2022 гг., которая продолжает оказывать влияние на каждого члена мирового сообщества. Работа проводится на материале российских и зарубежных социальных сетей, которыми пользуются миллиарды человек. Исследование ведется в рамках таких современных направлений лингвистики, как лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвокогнитивистика, дискурсивный анализ. Концепт рассматривается нами как «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, с. 276]; как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [там же, с. 273].

Цель данной работы — проанализировать на основе текстов социальных сетей особенности русского концепта КОРОНАВИРУС и английского CORONAVIRUS в сопоставлении. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: определить объем номинативных полей концептов, описать особенности функционирования репрезентантов концептов в текстах социальных сетей, определить структуру концептов КОРОНАВИРУС/ CORONAVIRUS, сопоставить концепты.

Материалом для исследования русского концепта послужили тексты социальной сети ВКонтакте по тематике «Коронавирус», а именно: 72 поста и 53 комментария, касающихся данной темы. Для исследования английского концепта были рассмотрены 14 постов и 30 комментариев из англоязычной социальной сети. В совокупности рассмотрено 227 контекстов на русском языке и 62 контекста на английском языке.

В ходе работы в первую очередь был определен объем номинативных полей концептов: 132 репрезентанта (концепт КОРОНАВИРУС), 46 репрезентантов (концепт CORONAVIRUS). На следующем этапе в соответствии с моделью взаимодействующих способов познания, предложенной В. И. Карасиком, мы выделили в структуре концептов понятийную, образную и ценностную составляющие [2]. Так, в структуре концептов можно выделить общие компоненты: «образ врага» (*невидимый враг; вирус уничтожил экономику и образование; cure that can beat this pandemic that is **destroying** nations; ways to **combat** the virus*), «война» (*эпидемия захватывает мир; This is the 4th world*

war; *last stand* — ‘последняя битва’). Оригинальной для английского концепта является метафорическая модель ВИРУС — ЭТО ВОДА (*new cases continue to surge; cases of coronavirus, flu and other respiratory infections are likely to surge in the months ahead; surge* ‘нахлынуть, прилив, всплеск’).

В ценностно-оценочной составляющей русского концепта можно выделить компонент «паника» (*Действительно ли в Великобритании, где был выявлен новый, предположительно намного более заразный штамм коронавируса, царит паника, пустеют полки с продуктами и стремительно кончаются запасы туалетной бумаги?*), в английском — «отсутствие паники» (*Without creating a panic, read up on it, and take caution*). Общими являются компоненты, выражающие эмоции: «трагедия», «страх», «паника», «отчаяние».

Понятийная составляющая концепта КОРОНАВИРУС сводится к следующим признакам, соответствующим трем ЛСВ имени концепта:

- 1) вирус, от липосодержащей внешней оболочки которого отходят шиповидные отростки, напоминающие солнечную корону;
- 2) штамм коронавируса SARS-CoV-2, получивший распространение во всем мире и, в частности, в России — весной 2020 года;
- 3) опасное инфекционное заболевание COVID-19, вызываемое коронавирусом [3].

Понятийная составляющая концепта CORONAVIRUS очень похожа: выделяются те же компоненты, но с некоторыми уточнениями (ЛСВ-2. ‘штаммы коронавируса SARS-CoV-2, дельта и омикрон, получившие распространение во всем мире весной 2020 года’; ЛСВ-4. ‘смертельное инфекционное заболевание COVID-19, вызываемое коронавирусом’).

Дальнейшая работа в данной области связана с подтверждением результатов на материале расширенной картотеки контекстов, репрезентирующих концепты КОРОНАВИРУС и CORONAVIRUS, и сопоставлением национально-специфичных особенностей концептов.

1. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Краснодар, 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268–276.

2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.

3. Коронавирус: Свободная энциклопедия. Викисловарь. Многоязычный открытый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/коронавирус> (дата обращения: 08.02.2022).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 81-37

Метафоры, выражающие эмоции, в романах А. В. Иванова «Географ глобус пропил» и «Тобол. Много званых»

Е. А. Ильинова

Новосибирский государственный университет

После всплеска интереса к изучению метафоры и механизмов метафоризации в 30-х годах XX века, метафорология стала рассматриваться как отдельная ветвь лингвистических исследований. В современной лингвистике интерес к изучению метафоры связан с обсуждением проблем семантической правильности предложения и выделением различных отклонений от нормы, в рамках которых метафоры являлись намеренным нарушением закономерностей смыслового соединения слов.

Сложно обозначить четкие границы, в рамках которых формируется эмоциональная лексика. Чувства, подобно другим внутренним состояниям, не имеют физического выражения, что вызывает трудности прямого лексикографического истолкования. Средства передачи эмоций в высшей степени метафоричны, что позволяет отразить внутреннюю семантическую компаративность слов и ввести в описание большие группы связанных с ними метафорических выражений.

Наша работа посвящена анализу и описанию метафор, выражающих эмоции, в современных художественных произведениях. Объект исследования — метафоры, являющиеся средством выражения человеческих эмоций. Предмет — модели, приемы создания и функционирование метафор в контексте художественного произведения. Источником материала послужили тексты романов А. В. Иванова «Географ глобус пропил» [1995] и «Тобол. Много званых» [2017]. Общий объем материала, извлеченного методом сплошной выборки, — 110 лексических единиц, которые использованы в метафорическом значении для выражения эмоций (далее — ЛЕ). Цель нашей работы — проанализировать и описать приемы выражения эмоций с помощью метафор в произведениях А. В. Иванова.

На первом этапе исследования мы выделили несколько групп положительных и отрицательных эмоций, анализ которых позволил сделать вывод о преобладании последних (выражены 43 ЛЕ) в романах А. В. Иванова. Частое выражение агрессии, грусти и т. п. связано с природой отрицательных эмоций: выражение негативной реакции на внешние проявления в силу интенсивности их воздействия на человеческое подсознание является бесконтрольным проявлением человеческого организма.

Второй этап нашего исследования — изучить тематический состав отобранного нами материала (при этом метафоры схожие по типу переноса мы объединяем), для чего мы выделили несколько тематических групп (далее — ТГ): «Физические метафоры», «Антропоморфные метафоры», «Пространственные метафоры», «Природные метафоры», «Военные метафоры» и «Машинные метафоры». Вначале деление ЛЕ на ТГ осуществлялось на основании выявления в ЛЕ архисем «физическое действие/материя», «при-

родные явления», «человек», «война», «машины». Следующая ступень распределения ЛЕ на тематические подгруппы осуществлялась на основании выделения дифференциальных сем «огонь», «вода», «воздух», «животные», «растения» и др. Выделение сем осуществлялось на основании прямого значения слова, представленного в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова [1998]. Например, в ЛЗ слова *рухнуть* 'обвалиться, упасть с шумом, разрушаясь; обрушиться (о чем-л. громоздком, тяжелом)' выделяются архисема «физическое действие» и дифференциальная сема «деструкция». Таким образом, в ТГ «Физические метафоры» мы выделили девять тематических подгрупп: движение (10 ЛЕ), деструкция (9 ЛЕ), температура (4 ЛЕ), звук (3 ЛЕ), свет (2 ЛЕ), вкус (2 ЛЕ), вес (2 ЛЕ), цвет (1 ЛЕ) и другие (11 ЛЕ). «Антропоморфные метафоры»: человек (12 ЛЕ) и психические процессы (5 ЛЕ). В ТГ «Пространственные метафоры» мы выделили подгруппы пространство (5 ЛЕ) и финансы (3 ЛЕ). В «Природных метафорах» — флористические (3 ЛЕ) и зоонимические метафоры (13 ЛЕ), вода (8 ЛЕ), огонь (6 ЛЕ), воздух (5 ЛЕ). В ТГ «Машинные метафоры» (*сверлить взглядом*) подгруппы не выделяются, т. к. она представлена одной ЛЕ.

Анализ полученных данных показал, что наиболее объемной является ТГ «Физические метафоры», что связано со способностью человека измерять все новое для него по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми он имеет дело в повседневной жизни. Самой объемной подгруппой являются зоонимические метафоры, что подчеркивает необузданность, бесконтрольность эмоций, сопоставимых с действиями животных.

Эмоции как одна из наиболее подвижных неоднозначных характеристик человека представляют собой большой интерес для изучения. Наше исследование показало, что наиболее частотны при передаче эмоций «Физические метафоры» (*душа леденеет*, он *разрывается от любви* и пр.), при этом метафоры, выражающие негативные эмоции (*жуужжит в черепе* (от страха), *бешенство ударяет в виски* и пр.) доминируют в количественном отношении над метафорами, выражающими положительные эмоции (*волна блаженства*, *провалиться в любовь* и пр.).

Научный руководитель — канд. филол. наук Т. И. Белица

УДК 811.512.156

Лексика, обозначающая черты характера человека в тувинском языке

Ш. Ш. Көк

Тувинский государственный университет, Кызыл

Характер человека — это совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении [1, с. 319]. Даже если человек не психолог, он может замечать определенные черты характера в людях, поскольку в течение жизни мы встречаемся, разговариваем и контактируем с разными людьми. А научные работы, касающиеся этой темы, помогают нам глубже понять внутренний мир человека.

Изучению лексики, обозначающей черты характера, посвящены труды исследователей-лингвистов А. А. Добрининой [2], Ю. С. Лычкиной, А. Д. Ли, Ю. С. Шулякиной и др.

В тувиноведении данная тема в лингвистическом плане не являлась объектом специального исследования.

Мы, опираясь на работу А. А. Добрининой, разделили лексику, обозначающую черты характера человека в тувинском языке, на семь групп: 1) слова, отражающие отношение человека к самому себе; 2) слова, обозначающие манеру поведения; 3) слова, отражающие волевые качества человека; 4) слова, отражающие отношение человека к другим людям; 5) слова, отражающие отношение человека к труду; 6) слова, обозначающие нравственную сущность человека; 7) слова, характеризующие человека по его отношению к вещам.

В настоящей работе мы остановимся на лексике, отражающей отношение человека к другим людям. Ее в свою очередь мы разделили на категории соответственно хорошим и плохим качествам.

Источником материала для настоящей работы послужил роман-трилогия одного из основателей тувинской литературы С. Тока «Араттың сөзү» («Слово арата»). Анализируемая лексика представлена в виде семантической классификации, включающей в свою очередь следующие лексико-семантические группы.

• Слова, обозначающие хорошие (положительные) качества

Продemonстрируем следующие слова в составе предложений.

Эвилең-ээлдек, эптиг-ээлдек ‘вежливый, мягкий’. *Эвилең-ээлдээ-даа* өл хаак-ла. (СС Лд, 7) букв. ‘Характер его такой мягкий, как легко сгибаемый тальник’.

Чазык, чазык-чаагай ‘добродушный; приветливый; общительный’. *Биеэги-ле чазык-чаагай* чаңы ол хевээр тур. (СТ Ас, 235) букв. ‘Он стоит (передо мной) такой же, как и прежде, добродушный и общительный’.

Сагыш-човаачал ‘заботливый, отзывчивый’. *Сээң сагыш човаачалың аттыг-ла болгай харын.* (СТ Ас, 47) ‘Конечно, ты же такой заботливый’.

Буянный ‘благородный, добродетельный, милостивый, добрый, сердечный’. *Ол хире буянный шымбай кижини намдан үндүрерге кайын боор.* (СТ Ас, 162) ‘Как так можно такого благородного, приличного человека исключить из партии’.

Чугаакыр ‘разговочивый, словоохотливый’. *Хөй чүве-ле бижир, чугаакыры дээрге мырыңаай аажок.* (СТ Ас, 8) ‘Он очень много пишет, еще разговорчивый такой’.

Баштак, оюн-баштак ‘шутливый, шуточный’. *Вера аажок хөглүг баштак кижини.* (СТ Ас, 92) ‘Вера очень веселая и шутливая’.

• **Слова, обозначающие плохие (отрицательные) качества**

В составе следующих предложений можно встретить отрицательные свойства характера.

Багай ‘плохой, нехороший’. *Багай кижилерни намдан ап октаптыңар* (СТ Ас, 43) ‘Плохих (негодных членов) исключите из партии’.

Бак сагыштыг, бак-чаянныг ‘дурной, неприятный’. *Бак сагыштыг улустуң биске шуут херээ чок.* (СТ Ас, 71) ‘Нам точно не стоит держать неприятных людей’.

Мегечи ‘лжец, лгун, врун; лживый, обманчивый’. *Ол черле чүве мегелээр кижини.* ‘Он, действительно, лживый человек’.

Чашпаа, авыяс ‘льстивый, угодливый’. *Камбызы бар-ла шаа-биле доңгаңнаан, тейлегилээн, кургамзыг авыяс-чашпаа каткы-иткизин хайындырган олурган.* (СТ Ас, 103) ‘Камбы изо всех сил поклонялся, молился, смеялся своим льстивым смехом’.

Саваажок ‘дурной, шальной, наглый, невоспитанный’. *Кижизиг эвес, эң дерзии, саваажок чүве үүлгедир маңгыстар болбаспе бо.* (СТ Ас, 237) ‘Это совсем не человеческие люди, совершают очень жестокие, чудовищные поступки’.

Ажынычал ‘вспыльчивый, неуравновешенный, невыдержанный; сердитый’. *Дарга-даа шуут ажыныксай берген.* (СТ Ас, 76) ‘Начальник точно начал сердиться’.

Доңгун ‘грубый, неделикатный, невежливый, строптивый’. *Чоп кончуг дошкун кижини апардың?* (СТ Ас, 180) ‘Ты откуда взялся такой грубый’.

Кадыг ‘грубый, недобрый, неприветливый’. *Ол кончуг кадыг, шыңгы негелделиг кижини.* (СТ Ас, 215) ‘Он очень требовательный, строгий человек’.

Каржы ‘безжалостный, жестокий; грубый, злой’. *Хелиңнер, кескийлер, камбылар, соржулар дээрге феодализмниң эң каржы, эң ямбылыг кезектери-ле болгай* (СТ Ас, 237). ‘Хелины, старшие ламы, амбы-ламы, соржу — это самые жестокие и самые привилегированные части феодализма’.

Дерзии ‘жестокий, бесчеловечный, беспощадный’. *Феодалдарның дерзии аажыла-лын чурттап эрткен бис.* (СТ Ас, 237) ‘Мы видели и пережили бесчеловечное отношение феодалов’.

Адаанзырак ‘мстительный’. *Ооң төрөл-аймаа шупту аажок адаанзырак улус.* ‘Весь его род действительно очень мстительный’.

Как показывает анализируемый материал, лексика, обозначающая характер человека, в тувинском языке занимает одну из ведущих позиций. Следует также отметить то, что среди наименований, обозначающих характер человека, зафиксировано немало фразеологизмов. Если рассмотреть с точки зрения морфологической принадлежности, данные слова относятся не только к прилагательным, но и к глаголам, наречиям.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2012. 1376 с.
2. Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 214 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. М. Куулар

Сопоставительный анализ экономической метафоры «пузырь» в русском и китайском языках

Ли Цзюнь

Новосибирский государственный университет

На фоне обострения эпидемической обстановки отношения между Россией и Китаем вышли на новый уровень, что проявляется в различных аспектах: как социокультурных, так и экономических. Следовательно, изучение экономической метафоры приобретает особую актуальность.

Данное исследование посвящено сопоставительному анализу экономических метафор в публицистических текстах последнего десятилетия. Объектом исследования являются русские и китайские метафоры, предметом — выявление сходств и различий в функционировании этих метафор в экономической прессе этих стран.

В этой работе мы рассмотрим метафору «пузырь». В русском языке эта ЛЕ имеет пять значений: «1. Наполненный воздухом прозрачный шарик в жидкости, жидкой массе. 2. То же, что волдырь. 3. Полый орган в теле человека, животного, содержащий или накапливающий какую-н. жидкость. 4. Резиновый или эластичный мешок, наполняемый воздухом или водой, употр. для различных целей. 5. То же, что карапуз (разг. шутол.)» [2].

Слово 泡沫 ('пузырь') в китайском языке имеет два значения: «1. 聚在一起의许多小泡: Очень много легочных пузырьков. 2. 比喻某一事物所存在的表现上繁荣、兴旺而实际上虚浮不实的成分或现象: поверхностное процветание в сфере экономики, в частности, недвижимости, в объеме выпускаемой продукции» [6].

В экономической сфере термин «бабл» (от bubble — англ. 'пузырь') впервые был использован в значении «обанкротившаяся или не имевшая успеха схема операций, неустойчивое дутое предприятие» применительно к Миссисипи-бабл (Франция) и бабл Южного моря (Англия), потерпевшим крах в 1720-х годах [1]. Из-за отсутствия поддержки реальной экономической деятельности при условиях бурного темпа роста акции их стоимость внезапно снизилась, что привело к появлению экономического «пузыря». Заимствованный из английского языка, термин связан с первым значением лексемы *пузырь*, в частности, с устойчивым сочетанием *мыльный пузырь* «нечто не оправдавшее ожиданий, ненадежное, неустойчивое».

В настоящее время термин «пузырь» в экономическом дискурсе обозначает «конъюнктуру рынка, при которой стоимость ценной бумаги или товара поднимается до уровня, не имеющего объективной рыночной основы» [3]. Это «общее повышение цены актива, обусловленное преимущественно уверенностью спекулянтов в ее дальнейшем росте» [4]. В китайском языке термин определяется как «指因投机交易极度活跃，金融证券、房地产等的市场价格脱离实际价值大幅上涨，造成表面繁荣的经济现象：- спекулятивная сделка в сферах финансовых ценных бумаг, недвижимости и пр., что

приводит к увеличению разницы фактической цены и рыночной цены, так формируется ненастоящий процветающий экономический феномен» [6].

Таким образом, слово «пузырь» используется для описания спада или кризиса на рынке ипотечного кредитования, потребительского кредитования, валюты и криптовалюты в СМИ. Мы проанализировали 100 русских и китайских контекстов газетного подкорпуса 2015–2021 гг. (НКРЯ и поисковые системы): *Пузырь на рынке ипотечно-го кредитования считается одной из главных причин мирового финансового кризиса 2008 года* [В мировой экономике нашли новый пузырь // lenta.ru, 2019.10.22]; *中国要靠实体经济，而不是泡沫！2019年楼市会变天吗？* (‘Китай нуждается в реальном секторе экономики, а не в экономическом пузыре! Климат на рынке недвижимости изменится в 2019 году?’) [5]. Можно отметить, что в целом употребительность этой лексемы за последние годы выросла.

Анализ сочетаемости показал, что ЛЕ *пузырь* часто используется с такими прилагательными, как *финансовый, спекулятивный, ипотечный, валютный, биткоиновый, искусственный, нефтяной, потребительский*. «Пузырь» может *надуваться, раздуваться (или быть раздутым), подпитываться чем-то, взрываться, сдуваться, быть проткнутым*.

Итак, при сопоставлении контекстов мы выявили, что «пузырь» как экономический термин шире используется в русском, чем в китайском языке. В русской прессе на фоне девальвации рубля и политики ЦБ это слово обычно относится к ипотечному и потребительскому кредитованию. В китайской прессе это слово в основном служит для дополнительного объяснения экономического процесса «перегрева» — большого притока средств в какую-то сферу.

1. Азрилиян А. Н. Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 1997.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русс. яз., 1986. С. 548.
3. Финансовый словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/ (дата обращения 08.02.2022).
4. Экономика. Толковый словарь. Дж. Блэк / Общ. ред. И. М. Осадчая. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000.
5. 《人民日报》 Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. URL: http://k.sina.com.cn/article_2029939893_78fe6cb500100dzog.html?cre=tianyi&mod=pcpager_focus&loc=24&r=9&doct=0&rfunc=100&tj=none&tr=9 (дата обращения 08.02.2022).
6. 现代汉语词典, 第6版, 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 北京: 商务印刷馆. 2012年. 1875页. (Современный китайский словарь, Т. 6, Институт лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: Коммерческое издательство, 2012 г. С. 1875).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Г. Рычкова

Концептуальные метафоры с областью-целью РЫБА/鱼 в русской и китайской языковых картинах мира

Ло Вэй

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена исследованию концептуальных метафор с компонентом *рыба* в русской и китайской языковых картинах мира на материале словарей.

В качестве материала исследования выбраны современные толковые и фразеологические словари русского и китайского языков. Методом сплошной выборки из словарей было получено 336 русских и 309 китайских слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепт РЫБА и 鱼. Имеют метафорические значения и отражают вторичные образные признаки концептов 94 единицы из выборки репрезентантов концепта РЫБА и 52 единицы из выборки репрезентантов концепта 鱼.

Сфера представлений о рыбах может являться как целью, так и источником метафоры, оба варианта метафорических моделей с элементом *рыба* отражают культурную специфику представлений о внешности, местах обитания рыб, ловле и заготовке рыбы и т. п.

Концептуальные метафоры, в которых представления о рыбах являются областью-целью метафоризации, имеют более простую организацию и преимущественно репрезентируются в номинациях биологических видов рыб. В нашем материале обнаружено 26 русских и 11 китайских лексем, имеющих переносные значения такого типа.

Среди единиц этой группы реализованы следующие основные метафорические модели:

1. РЫБА — ЭТО ЗВЕРЬ. Нетипичный вариант зооморфной метафоры, представляющий собой уподобление одного животного другому на основании внешнего сходства, реализован лексемой *еж-рыба* (здесь и далее толкования лексем приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» С. А. Кузнецова): «*Еж-рыба* — 1. Крупная морская рыба отряда иглобрюхообразных с шарообразным телом и острыми подвижными шипами. 2. Семейство океанических рыб этого отряда».

Аналогичная модель репрезентирована синлексемой *морской конек* (часть тела рыбы уподобляется части тела лошади на основании сходства формы).

Аналогичный метафорический перенос представлен лексемой *虎皮鱼* (досл. ‘рыба со шкурой тигра’, суматранский барбус): четыре вертикальных полосы от головы до хвоста рыбы позволяют сравнить ее с тигром.

Кроме уподобления по сходству внешнего вида, в китайском языке продуктивен вариант с уподоблением рыбы зверю на основании сходства поведения и характера: *狗鱼* (досл. ‘рыба-собака’, щука).

2. РЫБА — ЭТО ИНСТРУМЕНТ. Такая модель представляет собой вариант артефактной метафоры: рыба уподобляется какому-либо предмету на основании внешнего сходства. В выявленных русских примерах источником переноса становятся представ-

ления об оружии или инструментах деятельности (меч, игла и т. п.), типичным способом образования слова становится словосложение: «*Меч-рыба* — большая морская рыба отряда окунеобразных, с длинной, похожей на меч, верхней челюстью».

В китайской картине мира эту модель репрезентирует следующий пример: 秋刀鱼 (досл. ‘рыба-нож осенью’, сайра): в основе переносной номинации лежит уподобление тела рыбы ножу по форме.

3. РЫБА — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Данная модель представляет собой вариант антропоморфной метафоры, при котором рыба по признаку внешнего вида уподобляется человеку. Наиболее ярким примером является лексема *звездочет*, первичное значение которой называет человека, а переносное — рыбу, «смотрящую вверх»: «*Звездочёт* — 1. Устар. Предсказатель, гадающий по звёздам; астролог. 2. Небольшая хищная морская рыба отряда окунеобразных, глаза которой расположены в верхней части головы».

Аналогично образована китайская лексема 娃娃鱼 (досл. ‘рыба-ребенок’, гигантская саламандра): переносное значение метафорически уподобляет рыбу ребенку.

Можно сделать следующие выводы:

1. Все рассмотренные метафоры с областью-целью «рыба» образованы следующим образом: какой-то из внешних признаков или признаков поведения и характера рыбы акцентируется носителем языка, выделяется как ключевой для рассматриваемого вида рыбы и становится основанием для ее уподобления другому организму (животному или человеку) или предмету. Результатом становится формирование метафорической номинации биологического вида.

2. В группе русских единиц с метафорическим уподоблением рыбы зверю или предмету чаще всего встречаются лексемы, образованные сложением слов, (*меч-рыба*, *ёж-рыба* и т. п.), а также синлексемы (*морской конёк*).

3. Несмотря на сходство моделей метафоризации в русской и китайской картинах мира (модели РЫБА — ЭТО ЗВЕРЬ, РЫБА — ЭТО ИНСТРУМЕНТ, РЫБА — ЭТО ЧЕЛОВЕК), русские номинации видов рыб преимущественно основаны на сходстве внешнего вида, а в китайских возможен перенос по сходству характера и поведения рыбы и других живых существ.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 811.58:811.161.1

**Культурные особенности концептов НОВЫЙ ГОД и 春节
в русской и китайской картинах мира
(на материале лингвистического эксперимента)**

Мэн Миньминь

Новосибирский государственный университет

С ускорением мировой глобализации диалог между всеми национальностями еще больше укрепляется. В связи с этим концептуальный анализ вернулся в поле зрения исследователей языка и стал ключом к открытию всех видов национальных культурных ворот, помогая нам понять ценностную ориентацию и культурную традицию различных наций.

В современной лингвистике России и Китая концептуальные исследования представляют собой новое направление изучения взаимосвязи между лексическим составом языка и культурой народа. Новый год и 春节 [Чуньцзе] являются важнейшими праздниками России и Китая соответственно, поэтому анализ представлений о данных праздниках методами лингвоконцептологии имеет особое значение для лингвистики.

Актуальность и новизна работы связаны с тем, что в ней выполнен сопоставительный анализ, определены сходство и различия концептов НОВЫЙ ГОД и 春节 на материале экспериментов, проведенных среди русских и китайских респондентов.

Объект исследования — ассоциативные реакции, репрезентирующие концепты НОВЫЙ ГОД и 春节 у русских и китайских респондентов.

Предмет исследования — культурная специфика концептов НОВЫЙ ГОД и 春节 русской и китайской лингвокультурах.

Цель данной работы — сопоставить концепты НОВЫЙ ГОД и 春节 в русской и китайской лингвокультурах.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по лингвоконцептологии: С. Г. Воркачева, Г. Г. Слышкина, М. В. Пименовой, О. Н. Кондратьевой и др.

Материалом исследования послужили данные лингвистического эксперимента. Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Вопросы даны через Интернет и устно. У опрошенных не было возможности возвращаться к ответам и редактировать их. Всего было опрошено 200 респондентов (100 русских и 100 китайцев). Большинство опрошенных — студенты университета обоих полов в возрасте 18–30 лет.

Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопросы следующего содержания:

1. *Какие ассоциации вызывают у вас слова «Новый год»?*
2. *Как вы думаете, какой цвет связан с Новым годом?*
3. *Каким вы считаете Новый год (с каким настроением или с какими чувствами связан для вас Новый год)?*

В результате было показано, что сходные ассоциации на стимулы «Новый год» и 春节 отражают представление о радости, семье, счастье и праздничном салюте. Большинство ассоциаций являются эмоциональными, связанными с традициями празднования Нового года в России и в Китае.

Отличающиеся ассоциации на стимулы *Новый год* и 春节 (первый этап эксперимента) связаны с тем, что в группе китайских респондентов отмечены ассоциации, выражающие признак *питание*, ассоциации с праздничной атмосферой в китайской семье и с особыми предметами украшения. Например, ассоциация 合家团圆 ‘собираться вместе (о членах семьи)’ используется только в ситуациях особых праздников — Нового года и Праздника Луны, ассоциация 饺子 ‘пельмени’ связана с тысячелетней китайской новогодней традицией. С русским праздником тоже связан ряд национально специфичных ассоциаций, показывающих атрибуты праздника: *украшение елки, мандарины* и т. п.

Второй этап эксперимента показал, что большинство китайских респондентов связывают НОВЫЙ ГОД с цветовой ассоциацией «красный». Появление когнитивного признака *красный цвет* в структуре концепта 春节 связано с древней китайской традицией использования вещей красного цвета для отпугивания злых сил. А русские не связывают НОВЫЙ ГОД с определенным цветом, среди их ответов с примерно одинаковой частотой встретились реакции «зеленый», «золотой», «белый», «красный».

Третий этап эксперимента (вопрос, направленный на выявление эмоциональных ассоциаций) показал, что среди ответов русских респондентов больше ассоциаций, связанных с отрицательными эмоциями («грусть», «тоска»). Одной из возможных причин такого амбивалентности эмоциональной и ценностной составляющих концепта НОВЫЙ ГОД в русской картине мира является связь представлений о празднике с воспоминаниями о детстве и с когнитивными признаками *чудо* и *загадка* и отсутствие представлений об ожидании чуда у взрослых респондентов.

Дальнейшая работа над данной темой будет связана с описанием культурной специфики концептов НОВЫЙ ГОД и 春节 в русской и китайской лингвокультурах на материале словарей и контекстов, а также ценностно маркированных высказываний (пословиц, поговорок).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

Особенности неологизмов в современной бьюти-журналистике

Т.В. Попова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Бьюти-журналистику, вслед за А. А. Надыршиной, мы рассматриваем как «модную журналистику в сфере красоты и здоровья» [1]. Общеизвестно, что мода изменчива и прихотлива. Будучи совокупностью привычек, вкусов и предпочтений людей определенной среды и в определенное время, она в то же время выполняет роль стимула массового потребления, поэтому «капризы моды» должны поддерживать внимание заинтересованной аудитории к продукции модной индустрии. Велика в этом роль СМИ, которые служат средством распространения модных тенденций в обществе.

Цель данной работы — представить особенности состава неологизмов в сфере индустрии красоты и здоровья в публикациях современных СМИ и описать пути их появления в русском языке.

Теоретический анализ литературы показывает, что проблема пополнения связанной с модой лексической подсистемы «Красота и здоровье» в русском языке новейшего периода рассматривается лингвистами достаточно широко. В ходе анализа неологизмов выделены основные направления ее развития, в том числе расширение состава, парадигматических и синтагматических связей лексем в ее составе.

Проведя анализ статей о моде из журналов Glamour, Cosmopolitan за 2021 год, мы выделили в собранном материале (258 единиц) **тематические группы** неологизмов, в которых отражены явления:

1) эстетической косметологии и стоматологии: *бондинг, виниры, люминиры, микроабразия, ультраниры* и т. д. (**Грилзы** — *металлические решетки на зубах — пришли к нам из рэп-культуры* [Glamour, 25.11.2021]).

2) нейл-индустрии: *аэрография, баффинг, дотс, комби-маникюр, нейл-арт, пушер, стемпинг, стилет, френч* и т. д. (*Мы в «Fingers Crossed» это так и называем — **naked manicure*** [ELLE, 09.03.2021]);

3) парикмахерской индустрии и лэш-индустрии (*балаяж, буби-копф, декапирование, дреды, карвинг, ламинирование, нано-пластика, пинчинг, слайсинг, шатуш* и т. д. (**Liquid hair** — *новый hairstyle-тренд* [Marie Claire, февр. 2020]));

4) индустрии моды: *блейзер, бойфренды, бомбер, кейп, кромби, кроп-топ, кюлоты, макинтош, мюли, оверсайз, плексиглас-туфли, чинос, хайкеры, эспадрильи* и т. д. (*Мой go-to образ — **платье-свитер*** [Marie Claire, февр. 2020]).

Наполняемость новыми лексемами у данных групп разная. Поэтому первую тематическую группу (112 единиц) мы разделили на четыре подгруппы: 1) косметические средства (*антисерн, бустер, гоммаж, дуофибра, керлер, корректор* и т. д.); 2) техники нанесения продуктов (*дрейпинг, мономакияж, смоки-стробинг, сэндбеггинг, хроминг* и т. д.); 3) процедуры эстетической косметологии (*обертывание, скрабирование, та-*

туаж, тейпирование и т. д.); 5) использование аппаратных и инъекционных методик (биоармирование, ботокс, криотерапия, фотоомоложение и т. д.).

Количественно преобладает тематическая группа «Эстетическая косметология». В последнее время активно развивается и nail-индустрия, что отражается на составе и разнообразии лексики соответствующей группы. Отметим, что наряду с популярными неологизмами (ботокс, шугаринг, свитшот) встречаются и менее распространенные (конняку, чинос, грилзы).

В пополнении лексики тематической группы «Красота и здоровье» в русском языке наиболее велика роль **прямого лексического заимствования**. Также неологизмы образуются от более или менее освоенных русским языком слов, причем результатом часто являются сложные лексемы различных типов: *гирудотерапия, озонотерапия; нейл-арт, нейл-мастер; ВВ-крем, крем-мусс*. Приведем примеры **транслитерации** (1) и **транскрипции** (2): 1) *блоттер (blotter), филлер (filler), тинт (tint)*; 2) *сватч (swatch), лонгслив (longsleeve), праймер (primer)*. Образование неологизмов активно осуществляется и с помощью **аббревиатур**: *MUA и MUAH, TOF, LPG-массаж*. Распространенным способом образования новых слов является **калькирование**: *пальто-халат, силуэт-карандаш, брюки «гаучо»*. **Неосемантизация** исконно русских слов или заимствований наблюдается реже: *фрезер, филировать* и др.

Итак, появление и активное функционирование неологизмов в современной бьюти-журналистике определяются социокультурными факторами, прежде всего процессами глобализации. Красота и здоровье становятся одним из значимых факторов успеха. Этим объясняется столь активное пополнение лексики данной группы. Быстро меняющиеся стандарты красоты и здорового образа жизни приводят к стремительному обновлению языка данной сферы с использованием разнообразных путей заимствования и ресурсов словообразования на почве русского языка.

1. Надыршина А. А. Специфика «beauty»-материала как fashion-жанра (на основе творчества Эвелины Хромченко) // Медиасреда, 2016. № 11. С. 70–77.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. А. Маринченко

Концептуальная метафора как средство выражения речевой агрессии в рэп-батлах

О.Д. Прокуророва

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Рэп-батл, набирающий популярность в последние годы, представляет собой сложное и противоречивое явление. Целью подобной словесной дуэли является изящное оскорбление друг друга. Речевая агрессия в батлах становится ключевой формой речевого поведения участников. Словесное выражение негативных эмоций и чувств в оскорбительной манере характеризует рэп-батлы как негативное явление андеграудной культуры.

Исследованием речевой агрессии в разные времена занимались Ю.В. Щербинина, Л.М. Семенюк, К.Ф. Седов, А.К. Михальская. Изучив различные определения данного понятия, мы остановились на следующем: речевая агрессия — это «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [1]. В рэп-батлах речевая агрессия выражается разными средствами (нагнетание негативных ассоциаций, прямое оскорбление, неологизмы, дисфемизация речи [2]), мы остановимся на рассмотрении концептуальной метафоры, которую Дж. Лакофф определяет как «устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой и культурной традиции данного общества» [3].

В рэп-батлах, специфика которых направлена на намеренное подчеркивание недостатков оппонента, ключевой становится **инвективная зоометафора**. Наиболее распространёнными оказываются метафоры, называющие собственно животных (*ничто не значит мнение этой жадной до хайпа свиньи; ты дикий лев или подземный кот?; Звонили из зоопарка, просили вернуть им эту цирковую макаку; Читал про макак, но ты тоже примат; На «петухе года» ты бы обогнал RickeyF; возомнил себя высокой птицей; Если крысы владеют Словом, то чего вы ждете от слуг*). В текстах рэп-исполнителей при характеристике оппонента используются зооморфные инвективы *петух, макака, псина, свинья*. Кроме того, отмечаются метафоры, называющие действия или образ жизни животных (*кто-то идет на компромисс, потом скулит; В шкуре жертвы ты как дома; кукарекни в твиттер что-то; назову твоё творчество полетом из гнезда; Стараешься кусать остротой рэперов; Я выпускаю из клетки тебя за нитки*).

В проанализированных рэп-батлах на первый план выходит тактика дискредитации, целью которой является унижение соперника. Особенно ярко это раскрывается на примере **милитарных метафор**. С их помощью автор выражает угрозы, упреки, призывы к насилию в адрес оппонента (*Мы тут на войне, да / Ты сбегал, покинув форпост; сражаясь, ты умрешь быстрее; А тебя поставят к стенке с Джоном*). Часто милитарные метафоры сопровождаются обценной лексикой, что усиливает агрессию [4].

Кроме того, вербальная дискредитация может отражать возрастные, гендерные или религиозные признаки, а также называть различные отклонения или болезни. Здесь уже недостатки оппонента намеренно подчеркиваются, благодаря **морбиальным метафорам**. Соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы порождают агрессивность и тревожность (*У тебя явно протек чердак; Больно смотреть на твои болезненные потуги; И ты не выкупишь, смекни, ты явно слаб умом; «маска вечно позитивного придурка стала твоей натурой; У тебя словесное недержание, вместо ж**ы два полушария; Ты не бяка, ты слишком хрупкий*).

Одним из средств понижения коммуникативного статуса оппонента являются **метафоры игры**: *ты лишь еще один уровень, но никак не финальный босс; Без реквизита и костюма клоуна — все батлы ты проиграл*. Этой же цели подчинены овеществляющие метафоры: *Ты — удобрение для battle-культуры; Ты для них в инстаграме подписка; Ведь пока ты точка в моей системе рэп-координат*.

Принимая во внимание формат словесной битвы, многие исследователи сравнивают рэп-батл с представлением, где зрители должны определить победителя. Театральность подчеркивается не только в форме самого выступления, но и при описании соперников. Большой популярностью пользуются **театральные метафоры**, в которых без труда можно заметить ироничный подтекст (*Вечно под маской балагура — и маска стала натурой; Твое актерское мастерство на уровне сельского ТЮЗа; Передо мной бездарный комик или неудавшийся актер?; Ты забавный косплей на меня; Ты скопировал все, даже этот мой жест; Я выпускаю из клетки тебя за нитки*). С помощью данных метафор агрессор стремится подчеркнуть свое превосходство и управляемость, программируемость действий оппонента.

Нередки случаи пересечения различных когнитивных метафор в ближайшем контексте: *Без реквизита и костюма клоуна* (театр) — *все батлы ты проиграл* (игра); *Я выпускаю из клетки* (зоометафора) *тебя за нитки* (театр). Таким образом создается целостный образ, эффект агрессии усиливается.

Итак, речевая агрессия в рэп-батлах выступает основным средством достижения победы и находит свое отражение в использовании концептуальных метафор. Разнообразные модели этих метафор позволяют достигать коммуникативных целей, заложенных в специфику данного жанра.

1. Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. С. 196–212.
2. Прокуророва О. Д. Рэп-баттл как форма проявления речевой агрессии // Русский язык глазами молодого исследователя: сборник статей по материалам городской студенческой межвузовской конференции (21 декабря 2020 г.). Н.Новгород: Мининский университет, 2021. С. 67–69.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: УРСС, 2004. 252 с.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УГПУ, 2001. 238 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. И. Бударagina

УДК 81'37

Лексемы, обозначающие родственные отношения в тувинском языке (на примере романа «Читкен уруг» Монгуша Кенин-Лопсана)

А. А. Саая

Тувинский государственный университет, Кызыл

Работа посвящена изучению слов, обозначающих родственные отношения в лексическом составе тувинского языка.

Цель исследования состоит в выявлении слов, обозначающих родственные отношения, и их тематических групп. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований, анализировавших лексику родственных отношений на примерах художественных произведений.

Төрел ('родственник') — является термином обобщенного характера, который не входит непосредственно в номенклатуру терминов родства, но характеризует категорию или разряд родственных отношений [1]. По мнению Л. Кара-оол, термин заимствован из монгольского языка; он зафиксирован не только в тувинском, но и в алтайском языке.

В «Тувинско-русском словаре» под ред. Э.Р. Тенишева «Төрел — 1. родственник; родственница; 2. род/родовой» [4].

В романе нами выявлены следующие тематические группы слов, обозначающих родственные отношения:

1. Слова, обозначающие родственные отношения со стороны матери:

Хемчик кыдыында Хорум-Даг деп черге даай-авам чурттап чораан чүве. 'Около реки Хемчик в местечке Хорум-Даг жила тетя'.

Даай-ава — «Авазының угбазы азы чугаалап турар кижиден улуг кыс дунмазы». 'Тетя / сестра матери, которая по возрасту старше говорящего'.

В данном примере *даай-авам* используется в значении 'сестра матери, тетя'.

Сарыглар. Даайының угун алган — дидим. 'Унаследовал фамилию дяди Сарыглар', — сказал я.'

Даай — «1. Авазының акызы азы чугаалап турар кижиден улуг оол дунмазы». 'Дядя / брат матери, который старше говорящего'. «2. Улуг эр кижини, акый». 'Взрослый мужчина, дядя'.

Слово *даай* в примере использовано в значении 'дядя — старший брат матери'.

2. Слова, обозначающие родственные отношения со стороны отца:

Оюн Чырандай оглу Данчай деңер даан. Оларның ада-ызыгуурун билир мен. 'Значит Данчай сын Оюна Чырандай. Знаю их род по линии отца.'

Ада-ызыгуур — «Кижиниң адазының талазындан угу». В данном примере слово *ада-ызыгуур* используется в значении 'род героя по линии отца'.

3. Слова, обозначающие родственные отношения по браку:

Куда дүшпээн, ол хиреде Шактар башкы-биле ашак-кадай ышкаш апарган бис. 'Свадьбу не сыграли, но с учителем Шактар вроде муж и жена'.

Ашак-кадай — «Ашаа кадайы-биле, ашаа биле кадайы». ‘Муж с женой, супруги’.

В примере слово *ашак-кадай* используется в этом значении.

Улуг-Аңчы ажы-төлүн кагбас, алган кадайын кагбас, аал-чуртун кагбас, мал-маганын кагбас, эжин-өөрүн кагбас. ‘Улуг-Аңчы не оставляет детей, жену, друзей и свой скот’.

Кадай — «1. Эр кижиниң өг-бүле туткан херээжен эжи». ‘Жена, супруга’. «2. Улгуды берген херээжен кижии азы черле херээжен кижии». ‘Пожилая женщина или вообще женщина’.

В данном примере слово *кадай* используется в значении жена, супруга.

Примеры подтверждают, что близкими считаются у тувинцев родители, братья, сестры и родные люди его родителей.

4. Термины вторичного родства не обозначают фактических родственных отношений:

Оларның чугаазындан билип алганым болза, Дакпай акый Чөөн-Хемчиктиң Хөндергей чурттуг. ‘Из их рассказов, поняла, что брат Дакпай из Хөндергея Дзун-Хемчиксого кожууна’.

Акы — «1. Бодундан улуг кады төрөөн азы хан төрөл эр кижии». ‘Старший брат’. «2. Бодундан улуг эр кижини хүндүлөп адаары». ‘Форма почтительного обращения к мужчинам, которые старше’.

В этом примере слово *акый* используется в значении почтительного обращения к мужчине, который старше, даже если он не родственник.

Бир хүндүс Долгар угбай өөвүске кирип келди. ‘Однажды в один прекрасный день к нам в гости зашла сестра Долгар’.

Угба — «1. Бодундан улуг кады төрөөн азы хан төрөл кыс кижии». ‘Старшая сестра’. «2. Бодундан улуг кыс кижини хүндүлөп адаары». ‘Форма почтительного обращения к женщинам, которая старше’.

В этом примере слово *угбай* используется в значении почтительного обращения к женщине Долгар.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы выявили 29 слов, обозначающих родственные отношения, относящихся к четырем тематическим группам. Теоретический материал позволяет сделать вывод о том, что термины родства — часть словарного состава тувинского языка, которые употреблялись издавна и функционируют по настоящее время в основном без изменений. Читая это произведение современные школьники, особенно городские, узнают значения многих слов, обозначающих родственные отношения.

Проведенное исследование по родственным отношениям на примерах романа «Читкен уруг» Народного писателя Тувы Монгуша Кенин-Лопсана подтверждает гипотезу о том, что термины родства применимы не только близким родственникам, но и к чужим людям, особенно старшим и уважаемым.

1. Кара-оол Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл: РИО ТувГУ, 2006. 251 с.

2. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. 596 с.

3. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. 795 с.
4. Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

УДК 81'342.2:811.512.15

Анализ устаревших слов в произведении «Повесть о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола

С. О. Севек

Тувинский государственный университет, Кызыл

Лексика характеризует все изменения в жизни социума, так как словарный состав языка каждой эпохи отражает реалии жизни народа в определенный период времени [1]. Объектом исследования являются устаревшие слова тувинского языка. В результате исследования проанализированы архаизмы и историзмы как составляющие устаревшего пласта лексики, выявлены их ЛСГ на материале художественного произведения С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»:

1. Лексика буддийско-религиозной тематики. Она была практически вытеснена из активного речевого употребления. С 90-х гг. XX в. в связи с возрождением буддизма можно говорить о деархаизации данной лексики, которая ранее в словарях помечалась как устаревшая.

Ламалар ону ижип алгаиш, чамдык-чамдыкта шаң, кеңгиргезин чара шаап кагы дег, сиртиледир согар. 'Чем дольше молились ламы, тем пьянее и громче становилось их чтение, а грохот тарелок и барабаничников все оглушительнее'.

Лама — буддийский монах. Б. И. Татаринцев относит слово к монголизму, в свою очередь заимствованному из тибетского (*bla-ma*) [5, с. 438].

Кеңгирге — бубен, барабан, с обеих сторон покрытый кожей, в которой ударяют двумя палочками. Б. И. Татаринцев полагает, что слово является монголизмом (*kenggerge*); это один из основных атрибутов буддизма [5, с. 141].

2. Лексика, связанная с названиями одежды, головных уборов. Слова, обозначающие предметы одежды, относятся к наиболее подвижному составу лексики. Тувинскую традиционную одежду сменила современная, европейского образца. Поэтому лексика, связанная с названиями национальной одежды и головных уборов, является устаревшей.

Калбак кызыл маактарлыг болгаиш өлзей-удазын дөстүг, кызыл чалаалыг, киш кежи бөрттүг аныяк эр. 'Молодой мужчина в шапке из меха соболя: в красной шелковой макушке с красным гребнем с узлами счастья и красными широкими лентами'.

Маак — разноцветные ленты на шапке (украшение) [3, с. 318]. Ленты и бахрома, ниспадающие на спину, являлись символическим оберегом.

Киш кежи бөрт — шапка из меха соболя предназначена для ношения в теплое время года.

3. Лексика, связанная с родом деятельности человека. В настоящее время слова перешли в пассивный пласт лексики в связи с полным выходом из употребления вместе с обозначаемыми событиями и реалиями.

Мерген бижээчи кижилер кыйгырып номчуур сөстөр боор бо деп-даа бодаар-ла. 'Думается, что слова предназначены для гениальных писателей'.

Бижээчи — писарь, писец, секретарь. По Б. И. Татаринцеву, слово является монголизмом [5].

Дүжүмет-даа бооп ойнап-ла чордум. 'Я играл роль чиновника'.

Дүжүмет — чиновник в дореволюционной Туве [2, с. 525].

4. Общественно-политическая лексика. Эта ЛСГ практически полностью вышла из употребления в связи с изменением политической и экономической системы.

Киндан — кара-бажың деп чүвең ол-ла болгай. 'Киндан есть темница'.

Киндан — тюрьма, темница. Б. И. Татаринцев слово относит к монголизму (*gindan*). В свою очередь монголизм, вероятно, связан с тюркским *зындан* 'тюрьма, острог' [5, с. 156].

Мооң иштинде залуучут кезигүңү «бадылгергейим» бар. Внутри есть членский билет «бадылгергей».

Бадылгергей — членский билет. Одно из поздних, скорее всего относящихся к 1920-м гг. монгольских заимствований (*бат илерхийлэх*) [5, с. 172].

5. Названия пищевых продуктов. Терминология мясных и молочных продуктов широко представлена в тувинском языке, где выразительно представлены национальные особенности народа.

Акым доңгада даңдан кудуп, отка чажып ыдамнааш, боду апты. 'Мой брат налил себе из кувшина араку, побрызгал в огонь и выпил'.

Даң — одна из разновидностей молочной водки [2, с. 392]. Араку в зависимости от перегонки называли по-разному, после вторичной перегонки первача получают *даң*.

Өшкү, хою чок ядыы улус-ла хөөкүйлер шагаага дой дооравас, бар-ла шаа-биле кадык хайындырып, шай-суксун кудуп эрттирер. 'Беднота, не имеющая скота, мясных блюд варили хотя бы кашу и свежий крепкий чай не только для себя, но и для гостей'.

Кадык — каша, чересчур густой суп, лакомство из гущи, оставшейся после топления масла [5, с. 46].

Таким образом, на основании проведенного анализа мы выявили устаревшие слова, относящиеся к пяти ЛСГ. Основная часть слов по происхождению являются монголизмами. Можно сказать, что устаревшая лексика отражает эволюцию языка и изменения в жизни народа.

1. Лиджиев А. Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа, 2011. № 1(65).

2. Толковый словарь тувинского языка. Т. I: А-Й./ Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.

3. Толковый словарь тувинского языка Т. II: К-С / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с.

4. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева М.: Наука, 1968. С. 338.

5. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

УДК 81`42

Реализация концепта НЕНАВИСТЬ в современном русском песенном дискурсе

Ю.П. Ткачук

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено песенному дискурсу — особому многокомпонентному виду коммуникации посредством исполнения музыкальных композиций, который может транслировать различные культурные ценности и формировать у слушателя отдельную концептосферу [1].

Ненависть является социализированной эмоцией, характеризующейся ярко выраженным оценочным значением и интенсивностью переживания [2], и подразумевает постоянное стремление к объекту, но стремление во зло, с целью погрузить объект в неблагоприятную атмосферу с намерением дальнейшего разрушения [3]. Основные понятия, сопряженные с концептом НЕНАВИСТЬ — отвращение, презрение, враждебность, злоба, зависть, страх, агрессия [2]. В большинстве существующих на сегодняшний день исследований на тему песенного дискурса концепт НЕНАВИСТЬ представлен как член бинарной оппозиции ЛЮБОВЬ — НЕНАВИСТЬ, а не как самостоятельная ментальная структура, с чем связана новизна проведенного исследования.

Все варианты описания структуры концепта сводятся к построению полевой модели структуры с выделением ядра и периферии, где ядро составляют ключевые признаки концепта, а периферию — дополнительные «смыслы», которые образуются вокруг ядра.

В ходе работы был произведен анализ структуры и особенностей репрезентации концепта НЕНАВИСТЬ в текстах русскоязычных песен, вошедших в рейтинг сервиса Apple Music «Топ 100 России» за 2018–2021 гг. Из каждого плейлиста были отобраны первые 20 композиций, которые оказались самыми прослушиваемыми в России. Статистика лексической репрезентации концепта НЕНАВИСТЬ показывает, что он репрезентирован в 60 из 80 самых прослушиваемых в России песен за последние четыре года, что составляет 75 % от общего списка и свидетельствует об актуальности проблем, связанных с взаимоотношениями в социуме.

Концепт вербализуется при помощи целого ряда языковых средств, расширяющих его содержание, в большинстве случаев при помощи лексем *любовь* (если речь идет о ненависти к бывшему возлюбленному), *врать, не верить, не отвечать, блокировать, стрельба, война*. Помимо данных лексем, исполнители в больших количествах используют инвективы и обценную лексику.

Анализ 324 контекстов позволил определить основные способы лексической репрезентации концепта и построить модель его структуры, включающую ядро и периферию.

В ядерной зоне признаков концепта НЕНАВИСТЬ главным является «открыто выраженное презрение» — негативная оценка, которая выражается в трети всех контекстов, при этом почти в 50 % случаев чувство ненависти направлено на бывшего или нынеш-

него возлюбленного, а также в сторону опыта совместных отношений. Из этого следует, что в песенном дискурсе ненависть в большинстве своем воспринимается либо как следующий этап после разрыва отношений, либо как главенствующее чувство во время ссоры в паре. При этом в реализации концепта НЕНАВИСТЬ на материале песенного дискурса мы можем наблюдать определенную тактику действий при столкновении с объектом ненависти: избегание и игнорирование, причем стратегия игнорирования в условиях современной реальности в большинстве своем связана с игнорированием в социальных сетях и намеренным пропуском телефонных звонков.

В музыке рэп-исполнителей объектом ненависти чаще является не бывшая возлюбленная, т. е. конкретная девушка, а весь женский пол в целом, что иногда выступает в качестве отличительной особенности жанра, а иногда отражает мизогинные взгляды исполнителя. Другой особенностью рэп-жанра является экспликация ненависти к своему сопернику, нарочитое публичное принижение и демонстрация собственного превосходства через сравнение, идущее параллельно с ненавистью к обществу или другим исполнителям.

Периферийная зона концепта НЕНАВИСТЬ в современном песенном дискурсе отражает такие признаки концепта, как ненависть к самому себе и ненависть к деньгам.

Таким образом, концепт НЕНАВИСТЬ многократно репрезентирован в современном русском песенном дискурсе и отражает различные проблемы человеческих взаимоотношений. Продолжение работы будет проходить в рамках сопоставительной концептологии, где целью станет сравнительный анализ концептов НЕНАВИСТЬ и ODIO в русском и итальянском песенном дискурсе.

1. Янченко Я. М. Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29FLSK419.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Тверь: Тверской государственный университет, 2004. 18 с.
3. Хутова Э. Р. Концепты ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2008. № 1. С. 151–155.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 81-26

Безэквивалентная лексика русского языка в английских переводах повести А. И. Куприна «Поединок»

Е. Ю. Федорченко

Новосибирский государственный университет

Наше исследование посвящено способам перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) повести А. И. Куприна «Поединок» на английский язык. Объектом исследования являются безэквивалентные лексические единицы (ЛЕ) русского языка (РЯ) и соответствующие им ЛЕ английского языка (АЯ) в переводах. Предмет исследования — способы перевода БЭЛ, отражающей специфику русской национальной культуры, на АЯ. Материал анализа — 383 ЛЕ РЯ, 374 ЛЕ АЯ из перевода повести, выполненного британским издательством George Allen&Unwin и 366 ЛЕ АЯ из перевода, выполненного W. F. Harvey, собранные путем сплошной выборки. Цель исследования — проанализировать и описать способы перевода БЭЛ разных тематических групп (ТГ). Актуальность данной темы определена использованием лингвистического подхода к сравнительно-сопоставительному анализу БЭЛ оригинального художественного текста и его иноязычного перевода.

Воспользовавшись методом компонентного анализа лексического значения слова, мы разделили 383 отобранных из русского материала ЛЕ на 13 ТГ: ТГ-1 — «Антропонимы» (116 ЛЕ); ТГ-2 — «Топонимы» (17 ЛЕ); ТГ-3 — «Этнонимы» (6 ЛЕ); ТГ-4 — «Армейские реалии и понятия» (13 ЛЕ); ТГ-5 — «Чины и звания» (10 ЛЕ); ТГ-6 — «Обращения и приветствия» (17 ЛЕ); ТГ-7 — «Команды и формы ответов» (8 ЛЕ); ТГ-8 — «Светские развлечения» (4 ЛЕ); ТГ-9 — «Предметные реалии быта» (21 ЛЕ); ТГ-10 — «Наименования людей» (57 ЛЕ); ТГ-11 — «Цветовые значения» (4 ЛЕ); ТГ-12 — «Названия предметов искусства» (2 ЛЕ); ТГ-13 — «Звукоподражания и междометия» (12 ЛЕ). Как отдельные группы мы выделили: «Устойчивые сочетания и фразеологизмы» (56 ЛЕ), «Стилистически окрашенные наименования действий» (34 ЛЕ), «Каламбуры» (6 ЛЕ). Большое количество отобранных ЛЕ семантически связано с армейской тематикой, что обусловлено временем действия (1894 г.), когда в русской армии были разрешены офицерские поединки.

На следующем этапе исследования мы выявили несколько способов перевода БЭЛ РЯ и передачи ее значения в переводящем языке (ПЯ): переводческая транслитерация (*Михин* 'Michin', *Сашенька* 'Saschenka'), калькирование (*Малороссия* 'Little Russia', *честь мундира* 'the honour of the uniform'), описательный перевод (*пикейное одеяло* a coarse cotton coverlet, *рдеть* to assume a blood-red hue), смешанный способ, состоящий из транслитерации и развернутого описания в комментарии («*Инвалид*» 'the Russki Invalid' (прим. *The official newspaper of the Russian Army*), *аршин* 'arshin' (прим. *Arshin = 2.33 feet*)), приближенный перевод (при помощи «аналога» или синонима) (*Сми-црррна!* 'Attention', *голубчик* 'my dear fellow'). В некоторых случаях спо-

собы, которые использовали переводчики, отличаются: в переводе W. F. Harvey название карточной игры **винт** транслитерировано 'vint' и дан поясняющий комментарий 'A game of cards very popular throughout Russia', а в переводе британского издательства как аналог употреблено название другой игры, правила которой составляют основу винта, 'whist', так как вист по происхождению национальная английская игра, и англоязычные читатели лучше знакомы с ней.

Большую сложность для перевода составляют устойчивые сочетания и фразеологизмы, так как содержат в своей семантике культурно-коннотативный компонент, характеризующий национальную специфику. Для перевода единиц такого типа также использовались различные методы: пословный перевод **как жареный воробей на блюде** 'as securely as a roast sparrow on a dish' (перевод британского издательства), подбор выражения с похожим значением в ПЯ 'as a pat of butter on a hot potato' (перевод W. F. Harvey).

Особую трудность для перевода вызывают примеры языковой игры, заключающейся в использовании каламбуров, основанных на созвучии. Для адекватного и точного перевода необходимо глубокое понимание контекста и внутренней формы слова (ВФС), а также дифференциация слов, являющихся омоформами. По нашим наблюдениям переводчики могут как сопровождать перевод каламбура комментариями (*эта слива не из сладких* (речь о капитане с фамилией Слива) 'that old **plum** isn't one of the sweetest' (прим. *Sliva is the Russian for plum*)), так и оставлять лакуну в переводе, не донося до англоязычного читателя случаи языковой игры. Например, в переводе фрагмента «*Капитан Дювернуа? Его солдаты смешно называют: **Доверни-нога***» присутствует только фамилия капитана 'Captain **Duvernois?** No, ...'. Каламбур не передан из-за отсутствия предшествующего культурного опыта и понимания, что иностранные имена сложны для запоминания солдатом, и поэтому возникают ассоциации, основанные на схожем звучании. Однако лакунарность встречается не только во фрагментах с каламбурами. При анализе собранного материала было обнаружено 26 лакун, большая часть которых характерна для перевода антропонимов, что можно объяснить наличием непрозрачной для переводчиков ВФС (*Драгомиров, Бурченко*).

Научный руководитель — канд. филол. наук Т. И. Белица

УДК 811.161.1.37.

**Эвфемистическое маркирование
непрестижных социальных характеристик человека
(на материале рассказов цикла «Темные аллеи»)**

Хэ Син

Новосибирский государственный университет

В каждом языке есть табуированная лексика, которую принято избегать. Но вместе с тем табуированная лексика давно стала важной частью языковой системы и отражением национальной культуры, поэтому она является функциональной. Для сохранения языковых приличий вместо табу используются эвфемизмы. Особенно ярко функции эвфемизмов реализуются в художественном тексте, формат которого дополнительно провоцирует автора на поиск новых языковых средств эвфемизации.

Наш доклад посвящен анализу внеязыковых сфер человеческой деятельности, требующих разнообразных средств их эвфемизации в художественном тексте в силу излишней откровенности, неприличности, маргинальности и т. п. Правда, наряду с эвфемизмами, И. Бунин использует дисфемизмы. В нашем исследовании подробно рассмотрены социально непрестижные качества человека, которые реализуются через признаки семейного положения, принадлежности к национальности, социально маркированному типу поведения и др.

Объект исследования — контексты, описывающие социально непрестижные характеристики человека. Источник материала — 40 рассказов И. Бунина, образующих цикл «Темные аллеи». Предмет — классификация традиционной для автора темы принадлежности человека к маргинальной сфере и выявление способов эвфемизации. Далее приведена подробная классификация тем, связанных с «социально непрестижным статусом» человека, даны и прокомментированы контексты из произведений И. Бунина.

Тематически контекстный материал распределен по четырем блокам:

1) семейный статус — 36 контекстов: *А изменила, бросила меня* (Темные аллеи); *в ночи утопленницы туманом на озерах белеют, нагими лежат на берегах, соблазняющая человека на **любодеяние*** [внебрачная любовная связь], *ненасытый блуд* (Железная Шерсть) — о греховной связи);

2) социально-обусловленный характер и поведение человека — 17 контекстов: *А признайтесь, коллега: ведь есть в вас какая-нибудь восточная кровь, **жидовская**, например, или кавказская?* (Зойка и Валерия). Национальная принадлежность выражена через прилагательное, мотивированное этнофолизмом, т. е. это дисфемизм; *Он очень **лют** сделался — пуще всего на казнь рабов своих и на любовный блуд* (Баллада) — об агрессии в поведении, которая предусматривает физическое и сексуальное насилие, но выражено экспрессивным прил. *лют* 'жестокий';

3) непрестижные профессии и занятия — 20 контекстов: *Вы, вероятно, думаете, что я привычная содержанка то одного, то другого **мошенника*** (Месь); — *Гуляешь* [про-

ституйруешь / занимаешься протитуцией], должно быть, недавно? (Мадрид); *В седьмом часу вечера на другой день, у буфетной стойки на вокзале в Ростове, был арестован* (Барышня Клара). В этих и подобных контекстах называются субъекты, занимающиеся криминальной деятельностью: мошенничеством, проституцией, и попрошайничеством, и отбывающие за нее наказание — *арестанты, тюрьма, каторжане, каторга...*;

4) непрестижное социальное положение — 17 контекстов: *пьяных и мертвых свидетельствовал при полиции* (Второй кофейник); *но даже дети, очень полная Зойка и ушастый Гришка, обращались с ним, как с каким-нибудь дальним и бездомным родственником* (Зойка и Валерия). В этой группе объединены такие качества человека, как нищета и бедность, бездомность, безработица, туеядство.

В этой группе контекстов выделено 47 эвфемизмов, на основе их анализа составлена классификация языковых способов эвфемизации, характерных для И. Бунина:

1. Синонимизация — замена основных выражений и слов контекста синонимами:

а) нейтральными словами (*ему там грудь раздавило буферами, а мама умерла, когда я была еще маленькой, я и осталась одна на всем свете* [вместо *стала сиротой*] (Мадрид); *«Бывший участник белого движения. Вы, вероятно, тоже»*. — *«Да, участвовал и в великой и в гражданской войне»*. (В Париже) — значит 'воевал за монархию', и непонятно, хорошо это или плохо, что человек воевал за белых, поэтому он выражается аккуратно);

б) архаичными словами (*В ночи утопленницы туманом на озерах белеют, нагими лежат на берегах, соблажняя человека на любоддеяние, ненасытый блуд* (Железная Шерсть) — устаревшее слово, означает внебрачную любовную связь; *Но она, совсем не поняв его, сама, как опытная обольстительница, поднесла ее к его губам и томно посмотрела на него* (Визитные карточки) — т. е. проститутка).

2. Генерализация — замена нежелательной номинации родовым наименованием, словом широкой семантики (в его роли часто используются местоимения), которое позволяет снять «негативные» акценты, транслирующие отрицательную оценку: *Понимаем, что он сразу понял все* (Дубки) — используется обобщенное мест. всё, вместо «прописи» — «он понял, что ему изменили, что его женщина ему не верна, она его предала» и т. п.; *Поклянитесь, что у вас никого нету в Москве...* (Таня) — вместо *вы одиноки, вы никому не нужный человек, вы никчемный* и т. п.

3. Метонимизация — способ образования эвфемизмов, основанный на ассоциативных связях между денотатом в сфере табуированной лексики и «безобидным» наименованием: *Обворуют — в Сибирь пойдут* (Мадрид) — иными словами, отправятся на каторгу, куда ссылают преступников и рецидивистов; *Темнела и у него только половина головы коротко стриженными волосами* (Пароход «Саратов») — по детали, описанию своеобразной прически, читатель понимает, что речь идет об арестантах, в числе которых и персонаж рассказа; *Ищет переписки с серьезной целью* (В Париже) — под «серьезной целью» иронично и снисходительно автор скрывает желание героини найти мужчину.

По предварительным подсчетам, прием синонимизации наиболее частотный. В перспективе исследования — сравнить разные тематические сферы и установить, существует ли корреляция между темой и способом эвфемизации.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент О. М. Исаченко

УДК 811.58:811.161.1

Лингвокультурная специфика концептов ТРУД и 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале фразеологизмов

Цинь Мэн

Новосибирский государственный университет

Концепт ТРУД объединяет представления о важнейшем факторе материальной и духовной общественной деятельности человека.

Объект данного исследования — русские и китайские фразеологизмы, репрезентирующие концепты ТРУД и 劳动 [Лаодун] в русском и китайском языках. Предметом нашего исследования служит лингвокультурологическая специфика исследуемых фразеологизмов.

Цель настоящего исследования — сопоставить концепты ТРУД и 劳动 в лингвокультурологическом аспекте на материале фразеологических единиц.

Для реализации цели использовались следующие методы и приемы исследования: метод сплошной выборки, применяемый для выявления корпуса репрезентантов фразеологизмов концепта ТРУД и 劳动 в русском и китайском языках; методы лексикографического, семантического анализа, лингвокультурологического анализа лексики, фразеологии и паремии; сопоставительный метод.

Материалом для исследования послужили данные этимологических, исторических словарей, толковых словарей современных русского и китайского языков, словарей русских и китайских фразеологизмов и паремий. На основе словарей русского и китайского языков была составлена выборка из 255 русских и 264 китайских фразеологизмов и паремий с компонентом «труд». Анализ материала показал, что концепты ТРУД и 劳动 включают следующие основные структурные элементы:

1. Субъект труда. Представления о субъекте, человеке, осуществляющем деятельность, в русских паремиях связаны с признаками «любовь к труду», «польза труда для человека»: *Человек от лени болеет, а от труда здоровеет. Кто мастера на все руки, у того нет скуки.* В китайских паремиях представлен тот же признак 'любовь к труду', репрезентированы представления о том, что с древних времен трудолюбие является отличительной чертой китайского народа: 鸟美在羽毛, 人美在勤劳 'Птички красивы перьями, а человек трудом', 走遍天下爱勤人 'Везде любят трудолюбивых'.

2. Отношение к труду. Есть много русских пословиц и поговорок, которые описывают значение и важность труда: *Труд славит человека. Труд создает мир.* В то же время ряд паремий выражает отрицательное отношение к труду, то есть показывает амбивалентный характер концепта ТРУД в русской картине мира: *Труд создал из обезьяны человека не для того, чтобы превратить его в лошадь. Кто долго спит, тому Бог простит.* Отношение китайского народа к труду находит свое отражение в следующих признаках концепта 劳动: 'труд всегда в почете', 'те, кто любит труд, получают уваже-

ние'. 花开满树红, 劳动最光荣 'Труд — самый славный', 爱劳动, 受尊重 'Кто любит труд, того уважают'.

3. Характеристики труда. Сложные природные условия (короткое лето и долгая зима) сформировали твердость, решительность и выносливость как доминанты русского национального характера: *Если уже делать, так делать хорошо. Летний день год кормит. Летом дома сидеть — зимой хлеба не иметь.* Основным признаком, связанным с характером труда, в китайской картине мира является 'терпеливое преодоление трудностей': 不是一番寒彻骨, 争得梅花扑鼻香 'Как мы можем услышать аромат цветения сливы без процесса страдания холодного?', 不受苦中苦, 难为人上人 'Только стойко перенося тяжелые испытания, можно надеяться на возвышение в обществе'.

4. Результаты труда. Русские люди придают большое значение и плодам труда, считая, что это не только уважение к труду, но и уважение к трудящимся: *Трудовая копейка впрок идет. Хорошо трудиться — хлеб уродится.* Кроме того, в структуре концепта ТРУД присутствует отрицательная оценка подневольного тяжелого труда: *От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. Труда много, а добычи мало.* В структуре китайского концепта 劳动 также представлен признак 'цена плодов тяжелого труда': 红糖甜, 白糖甜, 不如劳动果实甜 'Плоды труда более сладкие, чем сахар', 别人的饭能饱一天, 自己劳动得来的能饱一年 'Чужой хлеб день кормит, а заработанный своим трудом год кормит'. Некоторые китайские поговорки также репрезентируют признак отрицательной оценки плодов чрезмерного труда: 疲劳过度, 白病从生 'Когда человек изнурительно трудится, превышает норму, то легко болеет'.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что русский концепт ТРУД и китайский концепт 劳动 имеют как общие, так и различающиеся признаки.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 811.512.156

Диалектизмы, относящиеся к национальному жилищу өг ‘юрта’, в речи ак-эрикцев

В. С. Эрендей

Тувинский государственный университет, Кызыл

У тувинцев основным жилищем издавна была *өг / кидис өг* ‘войлочная юрта’, и по сей день тувинцы смогли сохранить ее в первозданном виде. Истории развития этого древнего вида жилища не только тюркских, но и монгольских кочевых народов посвящены труды ученых с мировым именем [1]. В тувиноведении существует немало работ, посвященных отдельным аспектам данного вопроса, но с лингвистической точки зрения она в полной мере не изучена.

Село Ак-Эрик — административный центр и единственный населенный пункт Кызыл-Чыраанского сумона Тес-Хемского кожууна Республики Тыва. Речь жителей этого поселения значительно отличается от литературного языка и других тувинских диалектов и с давних пор привлекает внимание ученых. В быту речь коренного населения называют *соян яраа* ‘речь соянов’. Соян — одна из родоплеменных групп, которые проживали вблизи озера *Төре-Хөл* (монг. *төрэ* ‘стремя, стремянный’) тув. *Эзеңги-Хөл* (рус. Торе-Холь). Сами жители в повседневной жизни между собой разговаривают на своем говоре *соян яраа ярыыр* (‘разговаривать по-соянски’).

В настоящей работе рассматриваются отдельные наименования, относящиеся к конструкции тувинской юрты и ее внутреннего убранства.

В зависимости от материала, используемого для изготовления и размера юрты, бывают *чаргаи өг* ‘летняя юрта’, *кидис өг* ‘юрта, сделанная из качественного войлока’, или ‘зимняя юрта’, *бөдей өг* ‘небольшая юрта’.

Диалектизмы, относящиеся к конструкции юрты:

- *Самгыраа/тогана/тоона* (лит. *хараача*) — самая верхняя часть юрты, служащая для освещения прохождения дыма от очага, для закрепления в нем верхних концов жердей — *ынаалар*.

- *Көштелик* (лит. *мөгеже*) — крестообразная решетка большого обруча в дымовом отверстии юрты.

- *Ынаа* (лит. *улун*) — тонкие деревянные жерди, служащие стропилами в юрте.

- *Терме* (лит. *өг ханазы*) — решетчатая стена юрты.

- *Базыр* (лит. *базырык*) — волосяная веревка, обертываемая крест-накрест вокруг юрты для закрепления верхних и нижних частей юрты.

- *Куржаг* (лит. *адаккы*) — войлок, которым покрывают стены юрты.

- *Туурга* (лит. *иштики шывыг*) — внутреннее покрытие юрты.

- *Бүзе* или *чеңп* (лит. *кур*) — лента для опоясывания юрты, изготавливаемая из четырех сложенных в ряд волосяных веревок. Также различают войлочные пояса из шерсти яка или гривы коня для укрепления юрты изнутри (*иштики бүзе*) и снаружи (*даштыкы бүзе*).

- *Хаалга/ижик* (лит. *эжик*) — ‘дверь’, состоит из косяка и деревянной створки.
- *Бирзээнти* (рус. брезент, лит. *даштыкы шывыг*) — наружное покрытие юрты, которое хорошо защищает от снега и дождя.

Как пишет С. И. Вайнштейн, «юрта — это не только жилище кочевника: многие века она была его микромиром, своеобразной моделью вселенной» [1, с. 229].

Все внутреннее пространство юрты условно делится на две половины (по отношению к человеку, стоящему лицом ко входу в юрту): женскую или правую — *өг ээлериң талазы* (лит. *херээжен ээзиниң талазы*), мужскую или левую — *эр кижиниң талазы*, в говоре — *аалчылар талазы*, букв. ‘сторона гостей’. В юрте есть самое почетное место *дөр* для особо уважаемых гостей или людей почтенного возраста.

От чаякчы (лит. *ожук*) ‘очаг’, *суугу / демир суугу* ‘железная печь’ — сакральный центр жилища.

Кроме этого у тувинцев есть особые правила для установки внутреннего убранства в юрте. Каждая вещь имеет определенное место по отношению к *ижик* (лит. *эжик*) ‘входной двери’, обращенной на восток.

Диалектизмы, относящиеся к предметам внутреннего убранства:

- *Эргинек* (лит. *үлгүүр*) — разборный шкафчик для посуды.
- *Улуг-карак* (лит. *үлгүүрнүң паи салыр чери*) — место внутри шкафа для казана.
- *Үзүк, бараан* (лит. *чыышкын, чүък*) — сложенная в кучу сезонная одежда, войлочные матрасы, меховые одеяла и т. д.
- *Хөгээр* (лит. *көгээр, доскаар*) — кожаный сосуд для *хойтпака* ‘айрана’; большая кожаная фляга для кумыса.
- *Суук / чыргыраа / адыр ыяш* (лит. *аскы, чагы*) — вешалка из ствола дерева с сучками, на которую вешали *чүген* ‘узды’, *сыдым* ‘арканы’, *кижен* ‘конские путы’ и другие необходимые предметы животноводства, охотника.

В ходе предварительного анализа собранного языкового материала выявлено, что диалектизмы исследуемой тематической группы заимствованы из монгольского языка и сильно обогащают словарный состав тувинского языка. Часть анализируемых диалектных слов ранее нигде не была зафиксирована и вводится в научный оборот впервые.

Следует отметить, что эти слова употребляются лишь в речи людей старшего и пожилого возраста, которые занимаются животноводством. Школьники и молодежь их почти не знают, в речи не употребляют. В дальнейшем следует более подробно исследовать данную тематическую группу слов.

1. Вайнштейн С. И. Загадочная Тува. М.: Домашняя газета, 2009. 416 с.
2. Байыр-оол М. С. Тывалар. Өг — өртемчейниң өзээ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2005. 95 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. М. Куулар

УДК 81'373

Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов, описывающих характер человека

Юй Тяньлян

Новосибирский государственный университет

Фразеологизмы являются кристаллизацией национальной мудрости и жизненного опыта людей и занимают очень важное место в языке. Фразеология может ярко, образно, лаконично и ясно выражать мысли людей, отражать национальные обычаи, религиозные верования, историческое развитие, ценности и т. д.

Данная работа посвящена русским и китайским фразеологическим единицам (далее ФЕ), описывающим характер человека. Цель работы состоит в том, чтобы выявить и описать оптимальные способы освоения русских ФЕ с этой семантикой китайскими студентами.

Для проведения исследования мы опирались на понятие **межъязыковой эквивалентности** и использовали классификацию Е. Ф. Арсентьевой, которая выделяет следующие типы соотношений ФЕ: фразеологические эквиваленты (полные и частичные), фразеологические аналоги (полные и частичные), безэквивалентные фразеологические единицы [1]. Рассмотрим эти типы подробнее.

1. Фразеологические эквиваленты: разноязычные ФЕ с тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и с тождественным компонентным составом. Например: *держат слово* ('выполнять обещанное') [2] и 信守诺言 (пиньинь: xìnshǒu nuòyán), букв. 'хранить обещание' [3]. В этих фразеологизмах совпадают и форма, и значение.

2. Фразеологические аналоги выражают одинаковое или близкое значение, но их внутренняя форма не совпадает (частично или полностью). Например: *заячья душа* (разг. пренебр. о робком, трусливом человеке [2]) и 胆小如鼠 (пиньинь: dǎnxiǎo rúshǔ), обр. в знач. 'робкий, как мышь' [3]. Эти единицы имеют близкое значение, но их форма различна.

3. Безэквивалентные фразеологические единицы — межъязыковые ФЕ, не имеющие соответствий во фразеологической системе сопоставляемого языка. Например: *двуликий Янус* (книжн. презр. двуличный, ненадёжный человек) [2]. В китайском языке у этого фразеологизма нет соответствия, но можно передать это значение с помощью ФЕ с другими компонентами: 掩耳盗铃 (пиньинь: yǎn'ěr dào'líng, досл. «заткнув уши воровать колокольчик»), обр. в знач. 'не признавать очевидного, прятать голову в песок, обманывать себя, строить иллюзии; страусиная политика, самообман' [3].

Таким образом, при разработке материалов для изучения фразеологии на занятиях РКИ необходимо учитывать степень межъязыковой эквивалентности. Так, в первую очередь нужно предъявлять те ФЕ, которые имеют эквиваленты или аналоги в родном языке студентов. При освоении новых русских ФЕ стоит продемонстрировать одинако-

вые или похожие китайские единицы, рассмотреть типовые ситуации употребления, поработать с контекстами, выполнить упражнения на перефразирование и перевод. Кроме того, отдельно внимание нужно уделять и безэквивалентным единицам как наиболее трудным для понимания. Такие русские ФЕ следует вводить в лексикон студентов через буквальный перевод, иллюстрации, анализ примеров употреблений, подбор китайских фразеологизмов с иной образностью, но хотя бы отдаленно похожим значением.

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеол. единиц, семантически ориентир. на человека в англ. и рус. яз.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 123 с.
2. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.
3. 罗竹凤 (Luo Zhufeng). 汉大成语大词典 / Chinese Idioms Dictionary. [Электронный ресурс] 汉大, 1997. 18676网页.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. Г. Рычкова

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Ershova T. D.....99	Зоммер Н. В.....39	Никифорова А. А.....223
Silkov S. V.....57	Зоркальцев А. В. 192	Нури Джаннат.....161
Starostin G. G.....83	Иванов В. В. 66	Нямбуу С.....21
Андреева Д. В. 157	Ильинова Е. А. 272	Овчинникова К. А. 203
Андреева К. С. 85	Калинина А. Д.....129	Ондар К. С.....250
Анисимков М. И. 43	Карбушев Р. А. 68	Ооржак Д. В. 23
Анисимков М. И. 87	Кирнос Н. С.....15	Ооржак О. А.....49
Антипова В. С.....145	Климонова Ю. А.....101	Осипова А. В.....205
Бадарчы А.-Х. Т. 260	Коваленко А. Н. 131	Плотников И. М. 226
Бартева А. Д. 123	Коваленко С. Д.....183	Подлатов М. П.....51
Бедрань В. В.....262	Корелина А. Д. 133	Поливанова Н. С. 76
Белозерова А. А. 183	Коротких С. В. 70	Польщицина О. А. 252
Беляева Л. С. 7	Котков М. С. 103	Полянская И. В. 53
Болат Ю. А. 185	Креминская Е. В. 72	Попова Т. В.....283
Борисова С. В.....9	Кузнецова В. М. 194	Потапова Е. В.....163
Брызгалина Р. Р.....60	Куницкая А. Ю.....105	Прокопьева Е. Р.....254
Бюрбю Н. С. 264	Көк Ш. Ш. 274	Прокуророва О. Д. 285
Вавилова В. С.....89	Ландарь У. Е. 17	Разин А. А. 165
Ван Юнцзе 266	Лебедева Е. А. 41	Резвова Л. Э.....153
Васильева М. Н. 244	Лебедкин Д. А. 196	Рейзлина Т. А. 110
Вейс В. В. 11	Ледовских А. Ю.....19	Рябцева А. П.....25
Вернер П. К. 147	Ли Цзиньхуа.....248	Саая А. А. 287
Вишняков А. А.....187	Ли Цзюнь 277	Саая Ч. Х. 112
Власова М. В. 125	Ло Вэй 279	Саржанова А. Н.....188
Воронина Е. Е. 188	Лу Чэнь.....159	Севек С. О. 290
Вульф А. А. 31	Лукьянов Н. А. 135	Сергакова Ю. В. 167
Галайда А. В.....62	Ляпина П. А.....197	Сергеева Ю. А.....78
Глухих С. А. 246	Максимовский Г. К. 137	Сердюкова К. Н.....256
Григорьева А. С.....13	Малышев А.....43	Сикацкая П. А. 55
Гришачева М. А. 64	Маршалова А. Э.....199	Сиротенко В. В.....80
Гу Хуэйлинь.....268	Маслова Е. А. 106	Слепцова В. Н. 169
Губарь М. К. 91	Маутказинова Э.....219	Слепцова С. Г. 114
Гурьянова Д. А.....93	Мачулина Е. А.....108	Согришина В. В. 82
Дариймаа С. С.....95	Мд Тапу Райхан.....171	Соколовская А. А.....143
Денисова И. В. 33	Мельникова А. Р.....221	Старчикова А. В. 258
Дешковец Д. О. 97	Мельник М. Ю. 201	Степенюк А. Э. 228
Дмитриева Е. Ю.....270	Меркулова Е. С. 45	Сухина О. Г. 230
Ерастова Е. В.....35	Монгуш У. М. 47	Таваажап Ч. Э.....232
Ермакова Н. А. 149	Морозов Д. В.....139	Тихобаева О. Ю.....207
Ерохин П. А.....37	Мэн Миньминь.....281	Ткачук Ю. П. 292
Жорникова Ю. Н. 127	Начарова Э. Р.....151	Тотмина Е. В. 27
Засыпкин А. С.....190	Наширбанов А. А.....141	Ульченко А. Н.....209
	Нигаматзянова Л. Д. 74	Федорченко Е. Ю. 294

Феоктистова К. Г. 173	Хэ Син 296	Шарафуллин В. А. 118
Фофанова А. Ю. 175	Цинь Мэн 298	Шестопалов К. С. 155
Французова А. П. 58	Чеусова А. С. 234	Шиндрова К. В. 240
Хонкулов А. Ш. 177	Чжан Чэндун 179	Щербатов Д. Р. 215
Хох Д. Е. 116	Чэнь Мэйвэй 236	Эрендей В. С. 300
Хромешкина П. И. 29	Шаляпина А. А. 213	Юй Тяньлян 302
Хуан Ш. 211	Шарангович Е. Н. 238	Ян Цзайхуэй 242

СОДЕРЖАНИЕ

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Теория языка и методика преподавания

Беляева Л. С. Функционирование персонального дейксиса в экоориентированном устном дискурсе.....	7
Борисова С. В. Межкультурное обучение в вопросе преподавания иностранного языка в школе	9
Вейс В. В. Структурные и семантические типы парантетических конструкций в рамках нарратологического подхода к исследованию художественного дискурса	11
Григорьева А. С. Ассоциативно-вербальная сеть языка немцев-меннонитов Plautdietsch	13
Кирнос Н. С. Значимость концепции World Englishes для русского студента, изучающего английский язык	15
Ландарь У. Е. Лингвокультурологический потенциал парентезы в художественном тексте	17
Ледовских А. Ю. Лингвокультурный трансфер в архаических речевых практиках индоевропейской культуры	19
Нямбуу С. Особенности фонетической интерференции в русской речи монгольских студентов Тувинского государственного университета.....	21
Ооржак Д. В. Счетные слова в китайском языке.....	23
Рябцева А. П. Вербальные маркеры хезитационных пауз в английском языке (на материале социокультурного подкаста).....	25
Тотмина Е. В. Методика изучения взрослого франко-русского билингвизма с использованием изображений и фразеологизмов.....	27
Хромешкина П. И. Проблемы межличностного коммуникативного взаимодействия в условиях межкультурного контекста.....	29

Стилистика и перевод

Вульф А. А. Языковая личность Эшли Николетт Франджипани (Холзи) в виртуальном пространстве	31
Денисова И. В. Особенности аудиовизуального перевода англоязычных фразеологических единиц на русский и китайский языки	33
Ерастова Е. В. Языковая игра в идиолекте Дж. Барнса: переводческий аспект	35
Ерохин П. А. Проблемы перевода немецких реализаций концепта ПУТНИК/ДОРОГА на русский язык	37

Зоммер Н. В. Эволюция нормы в синхронном переводе	39
Лебедева Е. А. Лингвистические и культурологические лакуны в поэзии Роберта Фроста: переводческий аспект.....	41
Малышев А., Анисимков М. И. Языки-посредники в межъязыковом субтитровании	43
Меркулова Е. С. Особенности речевого этикетного жанра «Поздравление» (на материале поздравлений президентов США Дональда Трампа и Барака Обамы)	45
Монгуш У. М. Перевод слов-реалий, обозначающих наименования одежды, в романе Шолохова М. А. «Андарган кур чер» («Поднятая целина»).....	47
Ооржак О. А. Анализ употребления интернет-сленга в современном китайском языке, встречающегося на китайской интернет-платформе 小红书	49
Подлатов М. П. Репрезентация феномена политкорректности в художественном дискурсе (на материале романа Д. Митчелла Black Swan Green).....	51
Полянская И. В. Художественная деталь и средства ее воссоздания в русском переводе образной составляющей новеллы Э. Манро «Слишком много счастья».....	53
Сикацкая П. А. Количественная оценка переводческой эквивалентности поэтического текста	55
Silkov S. V. Phonological Assimilation as a Strategy for First Names Translation (Anglo-Saxon and Russian Name Material)	57
Французова А. П. Перевод цветообозначения bleu на русский язык на примере произведения М. Пастуро Bleu. Histoire d'une couleur.....	58

Межкультурная коммуникация

Брызгалина Р. Р. Вербальное обозначение взгляда и стоящей за ним эмоции в английской лингвокультуре	60
Галайда А. В. Образ хроматизмов bianco, rosso в языковом сознании итальянцев на материале ассоциативного эксперимента	62
Гришачева М. А. Устойчивые выражения с глаголами fare, avere как способ отражения языковой картины мира итальянцев	64
Иванов В. В. Влияние билингвизма на эффективность работы в профессиональном коллективе	66
Карбушев Р. А. Коммуникативные и эмоционально-речевые стратегии взаимодействия фронтменов рок-групп с публикой (на материале живых выступлений)	68
Коротких С. В. Вербальные и невербальные средства выражения эмпатии: культурологический аспект	70
Креминская Е. В. Поучительный потенциал китайских фразеологических единиц (на материале сборника «Иллюстрированный сборник чэньюев для детей», ч. 1).....	72

Нигаматзянова Л. Д. Особенности формирования речевого имиджа политика в Японии (на материале устных выступлений бывшего премьер-министра Японии Ёсихидэ Суги).....	74
Поливанова Н. С. Проблема теоретического соотношения понятий «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная компетенция».....	76
Сергеева Ю. А. Аккультурация и культурный шок интернациональных студентов в свете теории потребностей А. Маслоу.....	78
Сиротенко В. В. Особенности эмоционально настраивающей стратегии в интервью (на материале английских газет).....	80
Согришина В. В. Культурологические и лингвистические проявления World Englishes на материале индийского английского.....	82
Starostin G. G. Reflection of the Multiculturalism Phenomenon in the Novel 'Ragtime' by E. L. Doctorow.....	83

Лексикология, когнитивистика

Андреева К. С. Терминологическая метафора в словообразовании (на материале сферы «Традиционная китайская медицина»).....	85
Анисимков М. И. Немецкоязычные «слова года» 2010–2021 гг.: способы словообразования.....	87
Вавилова В. С. Лингвистические особенности немецкого языка в Австрии (на материале серии Verschwörung сериала Tatort).....	89
Губарь М. К. Полимодальная репрезентация интертекстуальных включений в англоязычном кинодискурсе.....	91
Гурьянова Д. А. Поликодовая репрезентация заголовков художественного текста на русском, немецком и английском языках: компаративный аспект.....	93
Дариймаа С. С. Содержательное наполнение в сопоставительной и лексикографической репрезентации концепта БРАТ на примере английского, русского и тувинского языков.....	95
Дешковец Д. О. Прозвища как особая группа антропонимов в русском, французском и английском языках (на материале прозвищ политических деятелей).....	97
Ershova T. D. English and Italian Motivational Speech: Linguistic, Linguo-Cognitive, and Pragmatic Features.....	99
Климонова Ю. А. Прагматические особенности газетных заголовков (на материале англоязычной газеты The Guardian).....	101
Котков М. С. Особенности языка французских геймеров, выявленные в чатах на платформе Twitch.....	103
Куницкая А. Ю. Заимствования из афроамериканского английского в русском языке (на примере текстов песен).....	105
Маслова Е. А. Анализ фразеологических единиц с глаголами движения в современном немецком языке.....	106
Мачулина Е. А. Лингвокультурный концепт ВИНО во французском языке.....	108

Рейзлина Т. А. Систематизация этнокультурных коннотативных маркеров английских антонимических фразеосочетаний.....	110
Саая Ч. Х. Роль жаргонной лексики в произведении Кызыл-Эник Кудажы «Ыы» (Плач)	112
Слепцова С. Г. Сравнительный анализ основных концептов группы BTS на материале песен Save Me и I'm Fine.....	114
Хох Д. Е. Детская лексика в современном русском, французском и английском языках	116
Шарафуллин В. А. Функционирование речевого портрета якувариго в японских художественных произведениях (на материале аниме).....	118

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература XI–XVIII вв. Литературное источниковедение и археография

Бартева А. Д. К истории бытования Жития преп. Пелагии Антиохийской в древнерусской рукописной традиции.....	123
Власова М. В. Особая редакция легенды «о граде Китеже» из сборника собрания Тихомирова М. Н. ГПНТБ СО РАН	125
Жорникова Ю. Н. Образы природы в русских лирических песнях свадебного обряда ...	127
Калинина А. Д. Требования нравственности для служителей церкви в сборнике рукописных проповедей XVII в.	129
Коваленко А. Н. Сюжет о волхве Валааме в древнерусском «Слове о звезде Ираньи»	131
Корелина А. Д. Особенности репрезентации мотива слепоты в рукописном сборнике «Статир» (на примере слов в Неделю о слепорожденном)	133
Лукьянов Н. А. Толкование евангельского сюжета беснования на новолуние в проповедях XVII в.	135
Максимовский Г. К. Новый список «Сказания о Иоанне и Лонгине Яренгских» в Забайкальском собрании ГПНТБ СО РАН.....	137
Морозов Д. В. Книги религиозного содержания в библиотеках Колывано-Воскресенских горных заводов: русские издания гражданского шрифта XVIII в.....	139
Наширбанов А. А. К литературной истории Слова о Тиверии-кесаре.....	141
Соколовская А. А. Жанрово-композиционные особенности «Повести о построении Благовещенской церкви»	143

Русская литература XIX в.

Антипова В. С. Трансформации жанра идиллии в стихотворении «Отставной солдат» А. А. Дельвига	145
--	-----

Вернер П. К. Поэтика фрагмента в книге Д. Н. Блудова «Мысли и замечания»	147
Ермакова Н. А. «Провинциальный текст» русской литературы 1890–1903 гг. (А. П. Чехов, И. Н. Потапенко)	149
Начарова Э. Р. Рефлексия на «неудачный» собственный текст как отражение некоторых аспектов философии творчества А. П. Чехова	151
Резвова Л. Э. Итальянский текст в романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна»	153
Шестопалов К. С. Дневник путешествия на Корфу О. И. Орловой-Давыдовой как травелог	155

Русская литература XX–XXI вв.

Андреева Д. В. Цветовые образы в прозе Леонида Андреева	157
Лу Чэнь. Особенности раскрытия характера персонажа в повести Распутина В. Г. «Живи и помни»	159
Нури Джаннат. Лариса: образ свободы духа и жажды жизни в «Докторе Живаго»	161
Потапова Е. В. Ирония как форма рецепции «грузинского текста» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в русской поэзии XX века	163
Разин А. А. Нарративный анализ рассказа В. Набокова «Круг»	165
Сергакова Ю. В. Постмодернистские тенденции в романе Ю. И. Коваля «Суер-Вьер»	167
Слепцова В. Н. Сенсорный образ Якутии в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова	169
Мд Тапу Райхан. Использование В. П. Астафьевым приема автобиографического повествования в «Последнем поклоне»	171
Феоктистова К. Г. Мифопоэтика истории в творчестве М. И. Цветаевой	173
Фофанова А. Ю. Вещная деталь в раннем творчестве И. А. Бунина	175
Хонкулов А. Ш. Эрос в повести Михаила Кузмина «Крылья»	177
Чжан Чэндун. Гипермотив «ханьданьский сон» в пьесе Б. Акунина «Зеркало Сен-Жермена»	179

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Белозерова А. А., Коваленко С. Д. Сравнение лексико-семантических и ассоциативных полей. ЭЭГ и айтрекинг-исследование	183
Болат Ю. А. Формирование орфографической грамотности на уроках русского языка в 5-м классе на основе применения занимательного материала	185
Вишняков А. А. Веб-платформа для поддержки разработки инструментов автоматической обработки текста	187
Воронина Е. Е., Саржанова А. Н. Построение геосемантической сети районов г. Новосибирска на основе анализа тональности публикаций в социальных сетях	188

Засыпкин А. С. Некоторые особенности аргументативной разметки научных текстов.....	190
Зоркальцев А. В. Применение теории риторических структур для анализа песенной поэзии на примере творчества Юрия Шевчука и Дмитрия Мозжухина	192
Кузнецова В. М. Некоторые особенности выражения экспертного мнения в научных текстах.....	194
Лебедкин Д. А. Нейрокорреляты обучения иностранному языку по методике, основанной на теории глубинной семантики	196
Ляпина П. А. Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции	197
Маршалова А. Э. Извлечение аспектов из текстов научных статей	199
Мельник М. Ю. Изучение организации процесса метафорического переноса — ЭЭГ-исследование.....	201
Овчинникова К. А. Автоматическая генерация лексико-синтаксических паттернов на основе онтологии для извлечения информации о научной деятельности	203
Осипова А. В. Сопоставительное исследование алгоритмов глубокого обучения для генерации семантически связного текста	205
Тихобаева О. Ю. Извлечение семантических отношений из текстов научных статей.....	207
Ульченко А. Н. Автоматический поиск разговорных синонимов при помощи модели Bert	209
Хуан Ш. Степень детерминологизации русских компьютерных терминов	211
Шаляпина А. А. Определение близкородственных отношений с помощью фоноскопической экспертизы	213
Щербатов Д. Р. Построение событийно-ориентированного графа знаний на русском языке	215

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Грамматика

Маутказинова Э. Немецкие островные диалекты Алтая (на основе полевого материала сел Красноармейский и Камыши).....	219
Мельникова А. Р. Акциональные предложения с предикатами деструктивной и креативной семантики и предикатами трансформации объекта	221
Никифорова А. А. Особенности постановки тире и двоеточия в бессоюзных сложных предложениях (на примере сборника рассказов К. Г. Паустовского «Золотая роза» и романа Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети»).....	223
Плотников И. М. Порядок составляющих как часть коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка	226

Степенюк А. Э. Русские глаголы социальной семантики, мотивированные глаголами чувственного восприятия	228
Сухина О. Г. Глаголы пространственной локализации в «Евангелии от Марка» на древнегреческом языке	230
Таваажап Ч. Э. Глаголы говорения в тувинском языке	232
Чеусова А. С. Имя существительное в языке немцев-меннонитов, проживающих на территории Сибири	234
Чэнь Мэйвэй. Тематическая классификация универбатов с компонентом числительным в современном русском языке	236
Шарангович Е. Н. Орфографическое правило как речевой жанр	238
Шиндрова К. В. Консонантизм языка меннонитов Новосибирской области	240
Ян Цзайхуэй. Отношение между перифрастическим выражением и фразеологической единицей в русском языке	242

Коммуникативная лингвистика

Васильева М. Н. Речевые портреты персонажей в сериале «Теория большого взрыва» и их передача на русский язык	244
Глухих С. А. Описание требований к кандидату на вакансию в лингвопрагматическом аспекте	246
Ли Цзиньхуа. Оценки в комментариях к новостям о вакцинах от COVID-19	248
Ондар К. С. Обращения в тувинском языке	250
Польщицина О. А. Жанровые характеристики любительской рецензии на фанфики (на материале сайтов ficbook.net и efpfanfic.net)	252
Прокопьева Е. Р. Языковые и визуальные средства репрезентации научных объектов и явлений в современной детской литературе (на материале книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур и «Такие удивительные насекомые» А. Тихонова)	254
Сердюкова К. Н. Кооперативные и конфликтные речевые стратегии и тактики общения на интернет-форуме (на материале woman.ru)	256
Старчикова А. В. Разноаспектное описание конфликтного речевого поведения	258

Семантика

Бадарчы А.-Х. Т. Лексические трансформации в романе С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»	260
Бедрань В. В. Метафорические модели концептуализации интернета в русском, английском и французском языках	262
Бюрбю Н. С. Структура тувинских лингвистических терминов, относящихся к именным частям речи	264
Ван Юнцзе. Концептосфера 三光 (НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА) в русской и китайской лингвокультурах	266

Гу Хуэйлинь. Концептуальная оппозиция ОПАСНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ / 危险 и 安全 в русской и китайской лингвокультурах	268
Дмитриева Е. Ю. КОРОНАВИРУС как лингвокультурный концепт в русской и английской картинах мира на материале социальных сетей	270
Ильинова Е. А. Метафоры, выражающие эмоции, в романах А. В. Иванова «Географ глобус пропил» и «Тобол. Много званых»	272
Көк Ш. Ш. Лексика, обозначающая черты характера человека в тувинском языке	274
Ли Цзюнь. Сопоставительный анализ экономической метафоры «пузырь» в русском и китайском языках.....	277
Ло Вэй. Концептуальные метафоры с областью-целью РЫБА/鱼 в русской и китайской языковых картинах мира.....	279
Мэн Миньминь. Культурные особенности концептов НОВЫЙ ГОД и 春节 в русской и китайской картинах мира (на материале лингвистического эксперимента).....	281
Попова Т. В. Особенности неологизмов в современной бьюти-журналистике	283
Прокуророва О. Д. Концептуальная метафора как средство выражения речевой агрессии в рэп-батлах.....	285
Саая А. А. Лексемы, обозначающие родственные отношения в тувинском языке (на примере романа «Читкен уруг» Монгуша Кенин-Лопсана).....	287
Севек С. О. Анализ устаревших слов в произведении «Повесть о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола.....	290
Ткачук Ю. П. Реализация концепта НЕНАВИСТЬ в современном русском песенном дискурсе	292
Федорченко Е. Ю. Безэквивалентная лексика русского языка в английских переводах повести А. И. Куприна «Поединок»	294
Хэ Син. Эвфемистическое маркирование непрестижных социальных характеристик человека (на материале рассказов цикла «Темные аллеи»).....	296
Цинь Мэн. Лингвокультурная специфика концептов ТРУД и 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале фразеологизмов	298
Эрендей В. С. Диалектизмы, относящиеся к национальному жилищу Өг 'юрта', в речи ак-эрикцев	300
Юй Тяньлян. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов, описывающих характер человека	302
Указатель авторов.....	304

Научное издание

МНСК-2022

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

•

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

•

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

•

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Материалы
60-й Международной научной студенческой конференции

10–20 апреля 2022 г.

Корректор *Т. А. Маркова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 24.05.2022 г.
Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 39,25. Усл. печ. л. 36,5.

Тираж 53 экз. Заказ № 87.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секции

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ISBN 978-5-4437-1301-4

9 785443 713014

N* Новосибирский
государственный
университет
*НАСТОЯЩАЯ НАУКА

